

М. Муркок

Мифы Вселенной

В

Мифы Вселенной

**М. Муркок
РЫЦАРЬ ШПАГ**

**Э. Гамильтон
МОЛОТ ВАЛЬКАРОВ**

**Л. Брекет
МАРСИАНСКИЙ
ГЛАДИАТОР**

**Ф. Пол
КОГДА ВРЕМЯ
СОШЛО С УМА**

**Д. Лоуренс
МЕСТЬ НА СОЛ ТРИ**

ББК 84.7 (США)

М 91

Муркок Майкл

М 91 Рыцарь Шпаг. — Гамильтон Э. Молот Валькаров. — Брекет Л. Марсианский гладиатор. — Пол Ф. Когда время сошло с ума. — Лоуренс Д. Месть на Сол Три: Сб. романов \Пер. с англ. — М.: «Пилигрим», 1992. — 384 с. (Серия «Мифы Вселенной»).

ISBN 5-85595-002-6

В данный сборник вошли романы известных американских писателей-фантастов М. Муркока «Рыцарь Шпаг», Э. Гамильтона «Молот Валькаров», Л. Брекета «Марсианский гладиатор», Ф. Поля «Когда время сошло с ума», Д. Лоуренса «Месть на Сол Три».

M 4703010000-002 Без объявления
4AO(03)-92

ББК 84.7 (США)

© Составление, оформление:
«Пилигрим», 1992.

Майкл Муркок
РЫЦАРЬ ШПАГ

В то время были океаны света, города в небе и дикие бронзовые птицы. Грязно рычали красные животные, которые были выше замков, в черных реках плавали летучие рыбы. Это было время богов, сошедших на землю, время великанов, которые ходили по воде, время безумных и странных созданий, которые можно было вызвать злой волей и которые уходили только после кровавого жертвоприношения. Это было время магии, фантастики, безумных парадоксов; снов, которые сбывались; кошмаров, превращавшихся в реальность.

Это было богатое и темное время: время Правителей Шпаг, время угасания древних народов Вадаг и Надраг; время, когда появился человек — раб страха, что было так же несуразно, как и многое другое, связанное с человеком, который называл свою расу мабден.

Мабдены жили недолго, но быстро плодились. За несколько веков они расселились по всему западному континенту. Из суеверия они не посыпали свои корабли к землям Вадаг и Надраг лет двести, но в конце концов набрались смелости и, распалив себя чувством зависти и гнева, двинулись на эти древние расы.

Вадаг и Надраг обитали более миллиона лет на планете, которая наконец-то, как им казалось, после долгих войн обрела мир. Они считали мабденов не более чем разновидностью животных. И те и другие традиционно ненавидели друг друга.

Вадаг и Надраг проводили свое время за философскими размышлениями об абстракции в искусстве и тому подобным. Разумные, цельные натуры, они, эти древние расы, и не предполагали, что их жизнь может измениться, поэтому они не заметили зловещих признаков этих изменений.

Вадаг жили семьями, разбросанными по всему континенту, который они называли Бро-ам-Вадаг. Семьи эти редко общались друг с другом, потому что давно потеряли интерес к путешествиям.

Надраг жили на островах в океане, к северо-западу от Бро-ам-Вадаг. Они тоже мало общались между собой и даже с самыми близкими. Обе расы считали себя неуязвимыми и обе ошибались.

Появившиеся люди стали распространяться по всему миру с быстротой чумы, которая настигала древние расы, где бы они не встречались ей. Человек нес с собой пожары, смерть и ужас, намеренно превращая старый мир в руины. Невольно он приносил в мир такие разрушения, что их не могли понять даже мудрые боги.

Человек, погрязший в невежестве, был слеп к тем огромным психическим изменениям, которые вызывал своей нелепой амбицией. Кроме того, он не имел многих чувств, не понимал множественности миров и измерений во Вселенной, где каждая плоскость пересекалась с несколькими другими. Совсем не так, как Вадаг и Надраг, которые знали, что значит передвигаться по своей воле между измерениями, которые они называли пятью плоскостями. Они видели и понимали природу многих плоскостей, помимо тех пяти, через которые двигалась Земля.

Поэтому казалось несправедливым, что эти мудрые расы должны погибнуть от рук созданий, которые по своему развитию были чуть выше животных.

«Если бы они оценили то, что украли, если бы они оценили то, что уничтожают, — сказал один старый Вадаг в книге “Единственный цветок осени”, — то я бы утешился».

Создав человека, Вселенная предала древние расы. Но это была неизбежная несправедливость. Дух может воспринимать и любить Вселенную, но Вселенная может не воспринимать и не любить его. Вселенная не видит различий между множеством созданий и элементами, которые их составляют. Для нее все равны и не может быть привилегированных.

Вселенная, вооруженная материей и властью создания, продолжает созидать. Она не может контролировать тех, кого создает, и, по всей видимости, не может контролироваться ими. Некоторые думают иначе, но они обманывают себя. Те, кто проклинает создания Вселенной, проклинают то, что глухо. Те, кто борется с этими созданиями, пытаются сокрушить несокрушимое. Те, кто размахивает кулаками, грозят лишь слепым звездам. Но это не означает, что нет таких, которые пытаются бороться, чтобы сокрушить несокрушимое. На свете всегда есть место храбрым и мудрым, которые не могут поверить в погрешимость Вселенной.

Принц Корум Джайлайн Ирси был одним из них и был известен как Принц в Алом Плаще. Возможно, он был последним из расы Вадаг.

Эта хроника о нем.

КНИГА ПЕРВАЯ

*В которой принц Корум получает хороший урок
и становится калекой*

Глава 1. ЗАМОК ЭРОРН

В замке Эрорн уже много веков обитала семья Вадаг принца Клонски. Она любила холодное сумрачное море, которое омывало Эрорн с севера, и красивый лес, подступавший к нему с юга.

Замок Эрорн был таким древним, что казался скалой, нависшей над морем. На его стенах, гладких от морской соли, возвышались изъеденные временем башни. Внутри замка были движущиеся стены, которые меняли свою форму в зависимости от настроения обитателей и цвет при изменении ветра. Хрустальные фонтаны исполняли сложные фуги, сочиненные членами семьи. Галереи были увешаны картинами, выполненными на бархате, мраморе и стекле предками принца Клонски. Библиотека ломилась от рукописей обеих рас Вадаг и Надраг. Были в замке Эрорн и комнаты с прекрасными скульптурами. Зверинец, обсерватории, лаборатории, комнаты для игр, занятий и обучения детей, музей марсианских водорослей, кухни, комнаты для отдыха и медитации, залы для волшебства и много других интересных комнат помимо апартаментов было в этом замке.

Сейчас в нем жили всего двенадцать человек, двенадцать вместо пятисот когда-то. Принц Клонски, сам уже немолодой; жена его Колоталария, выглядевшая значительно моложе мужа; Иласта и Фолинира, их дочери-двойняшки; принц Ранан, его брат; Сергрела, племянница принца; Корум, его сын. Остальные пятеро были дальними родственниками принца. У всех были черты, характерные для Вадаг: узкие длинные черепа, плоские уши почти без мочек, прижатые к голове; пышные волосы, которыми ветер играл, как капризными облаками, миндалевидные глаза с желтыми зрачками, широкие рты с крупными зубами и кожа странного золотисто-розового цвета. Были они хорошо сложены, худощавы и высоки. Двигались с ленивой грацией слегка враскачу, что делало их походку похожей на обезьяну.

Семья принца Клонски не имела контактов с другими Вадаг уже целых двести лет, и последние новости из внешнего мира они получили около трехсот лет назад. Один раз они видели мабдена —

особь женского пола, которая была приведена в замок Эрорн принцем Спаш, натуралистом и двоюродным братом Клонски. Эта особь была помещена в зверинец, где за ней хорошо ухаживали, но прожила она только около пятидесяти лет.

С тех пор мабдены, вне всякого сомнения, размножились и, казалось, занимали большую часть площади земель Бро-ам-Вадаг. Ходили слухи, что некоторые замки Вадаг были захвачены мабденами, которые одолели их обитателей и разрушили их жилища. Принц Клонски считал, что это просто слухи. Кроме того, размышления на эту тему были мало интересными для него и его семейства. Было так много других тем для обсуждения, информации для размышлений, более приятных разговоров.

Кожа принца Клонски была молочно-белой и так тонка, что под ней хорошо были видны вены и мышцы. Он жил около тысячи лет, но слабеть от старости стал совсем недавно.

Когда эта слабость станет невыносимой, а глаза начнет застилать туман, он окончит свою жизнь так, как это делают все Вадаги: войдет в комнату испарений, ляжет на шелковые подушки и будет вдыхать благоуханные газы до тех пор, пока не умрет.

С возрастом волосы его стали золотисто-коричневыми, цвет глаз смягчился до пурпурно-красного с темно-оранжевыми зрачками. Одежда уже была велика для его тела, хотя на шее он носил тяжелую платиновую цепь с рубинами; осанка его все еще была гордой, а спина негнущейся.

Однажды он вошел в покой сына, принца Корума, где звучала красивая мелодия, создаваемая по особенному расставленными трубами, вибрирующими металлическими нитями и раскачивающимися камнями. Простая тихая музыка заглушила шум шагов Клонски, стук его посоха и хриплое дыхание.

Принц Корум оторвался от своих занятий и остановил на отце вежливый вопросительный взгляд.

— Отец?

— Корум, извини за вторжение.

— Ну, конечно, все равно я не удовлетворен своей работой. — Корум поднялся с подушек и запахнулся в алый плащ.

— Корум, скоро я должен буду войти в комнату для испарений, — сказал принц Клонски. — Приняв это решение, я хотел бы выполнить одно свое желание, но для этого мне потребуется твоя помощь.

Принц Корум любил своего отца, он с уважением отнесся к его решению, поэтому сказал:

— Я в твоем распоряжении, отец. Что я должен сделать?

— Я хочу узнать о судьбе своих родственников: о принце Спаш, который живет в замке Сары на востоке; о принцессе Лориш из замка Крачах на юге; о принце Фагвин из замка Гаш на севере.

Принц Корум нахмурился:

— Хорошо, отец, если ты...

— Я знаю, сын, что ты мне скажешь: что я могу все это узнать с помощью оккультных наук. По непонятной мне причине стало очень трудно добиться связи с другими плоскостями. Я воспринимаю их смутно, они не подчиняются мне. А уж отправиться туда в физическом теле почти невозможно. Я стар.

— Нет, отец, — сказал Корум, — мне это тоже трудно. Когда-то одного желания было достаточно, чтобы отправиться в путешествие по любой из пяти плоскостей. Трудно было найти контакт с десятью плоскостями, где, как ты знаешь, лишь немногие могли путешествовать в своем физическом теле. Сейчас я не в состоянии сделать больше чем видеть и изредка слышать четыре плоскости, составляющие вместе с нашей спектр, через который проходит Земля в своем астральном цикле. Я не понимаю, почему так понизилась чувствительность.

— Я тоже не понимаю, — ответил отец, — но я чувствую, что это указывает на какое-то грандиозное изменение в природе нашей планеты. Это главная причина, из-за которой я хотел, чтобы ты повидал теперь родственников и узнал: известно ли им, почему наши чувства теперь привязаны к одной-единственной плоскости. Должны ли мы стать такими, как звери, которые знают всего один путь и не понимают, что существуют еще и другие. Может быть, начался какой-то процесс дезволюции? Неужели наши дети не воспользуются нашим опытом и медленно возвратятся в стадию развития млекопитающих? Я должен признаться тебе, сын, что боюсь этого.

Принц Корум сделал попытку разубедить отца:

— Когда-то я читал про Благдална, — задумчиво сказал он, — эта раса существовала на третьей плоскости, но что-то завладело их телами и умами. В течение пяти поколений они превратились в летающих рептилий, помнящих о своем могуществе. Эта мысль сводила их с ума, и в конце концов они сами себя уничтожили. Хотел бы я знать, отчего произошли эти отклонения?

— Только Правители Шпаг это знают, — ответил отец.

Корум улыбнулся:

— А Правителей Шпаг не существует. Я понял, чего ты хочешь, отец. Мне следует навестить родственников и передать им наилучшие пожелания. Я должен узнать, как они живут и заметили ли они то, что заметили мы в замке Эрорн.

Отец кивнул:

— Если наше восприятие стало таким же, как у мабденов, то нет никакого смысла в продолжении нашей расы. Узнай также, если сможешь, как живут Надраг и нет ли у них такого же помутнения чувств.

— Наши расы примерно одного возраста, возможно, у них творится то же самое. Но неужели тебе ничего не говорил твой родственник Кулаг, когда заезжал к нам пару веков назад?

— Да, Кулаг принес вести, что мабдены с запада подошли на своих кораблях и напали на Надраг, убив большую часть из них, а остальных сделав рабами. Но мне трудно поверить, что мабдены — эти полузвери, как бы многочисленны они не были, сумели собраться с силами и победить хитроумных Надраг.

Принц Корум задумчиво поджал губы.

— Возможно, они стали слишком самоуверенными, — сказал он. Отец Корума пошел к выходу, упираясь платиновым посохом в богато украшенный коврами пол. Его изящная рука опиралась на посох тяжелее обычного.

— Самоуверенность — это одно, а страх перед неизвестностью — совсем другое. Хотя, конечно, и то и другое ведет к полному уничтожению. Нам нет нужды гадать. Когда ты вернешься, сможешь сам ответить на эти вопросы, ответить разумно. Когда ты едешь?

— Я хотел бы закончить свою симфонию, — сказал Корум, — поэтому, вероятно, через день или два.

— Благодарю тебя, сын. — Принц Клонски удовлетворенно кивнул головой.

Когда отец ушел, принц Корум снова попытался заняться музыкой, но скоро понял, что ему никак не сосредоточиться. Его мысли все время возвращались к тому поручению, которое он согласился выполнить. Странное чувство овладело им, ему даже показалось, что это возбуждение. Он уезжает, он покидает стены замка Эрорн первый раз в жизни. Принц Корум попытался успокоиться, потому что не в обычаях его народа было показывать свои эмоции.

— Будет интересно исследовать остальную часть континента, — прошептал он. — Как жаль, что я раньше мало увлекался географией. Я едва знаю пределы Бро-ам-Вадаг, не говоря уже об остальном мире. Может, мне стоит изучить карты и описания других путешественников?

Принц Корум не думал торопиться. Вадаг жили очень долго и привыкли к разумеренным действиям. Они размышляли над последствиями, проводили недели и месяцы в медитации, прежде чем приняться за какое-либо дело.

Принц Корум решил отложить окончание своей симфонии, которую он сочинял три или четыре года, до своего возвращения.

Глава 2. ПРИНЦ КОРУМ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

Копыта лошади укутывал белый утренний туман, когда принц Корум выехал из замка Эрорн.

Бледный свет смягчил очертания замка, и он казался высеченным из скалы, на которой стоял. Деревья вдоль дороги таяли в тумане.

Пейзаж состоял из зеленых, золотых и серых красок, смешанных с розовыми лучами восходящего солнца. Из-за скал доносился приглушенный шум одетого туманом моря.

Когда Корум доехал до леса, терпко пахнущего хвоей, запел дрозд, карканьем ему ответила ворона, но внезапно птицы замолчали, как бы испугавшись звуков собственного голоса. Корум не спеша ехал лесом. Шум моря затихал, туман таял под теплыми лучами восходящего солнца.

Древний лес этот был ему знаком, он любил его с детства. Здесь он ревился ребенком, здесь он юношей обучался сложному воинскому искусству, чтобы сделать тело здоровым и сильным.

Здесь он иногда лежал целыми днями, наблюдая за тем, как живут маленькие обитатели леса: крошечный, похожий на лошадь, но размерами меньше собаками зверек серо-желтого цвета с рогом; маленькая переливающаяся всеми цветами радуги птичка, которая могла подняться так высоко в небо, что переставала быть видимой, но гнезда свои свивала в покинутых лисьих и барсучьих норах; большая черная свинья, которая питалась мошкой, и многое, многое другое.

Принц Корум понял, что он забыл всю прелест леса, проводя так много времени в стенах замка. Легкая улыбка тронула его губы, когда он оглянулся вокруг. «Лес, — подумал он, — будет стоять вечно, такая красота не может погибнуть». Эта мысль навеяла на него грусть, он пришпорил коня. Конь с радостью послушался седока и поскакал, потому что тоже любил лес и наслаждался неожиданной волей. Это был красивый вадагский конь с черно-буровой холкой и хвостом, сильный, изящный и непохожий на тех пегих коней, что жили в лесу. На спине коня была желтая бархатная попона, по обе стороны седла были закреплены: пара копий, колчан со стрелами, длинный лук и круглый щит, украшенный орнаментом из кожи и серебра: В одной из седельных сумок была пища, в другой — книги и карты.

Сам принц Корум был одет в конический серебряный шлем, на котором было написано: Корум Джайллин Ирси — Корум, Принц в Алом Плаще. Таков был обычай народа Вадаг: называть себя по цвету плаща, в то время как Надраг пользовались для этой цели девизами и гербами. Плащ был на Коруме и сейчас. Он был сделан из тонкой красивой кожи существа, которое обитало в другой плоскости, настолько отдаленной, что о ней не помнили и сами Вадаг. У плаща был большой капюшон, который мог прикрывать шлем. Под плащом была двойная кольчуга, сотканная из миллиона тонких серебряных колец.

Кроме копий и лука Корум был вооружен боевым топором Вадаг на длинной рукоятке, искусно сделанной тонкой шпагой из неизвестного металла, добывшего в другой плоскости Земли. Ножны и рукоятка шпаги были украшены черным ониксом и красными рубинами. У Корума

были куртка и ботинки, сделанные из мягкой голубой кожи. Из такой же кожи было его седло.

Из-под шлема принца Корума виднелось несколько серебристых прядей волос, а на молодом лице застыло полуосторженное, полуопротивительное выражение.

Его не провожали, потому что все обитатели замка Эрон были заняты делами, и он предпочел ехать верхом, а не в повозке, чтобы успеть сделать все как можно скорее.

Пройдет много дней, прежде чем он доберется до ближайшего замка. Он постарался вообразить людей, которые будут его встречать, сколько их будет. Может быть, он даже найдет себе жену. Он знал, что хотя его отец и ничего не сказал об этом, но это было главной из причин, побудивших принца Клонски отправить сына в путешествие.

Вскоре Корум из леса выехал на равнину, названную Броггус, где когда-то Вадаг и Надраг развязали кровавое сражение. Это была последняя битва между двумя народами, и она достигла такого накала, что бушевала во всех пяти плоскостях. В этой битве не оказалось ни победителей, ни побежденных. Корум слышал, что много пустующих замков стоят сейчас на Бро-ам-Вадаг и много безлюдных городов на островах Надраг, в морских просторах, очень далеких от замка Эрон.

К середине дня Корум подъехал почти к самому центру Броггус. Здесь он бывал когда-то мальчиком. Теперь тут поросшие травой и деревьями остатки небесного города, который в течение многих месяцев битвы его предков переходил из одной плоскости в другую, нарушая тонкую материю, разделяющую разные измерения Земли, рухнули на собравшиеся войска Вадаг и Надраг и уничтожили их. Металл и камень, оставшиеся от строений небесного города, все еще сохраняли причудливый блеск и казались миражом.

В других обстоятельствах принц Корум с наслаждением перешел бы из этой плоскости в другую, чтобы увидеть город в его многообразии, но в настоящее время такая попытка стоила бы слишком многих усилий. Сейчас город представлял для него не более чем труднопроходимое препятствие, потому что развалины его раскинулись на двадцать миль. Когда он наконец достиг их, солнце уже село.

Оставив позади себя мир, который знал, принц поскакал на юго-запад, в земли, которые видел только на карте. Он ехал три дня не останавливаясь. В маленькой лощине, по которой протекал холодный ручей, Корум сделал приезд, чтобы восстановить силы и дать отдохнуть лошади.

Он съел ломоть сытного хлеба, испеченного на его родине, и прислонился к старому дубу, в то время как его лошадь щипала траву на берегу ручья.

Серебряный шлем Корума и шпага лежали рядом с ним. Он вдыхал пахнущий прелыми листьями воздух, глядя на бело-голубые вершины

серых гор. Это был приятный мирный пейзаж, и он наслаждался своим путешествием. Корум знал, что когда-то в этой лощине было несколько замков Вадаг, сейчас же от них не осталось и следа. Несколько раз ему показалось, что он видит уничтоженные жилища Вадаг, но это были только странной формы скалы.

Он улыбнулся своей фантазии и улегся под деревом поудобней. Еще через три дня он прибудет в замок Крачах, где жила его тетка, принцесса Лориш. С этими мыслями принц завернулся в свой алый плащ, накинул капюшон и заснул.

Глава 3. ОРДА МАБДЕНОВ

Рано утром Корума разбудили странные, нелесные звуки. Лошадь тоже услышала их, она стояла и нервнонюхала воздух.

Корум подошел к холодному ручью умыть руки и лицо. Он остановился и вновь прислушался: шум, скрип, бряканье. Кто-то кричал в долине. Приглядевшись, он увидел что-то движущееся.

Корум вернулся к дереву, подобрал свое снаряжение, надел на голову шлем, пристегнул к поясу шпагу и повесил боевой топор на петлю за спиной. Затем он оседлал коня, уже успевшего напиться из ручья.

Звуки слышались отчетливее. Почему-то на душе у Корума стало неспокойно. Он продолжил наблюдение: в долину вливалась группа существ и повозок. Корум догадался, что это были мабдены. Из того немногого, что он знал об их привычках, он вспомнил, что они все время мигрируют, истощив одни земли, двигают дальше в поисках новых мест для охоты и посевов.

Он был удивлен, заметив, как похожи на вооружение Вадаг шпаги, щиты и шлемы мабденов.

Мабдены подходили все ближе, и Корум продолжал разглядывать их с напряженным любопытством. Так изучал бы он незнакомых животных. Это была большая группа с варварски украшенными повозками из дерева, отделанного бронзой. В повозку были впряжены низкорослые лошади в кожаной упряжи, разрисованной красными, желтыми и синими цветами. Вслед за единичными повозками двигался обоз: фургоны, телеги. «Может быть, в них находятся женщины», — подумал Корум.

У мабденов были густые грязные бороды, длинные вислые усы и спутанные волосы, торчащие из-под шлемов. Бранясь, они передавали друг другу мехи с вином. Изумленный Корум услышал общий для Вадаг и Надраг язык, хотя сильно искаженный и упрощенный. «Значит, мабдены научились говорить», — подумал он.

Вновь на душе у него стало неспокойно, Корум отвел лошадь в

тень деревьев и продолжал наблюдать. Сейчас он понял, почему шлемы и оружие были ему знакомы: они и принадлежали Вадаг. Корум нахмурился. Нашли ли они его в старых, заброшенных замках Вадаг, было ли оно подарено или его украли?

У мабденов было и свое оружие, очень похожее на оружие Вадаг и Надраг. Принц увидел на дикарях одежды его народа, но в основном они были одеты в волчьи шкуры, тюленьи и медвежьи накидки, обувь из свиной кожи и рубахи, либо шерстяные, либо из шкур оленя. На некоторых были нацеплены золотые, бронзовые или железные цепи, красовавшиеся на шеях, ногах руках и даже волосах.

Корум продолжал наблюдать за проходившей толпой. Он еле сдерживал тошноту, когда его достиг их запах. Многие были так пьяны, что выпадали из повозок. Тяжелые колеса скрипели, а копыта лошадей стучали по каменистой почве. Корум увидел, что в обозах были не женщины, а снаряжение. Многое из находившегося там принадлежало Вадаг: в этом теперь не было никакого сомнения. Воины были отрядом то ли боевым, то ли мародерским. Но трудно было поверить, что эти создания совсем недавно сражались с воинами Вадаг и победили.

Сейчас мимо него проезжала последняя из повозок. За ней шли, спотыкаясь, привязанные мабдены. Это были исхудавшие люди с кровоточащими ногами, они стонали и изредка вскрикивали от боли. Часто стражник, сидевший в повозке, ругался, громко хохотал и дергал за веревки, тогда привязанные падали. Один из них упал и воловчился по земле, отчаянно пытаясь подняться на ноги. Корум пришел в ужас: почему мабдены так относились к представителям собственной расы. Даже Надраг, которые считались более жестокими, чем Вадаг, никогда не доставляли таких мучений пленным.

— Право, странные они создания, — произнес Корум почти громко.

Один из мабденов во главе обоза что-то крикнул и остановил свою повозку. То же сделали остальные. Корум понял, что они собираются разбить здесь лагерь. С удивлением продолжал он наблюдать за ними, все еще прячась в тени деревьев.

Мабдены сняли седла с лошадей и повели их к воде. Из повозок они достали горшки для приготовления пищи и стали разводить огонь. Плотно поев, они вновь начали пить, и вскоре половина лагеря была мертвейки пьяна. Одни мабдены развалились на траве там, где пили, и заснули крепким сном. Другие затянули на траве борьбу, которая грозила перейти в кровопролитие.

Предводитель мабденов, ехавший впереди обоза, заорал на драуящихся, веля им остановиться. Но они не обращали на него внимания. Тогда он вынул из петли на поясе большой бронзовый топор и с силой опустил на голову ближайшего, разбив и шлем и

голову. В лагере наступила полная тишина, и Корум разобрал слова их главаря:

— Клянусь Собакой! Хватит мордовать! К чему тратить силы друг на друга?! Нам ведь есть, с кем поразвлечься! — С этими словами он показал топором на пленников, которые спали.

Мабдены рассмеялись, закивали головами и направились к месту, где лежали пленники. Они растолкали их ногами. Развязали веревки и пинками погнали к центру лагеря, где воины, еще не напившиеся до бесподобия, плясали в кругу. Пленных втолкнули в центр круга, и они стояли там, с ужасом глядя на пьяных.

Их предводитель, вступив в круг, встал напротив пленных.

— Когда я взял вас с собой из вашей деревни, я говорил, что мы, Денледисси, ненавидим больше Шефанго только одно. Вы помните, что это такое?

Один из пленных что-то прошептал, вперив взгляд в землю. Предводитель мабденов подошел к нему и приподнял своим бронзовым топором за подбородок его голову.

— Да, ты хорошо выучил свой урок. Повтори-ка еще разок, приятель.

Язык пленного еле ворочался, его разбитые губы чуть шевелились, слезы катились по щекам. Глядя на вечернее темнеющее небо, он крикнул диким срывающимся голосом:

— Тех, кто лижет мою Шефанго!

Из его горла вырвался стон.

Предводитель мабденов улыбнулся, отнял топор от шеи и ударили пленного рукояткой топора в живот так, что тот согнулся пополам. Корум никогда не видел такой жестокости. Лицо его еще больше помрачнело, когда мабдены связали своих пленников и, положив их на землю, принялись колотить рукоятками шпаг и жечь раскаленным железом.

Стоя в стороне, предводитель смеялся, глядя на пытку.

— О, ваши души припомнят меня, когда соединятся с демонами Шефанго в Ямах Собаки! — ухмыльнулся он. — О, они припомнят эрла Денледисси Гландита-а-Края, судьбу всех Шефанго!

Корум с трудом мог разобрать значение слов. «Шефанго» могло быть искаженным словом «сефано», которое значило «негодай». Но почему эти варвары называли себя Денледисси, то есть «убийцы»? Может быть, они гордились этим? Было ли «шефанго» термином, обозначавшим их врагов? Были ли их врагами пленные мабдены?

Корум с осуждением покачал головой. Он понимал других, менее развитых животных, лучше, чем мабденов. Но ему и не хотелось познавать их обычай. Он направил коня в глубь леса и поскакал прочь. Единственное объяснение, которое он мог дать: возможно, он встретил сумасшедшее отребье расы мабденов. Если это так, то становилось понятным, почему они кидаются друг на друга, почему наслаждаются жестокостью.

Необходимость поторопиться заставляла его погонять коня, чтобы скорее добраться до замка Крачах. Принцесса Лориш, жившая в близком соседстве с ордой мабденов, сможет ответить на его вопросы.

Глава 4. ЯД КРАСОТЫ ОБРЕКАЕТ ПРАВДУ НА ГИБЕЛЬ

Корум ехал к принцессе Лориш и на протяжении всего пути видел только следы костров, кучи грязи и мусора — следы мабденов, оставленные ими на земле.

Так он доехал до высоких зеленых холмов, окружавших долину Крачах, и обвел взглядом окрестности в поисках замка Лориш.

Долина утопала в тополях, березах, вязах и выглядела очень мирно в свете раннего утра. Но где замок? — удивился Корум. Он вновь вытащил карту из седельной сумки и сверился с ней. Замок должен был стоять в самом центре долины, окруженной шестью рядами тополей и двумя внутренними кольцами вязов. Корум вновь осмотрелся.

Да, вот они, ряды тополей и вязов, но в центре нет никакого замка, только туманное облако.

Корум спустился вниз по холму. Он скакал до тех пор, пока не оказался перед первым кольцом деревьев. Принц взглядался в глубь деревьев, но ничего не мог увидеть — все застипал густой дым. От него першило в горле, он ел глаза. Принц закашлялся. Слезившиеся глаза плохо видели.

Превозмогая боль в глазах, Корум смотрел на развалины. Вне всякого сомнения, дымившиеся остатки были когда-то замком Крачах. Огонь уничтожил строения, пожрал его обитателей. Объезжая развалины, принц увидел обугленные трупы, а за руинами — следы битвы: сломанные повозки мабденов, их трупы, старая женщина Вадаг, разрубленная на части. Вороны уже низко кружили над ней, невзирая на дым.

Принца Корума впервые охватило чувство печали. По крайней мере, он думал, что испытывает именно это чувство. Он громко крикнул в надежде, что хоть один из обитателей замка остался в живых, но не получил ответа. Тогда он повернулся коня.

Он ехал на восток к замку Сары. Он упорно скакал неделю, и чувство печали не оставляло его, к нему примешивалось другое, щемящее чувство. Принц в Алом Плаще впервые понял, что это чувство — волнение.

Замок Сары располагался в чаще старого леса. К нему вела тропинка, по которой сейчас и ехал усталый всадник на усталом коне. Мелкие звери разбегались из-под его ног, пасмурное небо моросило мелким дождем. Запаха дыма не было, но когда Корум подъехал к тому месту, где собирался увидеть замок, его не было. Он сгорел. Его черные камни

были холодны, а вороньи давно объели трупы до костей и улетели в поисках другой падали. Первый раз в жизни слезы выступили на глазах Корума. Он спешился, пробрался через нагроможденные камни и сел, оглядываясь вокруг. Он сидел неподвижно несколько часов, пока из его горла не вырвался странный звук, от которого он вздрогнул, потому что никогда не слышал таких звуков раньше. Это был стон горечи и отчаяния. Но даже он не мог передать всего того, что творилось в его пораженном мозгу. Корум никогда не был знаком с принцем Спаш, хотя его отец отзывался о нем с большим уважением. Он не знал семьи, обитавшей в замке Сары, но он плакал о ней, пока измученный горем не впал в состояние сонного забытья.

Дождь продолжал падать на алое одеяние Корума, он падал на руины и вымывал кости. Лошадь нашла себе убежище под раскидистым деревом и улеглась на землю. Вскоре оба они заснули неспокойным сном.

Проснувшись, Корум пробрался через каменные обломки к тому месту, где отдыхала его лошадь. Принц внимательно осмотрел все вокруг. Теперь он был уверен, что это работа мабденов. Не в обычae Надраг сжигать земли своих врагов. Кроме того, Вадаг и Надраг не воевали уже много столетий: обе стороны забыли, как это делается.

Коруму пришло в голову, что мабденов вдохновили на войну Надраг, но это было сомнительно. Существовал старинный кодекс войны, обе расы старательно придерживались его. Кроме того, с уменьшением численности Надраг им не было нужды расширять свои владения, а Вадаг — защищать свои.

С лицом, измученным от напряжения и усталости, покрытым пылью и следами слез, Корум оседлал коня и поехал на север. У него появилась маленькая надежда: он думал, что стада мабденов двигались только к югу и востоку и что север свободен от их нашествий, так же как и запад.

Днем позже, когда он остановился около озера, чтобы напоить коня, он увидел впереди за поросшими травой болотами дым. Вынув карту, он принял ее изучать: здесь не должно было быть никакого замка. Корум заколебался. Был ли это дым от очередного лагеря мабденов? Если так, то у них могли быть пленные Вадаг, которых он попытается спасти. Он поехал на разведку.

Перед ним был, очевидно, лагерь мабденов, похожий на небольшое поселение Надраг, но гораздо примитивнее. Несколько простых строений с покатыми крышами и трубами, из которых шел дым, стояли прямо на земле.

Вокруг поселка были поля, на которых, наверное, возделывались злаковые, но сейчас там паслись стада коров.

Корум не испытывал тех чувств, которые охватили его впервые при виде орды мабденов, но тем не менее он был осторожен. Он долго смотрел на лагерь в поисках признаков жизни, затем медленно стал к нему приближаться, пока не остановился в пятидесяти ярдах от бли-

жайшего невысокого дома. Никто не вышел ему навстречу. Корум откашлялся. Послышался плач ребенка и тут же оборвался.

— Мабден! — позвал Корум, и голос его был хриплым от усталости и печали. — Я хочу поговорить с тобой. Почему ты не выходишь?

Из крайнего строения ему ответили:

— Мы не причинили никакого вреда Шефанго, и они не вредили нам. Но если мы будем говорить с тобой, Денледисси вернутся и заберут еще больше наших запасов, убьют еще больше наших мужчин и изнасилуют еще больше наших женщин. Уходи, Шефанго, господин, мы умоляем тебя. Мы сложили пищу в мешок у двери: бери его и оставь нас. — В голосе говорящего чувствовалась страх и злость.

Только сейчас Корум увидел мешок. Значит, это было подношение ему? Разве они не знают, что желудок Вадаг не принимает их тяжелой пищи?

— Мне не нужна еда, мабден, — сказал он в закрытую дверь.

— Чего же ты хочешь, Шефанго, господин? У нас ничего нет, кроме наших душ.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Мне нужно спросить у вас кое-что.

— Шефанго знают все. Мы ничего не знаем.

— Почему вы боитесь Денледисси? Почему вы называете меня «шефанго» — негодяем? Мы, Вадаг, никогда не причиняли вам вреда.

— Денледисси называют вас Шефанго и, так как мы всегда жили в мире с вашим народом, наказывают нас. Они говорят, что мабдены должны убить всех Шефанго — Вадаг и Надраг, потому что вы — это зло. Они говорят, что мы преступники, потому что разрешаем злу существовать в мире. Денледисси — слуги великого эрла Гландита-а-Края, над которым тоже есть господин — король Лир-а-Брод. Он живет в каменном городе Калленвир на плодородных землях северо-востока. Разве ты не знал этого, Шефанго — господин?

— Не знал, — мягко ответил Корум, поворачивая коня. — А теперь, когда узнал, не понимаю.

Он повысил голос.

— Прощай, мабден. Я больше не хочу быть причиной твоего страха. — Он на секунду замолчал. — Но ответь мне на последний вопрос.

— Какой, господин? — послышался нервный голос.

— Почему мабдены убивают друг друга?

— Я не понимают тебя, господин.

— Я видел, как представители твоей расы убивали себе подобных. Скажи, вы часто это делаете?

— Да, господин, мы часто наказываем тех, кто нарушает наши законы. В назидание тем, кто собирается их нарушить.

Принц Корум вздохнул.

— Благодарю тебя, мабден. Теперь я уезжаю.

Конь медленно пробирался через болото, оставив деревню позади. Корум понял, что власть мабденов усилилась.

По слухам он знал, что в поселениях у них был примитивный социальный строй, руководили ими предводители различных рангов. Большой частью Бро-ам-Вадаг правил король Лир-а-Брод. На языке Вадаг это имя означало: «Король Всех Земель».

Оказывается, существуют мабдены, которые посвятили свою жизнь розыску древних рас и их уничтожению. Почему? Древние расы ничем не угрожали человеку, да и какую угрозу они могли представлять для такой многочисленной и свирепой расы. Все, что имели Вадаг и Надраг, — это знания. А может быть, мабдены боялись именно их?

Десять дней, только дважды останавливаясь на отдых, скакал принц Корум на север, чтобы предупредить об опасности принца Фагвина и его семью, если они еще живы.

Поселения мабденов часто попадались ему на пути, но он избегал их. Некоторые были небольшими, как первое, которое он видел, но были и значительно больше. Вокруг них были воздвигнуты мрачные стены с башнями. Иногда он видел отряды воинов, проезжавших мимо, и только обостренное чувство восприятия помогало ему заметить их раньше, чем могли его увидеть они.

Однажды, с большим трудом, ему удалось переместить себя с конем в другую плоскость, чтобы избежать встречи с мабденами. Они проехали мимо, всего в десяти футах от него.

Когда Корум смотрел на их лица, пораженные болезнями, покрытые грязью и жиром, их тела, украшенные варварской татуировкой, он удивлялся их способности уничтожать.

Как и другие мабдены, которых он видел, они ехали не верхом, а в повозках. Трудно было поверить, что такие примитивные существа могли разрушить великие замки Вадаг.

Наконец Принц в Алом Плаще достиг подножия холма, на котором стоял замок Гаш, и увидел клубящийся черный дым, взлетающие высоко в небо языки красного пламени. Тогда он понял, на какую новую поживу собрались мабденовские звери, которых он встретил.

Очевидно, осада замка продолжалась много дней. Надеясь, что он сможет отыскать какого-нибудь раненого соотечественника, которому нужна помощь, Корум пришпорил коня и стал подниматься на холм.

Но единственным оставшимся в живых существом у полыхающего пожаром замка был брошенный своими товарищами стонущий мабден.

Корум нашел три трупа Вадаг. Судя по всему, ни один из них не умер быстро, что считалось унизением. Это были два воина, раздетые догола, с отрубленными руками, и девочка лет шести. Корум совершил огненное погребение трупов. Потом он направился к коню.

Раненый мабден вскрикнул, Корум остановился.

— Помоги мне, господин.

С принцем говорили на языке Вадаг и Надраг. Был ли это Вадаг, переодевшийся мабденом, чтобы избежать смерти? Корум пошел назад, держа лошадь на поводу и стараясь, чтобы в ноздри ей не попал густой дым. Он посмотрел на мабдена. Тот был одет в волчью шкуру, поверх которой была кольчуга.

Шлем закрывал почти все лицо. Корум потянул за шлем и, откинув его, с изумлением увидел, что это был не мабден, но и не Вадаг. На него смотрело окровавленное лицо Надраг с темными плоскими чертами. Длинные волосы закрывали его глаза.

— Помоги мне, господин, я не опасно ранен, я еще могу служить, — вновь произнес Надраг.

— Кому, Надраг? — спросил Корум.

Он оторвал рукав своей рубашки и вытер ему окровавленные глаза. Надраг заморгал, уставившись на него.

— Так кому ты служишь? Будешь ли ты служить мне?

Помутневшие глаза Надраг прояснились и внезапно зажглись ненавистью.

— Вадаг! — выкрикнул он. — Живой Вадаг!

— Да, я жив. Почему ты ненавидишь меня?

— Все Надраг ненавидят Вадаг. Почему не мертв? Ты где-нибудь прятался?

— Я не из замка Гаш.

— Значит, я был прав. Это не последний замок Вадаг.

Он попытался подняться и выхватить нож, но был слишком слаб. Со стоном Надраг упал.

— Не всегда ненависть питала Надраг, — сказал Корум, — вы пытались захватить наши замки. Но вы боролись с нами без ненависти, и мы боролись с вами, не испытывая ее. Ты научился ненависти от мабденов, Надраг, а не от своих предков. Они знали, что такое честь, ты этого не знаешь. Как могло существо древней расы сделаться слугой мабденов?

Губы Надраг растянулись в легкой усмешке.

— Все Надраг, оставшиеся в живых, слуги мабденов вот уже два столетия. Они заставляют страдать нас и не дают нам жить как подобает, используя как собак, чтобы мы вынюхивали и находили Шефанго. Мы клянемся им клятвами вечной преданности, чтобы продолжать жить.

— Но почему вы не уйдете в другие плоскости?

— В других плоскостях нам отказано. Наши ученые высчитали, что великая битва между Вадаг и Надраг так нарушила равновесие плоскостей, что боги закрыли их для нас.

В душе Корума что-то дрогнуло, и все поплыло перед глазами.

— Значит, вы тоже поддались суевериям, — прошептал он. — Ах, что с нами делают мабдены?

Надраг начал смеяться, а затем смех его перешел в кашель, и вдруг кровь у него пошла ртом и потекла по подбородку. Когда Корум вытер ему лицо, он сказал:

— Они превосходят нас, Вадаг. Они принесли с собой тьму и ужас. Они отравили ядом красоту и обрекли правду на гибель. Весь мир принадлежит сейчас мабденам. Природа ненавидит нас, поэтому мы не имеем права продолжать свое существование.

Корум вздохнул.

— Так думаешь ты или это внушили тебе мабдены?

— Это истина.

— Возможно, — Корум пожал плечами.

— Так в действительности, Вадаг. Надо быть сумасшедшим, чтобы не видеть этого.

— Ты сказал, что считал этот замок последним из наших замков?

— Я чувствовал, что есть еще один, и сказал им об этом.

— Они отправились на его поиски?

— Да.

— Куда? — Корум схватил его за плечо.

Надраг улыбнулся:

— Куда же еще, как не на запад? — Корум побежал к своему коню. — Подожди! — хрюплю крикнул ему вслед Надраг. — Убей меня, молю, Вадаг. Не дай мне мучиться!

— Я никогда не убивал, — ответил Корум, седлав лошадь. — Я умею только защищаться.

— Ты должен научиться, Вадаг. Ты должен... — хрюпел умирающий, в то время как Корум, исступленно погоняя коня, скакал прочь.

Глава 5. ПОЛУЧЕННЫЙ УРОК

И вот перед Корумом его родной замок Эрорн с остроконечными башнями, охваченный огнем. Прибой шумел в гигантских пещерах скалы, на которой стоял замок. Казалось, что природа протестовала против насилия: море рокотало, ветер выл в бессильной злобе, морская пена отчаянно пыталась дотянуться до пламени. Старый замок содрогался, рушился, а чернобородые мабдены гоготали, глядя на это. Они сидели в повозках с награбленным добром, победно взирая на трупы, лежащие перед ними.

Это были трупы Вадаг: четыре женщины и восемь мужчин.

Стоя по другую сторону естественного каменного моста, ведущего на равнину, Корум видел отсветы на окровавленных лицах, каждое из которых он знал: принц Клонски — его отец; Колоталария — его мать; его сестры двойняшки Иласта и Фолинра; его дядя принц

Ранан; Сергреда — его двоюродная сестра; остальные — отдаленная родня и слуги.

Три раза Корум пересчитал трупы, и его холодное отчаяние сменилось яростью, он слышал радость и ликование мясников.

Пересчитав трупы, он взглянул на победителей. Теперь его лицо можно было назвать лицом Шефанго. Принц Корум узнал, что такое печаль, что такое страх, — сейчас он познал ярость.

Две недели он скакал почти не останавливаясь, чтобы опередить Денледисси и предупредить свою семью о подходе варваров. Он опоздал всего на несколько часов.

Мабдены в своем высокомерии, порожденном невежеством, выступали против тех, кто был одарен мудростью и благородством. Таков был порядок вещей. Несомненно, отец Корума — принц Клонски, думал так, когда его убивали боевым топором, украшенным у Вадаг.

Сейчас Коруму было не до философии. Глаза его почернели от злобы, радужная оболочка стала ярко-золотой, когда он выхватил длинное копье и направил усталого коня сквозь освещенную пожаром ночь к Денледисси.

Шум моря и ветра оставил незамеченным приближение Корума. Враги его сидели в повозках, передавая друг другу сладкое вино Вадаг. Принц беспрепятственно подъехал и пронзил копьем лицо вожака Денледисси, тот даже не закричал. Корум учился убивать. Он вытащил копье и ударил им второго, стоящего рядом с убитым, прежде чем тот успел выпрямиться, и повернулся к телу.

Корум учился быть жестоким.

Один из Денледисси поднял лук и приготовился выпустить стрелу. Но Корум раньше успел метнуть копье, и оно, пронзив нагрудную бронзовую пластину, вонзилось в сердце воина. Он вывалился из повозки. Корум подготовил второе копье, но конь не выдержал. Корум почти загнал его в бешеной скачке, и сейчас он с большим трудом повиновался поводьям. Денледисси в отдаленных повозках уже разворачивались, подхлестывая лошадей, спеша к месту, где стоял Принц в Алом Плаще. Стрела просвистела совсем близко. Корум заставил коня подъехать к лучнику и пронзил его. Он вовремя сумел вытащить копье и отразить удар шпагой. Копье выбило шпагу из рук мабдена, и, схватив свое оружие обеими руками, Корум ударом древка выбил его из повозки.

Другие повозки были уже совсем близко. Свет пожара замка Эрорн отбрасывал на них причудливые тени. Корум узнал предводителя Денледисси, который смеялся и кричал, размахивая бронзовым топором над головой.

— Клянусь Собакой! Неужели этот Вадаг умеет драться не хуже мабденов?! Ты научился этому слишком поздно, приятель! Ты последний из своей расы!

Это был Гландит-а-Край. Серые глаза его сверкали, широкий рот оскалился, обнажив желтые зубы.

Корум кинул копье. Свистящий в воздухе топор отбил его, а повозка не замедлила хода. Корум достал боевой топор и стал ждать, но ноги его коня подкосились и измученное животное свалилось на землю. Едва успев освободить ноги из стремян, Корум схватил топор обеими руками, отпрыгнул назад и прицелился, чтобы ударить Гландит-а-Края. Но в это время повозка наехала на него, и удар пришелся по повозке. От силы удара руки его онемели так, что он чуть не выронил топор; он тяжело дышал и шатался. С подоспевшей повозки чья-то шпага опустилась на его шлем. Удар был несильный, он только оглушил принца. Он хотел подняться, но новый удар копьем в плечо свалил его в пахнущую копотью грязь.

Вместо того чтобы подняться, он остался лежать на месте, ожидая, пока все повозки не проедут мимо. Прежде чем они развернулись, он вскочил на ноги. Плечо болело, но копье не ранило его. Корум побежал в темноту, скрываясь от варваров. Потом он споткнулся обо что-то мягкое и, поглядев вниз, увидел тело своей матери. Он увидел, что с ней сделали, прежде чем убить, и стон сорвался с его губ. Слезы ослепили его, и, крепко схватившись за рукоятку боевого топора левой рукой и сжимая правой шпагу, он закричал:

— Гландит-а-Край! — Корум узнал, что такое жажда мести, и вызывал на поединок предводителя.

Высокая башня замка внезапно треснула и рухнула вниз, объянутая языками пламени. Земля дрожала под копытами лошадей, впряженных в несущиеся на него повозки.

Его первый удар топором пришелся по лбу ведущей лошади, и она упала, увлекая за собой повозку. Эрла Гландит-а-Края бросило вперед и чуть не выкинуло из нее; он выругался. Позади него два Денледисси пытались сдержать лошадей, чтобы не врезаться в первую повозку. Остановились и другие, не понимая в чем дело.

Корум перебрался через тело лошади и ударил Гландита в шею, но удар пришелся в кольчугу, и заросшее волосами лицо повернулось к Коруму. Затем Гландит высокочил из повозки, и принц оказался лицом к лицу с убийцей своей семьи.

Они глядели друг на друга, тяжело дыша, оба готовые напасть в любую минуту.

Корум первым нанес удар, делая выпад шпагой и одновременно замахиваясь топором. Гландит увернулся от удара шпаги и отбил удар своим топором, одновременно пытаясь ударить ногой в живот Корума, но промахнулся.

Они снова начали кружить, и Корум не отводил взгляда своих черно-золотых глаз от серых глаз соперника. Они кружили несколько минут. Мабдены наблюдали. Губы Гландита шевельнулись, и он попытался отдать какой-то приказ, но в это время Корум пронзил шпагой доспехи Гландита и она впилась в его плечо. Гландит зашипел и ударил

по шпаге с такой силой, что она выпала из раненой руки Корума и упала на землю.

— Сейчас, — прошептал Гландит, как бы говоря сам себе, — сейчас, Вадаг. Это не моя судьба быть убитым Шефанго.

Корум взмахнул топором, но опять Гландит избежал удара.

И вновь топор Корума засвистел в воздухе, но на этот раз оружие принца было выбито из его руки и он стоял беззащитным перед ухмыляющимся мабденом.

— Но моя судьба — убивать Шефанго! — воскликнул Гландит.

Рот его перекосился в волчье усмешке.

Корум кинулся на Гландита, пытаясь выхватить у него топор, но был слишком слаб.

Гландит крикнул своим людям:

— Клянусь Собакой! Уберите от меня этого демона. Не убивать! Как-никак это последний Вадаг, с которым можно устроить потеху.

Корум слышал их смех и пытался бить их кулаками, когда они схватили его. Он кричал, как кричит человек в буйстве, и не слышал своих слов. Затем один из мабденов снял с него серебряный шлем, а другой ударил по затылку рукойatkой шпаги. Тело Корума обмякло, и он погрузился в темноту.

Глава 6. КОРУМ — КАЛЕКА

Солнце поднялось и село дважды, прежде чем Корум очнулся и увидел, что прикован цепью к мабденовской повозке. Он попытался поднять голову и осмотреться, но не сумел ничего разобрать, кроме того, что сейчас день.

«Почему они меня не убили?» — с удивлением подумал он. А затем, задрожав, понял: они ждали, когда он очнется, чтобы сделать его смерть долгой и мучительной. Если бы он не стал свидетелем того, что произошло с замками Вадаг; если бы не увидел то, что произошло во всем Бро-ам-Вадаг, он, может быть, смирился бы со своей судьбой и умер бы так же, как умер весь его народ, но он получил хороший урок. Он ненавидел мабденов, он оплакивал своих родных. Он должен отомстить, если сможет. А это значило, что он должен жить.

Он закрыл глаза, собирая силы. Был только один способ избежать мабденов — перенести свое тело в другую плоскость. Но для этого потребуется огромное количество энергии и нет смысла делать это, пока он закован в цепи.

Лающие голоса мабденов время от времени доносились до него, но он не разбирал, что они говорили. Он уснул.

Корум пошевелился: что-то холодное ударило его в лицо —

вода. Он открыл глаза и увидел стоящих над ним мабденов. Его вытащили из повозки и положили на землю. Неподалеку горели огни костров. Была ночь.

— Шефанго очнулся, господин, — крикнул мабден, который плеснулся на него водой. — Я думаю, он готов для нас.

Корум поморщился, встал на ноги и попытался выпрямиться: все его тело болело. Корум попытался увидеть другую плоскость, но у него потемнело в глазах, и он на время оставил свои попытки.

Расталкивая своих людей, вперед вышел Гландит-а-Край. Его светлые глаза победоносно смотрели на Корума. Он поглаживал бороду, заплетенную в несколько косичек. На пальцах его сверкнули украденные золотые кольца. Он победно улыбался. Почти с нежностью протянул Гландит руку и поднял Корума. После того как на него одели тяжелые цепи и он пролежал в тесной повозке, кровь почти не циркулировала в ногах принца. Он шатался.

— Ролдин! Сюда, мой мальчик, — позвал кого-то Гландит.

— Иду, господин. — Рыжеволосый мальчик лет четырнадцати вышел вперед. Он был одет в мягкие, белые с зеленым, одежды Вадаг, горностаевую шапку, сапоги из оленьей кожи. Его бледное лицо было прыщаво, однако он был красив для мабдена. Мальчик встал перед эрлом Гландитом на колени.

— Слушаю, лорд.

— Помоги Шефанго встать, мальчик.

В хриплом голосе Гландита чувствовалось что-то похожее на нежность, когда он говорил с мальчиком.

— Помоги ему встать, Ролдин!

Ролдин вскочил на ноги и взял Корума за локоть. Прикосновение его было резким и холодным.

Все мабденовские воины с ожиданием смотрели на Гландита. Он небрежно снял свой тяжелый шлем и тряхнул волосами, которые слиплись от грязи.

Корум тоже смотрел на Гландита. Он решил, что в прекрасном лице главаря было мало ума, но много жестокости.

— Зачем ты уничтожил всех Вадаг? — спокойно спросил Корум. Губы его двигались с трудом. — Зачем, эрл Край?

Гландит посмотрел на него с удивлением и, помедлив, ответил:

— Ты должен знать: мы ненавидим вас за ваше волшебство, мы презираем ваше высокомерие. Нам нужны ваши земли и орудия, которые могут принести пользу. Поэтому мы уничтожили вас.

Он цинично ухмыльнулся.

— Однако мы уничтожили не всех Вадаг. Один остался.

— Да, — ответил Корум, — и этот один отомстит за свой народ, если ему представится такая возможность.

— Нет! — Гландит упер руки в бока. — Не отомстишь!

— Ты говоришь, что ненавидишь наше волшебство? Но ведь у нас его нет, есть знания и второе зрение.

— Ха! Мы ненавидим ваши замки и то, что в них. Тот ужасный замок, который мы взяли несколько дней назад, был полон волшебства.

Корум облизал пересохшие губы.

— Но если бы у нас было то, что вы называете волшебством, то это еще не причина, чтобы уничтожать нас. Мы не причинили вам никакого вреда. Мы разрешили прийти вам на наши земли, не оставив вам никакого сопротивления. Мне кажется, что вы ненавидите нас потому, что ненавидите что-то в вас самих. Вы несовершенные создания.

— Знаю, вы называете нас полузверьями. Мне все равно, что ты сейчас думаешь, Вадаг. Сейчас, когда твоей расы больше нет на земле.

Он плюнул на землю, махнув рукой мальчишке:

— Отпусти его!

Мальчик отпрыгнул.

Корум покачнулся, но не упал. Он продолжал с презрением смотреть на Гландит-а-Края.

— Ты и твоя раса безумны, эрл. Вы — раковая опухоль. Вы — болезнь, от которой страдает весь мир.

Эрл Гландит снова плюнул, на этот раз прямо в лицо Коруму.

— Я тебе уже говорил: я знаю, что думают о нас Вадаг; я знаю, что думали о нас Надраг прежде, чем мы сделали из них наших охотничьих собак. Вас уничтожила ваша собственная гордость. Надраг научились обходиться без нее, и поэтому некоторым из них была дарована жизнь. Они приняли нас, как своих господ. Но Вадаг не захотели этого сделать. Когда мы пришли на ваши земли, вы старались не замечать нас. Когда мы потребовали дань, вы нам ничего не дали. Когда мы сказали, что отныне вы будете служить нам, вы сделали вид, что не поняли нас. Поэтому нам пришлось наказать вас, и вы не сопротивлялись. Мы потеряли терпение, Вадаг. Мы решили, что вы недостойны жить на этой земле так же, как народ Лир-а-Брода, потому что вы не хотите признать себя его подданными. Вот почему мы выступили в поход, чтобы уничтожить вас. Вы заслужили эту судьбу.

Корум задумался. Значит, гордость и самодовольство погубили расу Вадаг. Он вновь поднял голову и прямо поглядел в глаза Гландита.

— Однако я, последний из расы Вадаг, сумею вести себя по-другому, — сказал он.

Гландит пожал плечами и повернулся к своим людям.

— Вряд ли он знает, что будет с ним очень скоро. Правда, ребята?

Мабдены засмеялись.

— Приготовить стол! — распорядился эрл Гландит. — Начнем, пожалуй.

Корум увидел, как они принесли широкую деревянную доску. Доска была толстой, в темных пятнах, с петлями по углам. Корум начал догадываться о ее назначении. Два мабдена схватили его и подтащили

к доске. Орудия зубилом, мабден сбил с него цепи, затем его распяли на столе. Новые заклепки были поставлены на цепи, удерживающие его в таком положении. Корум чувствовал запах засохшей крови. Он мог видеть на доске следы от ножей, шпаг и топоров, следы стрел.

Это была доска пыток.

Мабдены разожгли в себе жажду крови. В свете костров глаза их по-звериному сверкали, ноздри раздувались, они хрипло дышали.

Эрл Гландинт смотрел, как Корума прикрепляли к доске. Затем он подошел, наклонился над Вадаг и вытащил из-за пояса тонкий, острый кинжал. Корум видел, как кинжал медленно приближается к его груди. Раздался треск рвущейся материи, и одежда была сорвана с его тела.

— А сейчас, — сказал, тяжело дыша от возбуждения, Гландинт, — тебе, конечно, интересно, что мы с тобой сделаем?

— Я видел, что вы делали с другими, прежде чем убить их, — ответил Корум.

Гландинт спрятал кинжал за пояс и поднял вверх мизинец правой руки.

— Нет, мой милый, ты не знаешь. Те другие Вадаг умерли быстро или относительно быстро, потому что нам надо было искать новых. Но ты последний, с тобой мы можем не торопиться. Мы даже думаем, что дадим тебе шанс выжить. Если ты, конечно, выживешь: без глаз, без языка, без рук и ног, без половых органов. Мы разрешим тебе жить.

Корум оцепенел от ужаса.

Гландинт расхохотался.

— Я вижу, ты оценил нашу шутку!

Он махнул рукой своим людям:

— Несите орудия! Начнем.

Вперед вынесли большую жаровню. Она была полна красных углей и раскаленных железных предметов с рукоятками.

«Это для пыток, — подумал Корум. — Какая раса, создав такие орудия, может считать себя разумной?»

Гландинт-а-Край снял с красных углей длинный прут и стал поворачивать его, изучая раскаленный наконечник.

— С глаза мы начнем и глазом кончим, — сказал он, — думаю, с правого.

Гландинт приблизился к принцу с раскаленным железом в руке. Оно дымилось в холодном ночном воздухе.

Корум изо всех сил пытался не думать о предстоящих пытках и сконцентрироваться на втором зрении, чтобы увидеть другую плоскость. Он взмок от ужаса и напряжения, в мозгу у него все перепуталось. Одновременно с приближающимся все ближе и ближе страшным наконечником видел он отблеск другой плоскости. Пейзаж поплыл перед его глазами. Гландинт приближался. Глаза его горели животной злобой. Корум завертел головой, пытаясь освободиться от цепей. Гландинт про-

тянул руку вперед, схватил Корума за волосы и, откинув его голову назад, приблизил раскаленный прут.

Корум закричал, когда огненный наконечник коснулся его закрытого века. Страшная боль ударила его в лицо, а потом распространилась по всему телу. Сквозь помутившееся сознание несколько мгновений он еще слышал смех мабденов, свои крики, тяжелое дыхание Гландита, затем сознание покинуло его.

Корум блуждал по улицам странного города. В нем были высокие здания, которые, казалось, были выстроены совсем недавно, но успели уже покрыться грязью. С балкона его позвал женский голос. Он оглянулся, перед ним была его сестра Фолинра. Когда она увидела его лицо, то в ужасе закричала. Корум попытался поднять руку и коснуться своего поврежденного глаза, но не смог. Что-то крепко держало его. Он попытался освободить руку, дергая ее все сильнее и сильнее, но ничего не добился, только боль стала нестерпимой. Фолинра исчезла, и по какой-то причине он не мог повернуться, чтобы посмотреть, куда она ушла. Что держит его с такой силой? Может, это какой-нибудь зверь вцепился в руку челюстями?

Корум дернул рукой изо всех сил, и рука его высвободилась. Он поднял ее, чтобы дотронуться до поврежденного глаза. Он посмотрел на свою руку...

Кисти не было. Рука превратилась в обрубок.

Тогда принц закричал снова... И открыл глаза. Он увидел мабдена, прикладывающего раскаленную шпагу к обрубку, чтобы унять кровь.

Гландит все еще смеялся, держа отрезанную кисть и показывая ее своим людям, а кровь Корума все еще капала с его ножа.

Призвав на помощь всю энергию, Корум последним усилием воли перенес свое тело в другую плоскость.

Он еще ясно видел мабденов, но голоса их доносились до него слабо. Он слышал, как они в изумлении кричали и показывали на него пальцами, как Гландит пятился с расширенными от ужаса глазами. Он услышал, как эрл приказал людям обыскать лес и найти Корума. В страхе и трепете мабдены разбрелись в темноте на поиски своего пленника.

Но пленник еще был прикован к доске, потому что она существовала, как и он, в нескольких плоскостях. Он все еще чувствовал острую боль, которую ему причинили, и осознавал, что нет правого глаза и кисти левой руки.

Он сможет немного отдохнуть от пыток, но надолго у него не хватит энергии, рано или поздно он вернется в свою плоскость и они продолжат. Он метался, махая культей левой руки, безнадежно пытаясь освободиться. Корум понимал свою обреченность — слишком крепко он был прикован к доске.

Он никогда не сможет освободиться и никогда не сможет отомстить убийцам своего народа.

Глава 7. КОРИЧНЕВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Корум, мокрый от пота, заставлял себя оставаться в другой плоскости. С дрожью он ожидал возвращения Гландита и его людей. Но вдруг он увидел фигуру, которая осторожно направлялась к нему из леса.

Сначала Корум решил, что это мабденовский воин, одетый в меховые одежды. Затем он понял, что ошибся, что это какое-то странное существо.

Создание оглядело мабденовский лагерь и приблизилось к доске. Оно подняло голову и уставилось прямо на Корума.

Боль была еще такой жгучей, что на секунду он закрыл здоровый глаз. Когда он открыл его, существо стояло совсем рядом.

Это был полузверь, напоминающий мабдена. Тело его было полностью покрыто шерстью. Лицо было морщинистым, коричневым и, вероятно, очень старым. Черты были плоскими. У него были большие круглые глаза, раздувающиеся широкие ноздри и большой рот, полный желтых клыков. С грустью и состраданием смотрел он на Корума. Существо махнуло ему рукой и что-то проворчало, показывая в сторону леса, как бы приглашая следовать за ним. Принц отрицательно покачал головой и указал на закованные конечности.

Создание задумчиво почесало шерсть, затем скользнуло в глубь леса.

Корум смотрел, как оно уходит, от удивления почти забыв о боли. Было ли это создание свидетелем его мучений? Пытается ли оно спасти его? А может, это галлюцинация, как и город, как сестра? Галлюцинация от пыток?

Он почувствовал, как энергия покидает его. Еще несколько мгновений, и он вернется на плоскость, и мабдены смогут увидеть его. У него нет больше сил, чтобы выдержать пытку.

Из леса появилось коричневое создание. Оно вело за собой кого-то и указывало на Корума. У вновь пришедшего было большое тело, примерно двести футов в высоту и шесть в ширину; темное лицо с выражением печали и задумчивости. Так же как и коричневое существо, оно ходило на двух ногах. Оно протянуло руки и подняло доску с такой нежностью, с какой мать поднимает своего ребенка. Потом оно понесло доску с Корумом в лес.

Корум вновь потерял сознание.

Очнулся он уже днем и увидел, что доска лежит в нескольких футах от него. Сам он в долине на зеленой траве, а неподалеку от него сидел коричневый полумабден. Рядом с ним небольшая куча орехов и фруктов, неподалеку — ручей. Зверь внимательно следил за ним. Корум взглянул на свою левую руку: обрубок был чем-то смазан и больше не болел. Он притронулся правой рукой к глазу и почувствовал что-то липкое, вероятно, такую же мазь, как и на руке.

В листве деревьев пели птицы, небо было чистым и голубым. Если

бы не раны, Корум мог бы решить, что события последних дней — не более чем дурной сон.

Коричневое мохнатое существо поднялось и проковыляло к нему. Оно откашлялось. На лице его все еще оставалось выражение участия. Оно дотронулось до своего правого глаза и левой руки.

— Как... боль? — спросило оно приглушенным голосом, явно с трудом произнося слова.

— Прошла, — ответил Корум, — спасибо тебе, Коричневый человек, спасибо, что спас меня.

Коричневый человек наморщил лоб, явно не все понимая, что говорил принц. Он улыбнулся и произнес:

— Хорошо.

— Кто ты? — спросил Корум. — Кого ты привел ко мне прошлой ночью?

Существо ударило себя в грудь.

— Меня Серде. Меня твой друг.

— Серде, — повторил Корум, с трудом выговаривая это имя. — Меня зовут Корум. А кто был с тобой, кого ты приводил?

Серде произнес имя, которое было еще труднее выговорить, чем его собственное. Это было какое-то многосложное имя.

— Но кто он такой? Я никогда не видел таких, как он, таких, как ты. Откуда вы?

Серде обвел рукой вокруг.

— Мы жить здесь, лес. Лес называется Лаар. Мой господин жить здесь. Мы жить здесь еще много дней до Вадаг, твой народ.

— А где твой господин сейчас? — вновь спросил Корум.

— Он уйти. Не хочет, чтобы его видеть другие.

Только теперь Корум смутно припомнил легенду. Это была легенда о существе, которое живет далеко на западе Бро-ам-Вадаг. Легенда называла его Коричневым человеком из Лаара, сейчас эта легенда стала былью. Принц не помнил, чтобы в легенде говорилось о другом существе, имя которого он не мог произнести.

— Господин говорит, что рядом совсем другое место, где ты поправишься.

— Какое место, Серде?

— Место мабден.

Корум иронически улыбнулся.

— Нет, Серде, мабдены вряд ли помогут мне поправиться.

— Это другой мабден.

— Все мабдены мои враги. Они ненавидят меня. — Корум взглянул на свой обрубок. — И я ненавижу их.

— Те древний мабден. Хороший мабден.

Корум поднялся на ноги и пошатнулся. Голова его раскалывалась от боли, левая рука ныла. Он все еще был абсолютно гол, на теле его было

много синяков и царапин, но он был чисто вымыт. Медленно до него стало доходить, что он стал калекой. Он был спасен от того худшего, что хотел сделать с ним Гландит, но он был уже не тем, кем был раньше. На его лицо теперь неприятно смотреть, тело его стало уродливым. И этот калека — последний из расы Вадаг. Он упал на траву, горько рыдая.

Серде что-то бормотал и бегал вокруг. Он дотронулся до плеча Корума рукой, похожей на лапу. Он робко погладил Корума по голове, пытаясь успокоить его.

Корум отер слезы здоровой рукой.

— Не беспокойся, Серде. Я должен поплакать, иначе сердце мое не выдержит. Я оплакиваю свой народ. Я последний из них. Кроме меня не осталось больше Вадаг.

— Нет люди больше, как мы, — сказал ему Серде, грустно вздохнув.

— Поэтому ты и спас меня?

— Нет. Мы помогать, потому что мабден пытать тебя.

— А вас они когда-нибудь трогали?

— Нет, мы прятаться от них. Их глаза плохие, часто нас не видят.

Мы прятаться и от Вадаг тоже.

— Почему вы прячетесь?

— Мой господин знает. Спасать себя.

— Хорошо бы было для Вадаг, если бы они тоже прятались. Но мабдены пришли так неожиданно, что мы не были подготовлены. Мы редко покидали наши замки, редко общались друг с другом, мы были разобщены.

Серде мало что понял, но он вежливо слушал и, когда Корум закончил, сказал:

— Ты кушать. Хороший фрукты. Ты спать, потом пойдем в место мабден.

— Мне нужно достать себе оружие и доспехи, Серде. Мне нужны одежда и лошадь. Я хочу вернуться к Гландиту, сразиться с ним один на один и убить его. После этого я хочу только одного — умереть.

Серде печально посмотрел на Корума.

— Ты убивать?

— Только Гландита. Он уничтожил весь мой народ.

Серде покачал головой.

— Вадаг никогда не убивать, как ты.

— Знаю, Серде. Но я — последний Вадаг и я первый узнал, что такое убивать из мести. Я отомщу тем, кто убил мою семью и искалечил меня.

Серде жалобно забормотал:

— Есть... Спать...

Корум вновь поднялся на ноги и понял, что очень слаб.

— Может быть, ты прав. Может быть, мне надо сначала восстановить силы.

Поехав немногими фруктами и орехами, принц погрузился в сон. Он был уверен, что Серде разбудит его при малейшей опасности.

В течение пяти дней Корум оставался в долине с Коричневым человеком из Лаара. Он надеялся, что темнолицеее создание вернется и расскажет ему о происхождении Серде и его собственном. Однако этого не произошло.

Наконец его раны полностью зажили и он чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы отправиться в путь. В то утро он обратился к Серде:

— Прощай, Коричневый человек из Лаара. Спасибо, что спас меня, и спасибо твоему господину. Я должен идти.

Корум отсалютовал Серде и пошел через долину по направлению к востоку. Серде торопливо побежал за ним.

— Корум! Корум! Ты идти не на тот путь.

— Я иду туда, где найду своих врагов, — ответил Корум, — это тот путь.

— Мой господин говорил взять тебя в другой путь.

Серде показал рукой на запад.

— Но там только море. Это самая крайняя точка Бро-ам-Вадаг.

— Мой господин говорит — надо этот путь, — настаивал Серде.

— Я очень благодарен тебе, Серде, за заботу, но я пойду в ту сторону — найду мабденов и отомщу.

— Ты идти тот путь.

Серде опять махнул рукой в сторону запада и положил ее на плечо Корума.

Корум стряхнул руку.

— Нет! Туда!

Он продолжал идти в избранном направлении.

Затем что-то неожиданно ударило его по голове. Он покачнулся и повернулся посмотреть, что случилось. Серде спокойно стоял, держа камень. Корум выругался и собрался убежать от неповоротливого Серде. Но не успел. Он вновь потерял сознание и во весь рост растянулся на земле.

Его привел в чувство шум моря. Сначала он никак не мог сообразить, что с ним происходит, а потом понял, что его несут, что он перекинут через плечо Серде. Он попытался бороться, но Коричневый человек из Лаара оказался куда сильнее, чем это могло показаться с первого взгляда. Он крепко держал Корума. Корум посмотрел в одну сторону. Там было море, зеленое, с пеной на гребнях волн. Он посмотрел в другую сторону, и хоть сделать это было теперь не легко, он вывернулся голову достаточно далеко и увидел то же море. Его несли по узкой прибрежной полосе. В конце концов, хотя голова его болталась

вверх и вниз от неуклюжей походки Серде, он разглядел, что они ушли от берега и идут по дороге, которая вела к океану.

Кричали морские птицы, Корум боролся, но Серде оставался глух к его угрозам и проклятиям. Наконец Коричневый человек остановился и опустил его на землю.

Корум поднялся на ноги.

— Серде, я...

Он замолчал, оглядываясь вокруг.

Они дошли до конца дороги и находились теперь на острове, который круто поднимался из воды. На его вершине стоял замок такой странной архитектуры, какой Корум никогда не видел. Было ли это тем самым местом мабденов, о котором говорил Серде?

Серде уже топал по дороге обратно. Корум окликнул его, но Коричневый человек только прибавил шаг. Корум попытался следовать за ним, но не мог идти так же быстро. Кроме того, начинался прилив и скоро вода затопила дорогу.

Корум нерешительно остановился, оглядываясь на замок. Непрощенная помощь Серде вновь подвергла его опасности. Он видел всадников, спускавшихся с горы к морю. Он видел, как солнце играет на их нагрудных пластинах. Эти мабдены умели ездить верхом, и что-то напоминающее Вадаг было в их осанке.

Как бы то ни было, они были врагами и Корум стоял перед выбором: либо драться с ними, будучи не только не вооруженным, но и голым, либо плыть к берегу, используя одну руку.

Он принял решение и кинулся в волны. От холода у него перехватило дыхание. Не обращая внимание на крики, он поплыл вперед, и течение подхватило его. Он пытался бороться с ним. Его уносило в открытое море.

Глава 8. МАРКГРАФИНА РАЛИНА

Корум потерял много крови во время истязаний и, конечно, не имел былой силы. Ноги его сводила судорога. Он не мог бороться с течением и начал тонуть.

Вода заполнила его рот, он захлебывался, но все еще сопротивлялся. Теряя силы, он вдруг услышал над собой голос. Своим единственным глазом он попытался рассмотреть того, кто кричал.

— Не баражтайся, Вадаг. Ты испугаешь моего зверя! Даже в обычной обстановке он неспокоен.

Теперь Корум увидел черную тень, нависшую над ним. Она имела огромные крылья, размах которых в несколько раз превосходил орлиные. Но это была не птица. Корум узнал животное: это была уродли-

вая, обезьяноподобная, с белыми клыками летучая мышь. Всадником был молодой изящный мабден, который мало походил на воина Гландит-а-Края. Сейчас он склонился с седла, заставив снизиться животное, и протянул Коруму руку.

Принц инстинктивно протянул свою, но именно ту, на которой не было кисти. Мабден не обратил на это внимание. Он схватил Корума за руку выше локтя и спокойно поднял его вверх, так, что тот мог уцепиться здоровой рукой за стремя, прикрепленное к высокому седлу на спине летучей мыши. Без церемоний мокре тело Корума было втянуто и брошено поперек седла. Наездник что-то приказал летучей мыши, и она, набрав высоту, повернула к острову.

Зверем было трудно управлять, потому что всадник все время менял курс и отдавал команды на каком-то резком языке, который летучая мышь, очевидно, понимала. Наконец они подлетели к острову и зависли над замком.

Коруму с трудом верилось, что под ним архитектурное сооружение мабденов. Башни, стены и парапеты балконов были из белого камня, который сверкал на солнце. Плющ, цветы и другие растения украшали балконы и площадки на крышах.

Летучая мышь приземлилась, и наездник соскочил с нее, увлекая за собой Корума. В ту же секунду летучая мышь взмыла в воздух и полетела к дальнему концу острова.

— Днем они спят в своих пещерах, — сказал всадник, — мы стараемся пользоваться их услугами как можно меньше. Ими трудно управлять, как ты видел.

Корум промолчал. Несмотря на то, что молодой мабден спас ему жизнь и казался любезным, Корум твердо усвоил, что все мабдены — его враги. Он мрачно спросил:

— Для чего ты спас меня, мабден?

Человек изумился. Он отряхнул пыль со своей туники из алоого бархата и поправил шпагу.

— Ты ведь тонул, — ответил он. — Скажи, зачем ты убежал от наших людей, когда они вышли приветствовать тебя?

— Откуда вы знали о моем приходе?

— Нам сказала наша маркграфиня.

— А кто сказал вашей маркграфине?

— Я не знаю. Вы несколько неблагодарны, сэр. Я считал, что Вадаг — вежливый народ.

— А я думал, что мабдены злы и глупы, — ответил Корум. — Но ты...

— А, так, значит, ты говоришь о людях с запада и востока, да? Ты встречался с ними?

Культей Корум дотронулся до своего незрячего глаза.

— Это их рук дело.

Молодой человек сочувственно кивнул головой.

— Мне надо было догадаться. Истязания — одно из самых их любимых развлечений. Удивительно, что тебе удалось бежать.

— Я тоже был удивлен.

— Итак, сэр, — сказал юноша, снова переходя на официальный тон и указывая рукой в сторону двери в башне замка, — не угодно ли вам войти? Корум заколебался.

— Мы не мабдены с востока. Уверяю вас, сэр.

— Возможно, — резко ответил Корум. — Но вы все же мабдены. Вас так много. И, как я теперь вижу, вы разные. Однако мне кажется, что в вас есть и что-то общее.

Молодой человек начал выказывать признаки нетерпения.

— Как хотите, сэр Вадаг. Лично я пойду. Хочу верить, что и вы последуете за мной, когда вам этого захочется.

Молодой человек ушел и закрыл за собой дверь. Корум смотрел ему вслед. Он остался на крыше, наблюдая, как парят морские птицы: они то поднимались вверх, то опускались вниз. Здоровой рукой он погладил обрубок левой руки. Дул сильный ветер, он был гол, и ему становилось все холоднее. Он поглядел на дверь, за которой скрылся юноша...

Там стояла женщина. Она казалась спокойной и уверенной в себе. В ней чувствовалась мягкость и благородство. Ее густые черные волосы ниспадали до плеч. Богатая разных оттенков одежда облегала ее фигуру. Она улыбалась.

— Приветствую вас. Меня зовут Ралина, а как зовут вас, лорд?

— Я Корум Джайллин Ирси, — ответил принц.

Ее красота отличалась от красоты Вадаг, и он не мог оставаться к ней равнодушным.

— Я Принц в...

— Алом Плаще?

Он был явно изумлен.

— Я говорю на древнем языке Вадаг, так же как и на общем. Вы не соответствуете своему имени, принц Корум. На вас нет плаща...

Корум отвернулся.

— Не издевайтесь надо мной. Мабдены изуродовали меня. Я ненавижу их и твердо решил отомстить им.

— Прости меня. Те, кто поступил с тобой так, не похожи на нас, хотя мы и одной расы.

Ралина едва заметным движением что-то приказала слуге, и он тотчас принес длинную накидку, которую набросил на плечи принца.

— Разве ты никогда не слышал о Лайм-ан-Эше?

Он нахмурил брови, название земли было незнакомым и ничего не значило для него.

— Лайм-ан-Эш, — продолжала она, — название страны, откуда пришел мой народ. Это древний народ, и он жил в Лайм-ан-Эшем задол-

го до великой битвы между Вадаг и Надраг, которая потрясла все пять измерений...

— Ты знаешь о пяти измерениях?

— У нас когда-то были провидцы, которые могли заглядывать в них. Хотя их искусство не идет ни в какое сравнение с искусством твоего древнего народа.

— Откуда ты так много знаешь о Вадаг?

— Время от времени корабли Надраг терпели крушение у наших берегов, и хотя сами Надраг исчезли, их книги, приборы, утварь остались. Когда-то у нас было много ученых.

— А сейчас?

— Сейчас я не знаю. Мы получаем мало вестей с большой земли.

— Как, ведь она так близко?

— Не отсюда, принц Корум, — сказала она, кивая головой в направлении берега. Потом она указала в море. — Большая земля Лайм-ан-Эш, а если точнее, то герцогство Бондвиральнан-Раймское, где находилось когда-то наше маркграфство.

Принц Корум посмотрел на море, которое обдавало пеной волн скалы.

— Какими самоуверенными невеждами мы были, думая, что одни обладаем такой мудростью, — прошептал он.

— С какой стати такая раса, как Вадаг, стала бы интересоваться делами земли мабденов? — заметила она. — Наша история была короткой и бесцветной по сравнению с вашей.

— Но почему маркграфство именно здесь? — продолжил Корум. — Отчего или против кого вы защищаете свою землю?

— Против других мабденов, принц.

— От Гландита?

— Я не знаю Гландита. Я говорю о Конских племенах, они обитают в лесах этого берега. Хоть они и варвары, но представляют угрозу Лайм-ан-Эшу. Маркграфство было создано как бастион между территорией этих племен и нашими владениями.

— Разве море не достаточный бастион?

— Когда создавалось маркграфство, моря здесь не было. Замок этот стоял в лесу, а море располагалось за много миль к северу и югу. Но потом оно стало наступать на наши земли с каждым годом все ближе и ближе. Города, деревни и замки исчезали под водой в течение недель. Люди с большой земли ушли в глубь континента.

— А вас оставили здесь? Почему вы не ушли вместе с остальными?

Она пожала плечами и улыбнулась, подойдя к невысоким башням и глядя на морских птиц.

— Это мой дом, — ответила она. — Здесь мои воспоминания. Я не могла уйти.

— Маркграф?

— Эрл Мойдель Алломгильский — мой муж.

— А-а...

Корум почувствовал странное разочарование.

Маркграфиня Ралина продолжала смотреть в море.

— Он мертв, — сказала она. — Погиб в кораблекрушении. Он взял наш последний корабль и отправился на большую землю, чтобы уз-нать, какая судьба постигла наш народ. В море его застиг шторм. Корабль был старым и затонул.

Корум молчал.

Как будто слова маркграфини напомнили ветру о его силе, он внезапно задул сильнее, прижимая ее тяжелое платье к телу. Она повернулась и посмотрела на Корума. Это был долгий, задумчивый взгляд.

— А сейчас, принц, — сказала она, — согласны ли вы быть моим гостем?

— Скажите мне еще одно, леди Ралина. Откуда вы узнали о моем приходе? Почему Коричневый человек принес меня сюда?

— Он принес потому, что ему так приказал его господин.

— А его господин?

— Сказал мне, чтобы я ждала вас и предоставила отдыkh, чтобы ум ваш и тело окрепли. Я не только согласилась, но обрадовалась. У нас, как правило, не бывает гостей и, уж конечно, из расы Вадаг.

— Но кто это странное существо, господин Коричневого человека? Я видел его лишь мельком и не смог как следует рассмотреть, хотя видел, что он в два раза больше меня и на лице его бесконечная скорбь.

— Мы думаем, что это существо из другой плоскости, а может быть, из другого века, оно появилось еще до Вадаг и Надраг. Мы не можем произнести его имени, поэтому называем его просто: Великан из Лаара. Он приносил и приводил в замок по ночам больных животных, отбившихся от стада.

Корум улыбнулся в первый раз за последнее время.

— Теперь мне кое-что ясно. Для него, возможно, я был одним из больных животных, и он принес меня туда, куда всегда приносил их.

— Может быть, вы правы, принц Корум. — Ралина указала рукой на дверь. — Если вы больны, мы будем счастливы помочь вам выздороветь.

Тень пробежала по лицу Корума, когда он последовал за маркграфиней внутрь замка.

— Боюсь, что ничто не может помочь моей болезни, леди. Это болезнь мабденов, и ни один Вадаг не знает, как избавиться от нее.

— Ну что ж, — ответила она с неестественной веселостью, — может быть, мы, мабдены, что-нибудь придумаем.

Когда они спускались по лестнице в главную часть замка, он, дотронувшись обрубком левой руки до глазницы, спросил с горечью:

— Не могут ли мабдены вернуть мне руку и глаз?

Ралина повернулась к нему и задержалась на ступеньках.

— Кто знает? — спокойно ответила она. — Может быть, и смогут.

Глава 9. ПО ПОВОДУ ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ

Несомненно, величественный по мабденовским понятиям замок произвел на Корума приятное впечатление. По предложению хозяйки он разрешил вымыть себя и стал выбирать разложенные перед ним одежды. Принц остановился на шелковой темно-голубой рубашке и коричневых полотняных брюках. Одежда была ему впору.

Он попросил служанку:

— Не принесешь ли ты мне зеркало?

— Да, лорд.

Она склонила голову и быстро вышла из комнаты, но с зеркалом вернулась сама маркграфиня и не сразу протянула его.

— Видели ли вы свое лицо после истязаний? — спросила она.

Он покачал головой.

— Вы были красивы?

— Я не знаю.

Она откровенно оглядела его.

— Да, — сказала она, — вы были красивы.

С этими словами она подала ему зеркало.

Лицо, которое он увидел, было обрамлено теми же золотистыми волосами, но оно уже не было молодым. Страдания и боль оставили свои следы. Лицо было суровым и мрачным, а губы плотно сжатыми. Один глаз, золотой и пурпурный, печально смотрел на него; вместо другого была уродливая впадина, окруженнная красной воспаленной кожей. На левой щеке был небольшой шрам, другой шрам краснел на шее. Лицо было лицом Вадаг, но оно претерпело такие мучения, которые не испытал ни один Вадаг. Из лица ангела оно было превращено орудиями пыток Гландита в лицо демона.

Молча Корум отдал ей зеркало. Он коснулся здоровой рукой щеки и сказал:

— Может быть, я и был красив раньше, но теперь я урод.

Она пожала плечами.

— Я видела куда хуже.

Вновь ярость переполнила все его существо, и, потрясая обрубком, он закричал:

— Да, но ты увидишь еще страшнее, когда я покончу с Гландит-а-Краем!

Удивленная, она отступила от него на шаг, но быстро оправилась.

— Если бы ты не знал, что был красив, если бы ты не был тщеславен, то почему тебя это задело так сильно?

— Ты еще спрашиваешь почему! — воскликнул Корум. — Мне

нужны мои руки и глаза, чтобы убить Гландита и смотреть, как он будет умирать. Имея половину того и другого, я получу только половину удовольствия.

— Это детские разговоры, принц Корум. Они не достойны Вадаг. Что еще сделал Гландит?

Корум вспомнил, что он еще ничего не рассказал ей о набегах варваров, она, живя в этом отдаленном месте, так же оторванном от всего мира, как и замки Вадаг, ничего не знает о них.

— Он убил всех Вадаг, — ответил он. — Гландит уничтожил всю мою расу и уничтожил бы меня, если бы не твой друг, Великан из Лаара.

— Гландит... что? — голос ее задрожал. Она явно испытывала сильное потрясение.

— Он убил всех Вадаг.

— Но зачем? Разве вы воевали с Гландитом?

— Мы даже не знали о его существовании. Нам не приходило в голову осторегаться мабденов. Они казались примитивными, и мы думали, что они не могут причинить нам вреда в наших замках. Но наши замки уничтожены. Все Вадаг, за исключением меня, мертвые, и все Надраг тоже уничтожены, кроме тех, кто стал их послушными рабами.

— Это не те ли мабдены, чей король называет себя Лир-а-Брод из Каленвира?

— Это они.

— Я тоже не знала, что они стали такими могущественными. Я думала, что тебя захватили Конские племена. Я удивилась, что ты путешествуешь так далеко от замков Вадаг. Ближайший из них называется Эран... Эрин... что-то в этом роде.

— Эрорн?

— Да, именно так. Он примерно в пятистах милях отсюда.

— Пятьсот миль? Неужели я забрался так далеко? Великан из Лаара отнес меня гораздо дальше, чем я думал. Замок, о котором ты упомянула, миледи, — мой дом. Мабдены уничтожили его. Значит, мне придется потратить гораздо больше времени, чем я предполагал, чтобы вернуться и найти эрла Гландита.

Внезапно Корум понял, как он одинок. Как будто он попал в другое измерение земли, где все было чужим. Он ничего не знал об этом мире. Мире, в котором правили мабдены. Какой гордой была его раса, какой глупой! Если бы они собирали сведения об окружающем мире, а не искали абстракций!

Корум опустил голову.

Маркграфиня Ралина понимала его состояние. Она слегка тронула принца за руку.

— Пойдемте, принц Корум, пойдемте, Вадаг. Вы должны поесть.

Он позволил ей отвести себя в одну из комнат, где для них был сервирован стол. Пища — в основном фрукты, съедобные морские

водоросли — куда больше подходила ему, чем та пища мабденов, которую он видел раньше. Он понял, что был голоден и ужасно устал. В голове у него все перепуталось, и единственное, в чем он был уверен, это в своей ненависти к Гландиту и жажде мести.

Они ели молча. Маркграфиня наблюдала за его лицом и несколько раз намеревалась что-то сказать, но не решалась. Комната, в которой они ели, была маленькой с красивыми тяжелыми портьерами. Когда он покончил с едой, все вдруг поплыло перед его глазами. Он вопросительно взглянул на маркграфиню, но ее лицо ничего не выражало. Голова у него стала легкой, он не мог пошевелить ни ногой, ни рукой. Он попытался что-то сказать, но так и не смог произнести ни слова.

Он был отравлен. Женщина подсыпала отраву в его пищу.

Вновь он стал жертвой мабденов.

Он уронил голову на руки и, не желая того, впал в глубокий сон.

Коруму вновь виделся сон.

Он увидел замок Эррон таким, каким запомнил его, отправляясь в свое путешествие. Он увидел мудрое лицо отца, который что-то говорил, и он напрягся, чтобы понять, что именно, но не услышал ни слова. Он увидел мать за работой — она занималась математикой, — сестер, танцующих под новую музыку дяди. Вся атмосфера была спокойной и беззаботной, но он внезапно понял, что поведение их неправильно и безрассудно. Все они были похожи на беспечных детей, которые не ведали, что им грозит страшная опасность.

Ему хотелось крикнуть, предупредить их, но голос его был слаб. Он увидел распространяющийся по комнатам огонь, увидел мабденовских воинов, вошедших в незащищенные ворота. Обитатели замка не подозревали об их присутствии. Хохоча, мабдены поднесли горящие факелы к шелковым драпировкам. Корум вновь увидел своих родных, которые метались по замку в поисках очага пожара.

Его отец вошел в зал, где Гландит кидал книги в костер, разведененный прямо на полу. Отец в изумлении и ужасе наблюдал, как горели книги. Губы его беззвучно двигались, а в глазах застыло краткое удивление. Гландит обернулся к нему, злобно ухмыльнулся, доставая топор из-за пояса, а затем занес его над головой...

Теперь Корум увидел свою мать. Мабдены надругались над ней.

Он увидел своих сестер и кузину, судьба которых была такой же, как его матери. Они были зверски зарезаны. Он боролся, пытаясь ворваться в эту сцену, но тщетно: перед ним была невидимая преграда.

Корум заплакал.

Он плакал, и кто-то тихо успокаивал его. Голова принца лежала на груди женщины, которая укачивала его. Он попытался вырваться, но она держала его крепко.

Корум плакал. Спасительные рыдания сотрясали все его тело, и вместе со слезами уходила тяжесть горя. Он заснул, но снов он больше не видел.

Проснувшись, он понял, что спал слишком долго, что слишком долго бездействует. Сознание медленно возвращалось к нему, он чувствовал себя хорошо отдохнувшим. Впервые после своего путешествия Корум был полон сил и энергии.

Значит, маркграфиня не отравила его, а дала сноторное, чтобы помочь восстановить силы?

Но сколько дней он проспал?

Принц пошевелился, повернув голову, увидел Ралину, лежавшую рядом с закрытыми глазами.

Он вспомнил свой сон, вспомнил, как Ралина утешала его. Корум протянул здоровую руку и дотронулся до ее спутанных волос, он почувствовал к ней нежность, почти такую же сильную, как к своим близким.

Вспомнив об умерших родных, он перестал перебирать ее волосы, дотронулся до обрубка левой руки. Рана уже полностью зажила, оставив рубцы на белой коже. Он вновь взглянул на Ралину.

Пока он смотрел на маркграфиню, она открыла глаза и улыбнулась. Корум увидел в ее улыбке жалость и немедленно обиделся. Принц начал подниматься, но рука Ралины остановила его.

— Побудь со мной, Корум. Мне так нужна твоя ласка.

Он помедлил, подозрительно глядя на нее.

— Пожалуйста, Корум. Мне кажется... я люблю тебя.

Он нахмурился.

— Любовь? Между Вадаг и Надраг она невозможна. Между Вадаг и мабденом? — он покачал головой. — Невозможна, она не принесет счастья.

Ралина тяжело вздохнула.

— Я не была ни с кем так близка с тех пор, как погиб мой муж. Я...

Корум изучал ее тело. Оно возбуждало его. Однако, по понятиям Вадаг, подобные чувства противоестественны, они позорны. Он наклонился и поцеловал ее грудь. Она прижала к себе его голову. Они были нежны и страстны, как только могут быть настоящие влюбленные.

Вскоре маркграфиня обратилась к принцу:

— Корум, ты последний из своей расы. Я никогда не увижу никого из своего народа, кроме тех слуг, которые находятся здесь. В замке тихо и спокойно. Мало что тревожит наш мир. Не хочешь ли ты остаться со мной?

— Я поклялся отомстить за смерть своего народа, — мягко напомнил он ей.

— Такие клятвы чужды твоей природе, Корум. Ты из тех, кто жаждет любить больше, чем ненавидеть. Я знаю.

— Может быть, ты и права, — ответил он, — но я не смогу успокоиться, пока не уничтожу Гландита. Это желание навеяно не только жаждой мести. Я чувствую себя, наверное, как тот, кто видит, что в лесу распространяется болезнь, и он должен уничтожить ее, чтобы остальные растения могли жить. Гландит — страшная болезнь, убивающая все вокруг. Сейчас, когда он убил всех Вадаг, он захочет унич-

тожить других. Судьба предоставила мне возможность задушить эту заразу, и я воспользуюсь ею, Ралина.

— Но зачем же уходить сейчас? Рано или поздно мы получим новости о Гландите. Когда настанет время, ты уйдешь.

Он поджал губы.

— Так оставайся здесь со мной. Ты должен стать еще сильнее, чтобы твое увечье не мешало тебе быть таким же ловким и выносливым, как раньше.

— Верно.

— Оставайся.

— Я подумаю, Ралина, и приму решение через несколько дней.

Целый месяц Корум не принимал решения. Это было трудно, потому что его уродство постоянно напоминало о себе.

Ралина проводила много времени в библиотеке замка, но у Корума не было охоты читать. Он гулял на стенах замка или брал лошадь и выезжал на морскую дорогу во время отлива, хотя Ралина беспокоилась, что он попадет в руки Конских племен, которые иногда охотились в окрестных лесах.

Дворец маркграфини назывался замком Майдель, он возвышался на острове Майдель Маунт, носившем имя семьи, которая жила здесь много столетий. Замок был полон интересных вещей: удивительной красоты фарфор и костяные фигуруки; диковины, поднятые из глубины моря; старинные доспехи и вооружение; картины, на которых были изображены сцены из истории Лайм-ан-Эша и сцены, почерпнутые из легенд и рассказов.

Пылкое воображение было редкостью среди Вадаг, которые были рациональным народом, и картины восхищали Корума. Он начал понимать, что многие из рассказов о волшебных землях и причудливых животных были почерпнуты из знаний о других измерениях. Этот народ явно мог просматривать пять плоскостей, и сочинители легенд пользовались теми обрывками знаний, которые они получали. Корум развлекался, рассматривая народную выдумку в ее реальном воплощении, особенно, когда это касалось других рас: Вадаг и Надраг, которые наделялись сверхъестественными силами.

Это изучение помогло ему понять народ мабденов с востока, которые жили со старым расами в мире до тех пор, пока не поняли, что те смертны и, следовательно, их можно убить. Корум понял, что мабдены возненавидели Вадаг еще и потому, что перестали видеть в них сверхъестественных существ и волшебников, которыми считали раньше.

Эти мысли возвращали его к воспоминаниям о печальном и ненавистном. Иногда целыми днями Корум оставался угнетенным и даже любовь Ралины не могла утешить его. Однажды он рассматривал gobelen в комнате, в которой до этого никогда не был. Изображенные на нем сцены и текст поглотили все его внимание.

Это была легенда о приключениях Маг-ан-Мага, популярного на-

родного героя, который возвращался из волшебной земли, когда на его корабль напали пираты. Они отрезали Маг-ан-Магу руки и ноги и выбросили его за борт. Потом они отрезали голову его товарищу Джакор-Нилусу и выкинули его тело тоже. Через некоторое время тело Маг-ан-Мага без конечностей было выброшено на берег, туда же попало и тело Джакор-Нилуса без головы. Оба тела были найдены волшебником, который в обмен на услуги Маг-ан-Мага предложил ему вернуть руки и ноги. Маг-ан-Маг согласился, добавив, что волшебник должен будет найти новую голову и для его товарища. Колдун согласился и сделал Джакор-Нилусу голову журавля. Казалось, всех это удовлетворило. Пара эта справилась с врагами волшебника и уехала с острова, нагруженная дарами.

Как Корум ни пытался, он не мог найти происхождения этой легенды. Сначала он старался не думать о ней, понимая, что она продиктована его собственным желанием вернуть себе руку и глаз. Чувствуя смущение, он не говорил Ралине об этой легенде несколько недель.

В замок Майдель пришла осень, а вместе с ней холодный ветер, который оголил деревья, бросал волны на скалы и заставил многих птиц улететь в поисках тепла.

Корум все больше и больше времени проводил в комнате с портьерами о Маг-ан-Маге и удивительном волшебнике. Сейчас его главным образом интересовал текст. Он был более убедительным, чем другие записи легенд, которые он видел. Но все же он не мог заставить себя спросить Ралину об увиденном.

В один из первых дней зимы она сама нашла его в этой комнате и не удивилась, увидев его перед гобеленом. Однако, когда она заговорила, тон ее был сух.

— Ты, кажется, поглощен удивительным приключением Маг-ан-Мага? — спросила она. — Приятная сказка, но, к сожалению, только сказка.

— А по-моему, в ней что-то есть, — ответил Корум и посмотрел на Ралину. Она кусала губы.

— Что за тайна в ней, Ралина? Ты что-то знаешь?

— Я знаю только о том, что в этих старых сказках. Но все они лгут, приятно лгут. Разве не так?

— В этой сказке должен быть какой-то секрет. Я чувствую это. Ты должна рассказать мне все, что знаешь, Ралина.

— Да, я знаю больше, чем написано на этом гобелене, — спокойно сказала она. — Совсем недавно я нашла книгу, которую давно искала. В ней есть описание острова, очень похожего на тот, о котором рассказано в легенде. На этом острове, если верить книге, стоит замок. Последним человеком, посетившим его, был эмиссар герцога, отправившийся туда с приветствиями и дарами от своего повелителя. И это был последний эмиссар, который посетил нас.

— Как давно это было? Как давно?

— Тридцать лет тому назад.

Ралина заплакала, замотала головой, чтобы сдержать рыдания.

Он обнял ее.

— Почему ты плачешь, Ралина?

— Я плачу, Корум, потому что понимаю, что теперь ты покинешь меня. Ты уйдешь из замка Майдель и отправишься на поиски острова. Ты можешь потерпеть кораблекрушение. Я плачу, потому что все, кого я любила, уходили от меня.

Корум отступил на шаг.

— Ты давно об этом думаешь?

— Давно.

— И ничего мне об этом не говорила!

— Но ведь я люблю тебя, Корум!

— Ты не должна любить меня, Ралина. И я не должен был позво-
лить полюбить себя. Хотя этот остров дает мне самую слабую надежду,
я должен найти его.

— Я знаю.

— Если я найду волшебника и он-вернет мне руку и глаз...

— Но это сумасшествие, Корум. Он не может существовать.

— Но если он существует и сделает то, о чем я его попрошу, я вернусь,
найду Гландит-а-Края и убью его. Затем, если я не погибну, я вернусь
сюда. Но Гландит должен умереть, прежде чем я обрету покой, Ралина.

Она мягко возразила:

— У нас нет прочного корабля.

— Но в пещерах стоят лодки, которые можно починить.

— Это займет несколько месяцев.

— Даешь ли ты мне своих слуг для ремонта одной из них?

— Да.

— Тогда я пойду и сейчас же поговорю с ними.

Корум ушел, хотя ему хотелось подойти и утешить Ралину.

Собрав людей, которые хоть что-то понимали в кораблестроении,
Корум спустился в подвалы замка, которые вели к морским пещерам,
где стояли корабли. Он нашел бот, который был в лучшем состоянии,
чем другие, и обследовал его.

Ралина была права. Придется много потрудиться, прежде чем можно
будет спустить его на воду. Он будет терпеливо ждать. Когда у него
появилась надежда — пусть дикая, он почувствовал, что на душе у него
стало легче. Он знал, что всегда будет любить Ралину, но что не будет
счастлив, пока не выполнит задуманное.

Он поспешил в библиотеку, чтобы взглянуть на книгу, о которой
она говорила. Книгу он нашел и узнал, что остров назывался Сви-
ан-Фанла-Бруль — неприятное название — Дом Жадного Бога.

Что это могло означать? Он пролистал всю книгу в поисках ответа, но
не нашел его. Проходили часы. Он перерисовывал карты и переписывал

заметки капитана корабля, который посетил замок Майдель тридцать лет тому назад. Было очень поздно, когда он отправился спать.

Корум посмотрел на лицо Ралины. Было совершенно очевидно, что она плакала.

Теперь его очередь успокаивать ее. Он протянул руку и погладил плечо Ралины.

— Ралина.

— Да, Корум?

Он сделал вдох и хотел объяснить ей, как важно ему видеть Гландину мертвым и что, отомстив, он вернется. Вместо этого она услышала:

— Сейчас время сильных штормов. Я отложу свой отъезд до весны. Я пока остаюсь.

Графиня повернулась на постели, пытаясь сквозь темноту рассмотреть его лицо.

— Ты должен делать то, что считаешь нужным. Жалость разрушает любовь.

— Мною движет не жалость.

— Значит, это чувство справедливости. И это тоже...

— Я говорю себе, что дело здесь в чувстве справедливости, но на самом деле знаю, что это не так.

— Тогда почему ты остаешься?

— Мое желание ехать уменьшилось, ослабло.

— Что же его ослабило, Корум?

— Нечто более сильное — это моя любовь к тебе, Ралина. Она победила мое желание немедленно отомстить Гландину.

Она заплакала, но это были слезы счастья.

Глава 10. ТЫСЯЧА ШПАГ

Зима достигла своего апогея. Башни дрожали от порывов ветра, бушующего у замка Майдель. Волны с силой разбивались о скалы, и иногда казалось, что они хотят поглотить замок. Дни стали такими же темными, как и ночи. Повсюду в залах замка горели огни, но и они не могли согреть людей. Холод проникал во все закоулки. Шерстяные, кожаные и меховые вещи надо было носить все время, и обитатели замка выглядели как медведи в своих толстых одеждах.

Но Корум и Ралина едва ли чувствовали лютость зимы. Они пели друг другу песни, писали стихи о своей любви, глубокой и сильной. Они были как сумасшедшие. Но это было приятным, сладким сумасшествием.

Когда зима пошла на убыль, но весна еще ничем не напоминала о себе, когда снег еще лежал на крышах замка и птицы не пели в сером небе, когда море устало от зимних штормов и медленно катило свои

волны на темные скалы, на отдаленном берегу острова показалась группа мабденов. Они ехали среди черных деревьев, пар от дыхания вырывался из их ртов, лошади спотыкались на ледяной земле.

Белдан, тот самый юноша, который спас Корума, когда тот тонул в море, вышел на стену замка размять ноги и первым увидел пришельцев. Он повернулся и быстро побежал вниз по лестнице, но путь ему преградила мужская фигура, которая, смеясь, сказала:

— Свежий воздух наверху, Белдан, а не внизу.

Белдан сделал глубокий вдох и взорваленно произнес:

— Я шел к тебе, принц Корум. Я видел со стены замка большой отряд. Лицо Корума потемнело.

— Ты узнал их? Это мабдены?

— Вне всякого сомнения. Мне кажется, это воины Конских племен.

— Для защиты от которых и был построен этот замок?

— Да, но они не беспокоили нас уже сто лет.

Корум хмуро улыбнулся.

— Возможно, и мы пострадаем от невежества, которое погубило Вадаг. Сможем ли мы защитить замок, Белдан?

— Если их немного, принц Корум. Конские племена обычно разъединены и выступают отрядами по двадцать — тридцать человек.

— Как ты считаешь, их и теперь немного?

Белдан покачал головой.

— Нет, принц Корум, их очень много.

— Тогда предупреди своих воинов. А как насчет летучих мышей?

— Зимой они спят. Ничто не может разбудить их.

— Как вы защищаетесь?

Белдан закусил губу.

— Ну?

— У нас нет защитных приспособлений. Прошло столько времени с тех пор, как нам приходилось заботиться о подобных вещах. Конские племена все еще боятся власти Лайм-ан-Эша, этот страх стал просто сверхъестественным после того, как море поглотило землю.

— Тогда сделай все, что можешь, Белдан. Я скоро присоединюсь к тебе, только взгляну на этих воинов. Ведь мы не знаем, может быть, они пришли сюда с миром.

Белдан побежал вниз, а Корум взобрался на башню и вышел на стену. Он видел, что начался отлив и что скоро естественная морская дорога между землей и замком обнажится.

На берегу стояли воины. Это были невысокого роста люди на невысоких лошадях. На головах у них были железные шлемы с железными сетками, опущенными на свирепые лица. Одежда их состояла из волчьих шкур, подобия кожаных жакетов и брюк из желтой или красной материи, обмотанной вокруг ног до самых колен. Они были вооружены копьями, луками, топорами и дубинками, у каждого воина к седлу лошади была

пристегнута шпага. Это были новые шпаги, решил Корум, увидев, как они блестят даже при таком сумеречном зимнем дне. На берегу уже выстроилось несколько рядов всадников, а из леса выезжали новые.

Корум плотнее запахнулся в овечью шкуру, помогая себе здоровой рукой, и сердито ударил ногой по одной из башенок замка, как бы проверяя ее на прочность.

Он вновь взглянул на войско, прикидывая численность. Их было не менее тысячи. Тысяча человек с тысячью только что выкованных шпаг.

Принц нахмурился.

Тысяча железных шлемов была повернута в сторону замка Мойдель. Тысяча глаз из-под сеток глядела на Корума. Начался отлив, и вода отступила, обнажив дорогу. Чайки медленно летали над молчаливыми воинами и, покричав, как бы в ужасе, спрятались в низких тучах.

Из леса донесся барабанный гром. Удары были размерены и глухи. Они свидетельствовали о том, что всадники пришли не с миром.

— Я говорил с графиней, — сказал Белдан, появившийся на башне, — и предупредил всех наших воинов. Их сто пятьдесят. Маркграфиня пошла в библиотеку. Ее муж написал трактат, как лучше защищать замок при нападениях. Кажется, он подозревал, что Конские племена могут в один прекрасный день объединиться.

— Жаль, что я не читал этого трактата.

Корум тяжело вздохнул.

— Неужели среди нас нет никого, кто имеет военный опыт?

— Нет, принц.

— Значит, нам надо обучиться как можно скорее.

— Да.

Раздался шум шагов, и на стену вышли одетые в яркие доспехи воины. У них были луки и много стрел. На голове у каждого был шлем из твердой раковины огромной морской устрицы.

Они казались храбрыми.

— Мы попробуем вступить с ними в переговоры, когда дорога полностью очистится от воды, — сообщил Корум. — И постараемся продлить их до тех пор, пока вновь не начнется прилив. Это даст нам еще несколько часов для подготовки.

— Они, безусловно, заподозрят нас в хитрости, — тихо произнес Белдан.

Корум кивнул головой и потер щеку обрубком руки.

— Верно. Но, если мы... если мы обманем их, то нам удастся задержать их, хотя бы ненадолго.

Белдан сухо улыбнулся, но ничего не ответил. Глаза его сверкали странным блеском. Корому показалось, что он одержим лихорадкой битвы.

— Пойду узнаю, что вычитала маркграфиня в заметках своего му-

жа, — сказал Корум. — Оставайся здесь и наблюдай, Белдан. Дай мне знать, если они начнут двигаться.

— Проклятый барабан! — Белдан прижал ладони к вискам. — У меня мозги от него набекрень.

— Постарайся не обращать внимания. В него бьют специально для того, чтобы ослабить наши нервы и бдительность.

Корум вошел в дверь башни и сбежал по лестнице в нижние этажи, где располагались покой Ралины.

Она сидела у стола, на котором была гора рукописей.

Когда Корум вошел, она подняла голову и попыталась улыбнуться.

— Кажется, нам придется платить дань за нашу любовь.

Он с удивлением посмотрел на нее.

— По-моему, это чисто мабденовские суеверия. Я этого не понимаю...

— Конечно, это глупо. Но как горько, что они решили напасть на нас именно сейчас. Впервые за сто лет.

— Что ты вычитала в трудах мужа?

— В чем наша слабость, в чем наша сила. Где лучше всего защищаться. Я уже расставила людей по местам. Сейчас мы расплавляем свинец.

— Для чего?

— Ты действительно ничего не знаешь о войне. Еще меньше, чем я. Расплавленный свинец льется на головы захватчиков, когда они лезут на стены.

— Разве мы должны быть такими жестокими?

— Мы не Вадаг. Мы деремся не с Надраг. Мне кажется, от этих мабденов можно ожидать не меньшей жестокости.

— Это верно. Погляжу-ка я лучше сочинения маркграфа сам. Он был человеком, который трезво оценивал обстановку.

— Да; — согласилась с ним графиня, протягивая бумаги. — Он был умным и умел оценивать обстановку.

Это было в первый раз, когда она высказала ему свое мнение о муже.

— Читай быстрее. Ты хорошо разберешься в почерке, да и заметки сделаны на древнем языке, который мы узнали от Вадаг.

Корум взглянул на листы: почерк был аккуратным, без индивидуальных особенностей. Пока Корум читал, в дверь постучали. На пороге стоял солдат.

— Меня послал Белдан, маркграфиня. Он просит принца Корума присоединиться к нему на стена замка.

Корум отложил листы рукописи в сторону.

— Я иду немедленно, Ралина. Ты проследи, чтобы приготовили мое оружие и доспехи.

Она кивнула.

Дорога уже почти очистилась от воды, Белдан что-то кричал воинам на берегу, предлагая переговоры.

Барабан продолжал бить медленно, но неутомимо. Воины молчали.

Белдан повернулся к Коруму.

— Они словно воды в рот набрали. Обращаешься словно к мертвцам. Для варваров они прекрасно организованы. Мне кажется, у них есть кое-что еще, чего мы не знаем.

У Корума было точно такое же впечатление.

— Зачем ты послал за мной, Белдан?

— Взгляни, мне кажется, я вижу какой-то блеск среди деревьев: возможно, это золото, но я не уверен. Говорят, что зрение Вадаг куда острее, чем у мабденов. Скажи мне, принц Корум, ты кого-нибудь видишь там?

Улыбка Корума была горькой.

— Два глаза мабдена лучше, чем один у Вадаг.

Тем не менее принц стал смотреть в том направлении, куда указал Белдан. Вне всякого сомнения, среди деревьев кто-то прятался. Он чуть изменил угол зрения, чтобы видеть яснее, и внезапно понял, что это отделанная золотом повозка.

Пока он наблюдал, колеса повозки пришли в движение. Из леса показались лошади. Четыре пегие лошади, немного большего размера, чем те, на которых скакали Конские племена. Лошади были запряжены в повозку, в которой стоял высокий мабден. Корум узнал его. Мабден был одет в меха, кожу и металл, у него была большая борода, и он держался с важностью.

— Это эрл Гландит-а-Край — мой враг, — спокойно сказал Корум.

— Тот самый, который лишил тебя руки и глаза?

Корум кивнул.

— Тогда, может быть, это именно он объединил Конские племена, и снабдил их новыми шпагами; и навел среди них такой жестокий порядок?

— Вполне возможно. Это я принес несчастье на ваши головы, Белдан.

Белдан пожал плечами.

— Рано или поздно это должно было случиться. Ты сделал нашу графиню счастливой. Я никогда не видел ее такой, принц.

— Вы, мабдены, думаете, что счастье можно достичь жалостью.

— Думаю, да. Это не просто понять, Вадаг. Мы верим, что счастье — это естественное бытие разумного существа. Вернее, верили...

Теперь из леса показалось уже двадцать повозок. Они выстроились позади эрла Края, так что он оказался между воинами, лица которых были закрыты железными сетками, и своими собственными Денледисси.

Бой барабана смолк.

Корум вслушивался в шумящие волны отлива. Дорога через море была теперь полностью свободна.

— Он, наверное, выследил меня и провел всю зиму, набирая и обучая этих воинов, — сказал Корум.

— Но как он мог узнать, где ты прячешься?

Как бы в ответ на это ряды Конских племен раздвинулись и Гландит направил свою повозку к морской дороге. Он наклонился и, подняв что-то тяжелое над головой, с силой бросил вперед на дорогу.

Корум вздрогнул, когда понял, что это. Белдан весь напрягся и схватился рукой за стену башни.

— Это Коричневый человек, принц Корум?

— Я вижу.

— Создание было таким невинным, таким добрым. Разве не мог его господин спасти его? Они, наверное, пытали его, чтобы узнать, где ты скрываешься.

Корум выпрямился. Когда он вновь заговорил, голос его был спокоен.

— Я когда-то сказал твоей госпоже, что Гландит — болезнь, от которой надо избавиться. Мне следовало бы отправиться на его поиски раньше, Белдан!

— Он бы убил тебя!

— Но он не убил бы Коричневого человека из Лаара. Серде продолжал бы служить своему печальному господину. Я думаю, что мне следовало умереть. Все, кто помогает мне жить, тоже прокляты. Сейчас я выйду и буду драться с Гландитом один. Тогда замок будет спасен.

Белдан проглотил слюну и заговорил хрипло:

— Мы хотели помочь тебе. Ты не просил этой помощи. Мы сами будем решать, когда нам помогать, а когда отказывать в помощи.

— Нет, если вы это сделаете, пострадают и маркграфиня, и замок.

— Они пострадают в любом случае, — ответил ему Белдан. — Но если я позволю Гландиту забрать меня...

— Гландит наверняка обещал Конским племенам отдать замок на разграбление, если они помогут ему. Ты им безразличен. Они хотят уничтожить то, что ненавидят многие века, и обогатиться. Может быть, Гландит удовлетворится тобой и уедет, но он оставит вместо себя тысячу шпаг. Мы должны драться вместе, принц Корум. Нам больше ничего не остается делать.

Глава 11. ЗАКЛИНАНИЯ

Корум вернулся в свои покои, где для него уже были приготовлены оружие и доспехи. Доспехи были непривычными: нагрудная и спинная пластины, наколенники и юбка из жемчужно-голубой раковины морского чудища под названием ануфеи, которое когда-то обитало в водах западных морей. Раковины были прочнее всякого железа и легче

дерева. Высокий остроконечный шлем, как и шлемы остальных обитателей — воинов замка Майдель, были сделаны из раковины Мурекса. Слуги помогли Коруму одеться, дали длинную металлическую шпагу, которая была так легка и чудесно сбалансирована, что он мог свободно держать ее в одной руке. Щит, который ему прицепили к большой руке, был вырезан из панциря гигантского краба, который жил, как сказали ему слуги, еще дальше, чем Лайм-ан-Эш, в местах под названием Земля в Отдаленном море. Доспехи эти принадлежали покойному маркграфу, который унаследовал их от своих предков, владевших ими в те далекие времена, когда еще не было самого маркграфства.

Поднявшись на стену замка, Корум увидел, что повозка Гландита стояла на дороге, но ряды воинов так и не шелохнулись. Изувеченный труп Коричневого человека из Лаара лежал на прежнем месте.

Вновь начал бить барабан.

— Почему они не наступают? — спросил Белдан напряженным голосом.

— Возможно, по двум причинам, — ответил Корум. — С одной стороны, они надеются запугать нас, с другой — тянут время, чтобы уничтожить свой собственный страх.

— Они нас боятся?

— Конские племена наверняка боятся. Ведь ты сказал мне, что они живут в суеверном ужасе перед народом Лайм-ан-Эша уже много веков. Они думают, что мы обладаем каким-то сверхъестественным способом защиты.

Белдан не смог сдержать иронической усмешки.

— А ты стал разбираться в мабденах, принц Корум. Даже лучше, чем я. Корум указал рукой в сторону Гландит-а-Края.

— Вот мабден, который дал мне первый урок. Он-то, пожалуй, не боится.

— Он не боится шпаг, но боится самого себя. Из всех недостатков мабденов этот самый плохой.

Гландит поднял одетую в перчатку руку, и вновь наступила тишина.

— Вадаг! — раздался свирепый голос — Видишь ли ты, кто пришел навестить тебя в этом поганом замке?

Корум не ответил. Стоя за башней, он смотрел, как Гландит оглядывает стены в поисках его.

— Вадаг! Ты здесь?

Белдан вопросительно посмотрел на Корума, который продолжал упрямо молчать.

— Вадаг! Ты видишь, мы убили твоего знакомого демона. Сейчас мы уничтожим тебя и всех вонючих мабденов, которые тебя приютили. Вадаг! Отвечай!

Корум прошептал Белдану:

— Мы должны растянуть эту паузу как можно дольше. С каждой секундой вода будет подниматься все выше и выше.

— Они скоро нападут, — ответил Белдан. — Задолго до того, как начнется прилив.

— Вадаг! Или ты самый большой трус из всей трусливой расы?

Корум увидел, что Гландит повернулся к своим людям, собираясь отдать приказ о наступлении. Тогда он вышел из своего укрытия и закричал:

— Я здесь, Гландит-а-Край, самый глупый и жадный из всех мабденов! Гландит вздрогнул, а затем разразился громким смехом.

— Я не жаден!

Он сунул руку в шкуру и достал оттуда какой-то предмет, висящий на веревке.

— Не хочешь ли ты выйти и забрать у меня этот сувенир?!

Корум почувствовал тошноту, когда увидел, что показывает ему Гландит. Это была его высохшая кисть, все еще с кольцом, которое подарила ему сестра.

— Взгляни! — Гландит вытащил маленький кожаный мешочек и помахал им из стороны в сторону. — Я сохранил также и твой глаз!

Корум, сдерживая гнев, крикнул:

— Ты можешь получить и все остальное, если повернешь свою орду и уйдешь от замка Мойдель с миром.

Гландит задрал подбородок к небу и захохотал.

— О' нет, Вадаг! Я не могу лишить их удовольствия подраться, не говоря уже о той законной добыче, что в замке. Слишком долго ждали они этого момента. Они собираются прикончить своих врагов, а я убить тебя. Я хотел провести зиму в теплом уюте в замке при дворе короля Лир-а-Брода. Вместо этого мне пришлось жить в лагерях с друзьями, которых ты видишь перед собой. На этот раз я убью тебя быстро, обещаю тебе. Я не хочу тратить много времени на такого калеку, как ты.

Он вновь расхохотался.

— Значит, ты не побоишься драться со мной один на один? — отозвался Корум. — Ты можешь сражаться со мной на этой дороге и быстро меня прикончить. Затем ты можешь предоставить замок своим друзьям и поскорее вернуться домой.

Гландит нахмурился, как бы обдумывая предложение.

— Зачем ты хочешь отдать свою жизнь раньше, чем это необходимо?

— Я устал жить калекой. Я устал ждать встречи с тобой и твоими людьми.

Гландит сомневался. Корум пытался разговорами выиграть время. Гландиту было безразлично, сколько усилий потратят Конские племена на то, чтобы взять замок после того, как он разделается с Корумом.

В конце концов он кивнул и крикнул:

— Хорошо, Вадаг, выходи на дорогу. Я прикажу своим людям отойти в сторону, пока мы с тобой будем сражаться. Если ты убьешь меня, они отойдут от замка.

— Я не верю в твои обещания, — ответил Корум, — но я иду.

Корум тянул время, медленно спускаясь по ступеням башни. Он не хотел умирать от руки Гландита и знал, что если Гландит начнет проигрывать, его люди немедленно кинутся ему на помощь. Он надеялся только на то, что сумеет выиграть несколько часов для защиты замка.

В дверях он столкнулся с Ралиной.

— Куда ты идешь, Корум?

— Я иду драться с Гландитом, и, скорее всего, насмерть, — ответил он. — Я погибну любя тебя, Ралина!

На ее лице застыло выражение ужаса.

— Нет! Корум, нет!

— Это необходимо, если у замка останется хоть один шанс выстоять.

— Нет, Корум. Мне кажется, я нашла еще один путь, чтобы получить помошь. Это последнее средство. Муж говорит о нем в своем трактате.

— Какую помошь?

— Он очень смутно упоминает об этом, но это завещание его предков. Волшебство, Корум.

Корум печально улыбнулся.

— Нет волшебства, Ралина. То, что ты называешь волшеством, полуизученная мудрость Вадаг.

— Мудрость Вадаг здесь совсем ни при чем. Это нечто другое. Это заклинания.

Он сделал движение, собираясь пройти мимо нее. Она порывисто скватали его за руку.

— Корум, разреши мне попробовать сделать это.

Он отстранил ее и со шпагой в руке продолжал спускаться вниз.

— Делай что хочешь, Ралина. Даже если ты права, тебе тоже потребуется время. Я постараюсь, чтобы его было как можно больше.

Он слышал, как она вскрикнула и приглушенно зарыдала. Принц вышел из дверей и пошел к главному входу больших ворот замка Майдель.

Гландит откинул с лица грязные густые волосы и обнажил зубы в волчьей усмешке. Он взял топор из рук мальчика и начал приближаться к Коруму.

Корум шел навстречу ему.

Море плескалось совсем рядом. Иногда раздавался крик морской птицы. С обеих сторон воины хранили молчание. Они напряженно наблюдали, как двое мужчин сближались, а затем остановились на середине дороги. Теперь их разделяло примерно десять футов.

Корум увидел, что Гландит похудел. Но в его выцветших серых глазах еще сверкал неестественный блеск, и лицо было таким же красным и нездоровым, как раньше. Он держал топор обеими руками перед собой, голова в шлеме была наклонена в сторону.

— Клянусь Собакой, — сказал он, — ты заметно подурнел, Вадаг.

— Тогда мы с тобой подходящая пара, мабден, потому что ты совсем не изменился.

Гландит насмешливо фыркнул:

— И ты с ног до головы увешан дурацкими раковинами, как дочь морского царя, которая собирается выйти замуж за какую-нибудь рыбку. Ну что ж, пусть они тогда тобой и полакомятся, когда я брошу твой труп в море.

Коруму надоели оскорблении. Он прыгнул вперед и опустил шпагу на Гландита, который быстро поднял свой бронзовый топор и парировал удар. Он перекинул топор в правую руку, а левой вытащил нож, затем пригнулся и направил удар длинного топора на ноги Корума. Корум высоко подпрыгнул, и лезвие воткнулось в землю. Корум снова сделал выпад и ударил по надплечной пластине, не причинив сопернику вреда. Тем не менее Гландит выругался и повторил тот же трюк. Снова Корум подпрыгнул и топор не задел его. Гландит отпрыгнул назад, замахнулся и опустил топор на щит-раковину, который затрещал от удара, но не разлетелся, хотя рука Корума заныла от кисти до плеча. Он ответил ложным выпадом, который Гландит легко парировал. Теперь уже Корум попытался нанести удар по ногам Гландита, но тот отбежал на несколько шагов и остановился. Корум начал осторожно приближаться к нему.

Тогда Гландит закричал:

— Надоели эти глупости! Стреляйте, лучники!

Корум увидел повозки, которые незаметно выдвинулись в первые ряды, и людей, нацеливших в него стрелы. Он поднял щит, чтобы предохранить себя. Гландит бегом возвращался к своим воинам. Корум понял, что это обман.

До прилива оставался час. Со стороны замка раздался крик, и туча стрел понеслась вниз. Лучники Белдана опередили противника.

Но стрелы Денледисси застучали по щиту Корума. Он почувствовал, как что-то вонзилось ему в ногу, в незашитенное место. Принц посмотрел вниз: стрела. Она прошла ногу насквозь. Он попытался отступить назад, но передвигаться было трудно. Чтобы вытащить ее единственной рукой, надо бросить шпагу. Он посмотрел в сторону берега. Как он и подозревал, первые ряды всадников уже вступили на дорогу. Ковыляя, он пошел к замку, но вскоре понял, что ему никогда не удастся достичь его ворот. Он оперся на здоровую ногу, положил шпагу на землю, отломал часть стрелы, а затем вытащил остальную.

Воины с железными сетками на лицах скакали по дороге по двое, новые шпаги сверкали у них в руках. Корум вонзил свою шпагу в первого всадника. Удар оказался удачным — всадник вылетел из седла. Второй всадник попытался разрубить Корума, но промахнулся.

Корум вскочил в примитивное седло первой лошади. Вместо стремян с седла свисали две кожаные петли. С трудом Корум засунул туда ноги и вовремя успел отразить удар вернувшегося всадника.

Сзади подъехали другие воины, и Корум быстро развернулся, отражая удары шпаг своим щитом. Лошади хрюкали и пятнились назад. Дорога была такой узкой, что на ней не было места для маневрирования, и ни Корум,

ни два его противника не могли пользоваться шпагами, управляя со- противляющимися лошадьми.

Остальные всадники вынуждены были остановиться, чтобы не упасть с узкой дороги в воду, и это дало лучникам Белдана шанс. Тучи стрел полетели со стены замка в неприятельские ряды. Было убито много лошадей, и это внесло еще большую сумятицу.

Медленно Корум отступал по дороге, пока не оказался у ворот замка. Его больная рука со щитом была почти парализована, а та, в которой он держал шпагу, ужасно болела. Гландит кричал на всадников Конских племен, пытаясь заставить их отступить и перегруппироваться. Ясно было, что его план атаки сорвался, варвары просто не слушались его. Корум усмехнулся. Хоть в чем-то ему удалось помешать Гландиту. Внезапно ворота замка распахнулись, там стоял Белдан и пятьдесят лучников с луками наготове.

— Быстро, Корум, сюда! — крикнул Белдан.

Поняв его намерение, Корум быстро соскочил с лошади и, пригнувшись как можно ниже, побежал. Стрелы свистели у него над головой. Он вбежал в ворота, которые тут же закрылись.

Задыхаясь от бега, Корум прислонился к колонне. Он понимал, что не сумел выполнить своего намерения, но Белдан хлопнул его по плечу:

— Прилив начался, Корум! Мы выиграли!

Хлопка оказалось достаточно для Корума. Падая на каменный пол и теряя сознание, он еще видел удивленное лицо Белдана.

Когда принц очнулся, он лежал в постели, а рядом за столом сидела Ралина, все еще погруженная в чтение рукописи. Корум понял, что как бы хорошо он не был тренирован, как бы удачно не прошла его битва на узкой дороге, он не сможет выжить в мабденовском мире с одной рукой и одним глазом.

— Мне нужна новая рука, мне нужен новый глаз, — сказал он, поднимаясь с постели.

Ралина, казалось, вначале не расслышала его, затем она подняла голову. Лицо ее было усталым и измученным от сильного напряжения.

— Лежи, — бездумно сказала она и вновь склонилась над рукописью.

Раздался стук в дверь, в комнату быстро вошел Белдан. Морщась от боли, Корум приподнялся в кровати, раненая нога не гнулась, все тело болело.

— Они потеряли человек тридцать, — сообщил Белдан. — Отлив начнется как раз перед заходом солнца. Не думаю, что они попытаются атаковать нас сегодня еще раз. Скорее всего, они будут ждать завтрашнего дня.

Корум нахмурился:

— Это зависит от Гландита. Он поймет, что мы не ожидаем ночной атаки, и, следовательно, атакует. Но, если эти Конские племена так суеверны, как мы думаем, они не очень-то охотно пойдут в наступле-

ние ночью. Как бы то ни было, надо готовиться к следующей атаке. И поставьте охрану вокруг замка. Как это согласуется с трактатом маркграфа, Ралина?

Она посмотрела на него ничего не выражавшими глазами и ответила:

— Хорошо.

Корум с трудом натянул доспехи, Белдан помогал ему. Они вышли на стену.

Денледисси на берегу перегруппировались. Мертвецов вместе с лошадьми, как и тело Коричневого человека из Лаара, смыли волны. Несколько трупов качалось на волнах под стенами замка. Денледисси стояли в том же боевом порядке, что и прежде. Верховые с железными сетками на лицах образовали десять первых рядов, позади них стояли Гландит и его воины.

Свинец кипел в котлах на огне прямо на стенах замка, маленькие катапульты были приведены в состояние боевой готовности, а каменные ядра лежали рядом с ними. Новый запас стрел был подготовлен неподалеку.

Начался новый отлив.

Вновь послышались глухие удары барабана. Гландит что-то кричал всадникам.

— Мне кажется, он призывает атаковать, — сказал Корум.

Солнце садилось, и весь мир погружался в серый холодный мрак. Защитники замка наблюдали, как дорога постепенно обнажалась. Скоро на ней не осталось даже нескольких футов морской соленой воды. На короткое время грохот барабана стих, а затем стал еще громче и настойчивей. Послышались крики. Воины начали двигаться вперед, не дожидаясь, пока вода полностью уйдет.

Настоящая битва за замок Майдель началась.

Не все всадники отправились по морской дороге. Примерно две трети отряда осталось на берегу. Корум понял, что это могло означать.

— Скажи, Белдан, замок охраняется со всех сторон?

— Да, принц Корум.

— Хорошо. Мне кажется, они попытаются на лошадях высадиться с другой стороны, на скалах, чтобы с наступлением ночи атаковать замок сразу со всех сторон. Когда стемнеет, прикажи стрелять зажженными стрелами.

Когда начался штурм замка, котлы с раскаленным свинцом опрокинулись на животных и всадников. Душераздирающие крики людей, ржанье лошадей заполнили сумерки.

Море зашипело и извергло тучу пара, когда свинец достиг воды.

Таранами, прикрепленными к лошадям, начали разбивать ворота. Один из таранов ударили в них и пробил насеквоздь, застряв в дереве. Всадники попытались вытащить его, но не смогли. Они были сожжены лавой расплавленного свинца.

— Лучников к воротам, — скомандовал Корум, — и приготовить лошадей на случай, если они прорвутся в главный зал.

Стало почти темно, но сражение продолжалось. Корум увидел, как ряд всадников покинул берег и направился по мелкой воде к острову. Гландит и его помощники оставались на прежних местах, не принимая участия в битве. Несомненно, Гландит решил обождать, пока силы оборонителей замка иссякнут.

Ненависть Корума к эрлу Краю усилилась после его обмана, а когда он увидел, что Гландит использует суеверных варваров в своих интересах, Корум окончательно убедился, что он подл, коварен и расчетлив.

Заштитники замка понесли большой урон от стрел и брошенных копий. По меньшей мере пятьдесят человек были убиты или тяжело ранены. Оставшаяся сотня храбрецов составила не очень плотную оборонительную линию. К этому времени у них было минимальное количество стрел и копий. Корум обошел стены замка, подбадривая людей. Скоро им придется драться с врагами лицом к лицу. Всех, кого можно было снять с постов, Корум забрал и отвел в главный зал. Там они оседлали коней и образовали полукруг позади лучников, ожидающих, когда ворвутся варвары.

Наступила ночь. Огненные стрелы осветили полчища варваров вокруг замка, которые начали штурм. Все свое внимание нападавшие перенесли на главные ворота. В ход пошло еще несколько таранов. Ворота застонали и начали раскачиваться. Когда они рухнули, варвары ворвались внутрь, крича и воя. Огонь отражался на их железных масках, делая их еще более свирепыми и злыми. Лошади ржали и вставали на дыбы.

Лучники Корума выпустили стрелы в последний раз, а затем отступили, давая дорогу принцу и его импровизированной кавалерии.

Забыв о боли, Корум рубил шпагой направо и налево. От фонтанов крови шипели факелы, слабело их пламя. Воины Корума разили противника, срубая головы, поражая тела. Но их становилось все меньше и они под натиском свежих сил Конских племен, вливающихся в замок, были вынуждены отступать. Бой шел уже в самом конце зала, откуда начиналась лестница, ведущая на второй этаж. Лестницу от варваров защищали лучники, но вскоре они были перебиты выстрелами из арбалетов.

Корум огляделся. Мало оставалось живых, рядом с ним была дюжина человек, а против него в зале — более пятидесяти варваров. Битва близилась к завершению. Через несколько мгновений он и его друзья будут убиты. Он увидел Белдана, который привел подкрепление, но с ним было всего шесть воинов.

— Корум! Корум!

Корум был сразу с двумя варварами и не мог ответить.

— Корум! Где леди Ралина?

При этих словах Корум почувствовал прилив невиданных сил. Череп первого варвара разлетелся от удара. Он сбил второго с седла и, привстав на стременах, прыгнул прямо со спины своей лошади на лестницу.

— Что? Леди Ралина в опасности?

— Не знаю, принц... Я нигде не мог найти ее... Боюсь, что...

Корум кинулся вверх по лестнице.

Вдруг шум битвы внезапно переменился. Что-то возбужденно кричали варвары. Корум остановился и посмотрел вниз: варвары в панике отступали.

Принц не мог понять, что произошло, но у него не было времени для наблюдения. Он бегом ворвался в комнаты.

— Ралина! Ралина!

Ответа не последовало.

Везде валялись тела его воинов и варваров, которые проникли в замок через плохо охраняемые окна и балконы. Не пала ли Ралина жертвой варваров?

Вдруг он услышал странные звуки. Они исходили из ее комнаты.

Корум постоял немного, а затем осторожно открыл дверь. Он увидел Ралину, которая пела. Ветер шевелил ее одежды, невидящие глаза устремились вдаль, горло выбрировало от странных звуков. Она была в трансе. Корум стоял не шевелясь и наблюдал. Графиня пела на языке, которого он не знал. Несомненно, это был древний язык мабденов. Когда она замолчала и повернулась к нему, глаза ее были еще незрячими. Как бы отсутствующая, в оцепенении она прошла мимо в свою комнату.

Корум взглядался в темноту ночи. Внизу он увидел странное зеленое свечение. Раздавались крики варваров и плеск волн на морской дороге. Не оставалось сомнений — враги отступали.

Корум вошел в комнату к Ралине. Прямое негнущееся тело ее было погружено в кресло. Она не услышала, когда он тихо окликнул ее по имени. Видя, что она в безопасности, он покинул ее и побежал вверх на стены замка.

Белдан уже был там. Он был взволнован и удивлен тем, что происходило.

С севера остров огибал большой корабль. Именно он был источником зеленого свечения. Он плыл быстро, хотя море успокоилось и ветра не было. Конные и пешие варвары убегали под дороге, которая начала покрываться водой. Они словно обезумели от страха. Из темноты до Корума донесся гневный голос Гландита, который призывал их остановиться.

Корабль переливался множеством огней. Его мачты и корпус были богато украшены драгоценными камнями. Однако то, что увидел принц, заставило его содрогнуться от ужаса. Оцепенев, Корум не мог оторвать глаз от корабля. Кораблем управляли мертвцы. С их костей свисала гнилая плоть.

— Что это, Белдан? — прошептал он. — Мираж или галлюцинация?

— Не думаю, что это мираж, принц Корум, — ответил Белдан хрипло.

— Тогда что же?

— Это призрак, вызванный заклинаниями Ралины. Это старый ко-

рабль маркграфа. Своим колдовством она подняла его на поверхность. Мертвецы как бы ожили на время. Смотри, — он указал рукой на фигуру, которая стояла на мостике: это был скелет в доспехах из раковин. Запавшие глазницы источали тот же зеленый свет, который исходил от всего корабля. — Вот стоит сам маркграф. Вернулся, чтобы спасти свой замок.

Корум заставил себя смотреть прямо на приближающееся.

— Зачем он вернулся?

Глава 12. УСЛОВИЕ МАРКГРАФА

Корабль достиг морской дороги и остановился. От него несло гнилостными испарениями.

— Если это мираж, — прошептал Корум, — то слишком хороший.

Белдан ничего не ответил.

Они слышали, как вдалеке ломились варвары через лес. Они слышали, как разворачиваются повозки Гландита, последовавшего за своими союзниками.

Мертвецы команды корабля были вооружены. Все они как один, повернув головы, смотрели в сторону замка.

Корум застыл от изумления и ужаса. События, свидетелем которых он был, казались ему нереальными. Такие сцены могли быть созданы только невежественным страхом и больным воображением. Подобные картины можно видеть на грубых варварских gobelenах, висевших в комнатах замка.

— Что они делают сейчас, Белдан?

— Я ничего не понимаю в оккультных науках, принц. Леди Ралина единственная среди нас, которая могла общаться с умершими. Я знаю, что при этом обязательно выполнить условия.

— Условия?

Белдан судорожно вздохнул.

— Маркграфиня!

Корум увидел, что Ралина, все еще в трансе, двигалась по колено в воде морской дорогой к кораблю. Голова мертвого графа повернулась в ее сторону, огонь в его глазницах пыпал ярче.

— Нет!

Корум кинул со стены, вихрем пролетел по ступеням лестницы, миновал главный зал с трупами варваров и, выбравшись на морскую дорогу, стремительно побежал, разбрызгивая воду и задыхаясь от волн, исходящей от корабля.

— Ралина!

Она уже почти подошла к судну, когда Корум догнал ее и схватил

здоровой рукой за плечо. Она, казалось, поняла, что это он, но машинально продолжала свой путь к кораблю.

— Ралина!

Все было хуже, чем в кошмарном сне.

— Ралина! Что за условие ты приняла, чтобы спасти нас? Почему корабль мертвых приплыл сюда?

Голос ее звучал безжизненно.

— Сейчас я соединюсь со своим супругом.

— Нет, Ралина! Не делай этого. Это невероятно, чудовищно! Это... Это...

Он попытался сказать ей, что все они жертвы какой-то галлюцинации.

— Пойдем со мной, Ралина. Пусть этот корабль возвращается в свои глубины.

— Я должна уйти вместе с ним. Таковы условия договора.

Корум прижал ее к себе, стараясь удержать. И вдруг услышал голос. Он был беззвучен, но проникал прямо в мозг и заставил его остановиться.

— Она отправится в плавание с нами, принц Вадаг. Так должно быть.

Рука мертвого маркграфа застыла в жесте приказа. Его горящий взгляд был направлен на Корума, который попытался изменить перспективу и перейти в другие измерения. Наконец ему это удалось. Но корабль мертвцев был и там. Он был во всех измерениях.

— Я не пущу ее, — закричал Корум. — Ваш договор несправедлив. Почему она должна умереть?

— Она не умрет. Скоро она проснеться.

— Что?! Под водой?

— Она воскресила корабль. Без нее мы вновь погрузимся в пучину. Если она будет на корабле, мы будем жить.

— Жить?! Вы мертвые. Смерть страшнее, чем я думал.

— Для нас, да, принц Корум. Мы — рабы Шуль-а-Джайвана, потому что мы погибли в его водах. А сейчас дай нам соединиться — мне и моей жене.

— Нет! — Корум еще крепче ухватил Ралину за руку. — Кто это, Шуль-а-Джайван?

— Он наш господин. Он из Сви-ан-Фанла-Бруль.

— Дом Жадного Бога!

То самое место, куда Корум хотел отправиться до того, как любовь Ралины удержала его в замке Майдель.

— Ну же. Пусти мою жену и дай ей взойти на борт.

— Как ты можешь заставить меня? Ты мертв. Все, что ты можешь, так это напугать глупых варваров.

— Мы спасли твою жизнь. Так дай нам возможность жить. Она должна отправиться с нами.

— Мертвые эгоистичны.

Мертвец покачал головой, и свет в его глазах поблек.

— Да, мертвые эгоистичны.

Корум увидел движение среди команды. Он слышал шаги по скользкой палубе, он видел их гнилую плоть, их сверкающие пустые глазницы. Он начал отступать, таща Ралину за собой. Но Ралина не желала идти, а он был измучен и слаб. Тяжело дыша, он остановился и с трудом выговорил:

— Ралина, я знаю, что ты никогда не любила его. Ни живого, ни мертвого. Ты любишь меня, и я люблю тебя. Ведь это сильнее любого договора.

— Я должна соединиться со своим супругом, — безучастно ответила графиня.

Команда мертвецов сошла с корабля и медленно начала приближаться к Коруму. Шпагу принц оставил в замке и был безоружен.

— Назад! — крикнул он. — Мертвые не имеют права распоряжаться живыми!

Мертвецы продолжали наступать. Корум закричал, обращаясь к маркграфу, который все еще стоял на мостице:

— Останови их! Возьми меня вместо нее! Заключи договор со мной!

— Не могу!

— Тогда разреши мне плыть вместе с ней. Для вас не будет вреда, если двое живых будут согревать ваши мертвые души.

Маркграф задумался.

— Зачем тебе это? Живые не любят мертвых.

— Я люблю Ралину! Ты понимаешь, что такое любовь?

— Любовь? Мертвые не могут чувствовать.

— И тем не менее ты хочешь взять с собой жену.

— Она предложила заключить договор. Шуль-а-Джайван услышал ее зов и послал нас.

Мертвецы вплотную окружили их. Корум задыхался от зловония, исходившего от них.

— Тогда я отправлюсь с вами.

Мертвый маркграф наклонил голову.

Окруженные трясущимися мертвецами Корум и Ралина поднялись на корабль. Он был покрыт слизью и водорослями, которые обволакивали его, светясь странным зеленым светом. То, что Корум принял за драгоценные камни, было раковинами, которые валялись повсюду. И повсюду были гниющие водоросли. Пока маркграф наблюдал со своего мостика, Корума и Ралину проводили в каюту. В ней было темно, как в погребе, и отовсюду исходил ужасный запах гнили.

Корум услышал, как заскрипели мачты и корабль двинулся в путь. Он плыл быстро, без волн и ветра, в направлении Сви-ан-Фанла-Бруль, острова легенд, Дома Жадного Бога.

КНИГА ВТОРАЯ

В которой принц Корум получает дар и заключает соглашение

Глава 1. ТИЦЕСЛАВНЫЙ КОЛДУН

Они плыли всю ночь, и Корум много раз пытался вывести Ралину из транса, но у него ничего не получалось. Она лежала на койке среди сырых истлевших шелков и глядела в потолок. Через иллюминатор, слишком маленький, чтобы через него можно было бежать, пробивался слабый свет. Корум мерил каюту шагами, с трудом веря в то, что произошло. Они находились в каюте маркграфа. И кто знает, не потребовал бы он от жены исполнения ее супружеских обязанностей, оказалась он здесь.

Корум задрожал и тронул рукой лоб, уверенный, что он сошел с ума или видит дурной сон. Такого просто не могло быть.

Как Вадаг он был готов ко всяkim неожиданным ситуациям. Но то, что с ним происходило, было слишком неестественным, слишком далеким от науки и не умешалось в его понимании. Если же он нормален и все, что он видел, происходило на самом деле, значит, власть мабденов сильнее, чем Вадаг.

Но это была темная, нездоровая сила, основанная на зле.

Корум устал и был измучен, но спать не мог. Все, до чего он дотрагивался, было покрыто илом и слизью. Он попробовал замок на двери. Хотя дерево было гнилым, дверь оказалась необыкновенно прочной. Здесь действовали другие законы. Деревянные части корабля были скреплены не только гвоздями.

Усталость отнюдь не помогла мыслям проясниться. Корум ничего не понимал и был в отчаянии. Он часто гляделся в иллюминатор, надеясь хоть что-то увидеть, но кругом были только волны и звезды.

Через некоторое время принц заметил, что горизонт стал светлеть, и с облегчением вздохнул. Наступает утро, и корабль как порождение ночи исчезнет. С появлением солнца он и Ралина проснутся в замке Майдель.

Но что напугало варваров? Или это тоже было частью сна? Возможно, после того, как он свалился у ворот после драки с Гландитом, он никак не очнется от лихорадочного забытья? Может быть, его товари-

щи все еще сражаются с Конскими племенами? Он потер голову обрубком левой руки, облизнул сухие губы и вновь попытался посмотреть в другие измерения, но сейчас они были закрыты для него. Он ходил по каюте в ожидании утра. Вдруг в его ушах появился странный жужжащий звук. От него заболели голова и уши, ломило зубы. Звук нарастал. Здоровой рукой и обрубком он закрыл уши. В глазах у него появились слезы. В глазнице, где когда-то был другой глаз, нарастала пульсирующая боль.

Спотыкаясь, он кидался из одного угла каюты в другой, пытался даже взломать дверь. Все закачалось у него под ногами, и чувства покинули его.

Он стоял в темном зале со стенами из переливающегося камня. Над головой его был круглый свод. Обстановка зала могла соперничать с любым созданием Вадаг, но не была красивой. Скорее, в ней было что-то зловещее.

Голова Корума болела. Воздух вокруг него мерцал и переливался бледно-голубым светом. И вдруг из этого мерцания перед принцем возник юноша. На молодом лице его были глаза очень старого человека. Одет он был в простое светлое платье из шелка. Он поклонился Коруму, сделал несколько шагов и сел на каменную скамейку, встроенную в стену.

Корум нахмурился.

— Ты думаешь, что спишь, мастер Корум?
— Я принц Корум в Алом Плаще, последний из расы Вадаг.
— Здесь нет других принцев, кроме меня, — мягко ответил юноша.
— Я этого не допущу. Если ты это понимаешь, то между нами не будет недоразумений.

Корум пожал плечами.

— Мне кажется, что я сплю.
— В определенном смысле это так. Все мы спим. Какое-то время, Вадаг, ты был во сне мабденов. Они контролировали твою судьбу, и ты возмущался этим.

— Где корабль, который привез меня сюда? Где Ралина?
— Корабль не может плыть днем. Он вернулся в морские глубины.
— А Ралина?

Юноша улыбнулся.

— Ралина, конечно, вместе с ним. Такой она заключила договор.
— Значит, она мертва?
— Нет, она жива.
— Как она может жить под водой, на дне океана?
— Она жива и всегда будет жить. Команда ей очень рада.
— Кто ты?
— Мне кажется, ты знаешь мое имя.
— Шуль-а-Джайван?

— Принц Шуль-а-Джайван, повелитель всего мертвого в море. Это один из небольших моих титулов.

— Отдай мне Ралину.

— Я собираюсь это сделать.

Корум подозрительно посмотрел на колдуна.

— Не думаешь ли ты, что я ответил бы на такой слабый вызов-заклинание, если бы у меня не было своих соображений?

— Твои соображения ясны. Она нужна тебе для своего корабля мертвцев.

— Чушь! Неужели я так наивен? Мне давно не нужны эти детские забавы. Я вижу, ты начинаешь спорить, как настоящий мабден. Ну что ж, так и нужно, если ты хочешь выжить в этом мабденовском сне.

— Значит, это сон?

— Но достаточно реальный. Ты можешь, если хочешь, назвать его сном бога. Можно сказать, что это сон, который бог разрешил сделать реальностью. Я говорю, конечно, о Валете Шпаг, который правит этими пятью измерениями.

— Правители Шпаг! Их не существует! Это суеверия, когда-то владевшие Вадаг и Надраг.

— Правители Шпаг существуют, мастер Корум. Одного из них ты можешь поблагодарить за все свои несчастья. Именно Валет Шпаг позволил мабденам собрать силу и уничтожить древние расы.

— Почему?

— Потому, что вы ему наскучили. Я его понимаю. Мир сейчас стал более интересен, и ты, я думаю, согласишься со мной.

— Хаос и уничтожение — это интересно? — Корум нетерпеливо взмахнул рукой. — Разве это может быть развлечением?

Шуль-а-Джайван улыбнулся.

— Может быть, и так. Но думает ли так Валет Шпаг?

— Ты не говоришь со мной откровенно, принц Шуль.

— Верно. Порок, от которого я никак не могу избавиться, но все же он оживляет беседу.

— Если тебе наскучило мое общество, верни мне Ралину и мы уйдем.

Шуль вновь улыбнулся.

— Это в моей власти: забрать Ралину и отпустить тебя. Поэтому я и позволил мастеру Майделю ответить на ее вызов-заклинание. Я хотел встретиться с тобой, мастер Корум.

— Ты не мог знать, что я пойду вместе с Ралиной.

— Я считал это вполне возможным.

— А почему ты хотел со мной встретиться?

— У меня есть к тебе предложение. В том случае, если ты откажешься от моего дара, я подумал, что будет мудро оставить госпожу Ралину заложницей.

— А почему я должен отказаться от дара?

Шуль пожал плечами.

— От моих даров люди иногда отказываются. Они относятся ко мне с подозрением. Способ, которым я приглашаю к себе, раздражает их. Редко кто обмолвится добрым словом о колдунах, мастер Корум.

Корум оглядывался вокруг, пытаясь разобраться в полуумраке зала.

— Где дверь? Я сам пойду искать Ралину. Я очень устал, принц Шуль.

— Ну, конечно, ты устал. Перенести столько страданий. Твой самый сладкий сон ты принимаешь за реальность, а реальность — за сон. Здесь нет дверей, они не нужны мне. Разве ты не хочешь меня выслушать?

— Если ты будешь говорить со мной без недомолвок.

— Ты плохой гость, Вадаг. Я думал, что твоя раса вежлива.

— Я больше не ее типичный представитель.

— Какойстыд, что последний из расы не может показать всех ее добродетелей. Однако, надеюсь, я хороший хозяин и исполню твою просьбу. Я — древнее существо, но я не из древней расы, и я не мабден. Я пришел в мир задолго до вас. Я принадлежал к расе, которая начала вырождаться. Мне совсем не хотелось этого, и поэтому я занялся наукой, которая помогла мне сохранить ум и силу, как видишь, я знаю секрет бессмертия. Сейчас я чистый дух. Я могу перемещаться из одного тела в другое, правда, с некоторыми трудностями. За тысячу лет было сделано множество попыток уничтожить меня, но безуспешно. Итак, говоря в общих чертах, мне было позволено продолжать свое существование и мои эксперименты. Моя мудрость росла. Я уже контролировал Жизнь и Смерть. Я могу уничтожать и давать другим существам бессмертие. Короче говоря, мои ум и опыт сделали меня богом. Возможно, не самым могущественным из богов, но это придет. Теперь ты понимаешь, что те боги, которые... — тут Шуль распростер руки, — появились только благодаря какому-то космическому уродству. Эти боги ненавидят меня. Они отказываются признавать меня богом, ревнивы и с удовольствием покончили бы со мной, потому что я нарушаю их самодовольное бытие. Валет Шпаг — мой враг. Он хочет, чтобы я погиб. Так что, видишь, у нас с тобой много общего, мастер Корум.

— Я не бог, принц Шуль. Честно говоря, до недавнего времени я вообще не верил в богов.

— То, что ты не бог, видно из твоего упрямства, мастер Корум. Я имел в виду совсем не это. Я хотел сказать, что оба мы последние представители рас, которые Валет Шпаг решил уничтожить. Оба мы в его глазах — анахронизмы, которые не нужны. Так же, как Повелители Шпаг вселили души моего народа в Вадаги Надраг, они заменили Вадаг и Надраг на мабденов. Твой народ, прости, если я ассоциирую тебя с Надраг, дегенерировал точно так же, как и мой. Точно так же, как и я, ты пытаешься противиться этому, бороться. Я выбрал науку,

ты выбрал шпагу. Я предоставляю тебе самому решать, чей выбор мудрее.

— Для бога ты слишком много говоришь о пустяках, — сказал Корум, теряя терпение. — А сейчас...

— Сейчас я и есть пустяшный бог. Ты найдешь меня величественнее, когда я займу положение великого бога. Разрешишь ли ты мне продолжать, мастер Корум? Неужели ты не понимаешь, что я до сих пор действовал лишь из дружеских побуждений?

— Пока ничего из того, что ты сделал, не говорит о твоей дружбе.

— Я сказал «из дружеских побуждений», а не дружбы. Уверяю тебя, мастер Корум, я могу уничтожить тебя в мгновение ока, да и твою леди тоже.

— Я был бы терпеливее, если бы узнал, что ты освободил ее от ужасного договора, который она заключила, и доставил бы сюда, чтобы я смог увидеть ее и знать, что она жива.

— Тебе придется поверить мне на слово.

— Тогда можешь меня уничтожить.

Принц Шуль встал. Движения его были движениями очень старого человека. И это не вязалось с его юным видом, делая мало привлекательным.

— Тебе следовало бы больше уважать меня, мастер Корум.

— Почему? Я видел несколько дешевых трюков и высушал много высокопарных утверждений.

— Предупреждаю, ты многое мог бы от меня получить. Веди себя более вежливо.

— Что я могу получить?

Глаза принца Шуля сузились.

— Ты можешь получить от меня жизнь, но я могу и забрать ее.

— Это ты мне уже говорил.

— Ты можешь получить от меня новую руку и новый глаз.

Принц Шуль усмехнулся, заметив волнение Корума.

— Ты можешь получить от меня эту мабденовскую особь, к которой ты так привязан. — Тут Шуль поднял руку. — Хорошо, хорошо, я извиняюсь. Каждому свое. Могу помочь тебе отомстить тем, кто тебя искалечил.

— Гландит-а-Краю?

— Нет, нет, нет! Валету Шпаг! Валету Шпаг! Тому, кто вообще позволил мабденам пустить такие глубокие корни на этой плоскости.

— Но Гландит... Я поклялся убить его!

— И ты еще обвиняешь меня в пустых разговорах? Той властью, которую ты получишь от меня, ты сможешь уничтожить любое количество мабденовских эрлов.

— Продолжай...

— Продолжать?! Разве я мало предложил тебе?

— Ты не объяснил мне, как ты собираешься все это выполнить, пока я слышу одни обещания.

— О, ты еще оскорбляешь меня! А мабдены боятся меня! Они трепещут от страха, когда я материализуюсь перед ними. Некоторые умирают от страха, когда я демонстрирую свою силу.

— В последнее время я видел слишком много ужасов, — ответил принц Корум.

— Это не имеет значения. Твоя беда, Вадаг, в том, что ты воспринимаешь мои ужасы как ужасы мабденов. Ты оказался в их мире, но ты все-таки Вадаг. Темные сны мабденов пугают тебя больше, чем сами мабдены. Был бы ты мабденом, мне было бы куда легче убедить тебя.

— Но ты не можешь использовать мабдена для той цели, которую хочешь достигнуть, — угрюмо произнес Корум. — Я прав?

— Ты начинаешь соображать. Это абсолютная истина. Ни один мабден не сможет перенести того, что должен перенести ты. И я не уверен, что даже Вадаг...

— Чего ты хочешь?

— Ты должен достать для меня одну вещь, которая поможет мне в продвижении на моем тщеславном пути.

— Разве ты не можешь украсть ее сам?

— Конечно, нет. Как я могу покинуть свой остров? Тогда они, вне всякого сомнения, уничтожат меня.

— Кто тебя уничтожит?

— Ну, конечно же, мои соперники — Повелители Шпаг и все остальные! Я жив только потому, что защищаю себя всевозможными способами и заклинаниями. Они хотели бы расстроить мое колдовство и уничтожить меня, но это приведет к ужасным последствиям. Сломить мои заклинания — это значит растворить все пятнадцать плоскостей, а следовательно, погубить Повелителей Шпаг.

Именно ты должен украсть то, что мне надо. Ни у кого другого во всем измерении не хватит для этого смелости, да и желания. И если ты выполнишь мое поручение, я верну тебе Ралину. И если желание у тебя останется, то в твоей власти будет отомстить Гландит-а-Краю. Уверяю тебя, ты должен благодарить за существование Гландита Валета Шпаг и, украв у него то, что мне нужно, ты хорошо отомстишь за себя.

— Что я должен украсть? — спросил Корум.

Шуль вновь усмехнулся.

— Его сердце, мастер Корум.

— Ты хочешь, чтобы я убил бога и вынул его сердце?

— Ты явно ничего не знаешь о богах. Если бы ты убил Валета Шпаг, то последствия даже невозможно себе представить. Сердце его находится не в груди. Мозг его хранится в другом измерении... Это его защищает. Разве ты не понимаешь?

Корум вздохнул.

— Тебе придется потом объяснить мне больше. А сейчас... освободи Ралину, и я попытаюсь сделать то, что ты хочешь.

— Ты невообразимо нагл, мастер Корум.

— Если я единственный, кто может помочь тебе в твоем тщеславии, принц Шуль, то мне кажется, я могу себе это позволить. — Губы его изогнулись в усмешке, сделав похожим на мабденов.

— Я рад, что ты не бессмертен, мастер Корум. Твое нахальство мне придется терпеть лет двести, не больше. Ну хорошо, я покажу тебе Ралину. Я покажу, что она в безопасности. Но я не освобожу ее. Я оставлю ее здесь и отдам тебе только тогда, когда ты принесешь мне сердце Валета Шпаг.

— Какая тебе польза от этого сердца?

— Мне легче будет ставить свои условия.

— Может, твое тщеславие и является тщеславием бога, мастер Шуль, но методы у тебя торгаша.

— Принц Корум, твои оскорблении меня не трогают, а сейчас...

Шуль исчез, а в облаке молочно-зеленого дыма, который остался после него, возникла картина.

Корум увидел корабль мертвых и каюту, а в ней труп маркграфа, обнимающий жену. Корум увидел, что маркграфиня кричит от ужаса, не в силах сопротивляться.

— Ты сказал, что ей не будет причинен вред, принц Шуль! Ты сказал, что она в безопасности!

— Но так и есть. В полной безопасности — в объятиях своего супруга, — произнес издевательский голос ниоткуда.

— Освободи ее, Шуль!

Облако рассеялось, а вместе с ним и сцена.

Тяжело дыша, испуганная Ралина стояла в зале, у которой не было дверей.

— Корум??

Корум подбежал к ней и обнял, но она отстранилась.

— Ты — Корум? Или тоже фантом? Я заключила договор, чтобы спасти Корума.

— Я — Корум. И я в свою очередь заключил договор, чтобы спасти тебя, Ралина.

— Я не знала, что это будет так ужасно. Я не предполагала... Он уже собирался...

— Даже у мертвых есть свои удовольствия, госпожа Ралина.

Обезьяноподобное чудовище в зеленых одеждах стояло позади них. Оно с удовлетворением улыбнулось, заметив изумление Корума.

— Я пользуюсь несколькими телами. Этот, по-моему, был предком Надраг. Одним из их расы.

— Кто это, Корум? — спросила Ралина.

Она прижалась к принцу, и он успокаивающе обнял ее. Ралина дрожала. Кожа ее была влажной.

— Это Шуль-а-Джайван. Он говорит, что он — бог. Это он приказал на твое заклинание-вызов ответить. Он предложил мне исполнить его поручение, а за это обещал, что ты останешься здесь в безопасности, до тех пор пока я не вернусь. Тогда мы сможем уйти отсюда вместе.

— Но почему он?

— Мне нужна была не ты, а твой любовник, — нетерпеливо ответил Шуль. — Сейчас, когда я нарушил обещание, данное твоему супругу, я потерял над ним всякую власть. Это меня раздражает.

— Ты потерял власть над Майделем, маркграфом? — спросила Ралина.

— Да, да. Теперь он опять мертв. Слишком много усилий пришлось бы потратить, чтобы вновь оживить его.

— Я благодарю тебя за то, что ты освободил его от чар, — сказала Ралина.

— Не по своей воле. Мастер Корум заставил меня сделать это. — Принц Шуль вздохнул. — Однако в море еще осталось предостаточно трупов. Мне придется найти какой-нибудь другой корабль, вот и все.

Ралина лишилась чувств, и Коруму пришлось поддержать ее.

— Вот видишь, — с гордостью в голосе заметил Шуль, — мабдены боятся меня до потери сознания.

— Прежде чем я смогу обсуждать наши с тобой дела, принц Шуль, — заговорил Корум, — нам потребуется одежда, пища, постель и тому подобное.

Шуль исчез.

Через мгновение большой зал заполнился всем тем, что пожелал Корум.

Корум не сомневался в силе Шуля, но он не сомневался и в том, что у него не все дома. Он раздел Ралину и уложил в постель. Когда она очнулась, глаза ее были полны страха, но она улыбалась Коруму.

— Ты в безопасности, — успокоил он ее. — Спи.

И она закрыла глаза.

После того как Корум привел себя в порядок, он с интересом принялся рассматривать одежду, предназначенные для него. Платье, оружие и доспехи — все было как у Вадаг. Даже алый плащ, вне всякого сомнения, его собственный, лежал рядом.

Принц Корум задумался над сложностью союза с отвратительным и странным колдуном с острова Сви-ан-Фанла-Бруль.

Глава 2. ГЛАЗ РИННА И РУКА КУЛЛА

Корум спал.

Внезапно он оказался на ногах, глаза его были открыты.

— Приветствуя тебя в моей маленькой лавочке.

Голос Шуля слышался откуда-то сзади, и Корум обернулся.

На сей раз на него смотрела красивая девушка лет пятнадцати. Вид у нее был насмешливый.

Корум обвел глазами большую комнату. Она была темной и заставленной различными вещами. Всевозможные засушенные растения и чучела животных заполняли ее. Полки ломились под тяжестью книг и рукописей. Повсюду были камни различных цветов и гранки; шпаги, украшенные самоцветами; мешки из сгнившей кожи; откуда-то высыпавшиеся драгоценности и еще что-то непонятное. Висели и стояли картины, статуи, наборы инструментов и орудий, включая весы и то, что казалось часами с эксцентричными фигурками на циферблате и надписями на языке, которого Корум не знал. Какие-то мелкие живые существа сновали среди всего этого и шуршали по углам.

— Не думаю, чтобы эта лавочка привлекала много покупателей, — проворчал Корум.

Девушка голосом Шуля фыркнула:

— Не так уж много тех, кому я хотел бы оказать услугу. А сейчас...

Молодая девушка, чей облик на этот раз принял колдун, была слегка прикрыта шкурой зверя, который, должно быть, когда-то был громадным и свирепым. Склонившись, Шуль что-то зашептал над сундуком. Поднялось черное облако, и противный колдун попятился назад, махая руками и что-то крича на незнакомом языке. Черное облако исчезло. Шуль осторожно приблизился к сундуку и заглянул внутрь. Он с удовольствием причмокнул губами:

— Приехали!

Он вытащил из сундука два мешочка, один меньше другого. Держа их в руках, он довольно улыбался Коруму.

— Подарки для тебя.

— Я думал, что ты собираешься вернуть мне руку и глаз.

— Не совсем вернуть. Я собирался сделать тебе более ценный подарок. Сыпал ли ты когда-нибудь о Потерянных Богах?

— Нет.

— О Потерянных Богах, двух братьях? Их звали Повелитель Ринн и Повелитель Кулл. Они существовали еще до того, как во Вселенной появился я, и были вовлечены в какую-то борьбу, природа которой непонятна до сих пор. Желая того или нет, они исчезли. Но часть себя они оставили здесь. Вот, смотри.

Корум нетерпеливо взмахнул рукой.

Шуль в обличье девушки высунул язычок и облизал губы.

Старые глаза смотрели на Корума.

— Те дары, которые у меня в мешочках, когда-то принадлежали всемогущим богам. Я слышал легенду, что они боролись насмерть, и это — единственное, что от них осталось, чтобы о них не забыли.

Он открыл маленький мешочек. Большая сверкающая драгоценность выпала ему на ладонь. Он протянул ее Коруму. Это был глаз из

алмазов различных цветов: желтых, коричневых, зеленых. Он горел живым огнем и был обтянут кожеподобным веществом.

— Это прекрасно, — сказал Корум, — но я...

— Подожди!

Шуль вытряхнул второй мешочек прямо на крышку сундука. Он поднял выпавший предмет и покачал им в воздухе. Коруму показалось, что это перчатка для шести пальцев. Перчатка переливалась черными блестящими самоцветами.

— К чему эта перчатка? — спросил Корум. — Она на левую руку и для шести пальцев, а у меня их пять. К тому же у меня нет левой руки.

— Это не перчатка. Это рука Кулла. У него их было четыре, но одну он оставил. Насколько я понимаю, ее отрубил его собственный брат.

— Твои шутки мне не нравятся, колдун. Они слишком зловещи, опять ты теряешь время.

— Тебе нужно скорее привыкнуть к моим шуткам, как ты их называешь, мастер Вадаг.

— Не вижу причин.

— Это мой дар. Вместо правого глаза я предлагаю тебе глаз Ринна, вместо левой руки — руку Кулла!

К горлу Корума подступила тошнота.

— Я не желаю на них даже смотреть! Мне не нужны останки мертвцов! Я думал, что ты вернешь мне то, что у меня было отнято. Ты обманул меня, колдун!

— Чушь! Ты не понимаешь, какими свойствами обладают эти вещи. Они дадут тебе такую власть, о которой ни твоя раса, ни мабдены не могут и мечтать! Глаз может перенести тебя в пространство времени, и ты увидишь то, что до сих пор не видел ни один смертный. А рука... рука может призывать на помощь из этих областей. Не думаешь ли ты, что я пошлю тебя в логово Валета без сверхсильной власти?

— Насколько она сильна?

— Мне не представлялось возможности испытать. — Шуль пожал плечами молодой девушки.

— Значит, есть какая-то опасность?

— С какой стати?

Корум задумался. Должен ли он принять омерзительные дары Шуля и рискнуть последствиями, чтобы выжить, убить Гландита и освободиться с Ралиной? Или ему приготовиться к смерти сейчас и покончить со всем разом?

— Подумай о тех вещах, которые ты можешь увидеть во время твоих исканий, — сказал Шуль. — Ни один смертный до тебя не был во владении Валета Шпаг. Ты много узнаешь, сможешь многое добавить к своему опыту, мастер Корум. И помни: ведь это Валет виновен в смерти твоего народа, он решает твою судьбу.

Корум глубоко вдохнул холодный воздух. Он решился.

— Хорошо. Я согласен.

— Какая честь для меня, — иронически заметил Шуль.

Он поднял руку, выбросив вперед палец, и властно указал им на принца. Корум упал, попытался подняться, но внезапно почувствовал, что засыпает.

— Продолжай свои сладкие сны, мастер Корум, — приказал Шуль.

Он опять находился в том самом зале, где впервые встретил Шуля. Углубление, где когда-то был глаз, нестерпимо болело. Его кулья горела огнем. С удивлением он оглядывался вокруг, но зрение его было затуманено.

Вдруг Корум услышал крик. Кричала Ралина. Он очнулся от странного сна.

— Ралина! Где ты?!

— Я... Я здесь... Корум. Что с тобой сделали?.. Твое лицо... твоя рука.

Правой рукой он дотронулсся до глазницы и почувствовал под пальцами что-то теплое. Это был глаз! Но это был чужой глаз, крупнее его собственного. Он вспомнил, что это — глаз Ринна.

Он увидел перекошенное ужасом лицо Ралины. Она сидела, сжавшись от страха.

Он взглянул на свою левую руку: она была почти такой же, как раньше, но на ней было шесть пальцев, а кожа ее, переливаясь, напоминала змеиную.

— Это дары Шуля, — задумчиво произнес принц Корум. — Это глаз Ринна и рука Кулла. Шуль сказал, что они были богами, Потерянными Богами. Я больше не калека, Ралина.

— Не калека, — машинально повторила она, — зачем ты согласился принять эти дары? Я чувствую — они принесут тебе зло.

— Я принял их, чтобы выполнить поручение Шуля и обрести свободу для нас обоих. Я принял это, чтобы найти Гландита и, если это возможно, задушить его этой чужой рукой. Я принял их потому, что если бы я этого не сделал, я бы погиб.

— Может быть, — спокойно ответила она, — лучше было бы нам погибнуть.

Глава 3. ЗА ПЯТНАДЦАТЬ ИЗМЕРЕНИЙ

— Смотри, как я силен, мастер Корум. Я сделал себя богом, а тебя полубогом. Скоро о нас с тобой будут слагать легенды.

— О тебе они уже слагаются.

Корум повернулся к Шулю, который на этот раз появился в зале в облике похожего на медведя существа. Голову его украшал шлем с плюмажем.

— Уж если на то пошло, то много легенд и о Вадаг. Тем лучше, если в следующих легендах мы будем выступать с тобой вместе. Именно это я и хотел. Как ты себя чувствуешь? — И не дожидаясь ответа он продолжал: — Никаких признаков шва. А! Я блестящий хирург! Обошлось с минимумом заклинаний.

— Однако я ничего не вижу глазом Ринна, — ответил Корум. — Я не уверен, что он действует, колдун.

Шуль потер свои медвежьи лапы.

— Пройдет некоторое время, прежде чем твой мозг привыкнет к нему. На, возьми, тебе это может понадобиться.

С этими словами Шуль достал неизвестно откуда взявшуюся небольшую повязку.

— Чтобы закрыть твой новый глаз, — пояснил он.

— И опять стать слепым?

— Послушай, ты ведь не хочешь все время глядеть в миры, лежащие за пятнадцатью измерениями?

— Ты хочешь сказать, что этим глазом можно смотреть только туда?

— Нет. Ты можешь видеть и здесь, но не всегда в той же перспективе.

Корум нахмурился и подозрительно посмотрел на колдуна. Глаз его моргнул, и он вдруг увидел множество разных образов, в то время как своим обычным глазом он продолжал видеть Шуля. Это были таинственные тени, темные образы. Они жили и двигались.

— Шуль, что это за мир?

— Я не знаю. Некоторые говорят, что есть еще пятнадцать измерений, как бы искаженные зеркальные отображения наших.

Образы появлялись и исчезали, какие-то создания вползали и уползали куда-то, взметались языки пламени, земля раскалывалась, странные звери вырастали до невиданных размеров и снова съеживались.

— Я рад, что не живу в этом мире, — пробормотал принц Корум. — Ладно, Шуль, давай сюда повязку.

Он взял ее из рук колдуна и закрыл глаз. Сразу же незнакомые образы и картины исчезли. Сейчас он видел только Шуля и Ралину.

— Что ты видел, Корум? — спокойно спросила Ралина.

Он покачал головой:

— Не могу тебе описать.

Ралина взглянула на Шуля.

— Хотела бы я, чтобы ты забрал свои дары обратно, принц Шуль. Все это не для смертных.

Шуль скрчил мину.

— А он теперь и не смертный. Я ведь говорил, что он — полубог.

— А что скажут боги?

— Естественно, некоторые будут недовольны, если обнаружат, кем стал мастер Корум. Однако, я думаю, этого не произойдет.

— Ты говоришь об этом слишком легко, колдун, — угрюмо возразил

ла Ралина. — Если Корум не понимает всех осложнений, которые ему предстоят после того, что ты с ним сделал, то я все хорошо понимаю. Существуют законы, которым смертные должны повиноваться. Ты нарушаешь эти законы и будешь наказан так же, как и твои создания.

Шуль небрежно помахал медвежьими лапами.

— Ты забываешь, что я сам обладаю большой властью и скоро достигну того, что смогу скрестить шпагу с любым богом-выскочкой.

— Ты обезумел от гордости, — сказала графиня. — Ты всего лишь смертный, колдун.

— Замолчи, госпожа Ралина! Замолчи! Или я уготовлю тебе судьбу более худшую, чем та, которой ты избегла. Если бы мастер Корум не был бы мне нужен, я бы давно наказал страшным наказанием вас обоих. Следи за своим язычком.

Шуль успокоился, повернулся к Коруму и произнес:

— Ты просто дурак, что привязался к этой особе. Она, как и все ей подобные, боится силы, которую дает власть.

— Давай поговорим о сердце Валета Шпаг, — предложил Корум. — Как мне украсть его?

Шуль жестом пригласил принца следовать за ним.

Они пришли в сад цветов чудовищных размеров, от которых исходил удручающий аромат. Над ними на небе стояло красное солнце, шуршали листья растений, темные, почти черные.

Шуль снова принял облик юноши, одетого в свободную голубую накидку. Он повел Корума по тропинке.

— Я культивировал этот сад тысячу лет. Он занимает большую часть острова. В нем много странных растений. Это мирное место, в котором можно расслабиться, приятно отдохнуть. Непрошенным гостям очень трудно пробраться сюда.

— Почему этот остров называется Домом Жадного Бога?

— По имени существа, от которого я наследовал его. Видишь ли, тут когда-то обитал другой бог и все боялись его. В поисках безопасного места, где бы я мог продолжать свои изыскания, я наткнулся на этот остров. Но я знал, что он принадлежит ужасному богу, и, естественно, был осторожен. Тогда у меня была лишь маленькая толика моей теперешней мудрости. Мне было всего несколько столетий, и я не имел достаточной силы и власти, чтобы уничтожить этого бога.

Гигантская орхидея вытянулась, прильнула к Коруму и погладила его новую руку. Он отстранил ее.

— Так как же тебе удалось отнять остров? — спросил принц.

— Я взял бога в плен! Он все еще здесь, в одной из своих темниц, хотя он уже не тот, которым был, когда я наследовал остров. Он был, конечно, всего лишь крошечным богом, но отдаленным родственником Валета Шпаг. Это еще одна причина, по которой Валет и все остальные не трогают меня. Ведь Плинрот — мой пленник.

— Уничтожение твоего острова будет означать и уничтожение его брата.

— Вот именно. И...

— И это еще одна причина, по которой ты должен нанять меня, чтобы совершить кражу. Ты боишься, что как только покинешь остров, от тебя не останется и следа.

— Боюсь?! Еще чего! Это только разумная предосторожность, поэтому я до сих пор и существую.

— Где сердце Валета Шпаг?

— За рифом Тысячи Лиг, о котором ты, вероятно, слышал.

— Кажется, я действительно встречал такое название. Это где-то на севере?

Корум скинул с ноги виноградную лозу.

— Да.

— И это все, что ты можешь мне сказать?

— За рифом Тысячи Лиг есть место под названием Урди. За ним лежит пустыня Друнгазат. За пустыней — Пламенные Земли, где правит слепая королева Уреза. А за Пламенными Землями — Ледяная пустошь, где скитаются Бриклиниги.

Корум остановился, чтобы содрать липкий лист со своего лица. У листа, казалось, были крохотные присоски, которыми он пытался прильнуть.

— А за пустошью? — иронически спросил он.

— О, там уже начинаются владения Валета Шпаг.

— Его земли? На каких плоскостях они существуют?

— На всех пяти плоскостях, где Валет имеет власть. Боюсь, что тебе мало поможет твоя способность перемещаться по измерениям.

— Я и не уверен, что эта способность у меня осталась. Если ты говоришь правду, Валет Шпаг отобрал ее у моего народа.

— Не беспокойся. Сейчас твои возможности отнюдь не меньше, чем раньше.

Шуль наклонился и потрепал странную руку Корума.

Из любопытства Корум приподнял повязку, прикрывающую его левый глаз. Он судорожно вздохнул и быстро опустил ее на место.

— Что ты видел? — спросил Шуль.

— Землю, над которой горело черное солнце. Земля источала свет, но черные лучи почти полностью гасили его. Четыре фигуры стояли передо мной. Я взглянул на их лица и... — Корум облизнул углы губ. — Я не мог на них смотреть.

— Мы соприкасаемся с большим количеством измерений, — философски заметил Шуль, — но только иногда видим их отблески, да и то в своих снах. Однако ты должен научиться без страха смотреть на эти лица и все то, что ты увидишь новым глазом, иначе не сможешь использовать свое могущество и силу.

— Шуль, мне неприятно, что вокруг меня так много чудовищных созданий, отделенных только тонкой астральной перегородкой.

— Я научился жить, зная об этих вещах и пользуясь ими. За несколько тысяч лет ко всему можно привыкнуть.

Корум с трудом оторвал выон, обвивший его талию.

— Твои растения слишком уж любвеобильны.

— Они ласковы и очень привязчивы. Они — мои единственные друзья. Это очень любопытно, что ты им понравился. О своих гостях я сужу по тому, как на них реагируют мои растения. Они, конечно, голодны, бедняги. Придется сбить с курса пару кораблей, чтобы пристали к острову. Им нужно мясо. Из-за встречи с тобой я позабыл о текущих делах.

— Ты еще подробно не рассказал мне, где найти Валета Шпаг.

— Ты прав. Валет живет в дворце, на вершине горы, которая находится точно в центре пяти плоскостей. В самой высокой башне этого дворца он хранит свое сердце. Насколько я понимаю, оно хорошо охраняется.

— И это все? Ты не можешь сказать, как оно охраняется?

— Я нанял тебя, считая, что у тебя мозгов больше, чем у мабденов. Ты сам должен узнатъ, какова охрана. На одно можешь рассчитывать.

— На что же, мастер Шуль?

— Принц Шуль, — упрямо поправил его колдун. — Он не ожидает нападения такого смертного, как ты. Валет Шпаг становится скучным. Скоро он потеряет власть. — Шуль улыбнулся.

— А когда же ты достигнешь великого могущества?

— Возможно, через несколько миллионов лет. Кто знает? Я могу подняться так высоко, что буду контролировать управление всеми Вселенными. Может быть, я буду самым могущественным, неповторимым богом. О, что за игры себе я тогда придумаю! — Шуль немного помолчал, а потом продолжил: — Богов много, больших и маленьких, и они заполняют собой всю Вселенную. Когда-то было иначе. Я сильно подозреваю, что во времени... были времена, когда Вселенная обходилась без них.

— Я тоже так думаю.

— Мысль, — тут Шуль постучал себя по лбу, — создает богов, а боги создают Мысль. В какой-то период может существовать жалкая Мысль или ее может не быть совсем. В конце концов, ее существование или отсутствие не влияет на Вселенную. Я заставлю ее... — глаза Шуля блестели. — Я изменю природу! Я изменю все! Ты правильно сделал, что решил стать моим помощником, мастер Корум.

Корум резко отдернул голову, когда нечто похожее на гигантский розовый тюльпан, но с зубами, пыталось укусить его.

— Сомневаюсь, Шуль, но у меня нет выбора.

— Совершенно справедливо. Вернее, у тебя ограниченный выбор в игре, которую я задумал. Но я должен выиграть ее, мастер Корум.

КНИГА ТРЕТЬЯ

*В которой принц Корум добивается невозможного
и получает то, что ему не нужно*

Глава 1. ВЕЛИКАН-РЫБАК

Покинуть Ралину было нелегко. Расставание было напряженным и молчаливым. В ее глазах не было любви, когда он ее обнимал: лишь беспокойство за него и страх за них обоих.

Шуль дал ему старую лодку, он поднял парус и отчалил. Теперь кругом расстипалось море. Ориентируясь по звездам, Корум плыл на север, к рифу Тысячи Лиг.

Он знал, что по понятиям Вадаг он был сумасшедшим, но предполагал, что в глазах мабденов его действия вполне нормальны. В конце концов, сейчас он жил в мабденовском мире и должен был выжить. У него было очень много причин, ради которых он должен был выжить, и одной из них была Ралина. Кроме того, он был последним Вадаг. Силы, доступные таким колдунам, как Шуль, должны находиться под контролем. Возможно, нарушена сама природа времени. Циркулирующие измерения могут быть остановлены, даже изменены. Тогда на события прошлого можно воздействовать, изменить или даже стереть их с лица времени. Коруму очень хотелось, если это будет в его силах и власти, вернуть Вадаг миру, а мир — Вадаг.

«Это будет справедливо», — думал он.

Лодка была сделана из кованого металла. От нее исходил слабый свет, который согревал Корума и освещал по ночам. На мачте был квадратный парус, покрытый странным светящимся веществом. Парус без всякого вмешательства Корума поворачивался за ветром. Легкий вертящийся камень в форме стрелы на носу лодки всегда указывал на север. Принц сидел в лодке, завернувшись в свой алый плащ, его оружие лежало перед ним; на голове был серебряный шлем, двойная кольчуга покрывала его тело от горла до колен.

Он много думал о Ралине, о любви к ней. Такая любовь никогда не могла быть между Вадаг и мабденами. Чувство это было чуждо Вадаг и непонятно. Принца Корума тянуло к Ралине. Она была красива, умна не меньше его самого. Ралина знала этот мир лучше, и он уже получил подтверждение этому.

На третью ночь Корум уснул. Он крепко спал, а утром его разбудило яркое солнце. Перед ним лежал риф Тысячи Лиг.

Он расстипался до конца горизонта, и казалось, что зубья скал стоят сплошной стеной и лишь только морские волны могут проникнуть сквозь ее щели.

Шуль предупредил его, что мало кому удавалось найти проход в рифе. Казалось, он был не естественного происхождения, а сооружен как бастион против непрошенных визитеров. Возможно, его построил Валет Шпаг.

Корум решил плыть вдоль рифа, надеясь найти место, где ему удастся причалить и, может быть, вытащить лодку на берег.

Он плыл еще четыре дня и не нашел ни прохода через риф, ни места, где можно было причалить.

Легкий туман, окрашенный солнцем в розовый цвет, окутывал воду. Корум держался подальше от рифа, пользуясь вертящимся камнем, который показывал ему направление, и прислушивался к шуму прибоя. Он достал карту, нанесенную на кожу, и попытался определить свое местоположение. Карта была старой и не совсем точной, но это было лучшее, чем располагал Шуль. Он приближался к узкому каналу между рифом и землей, обозначенному на карте как Кулокрах. Шуль немного рассказал ему об этой земле, на которой жила раса, называющая себя Рага-да-Кетта.

Корум изучал карту, надеясь найти хоть какое-нибудь пространство между рифами, чтобы проскочить.

Внезапно лодка начала раскачиваться из стороны в сторону, трудно было объяснить причину этой качки, но она усиливалась. Где-то далеко грохотал прибой, и в этом грохоте Корум услышал новый звук, который шел с юга.

Звук был регулярным: удар — всплеск, удар — всплеск. Как будто кто-то шлепал по воде. Был ли это какой-нибудь морской зверь? Мабдены боялись многих морских чудовищ. В отчаянии Корум пытался увести лодку подальше от скал, но высота волн становилась все больше и больше. Звук приближался.

Корум поднял со dna лодки свою крепкую длинную шпагу и подготовился. Вскоре разглядел в тумане что-то высокое и плотное, по-видимому, это был человек, который что-то тащил за собой. Рыболовную сеть! Неужели здесь так мелко? Корум перегнулся через борт и опустил шпагу острием вниз. Но dna он не достал.

Океанское дно было далеко внизу. Принц вновь оглянулся на фигуру. Теперь он понял, что глаза и туман сыграли с ним злую шутку. Человек находился от него довольно далеко, но был настоящим великаном, куда большим, чем Великан из Лаара. Вот почему волны стали такими высокими, вот почему лодку швыряло из стороны в сторону.

Корум хотел было крикнуть, попросить океанское создание отойти

в сторону и пропустить его лодку, но передумал. Этот гигант мог быть не таким добродушным, как Великан из Лаара.

Все еще окутанный туманом великан переменил направление. Теперь он был позади лодки и шел по воде, таща за собой сеть.

Волны отбросили лодку принца от рифа Тысячи Лиг далеко на восток. Корум боролся с парусом и рулем, но они не повиновались ему. Его несло, как водопад несет щепку. Гигант создал течение, с которым невозможно было справиться. Принцу ничего не оставалось делать, как сидеть и ждать, отдавшись воле волн. Рыбак давно уже исчез в тумане, направляясь к рифу Тысячи Лиг, где, очевидно, был его дом.

Как акула, преследующая добычу, летела маленькая лодка, и внезапно она прорвалась сквозь туман к горячему солнцу.

Корум увидал берег. Скалы на этом берегу стремительно неслись ему навстречу.

Глава 2. ТЕНГОЛ-ЛЕП

Отчаянно пытался Корум повернуть лодку в сторону от скал. Его левая рука с шестью пальцами сжимала руль, а правая удерживала парус. Раздался скрежет. Металлическая лодка задрожала от кормы до носа и начала переворачиваться. Корум быстро потянулся за оружием и успел схватить его прежде, чем его вышвырнуло за борт и понесло волной. Принц поперхнулся, вода попала ему в рот. Затем он почувствовал, как его тело волочится по гальке, и попытался подняться на ноги, когда волна стала отступать назад. Он увидел обломок скалы и ухватился за него, уронив лук и колчан со стрелами, которые немедленно смыло водой.

Море отступало. Корум оглянулся и увидел, что оно уносит его перевернутую лодку. Он поднялся на ноги, поправил пояс, на котором висели шпага и шлем. Чувство постигшей неудачи охватило его. Он прошел несколько шагов по берегу и измученный усталостью сел под высокой черной скалой. Его выкинуло на незнакомый берег, лодка его потеряна, а цель далека.

Корум был в оцепенении. Мысли о любви, ненависти, мести исчезли. Все это осталось позади, как во сне, когда ему снился остров Свиян-Фанла-Бруль. Все, что у него осталось от того мира, — рука с шестью пальцами и глаз из драгоценных камней.

Он поднял руку и дотронулся до повязки, закрывающей его глаз. Корум понимал, что, приняв дары Шуля, он принял и логику его мышления.

Вздохнув, он поднялся и посмотрел на скалу. Взобраться на нее было невозможно. Корум пошел вдоль берега по сырой гальке в надеж-

де, что обнаружит место, где он сможет подняться на вершину и осмотреть местность.

Он вынул перчатку, которую дал ему Шуль перед отъездом, и надел на левую руку. Он помнил, что говорил ему колдун о возможностях этой руки. Корум до сих пор еще не очень верил в то, что сказал ему Шуль, и не имел желания проверять верность его слов.

Более часа пробирался он по берегу, пока не дошел до бухты, которая поднималась вверх мягкими уступами, вполне доступными для подъема. Начинался прилив, который скоро покроет весь берег водой. Корум побежал.

Он достиг склона холма и остановился. Вода уже поглотила большую часть берега. Корум взобрался на вершину холма и увидел город. Это был город башен и минаретов, который сверкал под лучами солнца. Вглядевшись повнимательнее, Корум увидел, что все строения украшены нежной цветной мозаикой. Он никогда не видел ничего подобного.

Он думал, стоит ли ему идти в город или обойти его стороной? Если люди там настроены дружелюбно, он мог бы попросить их помочь доставить ему лодку. Если это мабдены, то от них не стоит ждать дружелюбия. Не жил ли здесь народ Рага-да-Кетта, о котором рассказывала карта? Принц машинально сунул руку в кошелек, но карты утонули вместе с лодкой. Корум был в отчаянии.

Он направился в город.

Принц в Алом Плаще прошел по дороге не больше мили, когда увидел ехавший ему навстречу отряд. Воины скакали на длинношеих в крапинку животных с изогнутыми рогами и ртами, как у ящериц. Их тонкие ноги, однако, были резвыми, и Корум очень скоро уже мог различить, что всадники крайне худы. У них крохотные круглые головки, круглые рты, глаза и носы. Это были не мабдены. Такую расу принц Корум видел впервые в жизни.

Ему ничего не оставалось делать, как ждать.

Они вскоре окружили его и с любопытством глядели на него сверху вниз большими круглыми глазами.

— Оланджа но? — спросил один из них, одетый в яркий плащ с капюшоном из ярких перьев. В руке была дубина, по форме напоминающая лапу гигантской птицы.

Говоря на общем для Вадаг и Надраг наречии, которым пользовались мабдены, Корум ответил:

— Я не понимаю вашего языка.

Существо в плаще из перьев наклонило голову и закрыло круглый рот. Остальные воины, одетые и вооруженные так же, как он, зашептались.

Корум указал рукой примерно на юг.

— Я пришел из-за моря.

Сейчас он говорил на более культурном языке, тоже общим для Вадаг и Надраг, но не для мабденов.

Всадник наклонился вперед, вслушиваясь в звуки речи, но затем покачал головой, показывая, что не понимает.

— Оланджа кро?

Корум тоже помотал головой. Воин изумленно глядел на него и внезапно почесал щеку. Корум не понял, что может означать этот жест. Предводитель указал на одного из своих всадников.

— Мор нафф а!

Тот спешился и помахал рукой, похожей на веретено, приглашая Корума взобраться на длинношее животное. С большим трудом Корум устроился в узком седле, чувствуя себя ужасно неудобно.

— Нодж!

Предводитель повернул своего «скакуна» к городу и махнул рукой.

— Нодж — ала!

Все двинулись вперед, оставив воина одного на дороге.

Город был окружен высокой стеной, разрисованной различными геометрическими узорами всевозможных цветов. Они миновали неширокие ворота и поехали по узкой дороге мимо множества других стен, которые служили, очевидно, простым лабиринтом. Наконец они выехали на широкую дорогу и направились ко дворцу, который располагался в центре города.

Доехав до ворот дворца, всадники спешились, и слуги, такие же высокие и тощие, с такими же измученными круглыми лицами, увели животных. Корума провели сквозь ворота вверх по лестнице, которая насчитывала более ста ступеней, во внутренний двор. Роспись дворца была менее яркой, но более изысканной, чем на стенах и строениях в городе. В ней преобладали золотые, белые и бледно-голубые краски. Корум восхищался этой несколько варварской, но красивой работой.

Они пересекли один внутренний двор, перешли во второй, окруженный со всех сторон стенами. Посередине этого двора был фонтан, струи которого весело журчали и разбивались на множество жемчужин.

Под парусиновым навесом стояло красивое золотое кресло с коричневой спинкой. Оно было отделано огромными рубинами. Воины, эскортирующие Корума, остановились и замерли, и почти сразу же из дворца появилась фигура. На ней был дорогой наряд из тонкой ткани и плащ с капюшоном из павлиньих перьев. Фигура заняла свое место на троне. Очевидно, это был правитель города.

Предводитель воинов и правитель коротко переговорили на своем языке. Корум терпеливо ждал, стараясь всем своим видом дать понять, что он пришел с мирными намерениями.

Наконец шепот прекратился и правитель обратился к Коруму. Он перепробовал несколько языков, пока принц не услышал знакомый.

— Ты из расы мабденов?

Это был древний язык Надраг, но Корум изучал его еще в детстве.

— Нет, — тут же ответил он.

- Но ты не из Надраг?
- Да... Я не из Надраг. Ты знаешь об этом народе?
- Несколько веков назад двое жили среди нас. А ты какой расы?
- Вадаг!
- Король почмокал губами.
- Ты враг Надраг?
- Не сейчас.
- Не сейчас? — король нахмурился.
- Все Вадаг, кроме меня, мертвы, — объяснил Корум, — а остатки тех, кого ты называешь Надраг, стали рабами мабденов.
- Но ведь мабдены варвары?
- Сейчас это очень могущественные племена.
- Король кивнул головой:
- Это было предсказано.
- Он принял вплотную разглядывать Корума.
- А почему ты не мертв?
- Я не хотел умирать.
- Как ты мог выбирать, когда решает Ариох?
- Кто такой Ариох?
- Бог.
- Какой бог?
- Бог, который управляет нашими судьбами. Герцог Ариох Шпаг.
- Валет Шпаг??
- По-моему, его называют так далеко на юге.
- Сейчас король, казалось, был чем-то встревожен. Он лихорадочно облизывал губы.
- Я король Тенгол-Леп. Это мой город Арки, — он показал вокруг тщющей рукой. — Это мой народ Рага-да-Кетта. Земля эта называется Кулокрах. Мы тоже скоро умрем.
- Почему?
- Идет время мабденов, Ариох решает, — король пожал узкими плечами. — Ариох захочет — придут мабдены и уничтожат нас.
- «Неужели, — думал Корум, — народ Рага-да-Кетта покорно относится к своей судьбе и безропотно встретит свой последний час? Неужели это непротивление — тоже дело Валета Шпаг?»
- Но вы, конечно, будете с ними драться?
- Нет. Наступает время мабденов. Как будет угодно Ариоху. И если он разрешает Рага-да-Кетта жить дольше, то только потому, что они подчиняются ему. Но скоро мы все равно умрем.
- Корум покачал головой:
- Разве вы не думаете, что Ариох несправедлив, уничтожив вас без причины.
- Ариох виднее.

— Зачем же Ариоху уничтожать такую красоту?

— Ариох решает.

Король Тенгол-Леп, очевидно, знал о Валете Шпаг и его планах, больше, чем кто-либо другой. Живя так близко от его владений, они, возможно, видели его.

— Ариох сам сказал вам об этом?

— Он говорил через наших мудрецов.

— А мудрецы — они уверены в желаниях Ариоха?

— Они уверены.

Корум вздохнул:

— Ну что ж, я попробую помешать этим планам. Это жестоко и несправедливо.

Король Тенгол-Леп прикрыл глаза и задрожал. Воины испуганно глядели на него. Они решили, что их король чем-то недоволен.

— Я не буду больше говорить об Ариохе, — сказал король Тенгол-Леп. — Ты наш гость, и мы должны развлечь тебя. Ты выпьешь с нами немного вина?

— С удовольствием, благодарю тебя.

Корум предпочел бы сначала поесть, но он решил вести себя осторожно, чтобы не оскорбить народ Рага-да-Кетта, который мог дать ему лодку для дальнейшего путешествия.

Король сказал что-то слугам, которые ожидали в тени у входа во дворец.

Вскоре слуги принесли поднос, на котором стояли тонкие кубки и золотой кувшин. Король осторожно налил вино в один из кубков и протянул его Коруму. Корум поднял левую руку, чтобы принять подношение короля.

Рука возбужденно задрожала.

Корум постарался утихомирить ее, но рука выбила кубок из рук правителя. Король удивился и хотел что-то сказать, однако новая рука принца вытянулась и все шесть ее пальцев вцепились в горло короля. Тенгол-Леп поперхнулся, попытался ударить Корума ногой и отодрать руку. Но острые пальцы уже помимо воли Корума сомкнулись на его горле. Это не принц, это рука Кулла душила короля, отнимая у него жизнь.

Внезапно рука отпустила Тенгол-Лепа, и Корум увидел, что тот мертв. Его новая рука убила доброе и невинное создание! Теперь у него нет шансов на получение помощи от Рага-да-Кетта.

Стоя над трупом короля, он отбивался шпагой от похожих на птичью лапы дубинок воинов. Кровь лилась рекой и выпачкала его. В живых не осталось ни одного стражи. Он стоял во дворе, глядя на трупы. Мягкое ласковое солнце отражалось в фонтане. Он вытянул чужую левую руку в перчатке и плунул на нее.

— О, злобная тварь! Ралина была права. Ты сделала меня убийцей невинных!

Рука вновь была его собственной. Он сжал шесть пальцев. Они повиновались.

Тишину во дворце нарушал только плеск воды в фонтане.

Корум оглянулся на мертвого короля и поднял шпагу. Он избавится от руки Кулла. Лучше быть калекой, чем рабом этой проклятой вещи.

Корум замахнулся, но вдруг земля ушла из-под его ног и он полетел куда-то вниз. С шумом он упал на что-то лохматое и горячее.

Глава 3. ВЫХОДЦЫ ИЗ ТЬМЫ

На мгновение Корум увидел свет, а потом плита сомкнулась над ним и он остался наедине с существом, обитавшим в яме. Принц приготовился защищаться.

Корум ждал.

Он услышал шуршание и увидел искру, которая вскоре превратилась в небольшое пламя на кончике фитиля, горевшего в глиняной плошке, полной масла. Глиняную плошку держала грязная рука, которая принадлежала волосатому созданию, глаза которого горели гневом.

— Кто ты? — спросил Корум.

Создание фыркнуло и поставило плошку в нишу стены.

Корум увидел, что пол покрыт грязной соломой. В углу валялись кувшин и тарелка. В дальнем конце помещения большая железная дверь. Воздух был зловонным и удущивым.

— Ты понимаешь, что я говорю? — спросил Корум на языке Надраг.

— Прекрати свою болтовню, — ответило создание, не ожидая, что Корум поймет его слова. Он пользовался языком, слегка напоминающим язык Вадаг и Надраг.

— Скоро и ты будешь таким, как я.

Корум ничего не ответил. Он сунул шпагу в ножны и пошел по камере, осматривая ее. Вверху над собой он услышал шаги по каменным плитам двора и возбужденные, почти истерические голоса Рагада-Кетта.

Создание наклонило голову набок и прислушалось:

— Так вот что произошло, — пробормотало оно себе под нос, уставившись на Корума и ухмыляясь во весь рот. — Ты прикончил этого жалкого труса, ведь так? Считай, что я уважаю тебя за это. Боюсь, только недолго ты здесь пробудешь. Интересно, какой смертью они казнят тебя?

Корум слушал молча, все еще не показывая вида, что понимает язык незнакомца.

— Любят они убивать исподтишка. Как они хотели избавиться от тебя — отравить? Это их обычный способ отправлять на тот свет тех, кого они боятся.

— Отравить? — Корум нахмурился. Неужели в вине был яд?

Он поглядел на руку. Значит, она знала об этом? Не обладала ли рука Кулла своим чутьем, своей интуицией? Корум решил нарушить молчание.

— Кто ты? — спросил он на простом разговорном языке. Незнакомец рассмеялся.

— Так, ты все время понимал, что я говорю! Ну, ладно, раз ты мой гость, я отвечу на твои вопросы. Ты похож на Вадаг, хотя я считал, что все Вадаг давно уничтожены. Скажи, из какой ты расы, друг? Назови свое имя.

— Я — Корум Джайлин Ирси, Принц в Алом Плаще, — ответил Корум, — и я последний из Вадаг.

— А я — Ганафакс из Понгарда. Немного солдат, немного священник, немного исследователь... и пленник, как и ты. Я пришел с той земли, которая называется Лайм-ан-Эш, с далекого запада, где...

— Я знаю о Лайм-ан-Эше. Я был гостем маркграфини на востоке.

— Что? Разве маркграфство еще существует? Я слышал, что наступающее море давно поглотило его.

— Нет. Но сейчас его могли уже уничтожить. Не море, а Конские племена.

— Клянусь Урлехом! Конские племена! Это что-то из истории.

— Как ты оказался так далеко от своей родины, сэр Ганафакс?

— Это длинный рассказ, принц Корум. Ариох, как здесь его называют, не очень-то жалует людей с Лайм-ан-Эша. Он желает, чтобы мабдены занимались его делами, то есть уничтожали бы древние расы, такие, как твоя. Как ты, безусловно, знаешь, наш народ жил в мире с вашим народом, потому что вы никогда не причиняли нам вреда. Но Урлех — это подчиненное божество, вассал Валета Шпаг. Когда я был священником, то служил Урлеху.

Ариох почему-то становился все нетерпеливее и приказал Урлеху собрать народ Лайм-ан-Эша для битвы с какой-то морской расой, которая обитает далеко на западе. Урлех передал мне приказ Ариоха. Но я решил действовать самостоятельно. Тогда счастье и удача, неизменно мне сопутствующие, изменили мне. Произошло убийство, в нем обвинили меня. Я покинул свою землю и украл корабль. После нескольких довольно скучных приключений я оказался среди этого болтливого народа, который так нетерпеливо ждет, когда Ариох соизволит уничтожить его. Они схватили меня и посадили в эту темницу. Я здесь уже больше двух месяцев.

— И что они с тобой сделают?

— Понятия не имею. Наверное, просто будут ждать, когда я помру от старости. Они — народ растерянный и довольно глупый, но не жестокий. Тем не менее их страх перед Ариохом так велик, что они не осмеливаются сделать чего-то, что могло бы вызвать его недовольство.

Таким образом они надеются, что он позволит им прожить на год или два больше.

— Ты не знаешь, как они собираются поступить со мной? В конце концов, я все-таки убил их короля.

— Об этом я и думал. С ядом ничего не вышло. Вряд ли они применият какое-либо насилие. Посмотрим.

— Мне надо закончить одно дело, — сказал Корум, — я не могу ждать. Ганафакс усмехнулся.

— Я думаю, что тебе ничего не остается делать, как ждать, друг Корум. Я священник и немного разбираюсь в колдовстве. Я мог бы кое-что сделать, но ни одно из моих заклинаний не действует в этом месте, сам не знаю почему. Если колдовство не сможет нам помочь, что тогда?

Корум поднял свою левую руку и задумчиво посмотрел на нее. Затем он взглянул на обросшее лицо своего товарища по несчастью.

— Слышал ли ты о руке Кулла?

Ганафакс нахмурился.

— Да... Кажется, слышал. Это — единственное, что осталось от бога, одного из двух братьев, которые поссорились. Легенда, конечно, как и многое другое.

Корум поднял левую руку.

— Вот рука Кулла. Мне ее дал колдун вместе с глазом, глазом Ринна, и сказал, что оба они имеют великую власть и силу.

— А сам ты ее не знаешь?

— У меня не было еще возможности испытать их.

Ганафакс встревожился.

— Мне всегда казалось, что такая власть слишком велика для смертного. Последствия могут быть чудовищными.

— У меня нет выбора. Я уже решился. Я потребую себе помощи от руки Кулла и глаза Ринна.

— Надеюсь, ты им скажешь, что я с тобой, принц Корум.

Корум снял перчатку со своей шестипалой руки. Он дрожал от напряжения. Затем он поднял повязку на лоб. Тут же он перенесся в другие плоскости. Вновь он увидел темный пейзаж. На небе было черное солнце. Снова перед ним стояли четыре фигуры в капюшонах. На этот раз он посмотрел им в лица и закричал от страха, хотя не смог объяснить причину этого страха.

Он взглянул на фигуры. Рука Кулла потянулась в их сторону. При виде руки их головы как одна повернулись к ней. Их ужасные глаза,казалось, выпили все тепло из тела Корума, всю жизненную силу из его души. Но он продолжал смотреть на них.

Рука повелительно взмахнула. Темные фигуры двинулись к принцу, обращаясь к которому Ганафакс говорил:

— Я ничего не вижу. Кого ты вызываешь? Что ты видишь?

Корум не обратил на него внимания. Он был мокрый от пота, каждый его член, кроме руки Кулл^а, дрожал от напряжения.

Из-под черных плащей блеснули громадные серпы. Корум пошевелил онемевшими губами. Темные фигуры подошли ближе и словно прошли через занавес тумана.

Затем Ганафакс закричал в ужасе и отвращении:

— О, боги! Это существа из Ям Собаки! Шефанго!

Он спрятался за Корумом.

— Убери их от меня, Вадаг! А-а-а!

Из-под черных капюшонов послышались глухие голоса.

— Господин, мы готовы выполнить твою волю, волю Кулла.

— Уберите эту дверь, — приказал Корум.

— Получим ли мы награду?

— Какую награду?

— Чью-нибудь жизнь каждому из нас, господин!

Корум возмутился, но ответил:

— Хорошо, вы получите награду.

Четыре серпа одновременно поднялись в воздух, и дверь упала под их ударами. Четыре Шефанго пошли по узкому коридору.

— Мой бумажный змей, — прошептал Ганафакс на ухо Коруму, — мы сможем удрать на нем.

— Змей?

— Да. Он летает и выдержит тяжесть нас обоих.

Шефанго шли впереди. От них исходило ощущение такой силы, что мороз пробегал по коже. Они поднялись на несколько ступенек вверх, и еще одна дверь упала под ударами их серпов.

Корум и Ганафакс зажмурились от солнечного света. Они стояли во дворе дворца. Со всех сторон к ним бежали воины. На сей раз они явно намеревались убить узников, но, увидев черные фигуры, остановились.

— Вот ваша награда, — сказал Корум. — Берите столько, сколько захотите, а потом возвращайтесь туда, откуда пришли.

Серпы засверкали в солнечном свете. Рага-да-Кетта отступали. Крики усилились.

Четверо монстров начали свою страшную косьбу. Они вопили от удовольствия. Их вопли сливались с криками их жертв.

Испытывая чувство тошноты, Корум и Ганафакс бежали по коридорам дворца. Ганафакс, который бежал впереди и указывал путь, внезапно остановился у небольшой двери.

Отовсюду до них доносились крики, а их перекрывал рев четырех Шефанго.

Ганафакс выломал дверь. Внутри было темно, он начал торопливо шарить по комнате.

— Вот здесь я жил, пока был их гостем, пока они не решили, что я оскорбил Ариоха. Я прилетел сюда на своем змее. Сейчас я...

Корум увидел, что к ним по коридору бегут новые воины.

— Быстрее, Ганафакс, быстрее, — торопил принц, встав у двери и выхватив шпагу.

Худые высокие создания остановились и неуверенно поглядели на шпагу. Потом они подняли свои похожие на птичьи лапы дубинки и осторожно начали приближаться. Корум сделал шпагой выпад и пронзил горло одного из воинов, другим ударом он попал второму воину в глаз.

Крики затихли. Жуткие помощники Корума возвращались в свою плоскость, получив желаемую награду.

Позади Корума стоял Ганафакс, держа странное сооружение из палок и шелка.

— Я нашел его, принц Корум. Сейчас, я только припомню нужное заклинание. — Ганафакс принял что-то бормотать и выкрикивать на странном языке. Корум почувствовал, как поднимается ветер, как он касается складок его плаща. Что-то подхватило его сзади, и вот он уже в воздухе над головами Рага-да-Кетта. Корум взглянул вниз: город был далеко внизу.

Ганафакс втащил его в корзину, обтянутую желтым и зеленым шелком. Корум был уверен, что они упадут, но змей невозмутимо продолжал свой полет.

Весь в лохмотьях, неряшливый и грязный человек, сидящий рядом с ним, усмехнулся.

— Значит, волею Ариоха можно пренебречь, — заметил Корум.

— Если только мы не его орудия, — ответил Ганафакс.

Глава 4. ПЛАМЕННЫЕ ЗЕМЛИ

Корум постепенно привык к полету. Ганафакс что-то пел себе под нос, приводил в порядок бороду и бакенбарды, пока не появилось красивое и молодое лицо. Он переоделся в чистую рубаху и брюки, которые захватил с собой.

— Я чувствую себя в тысячу раз лучше. Спасибо тебе, принц Корум, что ты посетил город Арки прежде, чем я сгнил заживо.

Корум заметил, что Ганафакс любил иногда прихвастинуть, но был, в общем, человеком веселым и неунывающим.

— Куда же мы прилетим на твоем аппарате, сэр Ганафакс?

— А, вот тут-то и вся загвоздка. Из-за того, что я оказался в таком дурацком положении, в котором ты меня нашел, я, гм-м, не могу управлять своим змеем. Он летит куда хочет.

Сейчас они летели над морем, которое постоянно меняло цвет.

Корум ухватился за веревки корзины и стал зорко смотреть вниз, а

Ганафакс запел новую песню, которая вряд ли понравилась бы Ариоху, богу Собаки и восточным мабденам.

Корум увидел скалы и сухо сказал:

— Не советую тебе оскорблять Ариоха. Мы пролетаем как раз над рифом Тысячи Лиг. Насколько я знаю, его владения лежат неподалеку.

— Достаточно далеко отсюда. Я надеюсь, что змей скоро опустится.

Они долетели до берега. Корум проглядел все глаза, то ему казалось, что он видит одну воду, то — безбрежное море уступало место суще, тянувшейся насколько хватало глаз.

— Это Урди? Ты не знаешь, сэр Ганафакс?

— Судя по расположению и внешнему виду, — да. Нестабильное вещество, принц Корум, созданное Повелителями Хаоса.

— Повелители Хаоса? Никогда не слышал ничего подобного.

— Нет? Тем не менее тобой правят их воля. Ариох — один из них. Давным-давно отгремела война между Повелителями Порядка и Хаоса. Хаос победил и пришел управлять всеми пятнадцатью измерениями и, насколько я понимаю, многими другими, что лежат за ними. Некоторые говорят, что Порядок равновесия побежден и его боги уничтожены.

Они говорят, что космический баланс нарушен и весы слишком перетянуты в одну сторону, вот почему так много непредвиденного происходит в мире. Говорят также, что когда-то планета была круглой, а не сплюснутой. В это трудно поверить.

— В некоторых легендах Вадаг тоже говорится, что она была круглой.

— Да, но Вадаг достигли своего расцвета как раз перед тем, как произошла битва. Вот почему Повелители Шпаг так ненавидят древние расы. Это не их создания. Великим богам не дано право вмешиваться в дела смертных, поэтому они, в основном, действуют через мабденов.

— Это правда?

— Это истина! — ответил Ганафакс. — Я знаю и другие варианты этой истории, но верю в этот.

— Великие боги — это Повелители Шпаг?

— Да, Повелители Шпаг. Но есть еще Великие старые боги, для которых существуют мириады измерений, а Земля — не более чем крошечный фрагмент во всей мозаике. — Ганафакс пожал плечами и продолжал: — Это космология, которую я изучал, когда был священником. Я не могу с уверенностью утверждать, что так оно и есть.

Корум нахмурился. Он поглядел вниз и увидел, что они летят над холодной, желто-коричневой пустыней. Эта пустыня называлась Друнгазат, в ней не было воды. По прихоти судьбы, Корум приближался к Валету Шпаг быстрее, чем ожидал. Но было ли это прихотью судьбы?

Становилось все жарче и душнее, песок шевелился и двигался. Ганафакс облизывал пересохшие губы.

— Мы приближаемся к Пламенным землям, принц Корум, смотри! На горизонте Корум увидел тонкую линию, которая расширялась по мере того, как они приближались к ней. Небо приобретало красноватый оттенок. Жара усилилась. К своему удивлению Корум увидел, что они подлетают к огромной стене пламени, растянувшейся, насколько хватало глаз, в обоих направлениях.

— Ганафакс, мы сгорим заживо, — спокойно произнес он.

— Похоже на то.

— Неужели нельзя повернуть твой змей?

— Я пытался сделать это и раньше. Не в первый раз он избавляет меня от одной опасности, чтобы затем я попал в другую.

Стена огня была уже так близко, что Корум чувствовал его жар на своем лице. Он слышал шуршание и треск. Казалось, что огонь питается только воздухом и ничем больше.

— Это против природы, — задыхаясь, сказал он.

— Это работа Хаоса. В конце концов, любое нарушение законов природы доставляет ему удовольствие.

— Опять колдовство. У меня от него болит голова. Я никак не могу понять его логики.

— Потому что в нем ее нет. Повелители Хаоса — враги логики, ненавистники Истины. — Я думаю, что такие понятия, как добро и зло, не существуют для Повелителей Хаоса.

— Хотел бы я научиться их философии, — Корум обтер рукавом пот со лба, — и уничтожить ту красоту, которую они создали.

Корум бросил на Ганафакса подозрительный взгляд: был ли мабден на стороне Валета? Не поймал ли он Корума в ловушку, взяв с собой?

— Есть еще и другая, спокойная красота, сэр Ганафакс.

— Верно.

Внизу под ними ревело и вскидывалось пламя. Змей опускался все ниже и ниже, его зеленое полотно начало тлеть. Корум понимал, что скоро пламя уничтожит змей и они рухнут прямо в огонь. Но они все еще летели над стеной, хотя кое-где язычки пламени уже вспыхнули на шелке и Корум чувствовал, что он поджаривается в своих доспехах, как устрица в раковине.

Обгоревший кусок змея отвалился и полетел прочь.

Ганафакс с красным потным лицом схватился за веревку и прокричал:

— Хватайся за палку, принц Корум, хватайся за палку!

Корум вцепился в одну из деревянных палок как раз в тот момент, когда шелк сполз с остова конструкции и полетел в пламя. Змей дрогнул, грозя последовать за шелком. Он быстро терял высоту. Корум закашлялся, когда раскаленный воздух попал ему в легкие. На его правой руке появились пузыри от ожога, хотя левая оставалась холодной.

Змей начал падать.

Корума раскачивало из стороны в сторону, но он крепко держался за палку. Затем послышался треск ломающегося дерева, сильный толчок и он оказался на плоской поверхности, заваленной обломками змея. Пламенная стена осталась позади.

С трудом Корум поднялся. Тело его болело. Здесь все еще было невыносимо жарко. Языки пламени почти вплотную подступали к его спине, а сама стена поднималась более чем на сто футов. Рядом текла мутная река из расплавленной лавы, на ее поверхности плясали языки пламени. Оплавленная скала, на которой он стоял, была зеленого цвета, и камень, казалось, размяк от жары. Повсюду виднелись точно такие же скалы и текли такие же реки жидкого огня.

Принц огляделся: неподалеку от него под обломками лежал Ганафакс и громко ругался. Он тоже поднялся на ноги.

— Ну, — он пнул обуглившийся камень, на котором лежали остатки каркаса змея, — теперь-то ты больше не понесешь меня к новым опасностям.

— Я думаю, нам вполне хватит той, в которую мы попали, — ответил Корум. — Возможно, что это последняя опасность в нашей жизни.

Ганафакс вытащил из обломков свой пояс со шпагой и повязал его вокруг бедер.

— По-моему, ты прав, принц Корум, неважное здесь место, чтобы расстаться с жизнью.

— Согласно некоторым легендам мабденов, — сказал Корум, — мы можем считать, что уже умерли и попали сюда после смерти. Разве у мабденов не говорится о мирах, где горит вечный огонь?

Ганафакс фыркнул:

— Может быть, на востоке. Ну что ж, назад нам хода нет, пошли вперед.

— Мне говорили, что Дикая Ледяная Страна находится отсюда немного дальше на север, — произнес Корум, — хотя как лед не тает, находясь так близко от огня, я не знаю.

— Это еще одна прихоть Повелителей Хаоса, вне всякого сомнения.

— Может быть.

Они медленно пробирались по скользкому камню, уходя все дальше от Пламенной стены. Они шли, перепрыгивая через ручейки лавы, двигаясь очень осторожно. Тела их болели от ожогов, на ногах вздулись пузыри. Скоро они были вынуждены остановиться, чтобы хоть немного передохнуть. Они обернулись на далекую пламенную стену, отерли пот с лица и обменялись взглядами. Сейчас их мучила жажда и голоса их были хриплыми.

— Я думаю, мы обречены, принц Корум.

Корум слабо кивнул в ответ. Он посмотрел вверх. Красные облака образовали над ними огненный купол. Казалось, весь мир горел.

— Может быть, ты знаешь заклинание, вызывающее дождь, сэр Ганафакс?

— К сожалению, нет. Мы, священники, презираем эти дешевые трюки.

— Но полезные. Колдуны, кажется, любят только то, что эффективно. Ганафакс вздохнул:

— Боюсь, что так. А как насчет той власти, которая есть у тебя? Не можешь ли ты, — тут он замолчал, — попросить помочь у тех потусторонних миров, откуда пришли твои союзники?

— Боюсь, что они хорошие союзники только в битве. Я даже не знаю, кто они такие и почему отвечают на мои призывы. Мне кажется, что колдун, который дал мне власть над ними, знает не больше моего.

— А ты заметил, что солнце здесь не садится? Значит, не придет и ночь, чтобы облегчить наши страдания, — прервал его Ганафакс.

Корум собирался ответить, когда заметил неподалеку от них какое-то движение.

— Тихо, сэр Ганафакс.

Ганафакс уставился в колеблющийся туманный жаркий воздух.

— Что это?

А затем появились они.

Это был отряд. Он двигался верхом на животных, чьи тела были покрыты толстой блестящей кожей. У зверей было четыре ноги, несколько рогов на голове и маленькие свирепые красные глаза. Всадники с головы до ног были закутаны в красные сверкающие одежды. Не было видно даже лиц и рук. Вооружены они были длинными копьями. Воины молча окружили Корума и Ганафакса.

Несколько мгновений стояла тишина, потом один из всадников заговорил.

— Что вы делаете в Пламенных Землях, незнакомцы?

— Мы здесь не по своей воле, — ответил Корум. — Мы оказались в вашей стране случайно, и мы мирные люди.

— Это не так. У вас шпаги.

— Мы не знали, что эти края обитаемы, — сказал Ганафакс. — Нам нужна помощь. Мы должны уехать отсюда.

— Никто не может уехать из Пламенных Земель, чтобы не обречь себя на более ужасную участь, — произнес всадник. Голос его был громким, но печальным. — Есть всего одна дорога, но она ведет через Пасть Льва.

— А разве мы не можем?..

Всадники начали сжимать кольцо. Корум и Ганафакс выхватили из ножен шпаги.

— Ну что же, принц Корум, нам предстоит умереть.

Лицо Корума было угрюмо. Он поднял глазную повязку. На мгновение зрение его затуманилось, а затем он увидел потусторонний мир. В нем перед его глазами появилась пещера, в которой стояли, как

замороженные, высокие фигуры. С ужасом Корум узнал в них народ Рага-да-Кетта. Раны их были бескровны, глаза пусты, доспехи сорваны, но оружие крепко зажато в руках. Они начали двигаться по мановению руки Кулла.

— Нет! Это тоже мои враги! — закричал Корум.

Ганафакс, который не мог видеть то, что видел Корум, с удивлением повернулся к нему.

Мертвые воины продолжали идти вперед, пещера закрылась туманом, и вдруг они материализовались, оказавшись рядом с воинами в красных одеждах.

Корум попятился назад, махая руками. Воины Пламенных Земель остановили своих скакунов. Лицо Ганафакса было маской ужаса.

— Нет! Я... — прохрипел Корум.

С губ мертвого короля Тенгол-Лепа сорвался свистящий шепот:

— Мы служим тебе, господин. Дашь ли ты нам награду?

Корум овладел собой и медленно кивнул головой:

— Да, берите вашу награду.

Высокие худые воины повернулись к всадникам Пламенных Земель. Звери их захрипели и попытались отступить назад, но воины умело сдерживали их. Среди мертвых было приблизительно пятьдесят Рага-да-Кетта. Разделившись на группы по двое и трое, они, подняв свои дубины, двинулись на воинов в красных одеждах.

Копья взвились и обрушились на Рага-да-Кетта, но это их не остановило. Они стали сталкивать борющихся всадников с седел. Дубины, похожие на птичьи лапы, сорвали со всадников одежды и обнажили их перед взором Корума.

— Стойте! — закричал Корум. — Не убивайте! Не смейте больше убивать! Остановитесь! Достаточно!

Тенгол-Леп повернулся пустые глаза к Коруму. Тело мертвого короля насеквоздь было проткнуто копьем, но он даже не замечал этого. Его мертвые губы прошептали:

— Это наша награда, господин. Мы не можем остановиться.

— Но ведь они Вадаг! Они такие же, как я! Они из моей расы!

— Они уже мертвы, принц Корум.

Рыдая, Корум наклонился над трупами, разглядывая их лица. У них были такие же длинные черепа, громадные миндалевидные глаза, прижатые уши.

— Откуда здесь Вадаг? — прошептал Корум.

Никто не ответил ему. Тенгол-Леп тащил труп с двумя слугами. Звери в толстой шкуре разбежались в разные стороны, прыгая прямо по ручейкам лавы. Глазом Ринна Корум увидел, что Рага-да-Кетта сложили трупы в свою пещеру. Содрогаясь, он опустил повязку.

Кроме нескольких копий, обломков доспехов и разорванной одеж-

ды, кроме убегающих скакунов, ничего не осталось от Вадаг с Пламенных Земель.

— Я уничтожил свой собственный народ! — закричал Корум. — Я подверг их самой ужасной участи в потустороннем мире.

— Колдовство имеет свойство иногда поворачиваться против самого колдуна, — спокойно замстил Ганафакс. — Это непостоянная сила, как я уже тебе говорил.

Корум резко повернулся к Ганафаксу.

— Прекрати причитания, мабден. Разве ты не видишь, что я наделал? Ганафакс спокойно кивнул головой.

— Да, вижу. Но ведь это уже сделано, не так ли? Наша жизнь спасена.

— К своим преступлениям я добавил братоубийство.

Корум упал на колени. Закрыв лицо, он плакал.

— Кто здесь плачет? — спросил женский грустный голос. — Кто плачет в Кра-ан-Венль, в землях, превратившихся в Пламенные? Может быть, он оплакивает их прекрасные холмы и долины?

Корум поднялся на ноги. Ганафакс не сводил глаз с фигуры, появившейся перед ними.

— Кто здесь плачет? — повторила женщина.

Она была стара. Красивое бледное лицо ее было печально. Седые волосы ее спускались на плечи. Одета она была в красный плащ, такой же, как у воинов. Женщина сидела верхом на многорогом с блестящей кожей звере. Она была очень крупной женщиной Вадаг. Она была слепа.

— Я — Корум Джайлин Ирси, леди. А кто вы?

— Я — Уреза, королева Кра-ан-Венль, и весь мой народ — двадцать четыре человека. Я лишила себя зрения, чтобы не видеть, что стало с моей землей.

Губы Корума пересохли. Он тихо проговорил:

— Я убил ваших людей, леди. Вот почему я плачу.

Ее лицо не изменилось.

— Они были обречены на смерть, — ответила она. — Это даже лучше, что они умерли. Я благодарю тебя, незнакомец, за то, что ты освободил их. Может быть, ты захочешь освободить и меня? Я живу только для того, чтобы жила память о Кра-ан-Венль. — Она на секунду замолчала, затем спросила: — Почему ты носишь имя Вадаг?

— Я сам Вадаг, но я с тех земель, которые далеко на юге.

— Ваши земли красивы?

— Очень красивы.

— И твой народ счастлив, принц Корум?

— Он мертв, королева Уреза. Он уничтожен.

— Все, кроме тебя? — ее губы тронула легкая улыбка. — Он сказал, что все мы умрем, в каком бы из измерений не находились. Но было и другое предсказание, что когда мы умрем, погибнет и он. Но об этом предсказании он постарался забыть.

— Кто это сказал, леди?

— Валет Шпаг, герцог Ариох из Хаоса. Он унаследовал эти пять плоскостей после великой битвы между Порядком и Хаосом. Он, который пришел сюда и превратил в голые скалы наши цветущие долины и холмы, заполнил лавой наши реки, сжег зеленые леса... Герцог Ариох предсказал это. Но, прежде чем отправиться в место своей ссылки, Повелитель Аркин сообщил и другое.

— Повелитель Аркин?

— Повелитель Порядка, который правил здесь до того, как Ариох победил его. Он сказал, что, уничтожив древние расы, он уничтожит и свою власть над пятью плоскостями.

— Прекрасное предсказание, — пробормотал Ганафакс, — но сомневаюсь, что верное.

— Может быть, мы и обманывали себя сладкой ложью. Но ты, кто говорит с акцентом мабдена, ты не знаешь того, что знаем мы, потому что ты — дитя Ариоха.

Ганафакс выпрямился.

— Может, мабдены и его дети, королева Уреза, но мы не его рабы. Я здесь, потому что воспротивился его воле.

Вновь она улыбнулась печальной улыбкой.

— Некоторые говорят, что Вадаг сами уготовили себе такую судьбу тем, что они бились с Надраг и тем самым нарушили порядок вещей Повелителя Аркина.

— Боги мстительны, — прошептал Ганафакс.

— Я тоже мстительна, сэр мабден, — сказала королева.

— Потому, что мы убили ваших воинов?

Она помахала в воздухе морщинистой старческой рукой.

— Нет, нет, ведь они напали на вас. Вы защищались, и тут не о чем говорить. Я имею в виду герцога Ариоха и его каприз, который превратил эту прекрасную страну в пустынные земли вечного огня.

Когда-то у меня были сотни подданных. Одного за другим я отправила их в Пасть Льва. Никто из них не добился успеха. Ни один не вернулся.

— Что такое Пасть Льва? — спросил Ганафакс. — Мы слышали, что это единственная дорога через Пламенные Земли.

— Верно. Но это не путь к спасению. Тот, кто выживет, пройдет сквозь Пасть Льва, погибнет после. Там находится дворец самого герцога Ариоха.

— Неужели никто не сможет выжить?

Слепое лицо королевы повернулось к розовому небу.

— Только великий герой, Принц в Алом Плаще, только он.

— Когда-то Вадаг не верили в героев, — с горечью произнес Корум. Она кивнула головой.

— Помню, но ведь тогда им не нужно было в это верить.

Несколько мгновений Корум молчал, затем спросил:

— Где находится Пасть Льва, королева?

— Я укажу тебе дорогу, принц Корум.

Глава 5. СКВОЗЬ ПАСТЬ ЛЬВА

Королева дала им напиться воды из фляги, висевшей у седла, и подозвала двоих животных, чтобы Корум и Ганафакс не шли пешком. Они вскочили в седла и последовали за ней, облезжая нагромождения черно-зеленых камней и пламенные реки. Хотя королева была слепа, она искусно управляла своим зверем, попутно рассказывая о том, что было, что росло в тех местах, по которым они проезжали. Как будто она помнила каждое дерево, каждый цветок и каждый клочок ее уничтоженной земли.

Прошло много времени, прежде чем Уреза остановилась и спросила:

— Что ты там видишь?

Корум посмотрел сквозь задымленный воздух.

— Похоже на большую скалу.

— Мы подъедем ближе, — сказала она.

Когда они подъехали, Корум увидел, что это действительно была скала из гладкого и сверкающего камня, который блестел, как расплавленное золото. Она до мельчайших подробностей напоминала голову огромного льва, с открытым в рыке широким ртом, из которого торчали желтые клыки.

— О, боги! Кто мог создать такое? — прошептал Ганафакс.

— Ариох, — ответила королева. — Когда-то на этом месте стоял город, а сейчас мы живем... жили в подземных пещерах, где бегут ручейки и не так жарко.

Корум посмотрел на огромную львиную голову, потом перевел взгляд на королеву.

— Сколько вам лет, королева?

— Не знаю. В Пламенных Землях не существует времени. Может быть, десять тысяч лет.

Далеко впереди свирепствовал огонь, создающий еще одну пламенную стену. Корум обратил на это внимание королевы.

— Мы окружены пламенем со всех сторон, — сказала она. — Когда Ариох впервые создал ее, многие кинулись прямо в огонь, чтобы не попасть под власть злого бога. Так умер мой муж и все мои братья и сестры.

Корум заметил, что Ганафакс, не в пример себе, был не разговорчив. Голова его была опущена, время от времени он трогал ее рукой.

— В чем дело, друг Ганафакс?

— Да нет, ничего, принц Корум. Просто болит голова. Наверное, это жара подействовала.

Внезапно до них донесся стон. Ганафакс быстро поднял голову. Глаза его были расширены, в них было недоумение.

— Что это?

— Дев поет, — ответила королева. — Он знает, что мы близко.

Затем из горла Ганафакса вырвался такой же стон: так собака имитирует волчий вой.

— Ганафакс, друг мой! Что с тобой?

Подъехав к нему совсем близко, принц спросил:

— Тебя что-нибудь мучает?

Ганафакс странно посмотрел на него.

— Нет, я же сказал тебе, что жара... — лицо его перекосилось. — А-а-а! Какая боль! Я не буду! Не буду!

Корум повернулся к королеве Урезе.

— У ваших воинов раньше не было такого?

Она нахмурилась, и лицо ее выражало скорее раздумье, чем сочувствие Ганафаксу.

— Нет, — сказала она через некоторое время. — Если это не...

— Ариох!

В это время Ганафакс закричал:

— Ариох! Я не буду!

Он выхватил свою шпагу.

Корум в недоумении смотрел на него.

— Ганафакс! Что это...

Вдруг рука Кулла начала двигаться.

Она метнулась к шпаге Корума. Он попытался остановить ее, но она уже выхватила шпагу и нанесла сильный удар по голове Ганафакса. Ганафакс свалился на землю, а ошеломленный Корум закричал:

— Ганафакс, друг мой! Я отрублю эту дьявольскую руку.

Ганафакс с трудом открыл глаза и прохрипел:

— Нет, Корум, не надо... Я ведь хотел...

Он закрыл глаза и умер. Корум заплакал.

Через некоторое время королева Уреза, которая наблюдала всю сцену с безграничным удивлением, спросила:

— Что это значит, принц Корум?

— Ничего, — ответил Корум, мрачно глядя на руку Кулла, которая уже полностью подчинилась ему.

— Ничего, — повторил он. — Я совершил еще одно убийство...

Хотя, эта рука нападает, если чувствует опасность.

— Значит, ты угадал то же самое, что и я, — сказала королева.

— Но зачем Ариох хочет убить меня?

— Затем, что ты — Вадаг. Последний из Вадаг, который не смог отомстить за свою расу.

— Пусть она пропадет неотомщенной! Слишком много преступлений было совершено, чтобы такая месть стала возможной. Слишком многие пострадали или погибли ужасной смертью. Будут ли имя Вадаг вспоминать с любовью или произносить с ненавистью?

— О нем уже говорят с ненавистью. Ариох позабылся об этом. Вот Пасть Льва. Прошай, принц Корум.

Королева Уреза пришпорила своего зверя и поскакала мимо огромной скалы, по направлению к широкой стене пламени. Корум понял, что она собралась сделать.

Он посмотрел на тело Ганафакса. Весельчак никогда больше не будет улыбаться, и душа его сейчас, безусловно, страдает по воле Ариоха.

Опять принц Корум остался один.

Странный стон вновь послышался из Пасти Льва. Казалось, он звал его. Корум пожал плечами.

Зачем ему дорожить жизнью? Он готов отдать ее. По крайней мере больше никто не умрет из-за него.

Стремительно, с криком бросился принц в стонущую раскрытую Пасть Льва.

Верховое животное его поскользнулось, потеряло равновесие и упало. Корум был далеко вышвырнут из седла. Он приподнялся и стал шарить руками, пытаясь найти поводья, но зверь уже повернулся и галопом поскакал к дневному свету, который красно-желтой полосой виднелся у входа. На мгновение Корум чуть было не последовал за животным. Потом он вспомнил мертвое лицо Ганафакса, повернулся и пошел вперед, в темноту.

Он шел очень долго. Внутри Пасти Льва было прохладно. Корум подумал, не суеверным ли страхом руководствовалась королева Уреза, а Пасть Льва — всего лишь большая пещера.

Внезапно принц услышал шорохи. Ему показалось, что он видит глаза, которые наблюдают за ним. Обвиняющие глаза? Нет, просто злорадные. Он остановился и огляделся вокруг, потом снова сделал шаг вперед. И вдруг...

Он стоял на хрустальной, прозрачной поверхности, а под его ногами были миллионы живых существ: Вадаг, Надраг, мабдены, Рага-да-Кетта и те, которых он не знал. Они протягивали к нему руки, прося помощи. Тут были мужчины и женщины, глаза их были открыты, лица прижаты к хрустальной поверхности. Все они смотрели на него. Корум попытался разбить стекло шпагой, но на нем не появилось даже трещины.

Принц двинулся вперед и сразу увидел пять плоскостей.

Он попытался перенести себя в одну, определенную плоскость.

Но здесь кричавшие создания кинулись на него, вцепились, пытаясь разорвать на куски.

Он поменял плоскость. Теперь он шел по ледяному мосту, который таял. Клыкастые существа поджидали его внизу. Лед трещал... Он потерял опору и упал.

Сквозь водоворот бурлящего вещества он видел, как возникали и исчезали целые города. На него смотрели причудливые создания: иногда красивые, иногда чрезмерно уродливые. Он видел то, чем мог восхищаться, что не мог полюбить, и то, от чего ему хотелось кричать.

Корум понял, что получил от колдуна Шуля нечто большее, чем просто руку Кулла и глаз Ринна. Он получил возможность смотреть на самые злые явления мира и оставаться при этом практически бесстрастным. Принц испугался, что ожесточится, потеряет душу.

Он сделал еще один шаг.

Теперь принц стоял под огромным ледяным куполом и рядом с ним стояло много Корумов: вот он еще невинный младенец, вот жизнерадостный и веселый до прихода мабденов; вот теперешний — угрюмый и мрачный со сверкающим драгоценным глазом и рукой-убийцей; вот он умирающий.

Еще один шаг.

Корум — в мерзкой жиже. Она засасывает его. Он пытается удержаться на ногах. Отвратительные рептилии стараются ухватить его лицо своими челюстями. Инстинкт подсказывает ему отступить, но он плывет вперед.

Он стоял в туннеле из серебра и золота. В конце его была дверь, и за ней он слышал какое-то движение.

Со шпагой в руке он вошел внутрь.

Глава 6. МНОГОЛИКИЙ БОГ

В гигантском зале Корум казался карликом. Внезапно он увидел здесь свои прошлые приключения, страсти, желания, чувство вины, как нечто совершенно незначительное и жалкое. Он ожидал встретить Ариоха сразу же, как только попадет в его дворец. Корум вошел совершенно незамеченым.

Над его головой дрались два демона с длинными рогами и еще более длинными хвостами. Они утробно смеялись, хотя казалось, что вот-вот испустят дух.

Именно на этой драке было сосредоточено все внимание Ариоха, когда Корум появился в зале.

Валет Шпаг, герцог Хаоса, лежал на куче отбросов и потягивал какую-то вонючую жидкость из грязного кубка. Он был необычайно толст, складки жира колыхались, когда он смеялся. Он был абсолютно

гол, все тело его покрывали болячки. У него было красное уродливое лицо и отвратительные гнилые зубы.

Корум никогда не думал, что бог может быть таким. Размеры этого исполина достигали размеров дворца, а его шпага — символ власти, была не меньше самой высокой башни замка Эрорн.

Стены дворца бесконечными ярусами поднимались до самого купола, окутанного дымом. Ярусы были заняты, в основном, мабденами всех возрастов. Корум видел, что большинство из них голые. На многих ярусах они дрались, мучали друг друга. Повсюду сновали и другие существа: главным образом уродливые Шефандго, размерами немногим меньше, чем дерущиеся демоны.

Иссия-черная шпага Ариоха была покрыта странными письменами. Над нею работали мабдены: одни стояли на коленях и драили ножны, другие мыли рукоятку, третьячи чистили золотую проволоку, которой была отделана рукоятка.

Мабдены, как мыши, сновали по огромному туловищу бога, покусывая его кожу, питаясь его кровью. Казалось, Ариох даже не чувствовал этого. Единственное, что его занимало — смертельная битва двух демонов.

Тот ли это могущественный Ариох, лежащий сейчас, как пьяный варвар? То ли это чудовище, которое уничтожило целые нации, обрушив на них мор и кровавые войны, горем и болезнями истребивший древнейшие расы, которые превосходили его мудростью и образованием?

Смех Ариоха потрясал стены зала, и от этого смеха несколько мабденов-паразитов упало с его тела. Одни остались невредимы, другие переломали себе спины и лежали неподвижно; третьячи не обратили на это никакого внимания и вновь терпеливо принялись взбираться на тело бога, отрывая от него зубами маленькие кусочки. Волосы Ариоха были длинными, прямыми и жирными. Тут тоже сновали мабдены, сражаясь за остатки пищи и цепляясь за пряди волос. В волосах на теле бога мабдены рыскали, выискивая места понежней.

Демоны закончили драку. Один из них был уже мертв, но еще чуть слышно смеялся. Потом смех прекратился.

Ариох хлопнул себя по телу, убив с дюжину мабденов, и поскреб живот. Он осмотрел кровавые остатки на ладони и отер ее о волосы. Затем бог глубоко вздохнул и принял ковырять в носу корявым пальцем, размером с дерево.

Корум увидел, что в галереях были двери и лестницы, ведущие наверх, но он не знал, где дверь, ведущая в самую высокую башню дворца. Осторожно ступая, он начал двигаться по залу.

Уши Ариоха уловили звук, и бог насторожился. Он наклонил голову и посмотрел на пол. Огромные глаза уставились на Корума, а гигантская рука вытянулась, чтобы схватить его.

Корум ударил шпагой гиганта по руке, но Ариох, подняв его на ладони, только рассмеялся.

— Что это такое? — прогремел его голос. — Не мой. Не из моей команды.

Корум продолжал бить шпагой, и Ариох продолжал не замечать этих ударов, хотя шпага глубоко вонзилась ему в руку. С плеч, из-за ушей и грязных волос мабдены смотрели на Корума с нескрываемым любопытством и ужасом.

— Нет, не мой, — вновь прогремел Ариох. — Ты чей? Ты один из его?

— Чей?! — в свою очередь спросил Корум, все еще продолжая наносить удары.

— Того, чей замок я недавно наследовал. Упрямый парень — Аркин. Я думал, никого уже не осталось, оказывается есть еще малавки. Не понимаю их.

— Ариох! Ты уничтожил весь мой народ!

— Это хорошо! Ты говоришь всех? Так, значит, ты принес мне это сообщение? Почему я раньше не слышал об этом?

— Пусти меня! — закричал Корум. Ариох открыл ладонь, и Корум с трудом поднялся на ноги, тяжело дыша. Он не ожидал, что Ариох послушается его. Принц внезапно понял, Ариох не питал особой ненависти к Вадаг. Он относился к ним так же, как и к тем мабденам-паразитам, которые питались его телом. Он, как художник стирает старые краски с палитры, стер весь мир, чтобы нарисовать новый. Боль его народа, его жалкое существование происходили по небрежному капризу Ариоха.

Затем Ариох-гигант исчез. Вместо него появился другой. Вокруг тоже все изменилось.

Этот другой был прекрасен и смотрел на Корума с загадочным высокомерно-снисходительным выражением. Одежда его была серебристо-черной, на боку висела такая же черная шпага, но меньших размеров.

Он казался воплощением зла.

— Кто ты? — задохнувшись, спросил Корум.

— Я — герцог Ариох, твой господин. Я — повелитель Ада, дворянин Измерений, Хаоса, Валет Шпаг. Я — твой враг.

— Ты — мой враг? Значит, та, другая форма, была не твоей?

— Я выбираю себе ту форму, какую захочу, или захочешь ты. Считай меня добрым, и я приму форму, наиболее соответствующую этому понятию. Мне все равно. Единственное мое желание — жить в покое, убивая время. И если тебе придет в голову играть драму, какую-нибудь пьесу собственного сочинения, я тоже буду ее играть, пока мне это не наскучит.

— Ты всегда был тщеславен?

— Что? Всегда ли? Нет, не думаю. Не тогда, когда пришлось сражаться с Повелителями Порядка, которые раньше правила измерениями. Но сейчас, когда я выиграл, я заслуживаю всего, за что я боролся. Разве не все существа таковы?

Корум кивнул головой.

— Ты прав.

— Вот видишь, — Ариох улыбнулся. — Что же теперь, маленький Корум из расы Вадаг? Знаешь ли ты, что должен быть уничтожен? Это нужно для моего спокойствия. Ты хорошо сделал, что пришел в мой дворец. В награду я предоставлю тебе свое гостеприимство, а потом уничтожу.

Корум нахмурился.

— Меня нельзя просто так взять и уничтожить, герцог Ариох.

Ариох поднес руку к своему красивому лицу и зевнул.

— А почему бы и нет? Ну, ладно. Что я могу сделать, чтобы развлечь тебя?

Корум заколебался.

— Не покажешь ли ты мне свой замок? — сказал он наконец. — Я никогда не видел такой громадины.

Ариох поднял бровь.

— И это все?..

— Пока все.

Ариох улыбнулся.

— Прекрасно. Да и, кроме того, я сам не видел всего замка. — Он положил мягкую руку на плечо Корума и провел его в дверь.

Пока они шли по великолепной галерее со стенками из переливающегося мрамора, Ариох рассказывал Коруму своим низким гипнотическим голосом:

— Видишь ли, друг мой Корум, эти пятнадцать измерений загнивали. Что делали вы — Вадаг и все остальные? Ничего. Вы едва выезжали из своих городов и замков. Природа рожала лень и ничегонеделание. Повелители Порядка позабочились о том, чтобы все было правильно организовано: вообще ничего не происходило. Мы внесли так много в ваш мир, мой брат Мабелод и моя сестра Ксиомбарг.

— Кто они такие?

— Я думаю, тебе больше известны имена Королевы и Короля Шлаг. Каждый из них правит пятью из оставшихся десяти измерений. Мы выиграли их у Повелителей Порядка.

— И начали уничтожение всего того, что истинно и мудро.

— Как ты смеешь так говорить, смертный!

Корум замолчал. Настойчивый голос Ариоха путал мысли в голове Корума. Он обернулся.

— Я думаю, что ты обманываешь меня, герцог Ариох. Твое тщеславие значительно больше, чем ты изображаешь.

— Как на это посмотреть, Корум. Мы следуем нашим капризам. Сейчас мы могущественны и ничто не может нам повредить. К чему нам мстить?

— Тогда вы будете уничтожены, как были уничтожены Вадаг.

Ариох пожал плечами.

— Возможно.

— У тебя есть могущественный враг в лице Шуля с острова Сви-ан-Фанла-Бруль. Я думаю, тебе следует его бояться.

— Значит, ты знаешь о Шуле? — Ариох мелодично рассмеялся. — Он строит планы, заговоры и угрожает нам? Он очень потешный, не правда ли?

— Просто потешный? — в голосе Корума звучало недоумение.

— Да, просто потешный.

— Он говорит, что вы ненавидите его, потому что он так же могуществен, как и вы.

— У меня нет ненависти ни к кому.

— Я не верю тебе, Ариох.

— Какой смертный не считает, что бог его обманул?

Сейчас они поднимались по спиральной лестнице, которая, казалось, была соткана из света. Ариох остановился.

— Я думаю, мы обследуем какую-нибудь другую часть дворца. Эта лестница ведет всего лишь в башню.

Впереди Корум увидел дверь, на которой пульсировал знак: восемь стрел, указывающих в центр круга.

— Что это за знак, герцог Ариох?

— Ничего особенного. Руки Хаоса.

— Тогда что же находится за дверью?

— Просто башня. — Ариох стал выказывать нетерпение. — Пойдем, нас ожидают куда более интересные зрелища.

Неохотно Корум последовал за ним обратно по лестнице. Он был уверен, что нашел место, где Ариох хранит свое сердце.

В течение нескольких часов ходили они по дворцу, любуясь его чудесами. Все здесь было светло и красиво.

Ничто не говорило о присутствии зла. Это встревожило Корума. Он знал, что Ариох обманывает его.

Они вернулись в зал: посреди стоял стол с пищей и вином. Ариох жестом пригласил Корума:

— Не отбедаешь ли со мной, принц Корум?

Корум иронически улыбнулся.

— Прежде, чем ты меня уничтожишь?

Ариох засмеялся.

— Я предлагаю тебе продлить свое существование еще немного за приятным занятием. Все равно тебе не удастся выйти из моего дворца. А пока твоя наивность продолжает развлекать меня. Зачем мне уничтожать тебя?

— Разве ты совсем не боишься меня?

— Совсем, — бог громко расхохотался.

— И ты не боишься того, что я представляю?

— Что же ты представляешь?

— Справедливость.

— О, как ты наивен! — Ариох вновь рассмеялся. — Ее не существует!

— Она существовала, когда здесь правили Повелители Порядка.

— Все что угодно может существовать в небольшой промежуток времени, даже правосудие. Но настоящее состояние Вселенной — анархия. Трагедия любого смертного в том, что он никак не может постичь это.

Коруму нечего было ответить. Он усился за стол и стал есть. Ариох улыбнулся, сел с противоположной от принца стороны и налил себе немного вина.

Корум перестал есть.

— Не бойся, Корум. Пища не отравлена. К чему мне обращаться к такому глупому способу, как яд?

Корум продолжал свою трапезу. Покончив с едой, он сказал:

— А сейчас я хочу отдохнуть, если мне действительно предстоит быть твоим гостем.

— Ax! — Ариох, казалось, был застигнут врасплох.— Ну, тогда спи. Он взмахнул рукой, Корум свалился лицом прямо на стол и заснул.

Глава 7. НА ВЕЧНЫЙ БОЙ С ПОВЕЛИТЕЛЕМ ШПАГ

Корум пошевелился и раскрыл слипающиеся глаза: стола не было. Ариоха также не было. Был огромный зал, погруженный в темноту. Слабый свет чуть пробивался из приоткрытых дверей и с галерей.

Он поднялся. Не продолжается ли сон? Или ему приснилось все то, что случилось раньше? Все произошедшие события смахивали на сны, ставшие действительностью. Но это можно было сказать о целом мире, с тех пор как он покинул спокойствие замка Эрорн так много долгих дней тому назад. Но куда же девался герцог Ариох? Ушел ли он по каким-то своим делам, касающимся Земли? Он, несомненно, считал, что его власть над Корумом будет длиться долго. В конце концов, поэтому он и пожелал, чтобы все Вадаг были уничтожены: он не мог понять их, не мог предсказывать их поступков, не мог контролировать их умы, как контролировал умы мабденов.

Внезапно Корум понял, что ему представилась возможность, может быть единственная, попытаться достичь того места, где Ариох хранит свое сердце. Тогда ему, может быть, удастся убежать, пока Ариох еще не вернулся, а потом добраться до Шуля и потребовать Ралину. Он уже не думал о мести. Ему хотелось как можно скорее покончить с этим делом и спокойно жить с любимой женщиной в замке у моря.

Он побежал через зал к лестнице в галерю со стенами из переливающегося мрамора. Он бежал, пока не достиг той лестницы, которая была сделана из света. Сейчас этот свет едва мерцал, но высоко вверху виднелась дверь с пульсирующим оранжевым знаком: восемь стрел, исходящих из центрального круга — знаком Хаоса. Тяжело дыша, он побежал по спиральной лестнице. Все выше и выше бежал он, пока

дворец не остался далеко внизу, пока не добрался до двери, перед которой выглядел карликом, пока не остановился и удивленно не оглянулся, пока не понял, что достиг цели.

Огромный знак пульсировал равномерно, как само сердце, и окутывал Корума красно-золотым светом. Принц попытался толкнуть дверь, но это было равносильно тому, как если бы мышь открывала крышку саркофага. Ему необходима была помощь. Он посмотрел на свою левую руку — руку Кулла. Сможет ли он призвать на помощь из темных миров силу? Но уже без «награды».

Затем рука Кулла сжалась в кулак и засверкала светом, который ослепил Корума и заставил его вытянуть руку как можно дальше, второй рукой он закрыл глаза. Рука Кулла размахнулась и ударила по могучей двери. Он услышал звук, похожий на звон колоколов. Он услышал треск, как будто сама земля треснула. Он открыл глаза и увидел отверстие, появившееся в двери. Это была небольшая дыра в нижнем правом углу, но она была достаточной для того, чтобы Корум мог протиснуться.

— Сейчас ты помогаешь мне так, как я этого хотел бы, — прошептал он руке Кулла.

Он опустился на колени и пролез в отверстие.

Еще одна лестница вела наверх сквозь пустоту. Странные звуки наполняли воздух: они то возникали, то исчезали, приближались и удалялись. Музыка говорила о красоте, смерти, вечной жизни, ужасе, покое.

Корум попытался вытащить шпагу, но понял бесполезность этого. Он вновь начал свой подъем и вскоре приблизился к платформе, висящей в пространстве.

На платформе стоял помост, на котором находилось возвышение, а на нем что-то пульсировало и испускало лучи. Около помоста, загипнотизированные лучами, стояли мабденовские воины. Тела их застыли, вытянувшись по направлению к источнику этих лучей, а глаза, полные страха и боли, предостерегали, Корума, приближающегося к помосту.

Корум остановился.

Вещь на возвышении была голубого цвета, маленькой и сверкающей. Она была похожа на драгоценный камень, сделанный в форме сердца. С каждой пульсацией исходили от него лучи света.

Корум сделал один шаг вперед. Луч света ударил ему в щеку, и она дернулась. Еще шаг, и опять два луча поразили его тело; он задрожал, но не застыл на месте. Он смело шел и вскоре оставил мабденовских воинов далеко позади. Еще два шага, и лучи проникли в его тело и голову, но ощущение было приятным. Принц протянул было правую руку, чтобы взять сердце, но левая рука, рука Кулла, сама схватила его.

Корум увидел, что мабденовские воины вдруг ожили. Они терли свои лица, вкладывали шпаги обратно в ножны.

Он обратился к ближайшему из них:

— Зачем ты хотел забрать сердце Ариоха?

— Не по собственной воле. Меня послал колдун, предлагая взамен жизнь, если я украду для него сердце Ариоха.

— Уж не Шуль ли?

— Да, Шуль. Принц Шуль.

Корум посмотрел на остальных: все кивали головами.

— Меня тоже послал Шуль.

— И меня.

— Меня также послал Шуль,— сказал Корум. — Но я не знал, что он пытался сделать это несколько раз.

— Это игра, в которую Ариох с ним играет, — прошептал один из воинов. — На самом деле у Шуля очень мало власти. Ариох дает Шулю силу, а тот думает, что она его собственная. Ариох наслаждается этим: он играет со своим врагом, как кошка с мышкой. Все, что Ариох делает, он делает от скучки. Сейчас ты овладел его сердцем. Он не ожидал, что правила игры будет диктовать не он.

— Да, — согласился Корум. — Только из-за небрежности Ариоха мне удалось добраться до этого места. Сейчас я возвращаюсь. Я должен найти выход из дворца прежде, чем он поймет, что произошло.

— Можно ли нам пойти с тобой? — спросил мабден.

Корум кивнул головой.

— Только поторопитесь.

Они осторожно пошли вниз по лестнице. Примерно посередине один из них закричал, замахал руками в воздухе, споткнулся и полетел вниз.

Все ускорили шаги и дошли до отверстия, проделанного в огромной двери. Один за другим они пролезли в него и стали спускаться по лестнице света; по переливающейся мраморной галерее, вниз по лестнице, в темный зал.

Корум оглянулся в поисках серебряной двери, через которую он вошел во дворец. Он обошел зал много раз, и ноги его заболели, пока он не понял, что дверь исчезла.

Зал внезапно осветился, и все увидели огромную фигуру, которую Корум видел вначале. Она смеялась, сидя на полу в куче отбросов, а паразиты-мабдены сновали по его телу.

— Ха-ха-ха! Видишь, Корум, какой я добрый! Я позволил тебе получить все, что ты хотел. Даже мое сердце! Но я не разрешу забрать его. Без сердца я не могу здесь править. Я думаю, мне придется поместить его обратно в тело.

Плечи Корума опустились.

— Он обманул нас, — сказал он испуганным мабденам.

Один из них ответил:

— Он использовал тебя, сэр Вадаг, потому что не мог взять свое сердце сам. Разве ты этого не знал?

Ариох засмеялся, жирный живот его затрясся, и мабдены попадали на пол.

— Правда! Правда! Ты оказал мне услугу, принц Корум. Сердце

каждого Повелителя Шпаг находится в месте, запретном для него, чтобы подданные могли быть уверенными, что он будет править только в собственных владениях и не посягнет на другие, куда просто не сможет отправиться без своего сердца. Теперь у меня есть мое сердце и я смогу расширить свои владения, если пожелаю.

— Значит, я помог тебе, — с горечью сказал Корум, — думая, что... Смех Ариоха заполнил весь зал.

— Да. Вот именно. Хорошая щутка, а? А сейчас отдай мне мое сердце, маленький Вадаг!

Корум прислонился спиной к стене и выхватил шпагу.

Он стоял с сердцем Ариоха в левой руке и шпагой в правой.

— Я думаю, мне придется сначала умереть, Ариох!

— Это как ты пожелаешь!

Чудовищная рука протянулась к Коруму, но он увернулся.

Ариох вновь разразился смехом и подхватил с пола двух мабденов. Они кричали и извивались, пока он тащил их к своему широкому рту,циальному гнилых зубов. Затем он запихал их поглубже, и Корум услышал, как затрещали кости. Ариох пожевал и выплюнул шпагу. Затем он вновь посмотрел на Корума.

Корум прыгнул за колонну. Рука Ариоха обогнула ее и начала шарить. Корум побежал. Опять громкий смех, и зал задрожал. Веселье бога повлияло на мабденов-паразитов, тоже что-то завершивших. Упала колонна, по которой Ариох ударил в поисках Корума. Затем Ариох увидел его, схватил и смех прекратился.

— А теперь отдай мне мое сердце.

Корум с трудом глотал воздух, высвобождаясь из мягкой плоти, обволакивающей его. Рука гиганта была теплой и грязной, ногти были сломаны.

— Давай сюда мое сердце, маленькое существо!

— Нет!

Шпага Корума глубоко впилась в большой палец, но бог этого даже не заметил. Мабдены ухватились за волосы на его груди и наблюдали с отсутствующим выражением на лицах.

— Неважно, — сказал Ариох, вдруг ослабляя захват. — Я ведь могу проглотить тебя и сердце одновременно.

И Ариох поднес огромную руку ко рту. Воинчее дыхание обдало Корума, и он чуть было не задохнулся, но все же продолжал колоть бога шпагой. Принц мог видеть только огромный рот, волосатые ноздри и огромные глаза. Рот открылся еще шире, чтобы проглотить его. Корум ударил шпагой по верхней губе, уставившись в красную бездну-глотку.

Вдруг левая рука у принца ожила. Она сдавила сердце Ариоха. Корум никогда не смог бы сделать этого сам — не хватило бы сил, но рука Кулла показала свою мощь: она давила и давила сердце великана.

Ариох перестал смеяться. Огромные глаза его расширились, и их залил новый свет. Рычание вырвалось из горла.

Рука Кулла сдавливалась сердце великана все сильнее.

Ариох закричал. Сердце стало крошиться. Красные и голубые лучи вырывались из-под пальцев Корума.

Раздался высокий резкий звук: Ариох плакал.

— Нет, смертный, нет, — голос его был умоляющим. — Пожалуйста, смертный, мы можем...

Корум увидел, как гигантские формы Повелителя Шпаг начали таять. Рука бога, державшая его, теряла силу.

Корум упал на пол, и остатки сердца Ариоха упали вместе с ним. Пытаясь подняться, принц увидел, что стало с сердцем бога, парящего в воздухе, услышал его последний скорбный звук, а затем, теряя сознание, запомнил он последние слова, которые прошептал ему Ариох:

— Корум из расы Вадаг, ты выиграл, но обречен на вечный бой с Повелителями Шпаг.

Глава 8. ПЕРЕРЫВ В БИТВЕ

Корум смотрел на проходящую мимо него процессию. Сотни различных рас маршировали, скакали или просто шли гурьбой. Он знал, что видит перед собой все смертные расы, которые когда-либо существовали с тех пор, как Порядок и Хаос начали свою битву за власть над миллионами измерений Земли. Он видел знамена Порядка и Хаоса, развевающиеся рядом. На одном было восемь уходящих в центр стрел; на другом — единственная прямая стрела. А над ними висели огромные весы. Чаши их были абсолютно точно уравновешены: на одной Корум увидел Повелителей Хаоса, на другой — Повелителей Порядка.

Корум услышал голос, который произнес:

— Должно быть так: ни Порядок, ни Хаос не властны повелевать судьбами смертных. Должно быть равновесие.

Корум закричал:

— Но равновесия нет! Хаос правит всем!

Голос ответил:

— Баланс иногда нарушается. Его надо выправить. И это во власти смертных — помочь сохранить равновесие.

— Как я могу это сделать?

— Ты уже начал работу и должен продолжать ее, пока не закончишь. Ты можешь погибнуть прежде, чем она будет завершена, но за тобой последуют другие.

Корум закричал:

— Я не хочу этого! Мне не вынести такой ноши!

— Ты должен!

Процессия продолжала идти, не видя Корума и двух разевающих-
ся знамен, не видя Космического Равновесия, которое царило над ней.

Корум висел в облачном пространстве, и сердце его было спокойно. Потом облако стало рассеиваться и оказалось, что он все еще находится в зале Ариоха. Принц поискал свою шпагу, но ее нигде не было.

— Я верну тебе шпагу перед тем, как ты уйдешь, принц Корум из расы Вадаг.

Корум повернулся на голос, и у него перехватило дыхание.

— Великан из Лаара!

Печальное мудрое лицо улыбалось ему.

— Меня так называли, пока я был в ссылке, но сейчас она кончилась и ты можешь называть меня прежним именем. Я — Повелитель Аркин, и это мой дворец. Ариоха больше нет, без сердца он не может находиться на этих плоскостях. Не имея телесного облика, он не может обладать властью. Сейчас здесь правлю я, как и раньше.

Тело великана находилось в тени. Оно было уже не так бесформенно.

— Пройдет некоторое время, прежде чем я смогу приобрести свой прежний вид. Только огромная сила воли помогла мне остаться в этой плоскости. Я не знал, когда спасал тебя, Корум, что ты окажешься причиной моего воскрешения. Я благодарю тебя.

— Это я должен быть благодарным, милорд.

— Добро порождает добро, а зло сеет зло, — сказал Повелитель Аркин.

Корум улыбнулся.

— Иногда, милорд.

Лорд Аркин спокойно продолжал:

— Да, ты прав — иногда. Ну что ж, смертный, я должен вернуть тебя в твое измерение.

— Можешь ли ты доставить меня в определенное место, милорд?

— Могу, Принц в Алом Плаще.

— Повелитель Аркин, ты знаешь, почему я пошел этим путем. Я искал остатки расы моего народа. Скажи мне: все ли они исчезли?

Повелитель Аркин скорбно опустил голову.

— Все, кроме тебя.

— И ты не можешь снова их возродить?

— Из всех смертных я больше всего любил Вадаг, принц Корум, но не в моей власти возвращать на место каждый временной сдвиг. Ты — последний Вадаг. И все же... — Повелитель Аркин замолчал. — И все же может настать момент, когда Вадаг вернутся. Однако у меня нет ясности, и я не имею больше права говорить об этом.

Корум вздохнул.

— Ну что ж, я должен быть терпеливым. А что с Шулем? Ралина в безопасности?

— Думаю, да. Мои чувства не настолько окрепли, чтобы видеть все,

а Шуль был порождением Хаоса, и, следовательно, мне было тяжело его видеть. Но я верю, что Ралина в безопасности, хотя власть Шуля потеряна вместе с уходом Ариоха.

— Тогда отправь меня, молю тебя, на Сви-ан-Фанла-Бруль, потому что я люблю маркграфиню.

— Именно твоя любовь и делает тебя сильным, принц Корум.

— А моя способность ненавидеть?

Повелитель Аркин нахмурился, будто старался что-то понять.

— Ты печален в своей победе, Повелитель Аркин? Ты всегда печален?

Повелитель Порядка посмотрел на Корума с удивлением.

— Да, я все еще печален, ты прав. Я скорблю о Вадаг так же, как и ты скорбишь о них. Моя скорбь о тех, кто был убит твоим врагом, Гландит-а-Краем, о том, кого ты называешь Коричневым человеком.

— Он был добрым созданием. А Гландит все еще сеет смерть на земле Бро-ам-Вадаг?

— Да. Я думаю, что ты еще встретишься с ним.

— Тогда я убью его!

— Возможно.

Повелитель Аркин исчез. Исчез и дворец.

Со шпагой в руках Корум стоял перед низкими покосившимися дверями — входом во дворец Шуля. Позади него был сад. Шел дождь и своей влагой поил деревья, цветы, траву.

В темном здании царил странный покой. Корум не колеблясь ворвался внутрь и побежал по кривым коридорам.

— Ралина! Ралина!

В старом доме голос его звучал негромко, глухо.

— Ралина!

Он бежал по мрачному зданию, пока не услышал слабый, призывающий голос. Он сразу понял: Шуль.

— Шуль! Ты где?

Корум вошел в комнату и очутился перед Шулем. Его не возможно было узнать. Прежними остались только глаза. Тело же его было теперь дряхлым и морщинистым, как у очень старых людей. Слабый и немощный, он поклонился на подушках. Тихо, но властно произнес:

— Я принц Шуль. Меня следует называть этим титулом. Ты унижаешь меня сейчас, когда я повержен, и пришел мучить меня, потому что я слаб. Так бывает всегда, когда уходит могущество.

— У тебя было могущество, пока Ариох щутил с тобой.

— Молчать! Ариох отомстил мне, потому что я был более могущественным, чем он.

— Сам того не зная, ты взял частицу его власти. Ариох ушел из Пяти Измерений, Шуль. Ты сам дал ход событиям, которые помогли изгнать его. Ты хотел получить его сердце, чтобы он стал твоим рабом. Ты посыпал мабденов, чтобы украсть его, но ни один не преуспел. Тебе

не следовало посыпать меня, Шуль, потому что мне это удалось и ты потерял свою силу.

Шуль заплакал и затряс головой.

— Где Ралина, Шуль? Если ты навредил ей...

— Навредил?!

Идиотский смех сорвался с потрескавшихся губ.

— Я навредил ей?! Это она уложила меня сюда! Забери ее от меня. Я знаю, что она хочет меня отравить.

— Где она?

— Я подарил тебе новую руку и новый глаз. Ты был бы калекой, если бы не я. Но ты забыл о моей доброте. Я знаю, ты...

— Твои «дары», Шуль, чуть было не покалечили мою душу. Где Ралина?

— Обещай, что ты не причинишь мне вреда, если я скажу.

— С какой стати мне причинять вред такой развалине, как ты, Шуль? Теперь говори.

— В конце коридора лестница, наверху лестницы комната. Она там заперлась. Я бы сделал ее своей женой, это было бы изумительно — быть женой бога. Быть бессмертной, но она...

— Значит, ты хотел предать меня?

— Бог может делать то, что пожелает.

Корум побежал по коридору, взобрался по небольшой лестнице и постучал в дверь рукояткой шпаги.

— Ралина!

Из-за двери донесся слабый голос:

— Неужели сила вернулась к тебе, Шуль? Ты не обманешь меня опять, притворяясь Корумом. Даже если он умер, я не изменю ему.

— Ралина, это действительно я, Корум. Шуль ничего не может сделать. Валет Шпаг исчез из этого измерения, а вместе с ним исчезла и власть Шуля.

— Это правда?

— Открой дверь, Ралина!

Осторожно засовы были сняты — Ралина стояла перед ним. Она выглядела усталой, следы страдания отразились на лице, но глаза ее засияли счастьем, когда она увидела Корума. От радости графиня лишилась чувств.

Корум взял ее на руки и понес. У дверей Шуля он задержался. Колдуна в комнате не было.

Подозревая новое предательство, принц заспешил к входной двери.

По тропинке сквозь колышущиеся растения бежал Шуль: его древние ноги с трудом несли тело. Старый колдун бросил взгляд назад, увидел Корума и замер от ужаса. Он кинулся в кусты, которые крепко обняли его, обвили и поглотили. Раздалось чавканье, тихий вой.

Растения Шуля радовались ему в последний раз.

Едва держась на ногах, Корум нес Ралину по тропинке, с трудом освобождаясь от опутывающих его виноградных лоз и цветов, которые пытались задержать и поцеловать его.

Наконец, он оказался на берегу. Море было тихим и гладким, небо на горизонте становилось чистым.

Корум нежно положил Ралину в лодку и направил паруса в сторону замка Майдель.

Она проснулась через несколько часов, нежно улыбнулась и опять заснула. Ночью, когда лодка все так же спокойно продолжала плыть к дому, она пробудилась и села рядом с ним. Принц молча завернул ее в свой алый плащ.

— Я уже не надеялась... — тихо и ласково сказала Ралина и заплакала, а он утешал ее.

— Корум, кто помог нам и сделал так, что мы опять вместе?

Он начал рассказывать ей о своих приключениях: о Рага-да-Кетта, о Ганафаксе, о Пламенных Землях, об Ариохе и Аркине.

Когда он кончил, лицо ее просветлило и она счастливо вздохнула.

— Значит, наконец у нас есть покой? Все кончилось?

— Если нам повезет, то этот покой продлится долго.

— Но ведь ты не оставишь меня опять? Здесь правит Порядок и, конечно...

— Порядок правит только на этой плоскости. Повелители Хаоса вряд ли останутся довольны тем, что здесь произошло. Последние слова Ариоха были о том, что я осужден на вечный бой с Повелителями Шпаг. А Повелитель Аркин знает, как много должно быть сделано, прежде чем Порядок воцарится на пятнадцати плоскостях. И о Гландит-а-Крае мы еще не раз услышим.

— Ты все еще хочешь отомстить ему?

— Теперь нет. Он был просто орудием Ариоха. Но он не перестанет ненавидеть меня, Ралина.

Небо прояснилось и стало снова голубым. Подул теплый ветерок.

— Значит, у нас никогда не будет покоя, Корум?

— Ну почему же? Правда, это будет только перерыв в битве. Давай наслаждаться этим перерывом, пока можем. Мы заслужили его. — С этими словами он обнял ее, и она, доверительно прижавшись, скоро заснула в объятиях Корума.

Показался замок Майдель. Стены его омывались спокойным морем и были окрашены солнечным светом. Был прилив, и морская дорога была затоплена.

Корум взглянул на лицо спящей Ралины, улыбнулся и погладил ее волосы.

Перед ним была знакомая красивая земля, зеленый лес, над его головой — безоблачное голубое небо.

**Эдмонд Гамильтон
МОЛОТ ВАЛЬКАРОВ**

ГЛАВА 1

Вы — обычный человек, нормальный индивидуум. Вы живете обычной жизнью в обычном мире. И вдруг за один день, за несколько часов одного дня вокруг вас все рушится, расползается, как промокашка под дождем, и вы обнаруживаете, что шагнули прямо отсюда, с Земли, в бездонные черные глубины Космоса, не имеющего ни начала, ни конца, ни одной знакомой истины — соломинки, за которую можно было бы ухватиться.

Это произошло с Нейлом Беннингом. Ему исполнился тридцать один год, он работал коммивояжером нью-йоркского издателя, был здоров, хорошо сложен и доволен своей работой. Он ел три раза в день, беспокоился из-за налогов и временами подумывал о женитьбе. Но все это было до его поездки в Гринвиль.

Вышло все совершенно случайно. Коммерческое путешествие по западному побережью, ощущение того, что поезд всего в сотне миль от места, где прошло его детство, и внезапное сентиментальное решение. Три часа спустя сияющим весенним днем Нейл Беннинг вышел из вагона в маленьком городке штата Небраска.

Он взглянул на голубое небо с пятнышками облаков, перевел взгляд на широкую солнечную главную улицу и улыбнулся. Ничего не изменилось. Такие городки, как Гринвиль, неподвластны времени.

Возле вокзала стояло такси. Водитель, скуластый молодой человек с неописуемой кепкой на затылке, положил багаж Беннинга в машину и спросил:

— В отель «Эксельсиор», мистер? Это лучший.

— Отвезите туда багаж. Я пройду пешком.

Молодой человек посмотрел на него.

— В любом случае платите пятьдесят центов. Прогулка у вас выйдет длинная.

Беннинг заплатил водителю.

— И все-таки я пойду пешком.

— Деньги ваши, мистер. — Водитель пожал плечами, и машина отъехала.

Бенниング зашагал по улице, а свежий ветер прерий трепал полы его пальто.

Бакалейная лавка, дом лесозаготовительной компании, железоскобяные изделия старого Хортона, парикмахерская Бела Паркера. Тяжеловесный параллелепипед мэрии. На молочной-закусочной появилась новая реклама — колосальное изображение конусообразного стаканчика мороженого, а Хивей — гараж — стал больше: добавился участок, заполненный сельскохозяйственной техникой.

Бенниング шел медленно, растягивая время, встречные смотрели на него с открытым дружелюбием и любопытством жителей Среднего Запада, а сам он гляделся в их лица, но не видел ни одного знакомого. Да, десять лет отсутствия — это много. Однако должен же встретиться хоть один, должен же хоть кто-то поприветствовать его в родном городе! Десять лет — это не так уж и много.

Он повернулся направо у здания старого банка и пошел по Холлинстрийт. Два больших, редко застроенных квартала. Дом-то в любом случае должен стоять!

Дома не было.

Бенниング остановился и огляделся. Все верно. То же самое место, и дома по обеим сторонам улицы точно такие, какими он запомнил их, но там, где должен был стоять дом его дяди, не было ничего, кроме заросшего сорняками пустыря.

«Сгорел, — подумал он. — Или перенесен на другое место».

Нейл с беспокойством чувствовал, что здесь что-то не так. Дом не просто стереть с лица земли. Всегда что-нибудь остается — груда булыжника на месте подвала, контуры фундамента, следы старых дорожек, деревья и цветочные клумбы.

Здесь же ничего похожего, лишь заросший сорняками пустырь. Казалось, здесь и не было ничего другого. Бенниング огорчился — дом, в котором ты вырос, становится частью тебя, это центр мира твоего детства. Слишком много воспоминаний связано с ним, чтобы можно было легко смириться с потерей. Но кроме огорчения он чувствовал и недоумение, смешанное со странным беспокойством.

«Грегги должен знать, — думал он, направляясь к соседнему дому и поднимаясь по ступенькам крыльца. — Если только он еще живет здесь».

На стук из-за угла, с заднего дворика, вышел незнакомый стариk, розовощекий, веселый маленький гном, державший в руках садовую мотыгу. Он был не прочь поговорить, но, похоже, совершенно не понимал вопросов Беннинга. Продолжая покачивать головой, он наконец сказал:

— Ты ошибся улицей, парень. Здесь поблизости никогда не жил Джесс Бенниング.

— Это было десять лет назад, — объяснил Бенning. — Наверное, до вашего приезда сюда...

Старик перестал улыбаться.

— Послушай, я — Мартин Уоллейс, живу в этом доме сорок два года — спроси кого хочешь. И я слыхом не слыхивал ни о каком Бенниге. К тому же на этом пустыре никогда не было дома. Я-то уж знаю — этот участок принадлежит мне.

Холодок неподдельного страха коснулся Беннига.

— Но я жил в доме, который тут стоял! Я провел в нем свои мальчишеские годы, он принадлежал моему дяде. Вас тогда здесь не было, а тут жили Грэгги, у них были дочь с двумя соломенного цвета «поросьями хвостиками» на голове и сын по имени Сом. Я играл...

— Слушай, — прервал его старик. Все его дружелюбие исчезло, он начинал сердиться. — Если это шутка, то она несмешная, а если ты не шутишь, значит, ты или пьяный, или сумасшедший. Убирайся!

Бенning глядел на старика и не двигался.

— Как же так, вот и яблоня на краю вашего участка, — сказал он, — я упал с нее, когда мне было восемь лет, и сломал запястье. Такие вещи не забываются.

Старик выронил мотыгу и попятился к дому.

— Если ты не уберешься отсюда через две секунды, я вызову полицию. — С этими словами он захлопнул дверь и запер ее изнутри.

Бенning свирепо смотрел на дверь, злясь на себя из-за того, что холодные иглы страха стали острее и вонзались в него все глубже.

— Старый маразматик просто свихнулся, — пробормотал он и снова посмотрел на пустырь, а потом на большой кирпичный дом через улицу и направился к нему. Он помнил, что дом был очень хорошим, под стать людям, жившим в нем. Там жили Лукисы, и у них тоже была дочь, с которой он ходил на танцы, ездил на пикники, работал на сенокосе. Если они по-прежнему живут здесь, то должны знать, что случилось.

— Лукисы? — переспросила крупная краснолицая женщина, отворившая дверь на звонок. — Нет, Лукисы здесь не живут.

— Десять лет назад! — с отчаянием произнес Бенning. — Они тогда жили здесь, а там, где теперь пустырь, — Бенningи.

Женщина удивленно посмотрела на него.

— Я тут живу шестнадцать лет, а до этого жила в том сером доме — вон, третий отсюда. Я в нем родилась. Я никогда не слышала ни про Лукисов, ни про Бенningов. А на пустыре никогда не было дома.

Она больше ничего не сказала. Молчал и Бенning. Тогда женщина пожала плечами и закрыла дверь. Бенning еще некоторое время смотрел на дверь, готовый грохнуть в нее кулаками, разнести в щепки, схватить краснолицую и потребовать объяснений, что это — ложь, безумие или еще что-нибудь. Потом он подумал, что нелепо выходить

из себя. Должно же быть объяснение, должна же быть причина всему этому! Может, дело в дядюшkinом участке, может, они боятся, что я имею на него какие-нибудь виды. Наверное, поэтому мне и лгали, пытаясь убедить в том, что я ошибаюсь.

Но есть место, где он сможет все точно выяснить. Там не соврут.

Беннинг быстро пошел обратно, к главной улице, и по ней — к мэрии.

Там он объяснил служащей, чего хочет, и стал ждать, пока она просмотрит записи. Девушка не слишком торопилась, и Беннинг нервно закурил. Его лоб был в испарине, а руки слегка дрожали.

Девушка вернулась с узкой полоской бумаги. Казалось, что она раздражена.

— По Холлин-стрит, — сказала она, — дома рядом с номером триста тридцать четвертым никогда не было. Вот выписка о владении...

Беннинг выхватил из ее рук бумажную полоску. Там говорилось, что в 1912 году Мартин У. Уоллейс приобрел дом и участок номер триста сорок шесть по Холлин-стрит вместе с прилегающим пустырем у Уолтера Бергстрандера. Сделка тогда же была юридически оформлена. Пустырь не застраивался.

Беннинг перестал потеть. Теперь его бил озноб.

— Послушайте, — обратился он к девушке. — Посмотрите, пожалуйста, это в архиве.. — Он нацарапал на бумажке имена. В списке умерших: Джесс Беннинг и Илей Робертс Беннинг. Рядом с каждым именем он указал год рождения и год смерти.

Девушка взяла листок и, резко повернувшись, вышла. Она долго отсутствовала, а когда вернулась, то уже не казалась раздраженной. Она была сильно рассерженной.

— Вы что, смеетесь? — спросила она. — Только время отнимаете! Ни об одном из этих людей нет сведений.

Девушка швырнула листок перед Беннингом и отвернулась.

Дверца в барьере, отделяющем посетителей от служебной части помещения, была рядом. Беннинг толкнул ее и прошел внутрь.

— Посмотрите снова, — попросил он. — Пожалуйста... Они должны быть там.

— Вам сюда нельзя, — пятаясь от него, сказала девушка. — Что за дела? Я же сказала вам, что там нет...

Беннинг схватил ее за руку.

— Тогда покажите мне книги. Я буду искать сам.

Девушка с криком вырвалась. Беннинг не пытался ее удержать, и она выбежала в холл с воплями:

— Мистер Харкнес! Мистер Харкнес!

Беннинг беспомощно глядел на высокие стеллажи архива, забитые тяжелыми книгами. Не понимая маркировок на них, он решил свалить

все с полок и искать доказательства, которые должны быть там, доказательства, что он не безумец и не лжец. Но с чего начать?

Начать он не успел. Послышались тяжелые шаги, и Нейл почувствовал на своем плече чью-то руку. Рядом с ним стоял невозмутимый крупный мужчина, сжимающий в зубах сигарету. Вынув ее изо рта, мужчина спросил:

— Эй, парень, что ты здесь вытворяешь?

Беннинг сердито начал:

— Слушайте, кто бы вы ни были...

— Харкнес, — прервал его невозмутимый мужчина. — Меня зовут Рой Харкнес, и я — шериф округа. Вам лучше пройти со мной.

Несколько часов спустя Беннинг сидел в офисе шерифа и рассказывал свою историю в третий раз.

— Это заговор, — устало сказал он. — Не понимаю почему, но вы все его участники.

Ни шериф, ни его помощник, ни фоторепортер из городской газеты не скрывали усмешек.

— Вы обвиняете, — сказал шериф, — всех жителей Гринвиля в том, что они умышленно фальсифицируют записи в архиве. Это серьезное обвинение. И какая же у нас была для этого причина?

Беннинг знал, что находится в здравом рассудке, но тем не менее мир внезапно показался ему бессмысленным кошмаром.

— Не представляю причины. Почему? Почему вы все хотите лишить меня прошлого? — Он потряс головой. — Не знаю. Но я знаю, что старый маразматик Уоллейс лжет. Возможно, за всем этим стоит именно он.

— Только здесь еще одно, — произнес шериф. — Дело в том, что я знаю старика всю свою жизнь. И я могу совершенно определенно сказать, что он владеет этим пустырем вот уже сорок два года и там никогда не было сооружения крупнее куриной клетки.

— Выходит, я вру? Но зачем?

Шериф пожал плечами.

— Может, вы разработали какой-то план для вымогательства. Может, вам нужна известность. А может быть, вы просто тронутый.

Кипевший от ярости Беннинг вскочил на ноги.

— Значит, вы хотите подтасовать факты и объявить меня сумасшедшим! Ну что ж, посмотрим! — И он кинулся к двери.

Шериф подал знак, и фотограф получил прекрасную возможность запечатлеть, как помощник шерифа схватил Беннинга и ловко затянул его сначала в тюремную пристройку, примыкавшую к офису, а потом в камеру.

— Псих, — сказал репортер, глядя на Беннинга через прутья решетки. — Ты ведь не можешь придумать ничего правдоподобного, верно?

В каком-то оцепенении Беннинг смотрел на людей по ту сторону решетки, неспособный поверить в случившееся.

— Обман, — хрипло произнес он.

— Здесь нет обмана, сынок, — ответил шериф. — Вы явились сюда и наделали шума, вы обвинили многих людей в заговоре против вас. Хорошо, тогда вам придется оставаться здесь, пока мы не проверим, кто вы такой. — Он повернулся к помощнику. — Телеграфируйте этому нью-йоркскому издателю, у которого, по его словам, он работает. Дайте общее описание — рост шесть футов, волосы черные, ну и так далее, как положено в таких случаях.

Он вышел, а за ним и остальные. Беннинг остался один.

Он сел и сжал голову руками. Яркий солнечный свет лился сквозь зарешеченное окно, но Беннингу все вокруг казалось мрачнее, чем в самую темную полночь.

Если бы только у него не появилась мысль посетить родной город...

Но она появилась. И теперь он не может ответить на вопросы: кто лжет? кто сошел с ума? зачем все это?

Когда стемнело, ему принесли ужин. Беннинг спросил, не может ли он освободиться под залог, но определенного ответа не получил. Шериф не приходил. Беннинг спросил об адвокате, ему ответили, чтобы он не беспокоился. Но он продолжал беспокоиться и ждать.

Не имея других занятий, он перебирал в памяти годы своей жизни, начиная с самых первых воспоминаний. Они никуда не делись. Конечно, были провалы и смутные, размытые воспоминания, как у всякого. Кто помнит будничные дни жизни, когда ничего не случалось? Его зовут Нейл Беннинг, и он провел большую часть жизни в Гринвиле, в доме, о котором теперь говорят, что он никогда не существовал.

Утром появился Харкнес.

— Я получил ответ из Нью-Йорка, — сказал он. — Там с вами все ясно. — Он внимательно рассматривал Беннинга через решетку. — Знаете, вы выглядите вполне приличным молодым человеком. Почекуму бы вам не рассказать нам, что произошло?

— Если бы я знал... — хмуро отозвался Беннинг.

Харкнес вздохнул.

— Конечно, вы не можете придумать ничего правдоподобного. Боюсь, что нам придется задержать вас до психиатрической экспертизы.

— До чего?

— Послушайте, я перерыл весь город и весь городской архив. Здесь никогда не жили Беннинги, не было и Грэггов. А единственные Лукисы, которых я смог найти, живут на ферме в двадцати милях от города и никогда не слышали о вас. — Шериф развел руками. — Так что же я должен думать о вас?

Беннинг повернулся к нему спиной.

— Вы лжете, — сказал он. — Убирайтесь.

— О'кей. — Харкнес сунул что-то сквозь прутья. — В любом случае это должно вас заинтересовать. — И он вышел в коридор.

Прошло некоторое время, прежде чем Беннинг решил поднять брошенное Харкнесом. Это была местная вчерашняя газета, вечерний выпуск. На видном месте был помещен веселенький рассказ о чокнутом нью-йоркце, обвиняющем маленький городок в краже его прошлого. История была так забавна, что Нейл был уверен — ее перепечатают и другие газеты.

Перечитав рассказ три раза, Беннинг начал думать, что скоро ему действительно понадобится психиатр, а может быть, и смирительная рубашка.

Перед заходом солнца к камере подошел шериф и объявил:

— К вам посетитель.

Беннинг вскочил на ноги. Кто-то его вспомнил, и теперь он доказывает, что все рассказанное им правда!

Но пришедшего он не знал. Это был смуглый, крепкого сложения, массивный мужчина средних лет; одежда плохо сидела на нем, и казалось, он чувствует себя в ней неловко. Двигаясь удивительно легко, незнакомец шагнул через порог камеры. Его очень темные глаза напряженно всматривались в Беннинга.

Хмурое, почти прямоугольное лицо мужчины было неподвижным, но что-то неуловимое менялось во всей его массивной фигуре по мере того, как он изучал Беннинга. У него был вид угрюмого человека, ожидающего чего-то долгие годы, а теперь наконец увидевшего то, что так долго хотел.

— Валькар, — тихо сказал он, скорее не Беннингу, а себе. Его голос звучал резко, словно медная труба: — Кайл Валькар. Прошло много времени, но я все-таки нашел тебя.

Беннинг удивленно смотрел на незнакомца.

— Как вы назвали меня? Кто вы? Я никогда раньше не встречал вас.

— Не встречал меня? Но ты меня знаешь. Я — Рольф, а ты — Валькар. Горькие годы разлуки миновали.

Совершенно неожиданно он протянул руки через решетку и, взяв правую руку Беннинга, положил ее на свой склоненный лоб.

Выражение лица и поза пришельца говорили о глубоком почтении к Беннингу.

ГЛАВА 2

Несколько секунд Беннинг, оцепенев от изумления, смотрел на незнакомца, потом порывисто вырвал руку.

— Что вы делаете? — закричал он, отскочив в сторону. — В чем

дело? Я не знаю вас. И я не тот — как там вы меня назвали? Меня зовут Нейл Беннинг.

Незнакомец улыбнулся. На его смуглом мрачном лице, словно высеченном из камня, появилось выражение, испугавшее Беннинга больше, чем если бы это было выражение явной враждебности. Его лицо выражало такую любовь, какую может испытывать отец к сыну или старший брат к младшему. Глубокую нежную любовь и уважение, почти почтение.

— Нейл Беннинг, — сказал человек, назвавший себя Рольфом. — Да, рассказ о тебе и привел меня сюда. Ты сейчас — маленькая сенсация, человек, у которого украли прошлое. — Он тихо засмеялся. — Жаль, что они не знают правды.

У Беннинга появилась надежда.

— Вы знаете правду? Скажите мне... скажите им... Что все это значит?

— Да. И могу рассказать тебе. — Рольф сделал ударение на местоимении. — Но не здесь и не теперь. Потерпи несколько часов. Я вызволю тебя отсюда сегодня вечером.

— Если вы сможете добиться моего освобождения под залог, я буду благодарен. Но я не понимаю, почему вы делаете это? — Беннинг испытующе посмотрел на Рольфа. — Может быть, я смогу вспомнить вас. Вы знали меня ребенком?

— Да, — ответил Рольф, — я знал тебя ребенком и взрослым мужчиной. Но ты меня вспомнить не сможешь. — Выражение мрачного гнева появилось на его лице, и с дикой яростью он воскликнул: — Твари! Они лишили тебя памяти — это самое большое зло, которое они могли причинить тебе... — И, помолчав, добавил: — Нет, они могли сделать и худшее. Они могли убить тебя.

Беннинг от удивления раскрыл рот. Разные лица вихрем закружились в его голове: старый Уоллейс, Харкнес, краснолицая женщина...

— Кто мог убить меня?

Очень тихо Рольф произнес два имени. Они показались Нейлу очень странными:

— Терения и Джоммо. — Рольф внимательно наблюдал за Беннингом.

Внезапно Беннинга осенило, и он отскочил от двери.

— Вы, — сказал он, радуясь тому, что их разделяет решетка, — вы безумны!

Рольф усмехнулся.

— Естественно, что ты так думаешь, также думает о тебе наш добрый шериф. Не слишком на него обижайся, Кайл, он не виноват. Видишь ли, в одном он прав — Нейл Беннинг не существует. — Он склонил голову в удивительно гордом поклоне. — Ты будешь свободен сегодня вечером. Верь этому, даже если не понимаешь меня.

Он вышел прежде, чем Бенниング успел подумать о том, что надо бы позвать на помощь.

После ухода незнакомца Бенниング, совершенно подавленный, опустился на скамью. Несколько минут он жил надеждой. Ему казалось, что смуглый гигант знает правду и сможет помочь ему. Тем больше было разочаровываться.

«Пожалуй, —sarкастически подумал он, — теперь все лунатики страны будут набиваться ко мне в братья».

Вечером он так и не дождался сообщения о том, что кто-то хочет внести за него залог. Впрочем, Бенниング на это и не рассчитывал.

После ужина, к которому он едва притронулся, Бенниング вытянулся на койке. Он устал, настроение было подавленное. Теперь он мрачно думал обо всей этой дьявольской подтасовке и о том, с каким удовольствием он возбудит судебное дело против виновных в его аресте. Наконец, Бенниング забылся беспокойным сном.

Его разбудил металлический лязг ключа и открывающейся двери камеры. Наступила ночь, везде было темно, и только в коридоре горел свет. В дверях, улыбаясь, стоял темнолицый гигант.

— Идем, — сказал он. — Путь свободен.

— Как вы попали сюда? Где взяли ключи? — спросил Бенниング и посмотрел через плечо мужчины в конец коридора. Помощник шерифа спал, навалившись на стол и уткнувшись головой в стопку бумаг. Одна рука безжизненно свисала вниз.

Охваченный внезапным ужасом, Бенниング закричал:

— Боже, что вы делаете?! Зачем я вам нужен? — Он бросился к двери, собираясь вытолкнуть незнакомца и закрыть ее. — Убирайтесь, я не хочу связываться с вами! — Бенниング попытался позвать на помощь.

Выражение искреннего сожаления было на лице Рольфа; когда он разжал левую ладонь, на ней лежал маленький овальный предмет с линзой.

— Прости меня, Кайл, — сказал он, — но на объяснения нет времени.

Линза засветилась мерцающим светом. Бенниング не ощущил боли, лишь легкий толчок, после чего наступило состояние полного покоя и какой-то невесомости. Нейл даже не почувствовал, как Рольф подхватил его, удерживая от падения.

Бенниング пришел в себя в автомобиле. Он полулежал, а рядом сидел и смотрел на него Рольф. Они мчались по степной дороге. Была ночь. В тусклом свете приборного щитка фигура водителя едва была видна, а снаружи — всепоглощающая безграничная тьма, которую не только не рассеивал, но еще больше гущдал свет далеких звезд.

Бенниング лежал не шевелясь. Он подумал, что Рольф, возможно, не заметил, что он очнулся. Бенниング решил, что если он нападет внезапно, то сумеет справиться с этим гигантом.

— Мне не хотелось бы опять делать этого, Кайл, — сказал вдруг Рольф. — Не вынуждай меня.

Бенниング заколебался. Он смутно видел, что Рольф держит в руке какой-то предмет. Вспомнив металлическое яйцо, Нейл решил подождать другого случая. Бенниング почувствовал разочарование: с каким бы удовольствием он стиснул руки не шею Рольфа.

— Вы убили помощника шерифа, а может быть, и других, — прошептал он. — Вы не только безумец, но и убийца.

Терпеливо, но с нарастающим раздражением Рольф произнес:

— Ты ведь не умер?

— Да, но...

— Никто из тех людей не умер. Они не имеют отношения к нашим делам, и было бы нечестно убивать их. — Рольф усмехнулся. — Терения удивилась бы, услышав от меня такое. Она считает меня бездушным.

Бенниング опять удивился.

— Кто такая Терения? Что за дела, в которые вы меня впутываете? Куда вы меня везете? И вообще, черт возьми, что все это значит? — Он почти кричал, дрожа от страха и ярости.

Бенниング не больше обычного боялся физической боли и смерти, но на нем сказывалось нервное напряжение последних дней. Трудно оставаться невозмутимым, когда тебя везут с бешеною скоростью по ночной прерии похититель-лунатик и его сообщник.

— Пожалуй, — сказал Рольф, — ты не поверишь, если я скажу, что я твой друг, твой самый давний и лучший друг, и что тебе нечего бояться.

— Нет, не поверю.

— Так я и думал, — вздохнул Рольф. — И боюсь, что ответы на твои вопросы едва ли помогут. Проклятый Джоммо поработал над тобой слишком хорошо — он сделал даже больше, чем я считал возможным.

Бенниング вцепился в край сиденья, пытаясь взять себя в руки.

— А кто такой Джоммо?

— Правая рука Терении. А Терения — верховная и единственная правительница Новой империи... Ты — Кайл Валькар, а я Рольф, который вытирал тебе нос, когда ты был... — Рольф прервал себя и что-то резко произнес на языке, совершенно незнакомом Бенниngу. — Что толку?

— Новая империя, — повторил Бенниング. — Ясно. Мания величия. Вы еще не сказали, что это за приспособление у вас?

— Цереброшокер, — произнес Рольф так, как ребенку говорят «погремушка». Не сводя глаз с Беннинга, он заговорил с водителем на непонятном, странном языке. Затем вновь воцарилось молчание. Дорога ухудшилась. Автомобиль замедлил ход, но не настолько, чтобы

Нейл мог осуществить свой план. Прошло некоторое время, прежде чем он почувствовал, что дороги не было вовсе. Он снова прикинул расстояние между собой и Рольфом. Бенниング сомневался в действенности металлического яйца. Цереброшокер, как же! Скорее всего в камере его ударили по голове чем-то вроде ружейного приклада или кастета. Сообщник-водитель легко мог войти внутрь и встать за спиной Беннинга, готовый оглушить его по знаку Рольфа.

Впереди, примерно в миle от них, мелькнула яркая вспышка света, машину качнула сильный порыв ветра, а может быть, воздушная волна.

Водитель что-то сказал, Рольф ответил. В его тоне звучало облегчение.

Бенниング чутко улавливал движение машины и, когда они помчались по прямой, резко бросился на смуглого великана.

Он ошибался насчет яйца. Оно действовало.

Но на этот раз Бенниング не полностью потерял сознание. Очевидно, степень шока можно было регулировать, и Рольф не хотел, чтобы Бенниング совсем лишился чувств. Бенниング по-прежнему мог видеть, слышать и двигаться, хотя не как обычно. Все, что он видел и слышал, было словно за кадрами кинофильма, никак не связанного с ним.

Он видел, как пустынная и черная под звездным небом прерия убегает под колесами автомобиля, потом почувствовал, что они едут все медленнее и медленнее. Наконец, машина остановилась, и он услышал голос Рольфа, мягко уговаривающего его выйти. Бенниング ухватился за руку Рольфа, как ребенок, и позволил вывести себя. Тело его двигалось помимо воли, казалось, что оно не его.

Дул холодный порывистый ветер. Внезапно вспыхнул свет, настолько яркий, что в нем растворился блеск звезд. В этом свете как днем стали видны автомобиль и трава, водитель, Рольф, он сам и длинные черные тени, отбрасываемые их фигурами. Нейл Бенниング вдруг увидел совсем рядом металлическую стену, блестевшую как зеркало. Она тянулась футов на сто по горизонтали и выпукло поднималась вверх.

В стене были отверстия, похожие на окна-иллюминаторы, двери-люки. Очевидно, это был инопланетный корабль, но чей он, откуда?

Показались люди, одетые в странные одежды и говорившие на странном языке. Рольф, водитель и Нейл Бенниング двинулись им на встречу. Вскоре они встретились на ярко освещенном участке. Странные люди говорили с Рольфом, и он отвечал им, а потом Бенниング увидел, что все смотрят на него и что на их лицах написано почти суеверное благоговение.

Он слышал, как они повторяют одно слово: «Валькар!». Как бы ни были притуплены его чувства, все же легкая дрожь прошла по телу

Беннинга при звуке голосов, повторявших это слово тоном, в котором смешались радость и уважение.

Рольф подвел его к открытому люку и тихо сказал:

— Ты спрашивал, куда я тебя везу. Поднимись на борт, Нейл. Мы полетим с тобой домой.

ГЛАВА 3

Комната, в которой оказался Нейл Беннинг, была больше и намного роскошнее вчерашней тюремной камеры, но тем не менее она тоже была тюрьмой. Он обнаружил это, как только полностью очнулся — кажется, он на некоторое время снова терял сознание, но не был вполне в этом уверен. Так или иначе, он поднялся и обследовал двери. Одна вела в довольно странную, похожую на ванную комнату, другая была крепко заперта. Окна отсутствовали. Металлическая стена — цельная и гладкая. С потолка струился мягкий, необычного оттенка свет. Источник его был невидимым.

Несколько минут Беннинг беспокойно расхаживал по комнате, разглядывая обстановку и мучительно соображая. Он вспомнил загадочный слепящий свет в прерии и огромный серебряный корабль. Какой-то гипнотический кошмар, внушенный темнолицым человеком, который называет себя Рольфом. Черт возьми, кто же этот Рольф и почему именно он, Беннинг, стал жертвой его мании?

Корабль посреди прерии. Люди в странных одеждах, приветствующие его как... что за имя они произносили? — Да, как Валькара. Наверняка сон. Правда, яркий, но все-таки сон.

Или все происходило наяву?

Нет, это не сон. Нет окон. Нет ощущения движения. Нет звуков... Впрочем, если прислушаться, можно ощутить едва заметную вибрацию, словно где-то бьется огромное сердце. Незнакомые запахи в комнате...

Все чувства Беннинга ненормально обострились, и он понял, что все в комнате ему незнакомо: краски, ткани, формы — все, начиная с водопроводного крана и кончая постелью, которую он только что оставил.

Даже его собственное тело казалось незнакомым — его вес изменился. Беннинг начал колотить в дверь и кричать.

Рольф появился почти сразу. С ним был прежний водитель, и оба они держали в руках металлические яйцеобразные предметы. Экс-шофер поклонился Беннингу и остался стоять в нескольких шагах позади Рольфа, так что Нейл не мог напасть на обоих сразу или обойти их. Теперь на них были те же одежды, что на людях из ночного кошмара, нечто вроде туники, а на ногах — облегающие гамаши. Одежда выгля-

дела удобной, функциональной, если угодно, но совершеню непокой-
жей на земную.

Рольф вошел в комнату, оставив водителя снаружи. Беннинг успел
увидеть узкий коридор с металлическими стенами прежде, чем Рольф
закрыл за собой дверь. Сухо щелкнул замок.

— Где мы? — спросил Беннинг.

— К настоящему моменту, — ответил Рольф, — мы преодолели
довольно значительную часть пути от Солнца к Антаресу. Не думаю,
что точные координаты имеют значение для тебя.

— Я этому не верю, — сказал Беннинг. Он и в самом деле не верил.
Но в то же время он подсознательно чувствовал, что это правда. Мысли
его метались, словно кролик в ловушке.

Рольф подошел к стене напротив двери.

— Кайл, — обратился он к Нейлу, — ты должен поверить мне. И
моя, и твоя жизни зависят от этого.

Он нажал скрытую кнопку, и часть стены заскользила в сторону,
открывая иллюминатор.

— Это окно не настоящее, — продолжал Рольф, — это видеоэкран,
на котором очень сложное и умное устройство репродуцирует карти-
ну, которую невооруженный глаз не в состоянии разглядеть.

Беннинг посмотрел в иллюминатор. За ним открывалась ошелом-
ляющая смесь мрака и света. Мрак был бездонной пустотой, в которую
с воплем падал его скorchившийся мозг, теряющийся в пространстве
непонимания и страха. Но свет...

Миллионы миллионов солнц. Исчезли контуры созвездий, их очер-
тания потерялись в сияющем океане звезд. Свет грохотал в голове
Беннинга громовыми раскатами.

Он зажал ладонями уши и отвернулся, потом упал на койку и
остался лежать, содрогаясь всем телом. Рольф закрыл иллюминатор.

— Теперь ты мне веришь?

Беннинг что-то простонал в ответ.

— Хорошо. Ты поверил в звездный корабль. Тогда чисто логиче-
ски ты должен поверить и в существование цивилизации, которая
способна строить такие корабли и для которой они обычны и необ-
ходимы.

Беннинг, чувствующий себя больным и разбитым, сел на постели,
цепляясь за ее успокаивающую неподвижную поверхность. Он пони-
мал бесполезность своего поступка, но все же выдвинул последний
аргумент:

— Мы не движемся... Если бы мы двигались быстрее света, что
невозможно, то это ощущалось бы, насколько я разбираюсь в физике!

— Это не механическое движение, — ответил Рольф, становясь
так, чтобы ему было видно лицо Беннинга. — Тут нечто вроде силово-
го поля, и, являясь частью этого поля, мы, собственно, остаемся в

покое. Поэтому и нет ощущения движения. А что до невозможности... — Он усмехнулся. — Пока я искал тебя на земле, я забавлялся, замечая первые трещины в теории, утверждавшей скорость света предельной величиной. В своих исследованиях физики наблюдали частицы, движущиеся быстрее света. Их объяснения, что это фотоны, не имеющие массы, лишь отговорки, попытки уйти в сторону от существа вопроса.

Беннинг недоверчиво воскликнул:

— А звездная цивилизация, чьи корабли посещают Землю? И тем не менее никто на Земле не знает об этом — такое невозможно!

— Просто, — сухо сказал Рольф, — в тебе говорит земной консерватизм. Земля — окраинный мир, отсталый во многих отношениях. С политической точки зрения — сплошной кавардак. Сотни враждующих народов, готовых перерезать друг другу глотки. Новая империя избегает открытого контакта с такими мирами — слишком много хлопот, а толку почти никакого.

— Ладно, — Беннинг поднял руки, — сдаюсь. Я признаю, что существуют звездные корабли, межзвездная цивилизация, целая — как вы сказали? — Новая империя. Но я-то тут при чем?

Рольф опять встал у стены напротив двери.

— Кайл, — сказал он, — поверь мне. Ты — часть всего этого. Очень важная, я бы даже сказал, самая важная.

— Вы ошибаетесь, — устало произнес Беннинг. — Говорю вам: меня зовут Нейл Беннинг, я родился в Гринвиле, штат Небраска.

Он умолк, услышав смех Рольфа.

— Ты провел веселеньких два дня, пытаясь доказать это. Нет! Тебя зовут Кайл Валькар. И родился ты в Катууке, древнем городе Королей, на четвертой планете Антареса.

— Но мои воспоминания, вся моя жизнь на Земле!

— Ложная память, — ответил Рольф. — Ученые Новой империи — искусные психотехники, а Джоммо — лучший из них. Когда Землю выбрали местом твоей ссылки и тебя, пленного, привезли туда уже со стертой памятью, Джоммо составил историю твоей жизни, синтезировав ее из воспоминаний туземцев. Потом он тщательно имплантировал синтетическую память в твой мозг, и, когда тебя отпустили, у тебя уже было новое имя, новый язык, новая память и жизнь! Кайл Валькар исчез, остался землянин Нейл Беннинг, не представляющий угрозы для кого бы то ни было.

— Угрозы? — повторил Беннинг.

— О да. — Глаза Рольфа внезапно сверкнули диким огнем. — Ты — Валькар, последний из Валькаров. А Валькары всегда были угрозой для узурпаторов Новой империи. — Он начал нервно ходить, не в силах сдержать охватившее его возбуждение.

Беннинг безразлично наблюдал за ним. Он пережил слишком много потрясений, одно за другим, и теперь его уже ничто не удивляло.

— Новой империи, — повторил Рольф. Он произнес прилагательное так, как произносят ругательство. — У власти эта кошка Терения, и искусство Джоммо помогает ей удерживаться наверху. Да, последний Валькар — угроза для них.

— Но почему?

Голос Рольфа загремел:

— Потому что Валькары были повелителями Старой империи — Звездной империи, правившей половиной Галактики девяносто тысяч лет назад. Потому что не все звездные миры забыли своих повелителей.

Беннинг изумленно взглянул на Рольфа и начал тихо смеяться. Сон стал слишком нелепым, слишком безумным. Нельзя такое воспринимать дальше.

— Итак, я не земной Нейл Беннинг, а звездный Кайл Валькар?

— Да.

— И я император?

— Нет, Кайл, еще нет. Но в прошлый раз ты едва не стал им. Если нам будет сопутствовать удача, ты станешь императором.

Беннинг решительно сказал:

— Я — Беннинг. Это я знаю. Возможно, я похож на вашего Кайла Валькара. Потому, наверное, вы меня и захватили. Дайте мне увидеть остальных.

Глаза Рольфа сузились.

— Зачем?

— Я собираюсь рассказать, какой обман вы затеяли.

— Ничего ты не расскажешь. — Смуглый гигант говорил сквозь зубы. — Они считают, что ты Кайл Валькар. И в этом они правы. Они также думают, что память вернулась к тебе. Но в этом они ошибаются.

— Тогда вы признаете, что обманываете их?

— Только в этом, Кайл. Они не отважились бы на это предприятие, зная, что к тебе еще не вернулась память! Они не знают, что ты не можешь привести их к Молоту!

— К Молоту?

— Я расскажу тебе об этом позже. А сейчас вбей себе в голову — если они узнают, что ты не помнишь дорогу к Молоту, они выйдут из игры. Ты снова попадешь к Джоммо. Но на этот раз тебя не отправят в изгнание — тебя убьют.

Все услышанное от Рольфа было слишком серьезно. Беннинг попытался осмыслить это, а потом сказал:

— Я не могу говорить на вашем языке.

— Да, Джоммо проделал дьявольски чистую работу.

— Тогда как я смогу выдавать себя за этого Валькара?

— Ты в плохой форме, Кайл, — уклончиво ответил Рольф. —

Возвращение памяти привело тебя в шоковое состояние. Ты нуждаешься в покое и некоторое время тебе нельзя выходить из каюты. Но здесь с тобой буду я.

Несколько мгновений Бенниング не мог понять, куда клонит Рольф, потом уловил суть.

— Вы имеете в виду, что я узнаю язык от вас?

— Да, ты его вспомнишь.

— Хорошо, — после секундного раздумья сказал Бенниング. — Если это все, что я должен сделать...

Говоря это, он медленно повернулся и внезапно прыгнул. Оказавшись на широкой спине Рольфа, он сильно стиснул шею великана.

— Извини, Кайл, — задыхаясь произнес Рольф. Его массивные мускулы взорвались, подобно мгновенно распрямившимся тугим пружинам, и Бенниング обнаружил, что летит к стене. От удара у него перехватило дыхание, и он рухнул на пол.

Рольф открыл дверь. Прежде чем выйти, он обернулся и сурово сказал:

— За это в древнем городе Королей с меня заживо содрали бы кожу. Но ты меня вынудил. А теперь остынь. — И он вышел.

Оставшись один, Бенниング сел. Он долго просидел у металлической стены, уставившись прямо перед собой. Он чувствовал, что рассудок его мутится от попытки вырваться из тесного круга непонятного.

«Я — Нейл Бенниング, и я сплю. Все, что я вижу, — только сон...»

Он с размаху ударил по стене кулаком. Боль в костяшках пальцев была достаточно убедительной, на них показалась кровь. Но это не помогло.

«Ладно, пусть этот корабль реален. Звездный корабль, идущий к Антаресу. Реален Рольф, реальная и эта Новая империя, о существовании которой Земля и не подозревает. Но все-таки я — Нейл Бенниング».

Не Кайл Валькар — о нет! Если он только позволит себе поверить в то, что он был совершенно другим человеком, человеком со звезды, с прошлым, которого он не может вспомнить, тогда его собственное «я» исчезнет как дым и он будет никем...

Существует империя. Существуют звездные корабли. Земля не знает о Звездной империи, но о Земле знают многое: ее обычаи, языки, изученные во время тайных посещений. Появление корабля Рольфа — именно такое посещение. Они прилетели, захватили Нейла Беннинга, а теперь возвращаются. Все это делается с какой-то определенной целью.

Очевидно, для грандиозной звездной интриги понадобился человек, которого нужно выдать за Кайла Валькара, потомка древних звездных королей. И он, Нейл Бенниング, благодаря своему внешнему сходству с Кайлом Валькаром, подошел на эту роль. Он стал пешкой в

игре, а для того, чтобы эта пешка была как можно лучше, Рольф пытается доказать, что он и есть Кайл Валькар!

Бенниг тщательно старался придумать какой-нибудь план. Это было трудно, голова все еще кружилась от столкновения, от открытой Вселенной, от ощущения того, что он и в самом деле находится на борту космического корабля. Но даже в этом невероятном положении он должен драться за себя.

«Сначала — как можно больше узнать, — подумал он. — Прежде чем что-нибудь предпринять, надо узнать, куда они собираются доставить меня, что хотят со мной сделать. Мне необходимо все это знать».

Вернулся Рольф. Он принес новую одежду, подобную его собственной, диковинную, но удобную. Белая туника из великолепной материи, красивые, вероятно, драгоценные камни образовывали на груди стилизованный рисунок — яркое пламенное солнце. Бенниг переоделся без возражений. Его мысли сосредоточились на одном — надо узнать как можно больше и как можно скорее.

— Теперь ты похож на Валькара, — довольно проворчал Рольф. — Ты должен и говорить как он. Ну, время у нас пока есть.

Рольф начал обучение. Бенниг выучил слова, означавшие «звезда», «король», «империя».

— Рольф.

— Да?

— Это самая старая империя, которой правили Валькары... Вы говорили, что это было девяносто тысяч лет назад?

— Да. Прошло много времени. Но Старую империю помнят во всех звездных мирах, за исключением нескольких, таких, как Земля, впавших в совершенную дикость.

Бенниг вздрогнул.

— Земля? Она была частью Старой империи?

— Да. Как и половина Галактики, — хмуро ответил Рольф. — Когда произошла катастрофа, когда пала Старая империя, контакты с отдаленными окраинами мира совершенно прекратились. Неудивительно, что потомки колонистов скоро превратились в настоящих дикарей. Так было и на Земле.

Отрывочные факты, рассказанные Рольфом в этот и следующие его визиты, начали складываться для Беннига в странную картину, в невообразимую космическую историю.

Старая империя! Империя Валькаров! Они правили из Катуука на Антаресе, их звездные корабли бороздили просторы Галактики и мириады миров платили им дань. Но в Старой Империи роптали против власти галактических лордов и не однажды захлебывались неудачные восстания. И наконец, сами Валькары ускорили кризис.

Прошел слух, что в дальней, недоступной части Галактики Валька-

ры готовят таинственное страшное оружие, которое направят против своих противников и бунтарей. Никто не знал ни его силы, ни как оно действует. Но молва называла его Молотом Валькаров и утверждала, что с его помощью Валькары, если того пожелают, могут уничтожить все народы в Галактике.

Эти слухи послужили детонатором космической революции. Народы звездных миров не могли допустить, чтобы Валькары получили такую власть над ними. Разгорелась борьба, которая охватила межзвездную цивилизацию, разрушила ее и уничтожила Старую Империю. Множество далеких систем, потерявших связь с другими мирами, утратили былую силу и могущество, скатившись до состояния варварства.

Однако оставалось еще несколько звездных миров, сохранивших цивилизацию и высокий уровень техники. И эти миры, центром которых была система Ригеля, стремились объединиться в единую цивилизацию. Это и было началом Новой империи, которая отказалась от помпезности и воинственности Старой империи и провозгласила новую эру сотрудничества всех планет.

Рольф яростно сплюнул:

— Эта ханжеская болтовня о дружелюбии и мире! Она покорила многих. Но кое-кто все же помнит древних королей Валькаров, которым звезды были как подставки для ног!

— А эта штука, из-за которой началось восстание, — спросил Беннинг, — то, что вы назвали Молотом Валькаров? Что с ним случилось?

Рольф серьезно посмотрел на него.

— Он был потерян все эти долгие века. Только Валькары знают, что такое Молот и где он находится. Даже после падения Старой империи тайна эта передавалась из поколения в поколение, и ты — последний, кто ее знает.

Беннинг изумленно взглянул на Рольфа.

— Вот почему Кайл Валькар такая важная фигура!

— Именно так! — сурово ответил Рольф. — Ты рассказал мне, только мне, что Молот находится на одной из планет, затерянных в Скоплении Лебедя. Ты сказал, что, имея карты девяностотысячелетней давности, сможешь найти эту планету. — Переведя дыхание, гигант продолжал: — ты почти добился успеха, Кайл, ты нашел нужные звездные карты в архивах на Ригеле и отправился в Скопление Лебедя. Но Теренция и Джоммо догнали тебя, схватили, стерли память и изгнали на далекую звезду.

Для Беннинга все звучало настолько фантастично и неправдоподобно, что он сказал об этом, а потом добавил:

— Почему же они для пущей надежности не убили того, кто обладал тайной Молота?

— Джоммо так бы и сделал, и с радостью, —sarcastически ответил

Рольф, — но Терения не решилась. Женщина, даже такая, как Терения, не может править империей.

— И ты пытаешься свергнуть Новую империю? — решил до конца все разузнать Беннинг. — С той горсткой людей, что на корабле?

— Будут и другие, Кайл. Мы отправили им послание, и они соберутся у Катуука. Их немного, но вполне достаточно, чтобы сокрушить империю, если у нас будет Молот.

— Но его у вас нет! А я не знаю, как его найти!

— Да, Кайл, но, возможно, скоро будешь знать!

Когда Беннинг попытался выведать побольше, Рольф проворчал:

— Позже, а пока прежде всего ты должен выучить язык. Я сказал им, что вернул тебе память перед тем, как мы покинули Землю. И что ты заболел от такого шока.

— Человек, который вел автомобиль, знает другое, — напомнил Беннинг.

— Ивайр? Он не опасен, это мой человек, но другие не знают. Они мечтают увидеть тебя. Ты должен предстать перед ними скоро как Кайл Валькар.

Язык давался Нейлу легко, слишком легко, несмотря на древнее происхождение и сложность. Беннинг схватывал его на лету и в совершенстве воспроизводил произношение Рольфа. Создавалось впечатление, что его язык и губы сами находят нужное положение для трудных звуков, словно значения этих слов он знал когда-то, но они дремали в его мозгу, ожидая пробуждения.

Нейл старался гнать такие мысли. Это могло означать, что Рольф и люди в Гринвиле говорили правду, что Нейл Беннинг никогда не существовал. Он не мог, он не должен верить в это! Как может человек потерять свое «я»? Нет, здесь какой-то трюк. Рольф каким-то образом сумел загипнотизировать людей в городке.

На корабле для Беннинга не существовало ни дня, ни ночи. Он ел, спал, учился.

Наконец однажды Рольф объявил ему:

— Они ждут.

— Кто?

— Мои люди, твои люди, Кайл. Ты уже говоришь достаточно хорошо. Выходи к ним, я сказал, что ты выздоровел.

Беннинг почувствовал озноб. Он страшился этой минуты. Пока он оставался в этой маленькой камере, он мог не думать о своем положении. А сейчас он должен стать Валькаром.

«Вперед! — сказал он себе. — Выясни, что кроется за всем тем, что наболтал Рольф, а потом принимай решение!»

Дверь открылась. Рольф отступил в сторону, пропуская его вперед. Беннинг вышел в коридор.

— Сюда, — прозвучал в его ушах голос Рольфа. — Направо. Подними голову. Веди себя, как подобает королям.

Коридор вел в офицерскую кают-компанию. Полдюжины мужчин дружно поднялись со своих мест, когда Рольф объявил:

— Валькар!

Они глядели на Беннинга горящими, поглощающими его глазами. Он знал, что должен сказать им, но прежде, чем он успел произнести хоть слово, человек с лицом, напоминающим волчью морду, шагнул вперед. Он медленно проговорил, обращаясь к Беннигу:

— Ты не Валькар.

ГЛАВА 4

Казалось, что тишина, последовавшая за этими словами, длилась вечно. И в этой тишине Беннинг, смотревший в смуглое волчье лицо, чувствовал, как его сердце сжимают ледяные тиски... Ну вот и все. Его раскусили. Что же теперь? Беннинг вспомнил предостережение Рольфа — плен, Джоммо, смерть...

В отчаянии он подумал, что если сумеет наболтать что-нибудь, то, может, удастся выкрутиться, но язык отказывался повиноваться. Он еще не мог заставить себя произнести хоть какой-то звук, как волчелицкий поднял бокал с вином и крикнул:

— Но ты будешь им! Мы сражались за тебя, мы готовы сражаться за тебя снова! И на этот раз мы увидим тебя на троне, принадлежащем тебе по праву.

— Слава Валькару!

— Слава Валькару!

Приветственные крики гремели на борту корабля. Напряжение покинуло Беннинга, но зоркие сильные офицеры ошибочно истолковали появившееся на его лице выражение, и вновь раздались восторженные приветствия. Из потайных уголков сознания Нейла неожиданно поднялось чувство гордости. Казалось, что не может быть иначе, что эти люди по праву приветствуют его как своего вождя. Беннинг выпрямился. Он обвел взглядом офицеров и сказал:

— Валькары никогда не испытывали недостатка в верных людях... — И запнулся.

Прошло несколько секунд, и он увидел, как на лице Рольфа выражение удовлетворения быстро сменилось тревогой. Неожиданно Беннинг улыбнулся. Рольф втянул его в эту авантюру, так пусть помучается, поволнуется, пусть преданно и верно послужит Валькару. Глаза Рольфа сузились, но он вложил в руку Беннинга бокал.

— Господа! Я верну вам Старую империю и дам звездам свободу!

Гром новых одобрительных криков едва не оглушил Нейла. Он повернулся к Рольфу и шепнул по-английски:

— Коротко, но эффектно, не правда ли? — И осушил бокал.

Рольф рассмеялся. Он смеялся искренне, и Беннинг почувствовал, что вместо того, чтобы досадить Рольфу, он сделал для него приятное.

Обращаясь к офицерам, Рольф сказал:

— Все старания Джоммо оказались напрасными. Несмотря ни на что, Валькар остался Валькаром. Я знаю его, я давал ему первые уроки. Это — прежний Валькар.

Рольф одного за другим представил Беннингу офицеров: Скраны, Ландольф, Кирст, Фельдер, Бурри, Тавн. Они производили впечатление твердых, преданных, целеустремленных людей. Беннинг подумал, что ему недолго удалось бы прожить, узнай они, что он не Валькар, а всего лишь Нейл Беннинг из штата Небраска. Он боялся их, страх обострил его ум, помогая находить нужные слова и держаться независимо. Беннинга изумило, как легко ему давалась роль гордого и властного правителя.

Он начал подумывать о том, что пора бы и удалиться, но тут в кают-компанию вошел молодой ординарец. Он так вытянулся, что Беннингу показалось, что он слышит, как у юноши от напряжения лопаются жилы.

— Капитан Бехрент шлет вам свои приветствия, — произнес он, — и спрашивает, не окажет ли Валькар ему честь, посетив рубку? Мы сейчас будем входить в Облако...

Резкий свист, вырвавшийся из вмонтированного высоко в стене радиоприемника, заглушил последние слова. Говоривший приказал всем офицерам занять свои места.

Офицеры начали расходиться. Кто-то из них сказал:

— Такое путешествие всегда рискованно, но на этот раз через Облако пройдем легко, раз у руля будет Валькар.

— ...будем входить в Облако, — повторил ординарец, — и капитан уступает...

Свистки из репродуктора, монотонно повторяющиеся приказы, толкотня спешащих к выходу офицеров вновь не дали молодому адъютанту договорить. Наконец, он махнул рукой и, с обожанием глядя на Беннинга, произнес просто:

— Сэр, мы все будем чувствовать себя увереннее и безопаснее, если вы станете нашим пилотом.

Беннинг в отчаянии взглянул на Рольфа. Тот улыбнулся, когда ординарец вышел.

— О да, ты один из лучших космических пилотов. Чтобы стать

королем звезд, ты должен быть хозяином Космоса, и тебя обучали этому, как и всех Валькаров, с раннего детства.

— Но я не могу... — пробормотал Беннинг.

Ординарец ждал, поэтому времсни на разговоры не оставалось. Беннинг вышел вслед за Рольфом. Он чувствовал себя жалким и беспомощным, пойманным в ловушку.

Они вошли в рубку.

Здесь царила будничная обстановка космического корабля, которая подавила Беннинга, навалилась на него. Раньше, находясь в каюте, он мог охватить лишь беглым взглядом и принять рассудком то, что отвергал его прежний опыт. Сейчас увиденное стало реальностью, в которой жили и работали люди.

Невысокое большое помещение состояло буквально из одних приборов, за показаниями которых наблюдали корабельные техники. В центре помещения сидел офицер, глядя на большой экран, через который непрерывным потоком бежали ручейки цифр и символов. Перед офицером был пульт, напоминающий клавиатуру органа, и Беннинг догадался, что это и есть сердце и мозг корабля. «Офицер должен хорошо уметь “играть” на “органе”», — подумал Нейл. Он очень надеялся на это, потому что межзвездное пространство, которое видел сквозь смотровые стекла рубки, внушало тревогу даже такому зелено-му новичку, как он.

К нему подошел мужчина с бульдожьим лицом и коротко подстриженными седыми волосами и отдал честь Беннингу. На нем была темная туника со знаками отличия на груди. Судя по всему, он был не из тех, кто доверяет кому бы то ни было управление своим кораблем. Тем не менее в его голосе не было ни иронии, ни недовольства, когда он обратился к Беннингу:

— Сэр, рубка в вашем распоряжении.

Беннинг покачал головой; он по-прежнему смотрел на видеэкран. Корабль мчался под острым углом к Облаку, протянувшемуся через все пространство. Оно темнело, застилая звезды, но все же сквозь него пробивались мерцающие точки света и танцующие искры. Беннинг понял, что это, должно быть, одно из тех облаков космической пыли, о которых он читал в популярных статьях по астрономии, а блестящие точки — обломки планет, отражающие свет всех звезд небосвода. Тут его осенило — они направляются туда!

Капитан выжидающе смотрел на него. Офицеры за пультом и техники у приборных панелей тоже бросали на него быстрые взгляды. Беннинга начало подташнивать от страха.

Слова пришли сами. Почти весело он обратился к Бехренту, командиру корабля:

— Мужчине его корабль так же близок, как и собственная жена. Я не хочу оспаривать у вас права на них.

Бенниング рассматривал показания приборов, цифры на экране, пульт так, словно все это было ему давно и хорошо знакомо.

— И пусть даже я сяду за пульт, — продолжал он, — все равно я не сделаю больше, чем вы.

Он шагнул назад, сделав неопределенный снисходительный жест, который можно было истолковать как угодно. Бенниング надеялся, что дрожь в его руках не слишком заметна.

— Вне сомнения, — сказал он, — капитан Бехрент не нуждается в моих инструкциях.

Краска гордости залила лицо Бехрента. Глаза его радостно сверкнули.

— По крайней мере, — попросил он, — окажите мне честь, сэр, останьтесь.

— Только как зритель.

— Благодарю вас.

Бенниング сел на узкий диван, расположенный вдоль стены под видеоЭкраном, а Рольф встал рядом. Он заметил кривую усмешку на губах Рольфа и возненавидел его еще больше. Потом он перевел взгляд на видеоЭкран, и ему отчаянно захотелось спрятаться в своей каюте, где можно закрыть иллюминатор. Но передумав, решил, что лучше остаться здесь, чтобы можно было увидеть все происходящее и быть его участником.

Они приближались к темному Облаку, в котором виднелись лишь блестевшие отраженным светом обломки миров.

Рольф тихо сказал по-английски:

— Это единственный способ ускользнуть от имперских радаров. Они наблюдают за космическими путями довольно тщательно, а нам не очень хочется попасть в поле их видимости.

Черная волна Облака, казавшаяся твердой стеной мрака, нависла над ними. Бенниング крепко стиснул челюсти, сдерживая крик.

Они врезались в стену.

Удара не последовало. Естественно, ведь это была лишь пыль с рассеянными в ней обломками скал. Очень разреженная пыль, совсем непохожая на пыль земного урагана.

Потемнело. Как будто небо, до того сверкавшее звездными россыпями, задернули шторой. Бенниング, напряженно всматривающийся в видеоЭкран, внезапно увидел слабое мерцание — скала размерами с небольшой дом, кувыркаясь, неслась на них. Он вскрикнул, но офицер на пульте пошевелил рукой и обломок пролетел мимо, точнее, корабль пролетел мимо обломка. Ни малейшего признака инерции — ее погасило силовое поле.

— Тот мальчик сказал правду, — спокойно произнес Рольф. — Ты здесь лучший пилот.

— О нет, — прошептал Бенниング, — только не я.

Он вцепился в подлокотники потными руками. Ему казалось, что он уже долгие часы наблюдает за пультом, за тем, как корабль, лави-руя, идет сквозь Облако, уклоняясь от обломков, одинаково смертель-ных при столкновении — будь они меньше пули или больше Луны. Ни один из них не столкнулся с кораблем, и страх Беннинга сменился благоговейным трепетом перед капитаном, который может виртуозно управлять кораблем и тем не менее преклоняется перед Валькаром как перед космическим пилотом.

Наконец, они вышли из Облака на «тропу» — чистую дорогу между двумя полосами космического мусора. Подошел Бехрент и остановил-ся перед Беннингом. Улыбаясь, он сказал:

— Мы прошли, сэр.

— Хорошо сделано, — ответил Беннинг.

Эти слова слабо отражали то, что он думал. Он готов был пасть ниц перед этим необыкновенным капитаном и обнять его колени.

— Пожалуй, нам следует отдохнуть, — сказал Рольф.

Когда они вернулись в каюту, Рольф взглянул на Нейла и коротко кивнул.

— Я боялся, что Джоммо вместе с памятью уничтожил и твой дух, но теперь вижу, что это ему не удалось.

— Ты ужасно рисковал, — проговорил Беннинг. — Тебе надо было хоть немного подготовить меня...

— Я не в состоянии подготовить тебя ко всему, Кайл. Я должен был выяснить, остались ли у тебя прежняя выдержка и ум. Ты доказал, что они есть. — Собираясь выйти, он повернулся к двери и печально улыбнулся. — Теперь тебе надо высаться, Кайл. Мы подойдем к Антаресу через тринадцать часов, и тебе следует быть отдохнувшим.

— Почему? — спросил Беннинг, внезапно почувствовав опасность.

Голос Рольфа звучал напряженно.

— Одно испытание, Кайл. Я собираюсь доказать тебе самому и всем остальным, что ты — Валькар.

Он ушел, а Беннинг забылся тревожным сном.

Через несколько часов Нейл вновь стоял с Рольфом в рубке, наблюдая за посадкой, полный страха перед ожидавшей его неизве-стностью. Вид Антареса подавлял его: огромное красное солнце, рядом с которым совершенно затерялся его спутник — Земля, ма-ленький звездный карлик. Из-за угрюмого зловещего сияния, заполнившего четверть неба, казалось, что корабль плывет в море крови. Лица и руки людей в рубке были словно вымазаны кровью. Беннинг внутренне содрогнулся. Ему хотелось побыстрее призем-литься в Катука. А когда, наконец, Нейл увидел планету, летя-щую к ним сквозь мрачный свет, — тусклый призрачный мир, выгляделший так, словно люди покинули его давным-давно, — ему захотелось этого еще больше.

— Когда-то это был могущественный мир, — как будто прочитав его мысли, тихо произнес Рольф. — Сердце и мозг Старой империи, которая правила половиной Галактики, тронный мир Валькаров. Он может стать таким снова.

Бенниング взглянул на Рольфа.

— Если вы найдете Молот, то используете его против Новой империи, не так ли?

— Так, Кайл. И ты это должен сделать.

— Я?! — воскликнул Бенниング. — Ты безумец. Я не ваш Валькар! Даже если бы я был им, как я, лишенный памяти, найду Молот?

— Тебя лишил памяти Джоммо, — сердито сказал Рольф. — Но он сможет и вернуть ее.

Ошеломленный Бенниング умолк. Только сейчас он начал понимать размах и смелость планов Рольфа.

Корабль мчался к планете. Он коснулся атмосферы и погрузился в кровавый густой и плотный туман. Бенниング почувствовал удушье.

Начали пропасть детали планеты: горные хребты, черные леса, сплошь покрывающие континенты, угрюмые океаны, цепочки озер. Рольф говорил, что сейчас Катуук почти пустыня и человеку с Земли трудно представить мир, совершенно лишенный городов, звуков, людей.

Глядя вниз, пока корабль спускался по длинной спирали, Нейл нашел новый для него мир невыразимо суровым и печальным. Это ощущение усилилось, когда он увидел руины, белые кости городов по берегам морей, озер и океанов; обширные проплешины лесов, где деревьям мешали мостовые и могильные камни. Одно такое огромное мертвое пятно — он понял это инстинктивно — когда-то было космическим портом, полным кораблей с бесчисленных звезд.

Впереди выросла горная цепь, вздымающая к небу острые пики. Корабль снижался, сбавляя скорость. И наконец, без всякого толчка или сотрясения замер на плато у подножия гор, служившим естественной посадочной площадкой.

Все ждали, что Бенниング первым ступит на планету. Сопровождаемый Рольфом, он так и сделал.

Нейл шел медленно и снова все казалось ему сном. Небо, прохладный свежий ветер, несущий странные незнакомые запахи, почва под ногами — все кричало о том, что он здесь чужой, и он не мог избавиться от этого ощущения.

Офицеры вышли вслед за ними, капитан Бехрент нетерпеливо посмотрел на небо.

— Других еще нет, — отметил он.

— Скоро будут, — отозвался Рольф. — Им надо найти свои тайные пути. На это требуется время. — Он повернулся к Беннингу.

— Отсюда, — сказал он по-английски, — мы пойдем одни.

Бенниング посмотрел вниз. Широкая, разрушенная временем дорога

вела в долину. Там было озеро, а на его берегу — город, вернее то, что было когда-то городом. Где стояли дома, вырос лес: чащи незнакомых деревьев, увитых причудливыми лианами, невиданный кустарник. Но лес все же не мог поглотить весь огромный город. Еще возвышались арки ворот, а за ними были пустынные проспекты и площади, дворцы с развалившимися крышами. Красивые арки и полуразрушенные стены — безмолвные, окутанные красным светом — на берегу спокойного, печального озера.

Рольф и Бенниング молча шли по дороге. Когда миновали возвышенность, ветер стих. Антарес тяжело висел над горизонтом, «на западе», как определил для себя Нейл. Ему, привыкшему к маленькому яркому солнцу, Антарес казался огромным тусклым шаром, лишь загромождающим небо.

В долине было теплее. Бенниング ощущал запахи леса, но в них не было чего-то знакомого, земного.

Город теперь был совсем близко. Но он еще больше казался мертвым. Все было недвижимо, ничто не нарушило тишины, только звук их шагов.

— Судя по твоим словам, — заметил Бенниング, — здесь кто-то должен жить.

— Идем через ворота, — только и ответил Рольф.

Бенниング повернулся и посмотрел на него.

— Ты чего-то боишься.

— Возможно.

— Чего? Почему мы идем одни? — Он внезапно протянул руку и схватил Рольфа за ворот туники, едва не задушив. — Зачем ты ведешь меня туда?

Лицо Рольфа стало совершенно белым. Он не поднял руки, не напряг мускул, чтобы освободиться от хватки Беннинга. Он только сказал голосом чуть громче шепота:

— Ты подписываешь мой смертный приговор. Ради бога, дай мне возможность... — Он не договорил. Его взгляд уперся во что-то за спиной Беннинга. — Будь осторожен, Кайл, иначе мы оба пропали.

ГЛАВА 5

Искренняя убежденность, прозвучавшая в голосе Рольфа, заставила Беннинга поверить, что это не уловка. Он ослабил хватку, по спине его побежали мурашки — он почувствовал, что сзади него кто-то есть.

Очень медленно он повернул голову.

Рольф сказал:

— Стой спокойно. Прошло десять лет с тех пор, как они видели тебя в последний раз. Дай им время рассмотреть тебя и ни в коем случае не беги.

Бенниング и не думал бежать. Оцепеневший, он неподвижно стоял и смотрел на существа, выходящие из городских ворот. Существа, двигаясь очень тихо, сумели подойти к ним совсем близко, пока они разговаривали с Рольфом. Теперь за их спинами стоял целый отряд, делая бесполезной попытку к бегству. Это были не люди. Однако они не были и животными. Они не походили на то, что Бенниング видел в кошмарных снах или наяву. Они были быстрыми и сильными. Похоже, убить человека они могли бы без особых усилий.

— Они твои телохранители и слуги, верные псы Валькаров, — прошептал Рольф. — Скажи им что-нибудь.

Бенниング во все глаза смотрел на них. Существа были ростом со взрослого человека, но форма тела не была человеческой: узловатое горбатое туловище, несколько пар ног. Больше всего они походили на гигантских быстрых пауков. Они были безволосы, только на гладкой сероватой коже ярко выделялся замысловатый узор — то ли естественный, то ли вытатуированный. Пожалуй, это было даже красиво. Почти во всем можно найти красоту, стоит только захотеть. Почти во всем...

— Что мне сказать?

— Напомни, что они твои!

Маленькие круглые головы и мордочки, похожие на детские лица, с круглыми подбородками, небольшими носами и огромными круглыми глазами. Что было в этих устремленных на него взглядах? Существа зашевелились и подняли свои нитяные руки. Бенниング мельком заметил, что руки заканчивались безжалостными когтями. Один из них, стоявший впереди как предводитель, заговорил неожиданно мелодичным, свистящим голосом:

— Только Валькар может войти в эти ворота! Вы — умрете!

Бенниング ответил ему:

— Смотри внимательно. Или твоя память так коротка?

Что было в этих глазах? Мудрость? Жестокость? Мысли иных существ, которые человек не в состоянии понять?

Довольно долго длилось молчание. Огромные белые монолиты — остатки ворот — вздымали вверх разрушенные макушки. На монолитах местами сохранилась резьба, изображающая таких же стражей-пауков, что окружали их теперь.

Пауки с сухим шуршанием зашевелились, множество рук потянулось к Беннингу. Он понимал, что когти на этих руках могут с невероятной быстротой разорвать его на серпантин. Сопротивление или бегство было бессмысленно. Оставалось одно — продолжать вести эту отчаянную бесполезно опасную игру. Бенниング заставил себя приветственно раскрыть объятия.

— Мои верные слуги! — обратился к ним Нейл.

Тот, кто заговорил с ним, их вождь, пронзительно вскрикнул. Остальные подхватили этот клич, который эхом отозвался в каменных стенах города. Беннинг совершенно ясно увидел в устремленных на него круглых детских глазах любовь к себе. И они вдруг перестали казаться отвратительными и чуждыми. Вождь схватил руку Беннинга и прижал ее к своему прохладному лбу. Прикосновение к гладкой серой коже не вызвало в Беннинге брезгливости. Но, с другой стороны, этот порывистый жест испугал его.

— Кто он такой? — спросил он Рольфа по-английски. Рольф рассмеялся.

— Сомхсей качал твою колыбель и катал маленького Кайла на своей спине. Почему ты боишься его?

— Нет, — упрямо ответил Беннинг. — Нет, я не верю. Я не могу поверить в это.

Рольф недоверчиво посмотрел на него.

— Ты хочешь сказать, что даже сейчас продолжаешь сомневаться? Но ведь они узнали тебя! Слушай, Кайл, десятки тысяч лет назад Валькары переселили сюда арраки с далеких окраин Галактики, с умирающей звезды. С тех пор они верой и правдой служат Валькарам, и только им. То, что в эту минуту ты жив, доказывает, кто ты на самом деле.

Сомхсей бросил на Рольфа косой взгляд и шепнул Беннингу:

— Я знаю этого, называемого Рольфом. Будет ли на то твоя воля, чтобы он жил, господин?

— На то будет моя воля, — ответил Беннинг.

Глубокое сомнение проникло в его душу. Эти существа, легкость, с которой он освоил язык, подсознание, определяющее его поведение, загадка Гринвиля... Так, может, все правда? Может, он настоящий Валькар, повелитель этого города и павшей империи, которой некогда подчинялись мириады звезд?

Но нет! Человек должен верить в подлинность своего «я», иначе он погиб. Настоящим был Нейл Беннинг, житель Нью-Йорка. Пусть арраки не люди, но их так же, как и людей, могло ввести в заблуждение внешнее сходство. Просто Рольф удачно выбрал двойника, вот и все.

Он высказал эти соображения по-английски, но Рольф покачал головой.

— Упрямство всегда было твоим главным недостатком, — сказал он. — Спроси хоть у Сомхсея. — Перейдя на свой язык, он продолжал:

— Они проводят тебя домой, Кайл. Я возвращаюсь. Остальные скоро прибудут, их следует встретить на плато. Когда соберутся все, я приведу сюда капитанов.

Он отсалютовал арраки и пошел обратно по разрушенной дороге.

Бенниング не долго смотрел ему вслед. Все его страхи исчезли, и он страстно захотел осмотреть город.

— Ты пойдешь сейчас домой, господин? — негромко спросил Сомхсей.

— Да, — ответил Бенниング. — Я пойду домой.

Он прошел через ворота, сопровождаемый Сомхсеем, который шел по правую руку. Их окружала шумная восторженная толпа, и Бенниング почти физически ощущал ее обожание. Он подумал, что древние Валькары хорошо выбрали себе телохранителей — верных и преданных.

Этот звездный Вавилон был огромен. Во времена его расцвета здесь, вероятно, голова могла пойти кругом от яркости красок, шума, сверкающего блеска сокровищ бесчисленных миров. Перед мысленным взором Беннинга проплывали: послы, идущие по этой, теперь разрушенной дороге; принцы Цефея, короли Бетельгейзе, вожди наполовину варварских племен из диких миров созвездия Геркулеса. Все они спешили преклонить колени в городе Королей, в городе Валькаров. А сейчас только тишина и красные сумерки наполняли улицы и развалины дворцов.

— Город снова оживет, — прошептал Сомхсей. — Теперь ты дома.

И Бенниング согласился с ним, не удивившись тому, что арраки прочел его мысли.

От ворот в центр города тянулся широкий проспект. Бенниング шел впереди, ступая по вдавленным плиткам, а ноги его свиты шуршали по камням.

В конце проспекта, у самого озера, возвышался дворец из белого мрамора, подавляя своими размерами. Бенниング шел к нему. Проспект расширился и превратился в огромную площадь, по границам которой когда-то стояли статуи гигантских размеров. Грустная улыбка тронула губы Беннинга. Многие статуи рухнули на плиты площади, да и оставшиеся стоять изувечило жестокое время. Но когда-то вид этих могучих фигур, устремленных к звездам, внушал трепет всем послыствам, доказывая непреодолимую мощь и величие империи.

Теперь руки статуй разрушились, сломались и солища, которые они держали, а глаза, обращенные к идущим, были запорошены пылью.

— Господин, — обратился Сомхсей к Беннингу, поднимавшемуся по дворцовой лестнице, — за время твоего отсутствия внутренняя галерея обрушилась, мы пойдем по другой дороге.

Он повел Беннинга к меньшей боковой двери, за ней оказались развалины и обломки. Большие каменные блоки свалились, обрушился и главный свод, над головой было теперь открытое небо. Но внутренние арки по-прежнему стояли, сохранились кое-где и стены галерей, украшенные резьбой удивительной красоты.

«Главный зал, — подумал Бенниング, — мог бы вместить не менее десяти тысяч человек». В дальнем конце зала в тусклом кроваво-крас-

ном свете он разглядел трон. От этого поблекшего символа власти веяло ушедшим величием и сломленной силой. И Нейл вдруг изумился, ощущив, как в нем поднимается возмущение.

Сомхсей быстро шел впереди, Бенниング следил за ним, пробираясь между каменными завалами. Они прошли разрушенную галерею и оказались в низкой пристройке, выходящей на озеро. Бенниング догадался, что здесь располагались личные апартаменты Валькаров. Эта пристройка довольно хорошо сохранилась, очевидно, чьи-то долгие усилия поддерживали ее в пригодном для обитания состоянии. Когда он вошел внутрь, то увидел, что всюду чисто, все заботливо прибрано. Мебель, металлические орнаменты и детали — все сверкало.

— Мы все хранили и ждали, — сказал Сомхсей. — Мы знали, что придет день и ты вернешься.

Бенниング медленно брел через пустынные комнаты. Здесь сильнее, чем где-либо, он ощущал груз долгого непрерывного правления — королевские регалии, предметы гордости и традиций, неизгладимый отпечаток индивидуальностей мужчин и женщин, обитавших здесь и создавших все это. Ощущение усилилось при виде дворцового интерьера, портретов, всевозможных коллекций, собранных на других планетах. Все это тоже имело вид заброшенности, ненужности и наводило грусть...

Из высокого окна комнаты, предназначенной для Нейла, открывался вид на озеро. Обстановка здесь тоже носила следы запустения; была богатой, но без излишеств: книги, карты, обычные и звездные, модели кораблей и многое другое.

Массивный стол и рядом с ним старое кресло. Бенниング опустился в кресло, и изношенная обивка послушно приняла его тело. Он вдруг ощутил его знакомый уют. Через дверь он увидел в другой комнате высокое ложе и пурпурный полог с изображением солнца. На левой стене между книжными полками висел портрет человека в полный рост. Это был его портрет...

Ужас охватил Беннинга. Он почувствовал, как Нейл Бенниング начинает исчезать, словно с его лица сходит маска, скрывавшая чужое лицо. Он вскочил и отвернулся от портрета, слишком удобного для него кресла, ложа с королевским пологом. Он почувствовал, что с трудом уживается с Нейлом Беннингом, что вместе им становится тесно.

Он вышел на террасу, где мог дышать свободно и думать яснее. Сомхсей последовал за ним. Бенниング смотрел на темнеющее в красных сумерках озеро, когда Сомхсей заговорил:

— Ты вернулся домой, как когда-то возвращался сюда твой отец, и стражи возликовали, ибо многие столетия наши повелители не были с нами, и мы были одиноки.

Слова эти тронули сердце Беннинга. Полулюди-полупауки, про-

несшие преданность своим повелителям Валькарам через мертвые тысячелетия, миновавшие со дня падения империи, ждали и надеялись. И наконец, последний из Валькаров вернулся.

Бенниングу вспомнился рассказ Рольфа о том, как отец Кайла вернулся в уже потерявший могущество мир, который другие в страхе избегали, чтобы сын его рос на родине, помня о былом величии Валькаров.

— Господин, — продолжал свистящим шепотом Сомхсей, — в ночь твоего рождения отец твой положил младенца на мои руки и сказал: «Поручаю его тебе, Сомхсей. Будь его тенью, его правой рукой, его щитом».

— Так оно и было, Сомхсей.

— Да. После смерти твоих родителей я заботился о тебе, я ненавидел даже Рольфа, потому что он мог учить тебя человеческим наукам и искусствам, а я нет. Но сейчас, господин, ты другой.

Бенниング взглянул на него.

— Другой?

— Да, господин. Твое тело прежнее, но разум другой.

Бенниング смотрел в темные, необычные, нечеловечески чуткие и любящие глаза. И ему было страшно.

Сверху раздался странный звук. Нейл взглянул на небо и увидел сверкающую искру, пересекавшую огромный диск Антареса. Искра, растущая на глазах, превратилась в корабль и скрылась за дворцом. Бенниング знал, что корабль опустился на плато.

Ему стало холодно, очень холодно, словно сумрачное озеро дыхнуло на него морозом.

— Сомхсей, ты не должен говорить другим, что мой разум изменился, — прошептал он. — Если об этом узнают, меня ждет смерть.

Еще один корабль промчался к плато, и еще... Быстро темнело.

— Они не узнают, — обещал Сомхсей.

Беннигу по-прежнему было холодно. Эти арраки... Не обладают ли они какими-нибудь парапсихологическими особенностями? И может, благодаря им Сомхсей ощущает, что он не Валькар?

Вскоре в комнату, наполненную сумерками, быстрыми шагами вошел еще один арраки. Он был меньше и светлее Сомхсея, у него был более тусклый узор на коже.

— Это Киш, мой сын, — сказал Сомхсей, — он молод, но подает надежды. После моей смерти он будет служить Валькарам.

— Господин, — Киш поклонился, — человек по имени Рольф и другие идут сюда. Должна ли стража позволить им войти?

— Пусть войдут, — ответил Бенниング, — веди их сюда.

— Не сюда, — возразил Сомхсей. — Здесь неподобающее место. Валькары принимают слуг сидя на троне.

Киш быстро ушел. Сомхсей провел Беннинга через темные комна-

ты и развалины. Нейл радовался, что у него есть проводник, иначе он бы непрестанно спотыкался о рухнувшие каменные плиты. Когда они подошли к главному залу, туда уже входили арраки с факелами.

Неровное багровое пламя факелов почти не освещало мрачные руины, но через большой пролом в стене две желтые луны посыпали свой слабый призрачный свет. При этом обманчивом свете Беннинг шел за Сомхсеем к черному трону, который имел простую строгую форму. На нем не было украшений, резьбы или богатого орнамента. Это говорило о том, что могущество Валькаров, их гордость не нуждались в том, чтобы их подчеркивать символикой. Беннинг уселся на трон, и по рядам арраки прошел восторженный шепот.

«Пожалуй, — подумал Беннинг, сидя на троне, — легко вообразить себя королем». Он смотрел через разрушенный вход на широкий проспект колоссов и видел факелы других арраки, освещавших дорогу Рольфу, ведущему капитанов. Легко было представить себе, что это идут великие посланцы далеких звезд: принцы, аристократы и купцы могущественной галактической империи, несущие дань уважения своему повелителю.

«Повелителю? Повелитель теней мертвого города в разрушенном, затерянном мире? Его подданные — лишь арраки, собаки Валькаров, оставшиеся преданными, хотя за долгое время родились и умерли многие звезды. Его величие — только жалкое притворство, такой же фантом, как и давно умершая Старая империя...»

Руки Беннинга стиснули каменные подлокотники. Он слишком много думал так, как по его мнению, думал бы Валькар.

«Ты король из рода королей? — с иронией спросил он себя. — Да ты просто человечишко в лапах Рольфа, которого он собирается использовать в своих интересах, если ты это позволишь».

В огромный зал вошли Рольф и по крайней мере еще человек двадцать, сопровождаемых факелоносцами. Вошедшие искоса поглядывали на арраки. Страх перед стражами по-прежнему был жив, и нетрудно было догадаться, почему этот древний королевский мир так редко посещался.

Сейчас Беннинг мог разглядеть лица вошедших. За исключением капитана Бехрента и нескольких офицеров с его корабля, все были ему незнакомы и представляли собой довольно пеструю компанию.

Некоторые выглядели честными вояками, солдатами, служащими делу, в которое верили. Другие имели вид отъявленных негодяев, готовых ради выгоды продать кого угодно и что угодно. Все они остановились шагах в десяти и устремили взгляды на черный трон, где сидел Беннинг, а рядом с ним в тени укрывался Сомхсей.

— Привет Валькару! — воскликнул Бехрент, и остальные нестройно подхватили приветствие.

Рольф шагнул к трону. Он тихо сказал по-английски:

— Позволь мне руководить ими. Думаю, мне удастся добиться их согласия.

— Согласия на что? — спросил Беннинг сердитым шепотом.

— На рейд к Ригелю, — спокойно ответил Рольф. — Нам это необходимо, Кайл. Там Джоммо, и только он может вернуть тебе память. А когда ты все вспомнишь, мы получим Молот.

Беннинга ошеломила невероятная дерзость задуманного. С горсткой людей совершивший налет на Ригель, столицу Новой империи, — это совершенное безумие!

А потом в его мозгу вспыхнула новая мысль — раз Рольф предложил такой план, значит, он все-таки... Впрочем, возможно, что Рольф ведет более тонкую игру, чем он думал...

Рольф церемонно поклонился Беннингу и повернулся, чтобы представить капитанов.

— Берегись! — внезапно прошипел Сомхсей. — Среди них — предательство и смерть.

Беннинг вздрогнул. Он вспомнил странные парапсихологические способности арраки и почувствовал, как по его напрягшемуся телу прошел холодок.

Рольф выпрямился, и его голос загремел в огромном зале:

— Я рассказал им о твоем новом замысле, Кайл! И уверен, что каждый присутствующий здесь капитан последует за тобой!

ГЛАВА 6

Слова Рольфа вызвали одобрение, и один из странных капитанов, высокий смуглый мужчина, шагнул вперед и преклонил колено перед троном с улыбкой, явно выдающей порочность ее владельца.

— Я последую за любым, кто поведет меня похитить императрицу! Джоммо — немалая задача, но Терения! Если ты справишься с этим, Валькар, ты сможешь легко овладеть троном!

Предостережение Сомхсея заставило Беннинга быть более осторожным, тем не менее он наконец избавился от напряженности и ему удалось справиться со своим лицом. Одно дело — совершить налет на столицу, захватить Джоммо и заставить его что-то сделать, но совсем другое — поднять руку на суверена. Беннинг решил, что какие бы ни были у Рольфа недостатки, в отсутствии смелости его упрекнуть нельзя. А из темных уголков сознания выплыла другая мысль: «Терения! Получить ее — значит получить звезды».

У подножия трона появился плотный человек.

— Я — Хорин, и я командую легким крейсером «Звездный поток», команда — сто человек. Дай мне руку, Валькар.

Бенниング взглянул на Сомхсея:

— Этот?

Арраки отрицательно покачал головой. Взгляд его странных блестящих глаз был устремлен на капитанов.

Бенниング наклонился и сказал Хорину:

— Положим, я захватил власть в империи. Что ты потребуешь за свою помощь?

Хорин расхохотался.

— Во всяком случае — не благодарности. Я следую за тобой не по зову сердца, а по зову золота.

— Достаточно честно, — ответил Бенниング и пожал протянутую руку.

Хорин отступил в ряд, и Бенниング обратился к Рольфу:

— Ты не говорил им о деталях плана?

— Это отложено до совещания, которое состоится после того, как они свяжут себя обязательствами.

— Мудро, — насмешливо и цинично заметил Бенниング.

Рольф взглянул на него.

— Да, Кайл. Понадобится совсем немного времени, чтобы ты убедился, насколько я мудр.

Подошел другой капитан, и Рольф спокойно продолжал:

— Ты должен помнить капитана Вартиса, который и прежде сражался за тебя.

— Конечно, я его помню, — солгал Бенниング. — Добро пожаловать, Вартис. — И он протянул руку.

Вартис был одним из тех, кто выглядел честным старым солдатом, верным до последнего дыхания, но Бенниング надеялся только на себя. Он дал вовлечь себя в авантюру, хотя она и не нравилась ему. И победа — единственный способ выкарабкаться из нее живым. Он обязан победить, если это в человеческих или сверхчеловеческих силах. Совесть не слишком мучила его. Терения, Джоммо, Новая империя — в конце концов для Беннинга это всего лишь слова.

Ему начинало нравиться его положение. Капитаны подходили один за другим к трону и пожимали его руку. Каждый раз Бенниング бросал взгляд на Сомхсея, который наблюдал за подходившими и все время как будто к чему-то прислушивался. Наконец, остались только четверо. Бенниング взглядался в их лица — трое, судя по виду, могли продать родную мать, и Бенниング решил, что предатель один из них. Четвертый, рассудительный на вид человек с открытым лицом, в опрятной форменной тунике, уже преклонил колено, и Рольф сообщил:

— Зурдис прикрывал твое отступление у...

Внезапно Сомхсей прыгнул с пронзительным воплем, от которого кровь застыла в жилах, и его когтистые пальцы вцепились в Зурдиса.

В зале раздались крики ужаса, люди подошли ближе к трону. Арраки в темных нишах тоже зашевелились и выступили вперед. Бенниング встал.

— Спокойно! И вы, мои верные стражи, стойте!

Напряженная тишина была подобна натянутой тетиве лука. Бенниング слышал за спиной тяжелое дыхание Рольфа, а внизу, у подножия трона, застыл коленопреклоненный Зурдис.

Сомхсей торжествующе улыбнулся:

— Господин, вот он!

— Пусть он встанет, — приказал Бенниング.

Сомхсей неохотно убрал руки. Там, где когти верного стража прокололи кожу, на толстой загорелой шее капитана выступили капельки крови.

— Так, — сказал Бенниング, — значит, один из моих капитанов предал меня?

Зурдис не ответил. Он посмотрел на Сомхсея, на далекую дверь и снова на Беннига.

— Рассказывай, Зурдис, — приказал Бенниング, — рассказывай, и побыстрее.

— Это клевета! — воскликнул тот. — Пусть эта тварь уберется! Какое у нее право...

— Сомхсей, — спокойно произнес Бенниング.

Арраки вытянул руки над предателем, Зурдис с воплем скрчился и упал на колени.

— Ладно, — заговорил он, — все расскажу. Да, я продал тебя, почему бы и нет? Что я мог бы получить здесь, кроме ран и изгнания? Когда я узнал от Рольфа о предстоящей встрече, я сообщил об этом Джоммо. И теперь над Катууком летает крейсер, ожидающий моего сигнала! Я должен был разузнать о твоих планах, боевых силах, соратниках, и, кроме того, я должен был дать знать, истинный Валькар вернулся или самозванец, марионетка, нити которой в руках Рольфа.

— И что же? — спросил Бенниング. Его сердце взмолнивенно забилось.

Лицо Зурдиса, совершенно бескровное и злое, исказилось подобием улыбки.

— Ты — Валькар, это верно. Я полагаю, ты доставишь удовольствие своим грязным арраки, отдав меня им живым. Но это не поможет тебе. На крейсере хотели бы, конечно, услышать мой доклад, но, если его не будет, они все равно спустятся сюда. Это тяжелый крейсер класса А. Не думаю, что вам удастся его сильно повредить, тем более уничтожить.

Раздались возгласы возмущения, но были среди них и такие, в

которых звучал страх. Беннинг слышал, как Рольф ругается сквозь зубы.

Один из капитанов крикнул:

— Надо попытаться по-тихому убраться, пока на крейсере ждут его рапорт!

Все начали незаметно продвигаться к двери. Беннинг понимал, что, если они уйдут, за его жизнь нельзя будет дать и ломаного гроша. Ради спасения своей шкуры он должен как можно правдоподобнее играть роль Валькара. Он закричал, останавливая капитанов:

— Стойте! Погодите! Вы хотите, чтобы за вами охотились по всему Космосу?! — И повернувшись к Рольфу сказал: — Забудь старый план, у меня есть другой. Слушайте внимательно, вы, называющие себя капитанами! Мы хотели проникнуть в самое сердце империи, добраться до трона и стащить с него императрицу. Мы должны полететь к ним на их собственном корабле!

Нейл посвятил собравшихся в подробности своего плана. Все поняли идею Беннинга. Чем больше они ее обдумывали, тем больше им нравилась ее неожиданность и смелость. Зурдис недоверчиво смотрел на Беннинга, и внезапно в его глазах появилась надежда.

— Они ждут донесения, — продолжал Беннинг, — и они его получат! — Он спустился вниз и, проходя мимо Зурдиса, указал на него. — Тащи его, Сомхсей! Живого! Ты и другие арраки, следуйте за мной! Я объясню, как вы сможете услужить Валькару. — Он повернул голову и вызывающе засмеялся в лицо Рольфу, все еще стоявшему на ступеньках трона. — Ты идеешь?

Рольф с радостью ответил:

— Я последую за тобой как тень, господин. — Впервые он называл так Беннинга.

Хорин, смуглолицый капитан «Звездного потока», пронзительно заорал:

— Мы — твои охотничьи псы, Валькар! Веди нас, если тебе угодно затравить крейсер!

Остальные одобрительно закричали, поддерживая Хорина, и, следуя за Беннингом, вышли на ночную улицу, сопровождаемые факельщиками арраки.

У Беннинга, который смотрел на руины и поваленные колоссы, залитые тусклым светом бледных лун, слышал шаги и возгласы тех, кто готовился к предстоящей схватке, невольно мелькнула мысль: «Это безумный сон, и когда-нибудь я обязательно проснусь. Но пока...».

Он повернулся к Рольфу и спросил по-английски:

— У тебя был план?

— О да. Неплохой и тщательно разработанный, который, возможно, и удался бы, но мы потеряли бы много кораблей.

— Что же ты рассказал им? — Беннинг головой указал в сторону капитанов.

— Полуправду. Я сказал, что у Джоммо ключ к секрету Молота, который он украл у тебя, и нам необходимо вернуть его. Думаю, нет нужды объяснять им, что ключ — твоя память, уже вернувшаяся к тебе, по их мнению.

— Гмм... Рольф!

— Что еще?

— Больше не отдавай распоряжений за меня.

— Не буду, — спокойно согласился Рольф. — Пожалуй, теперь я могу полностью довериться тебе.

«А пока, — подумал Беннинг, — самозванец или нет, я должен играть роль Валькара, если хочу спасти от смерти Нейла Беннинга».

Они прошли главные ворота города. За воротами Беннинг остановился и оглянулся. В дальнем конце проспекта, освещенного светом многих факелов, был виден силуэт огромного дворца, и яркое пламя факелов казалось мрачной насмешкой над теми, кто жил в этом мертвом, заброшенном мире.

Беннинг отдавал приказы арраки и капитанам. Один за другим люди и нелюди исчезали в джунглях. Рядом с Беннингом остались Рольф, Бехрент, Хорин и двое арраки — Сомхсей и Киш, охранявшие Зурдиса.

Они пошли вверх по разрушенной дороге. Пока они поднимались, Беннинг разговаривал с Зурдисом, который очень внимательно его слушал.

— Возможно, люди Зурдиса попытаются отбить его, — сказал Рольф, поравнявшись с Беннингом. Нейл кивнул.

— Я думаю, Бехрент и Хорин справлятся с ними. В случае необходимости им придут на помощь другие члены команды. Немногим нравятся предатели, — добавил он.

— Я действовал один, — угрюмо произнес Зурдис. — К чему делить добычу? Все мои люди верны Валькару.

— Хорошо, — сказал Беннинг и повернулся к Бехренту. — Ты это проверь!

На плато Беннинг, сопровождаемый Рольфом, Зурдисом и двумя арраки, прошел в радиорубку своего корабля. Дремавший радист испуганно вскочил и засуетился. Беннинг посадил Зурдиса перед микрофоном. За спиной капитана встал Сомхсей, обняв когтистыми руками за шею.

— Сомхсей услышит твои мысли до того, как ты произнесешь их вслух, — сказал Беннинг. — Если ты задумаешь новое предательство, то умрешь, не сказав и пол слова. — Затем приказал: — Начинай.

Было получено подтверждение вызова. Немедленно очень ровным голосом Зурдис заговорил в микрофон:

— Здесь Зурдис. Слушайте, Рольф привез не Валькара, и половина капитанов поняли это. Сейчас они спорят в Тронном зале Дворца. Они дезорганизованы, охрана не выставлена. Арраки там тоже нет, и если вы сядете в джунглях у городских ворот, то сможете без труда захватить всех.

— Хорошо. Ты уверен, — спросил голос, — что человек этот не Валькар?

— Уверен.

— Я немедленно сообщу Джоммо — это успокоит его. Пожалуй, мне слегка досадно. Было бы большой честью захватить настоящего Валькара. Ладно, Рольф и заговорщики — тоже неплохо. Мы сядем через двадцать минут. Держись в стороне.

В приемнике раздался щелчок. Связь кончилась. Зурдис посмотрел на Беннинга, и тот обратился к Сомхсею:

— Что в его мыслях?

— Господин, — ответил тот, — он думает, как бы ему ускользнуть и предупредить команду крейсера. У него много мыслей, но нет среди них хороших.

— Убрать его, — резко приказал Беннинг.

Арраки утащили Зурдиса, а Беннинг круто повернулся к Рольфу.

— Я не хочу напрасных жертв при штурме крейсера! Запомни это!

Когда они вышли из рубки, Рольф вручил ему оружие. Цереброшокер не годился для такого горячего дела — у них был слишком ограничен радиус действия. Оружие, взятое у Рольфа, напоминало кургузый пистолет, оно стреляло разрывными пулями. Беннинг был вполне уверен, что сможет пользоваться им, хотя Рольф не объяснил, как это делается.

Когда они вышли из корабля, люди, построившись, уже ждали. Киш и Сомхсей заняли свои места за спиной Беннинга. Они вернулись одни.

— Прекрасно, — сказал Беннинг. — Быстро сделано.

Отряд в призрачном лунном свете углублялся в темную чащу. Вдруг Беннинг скомандовал:

— Всем скрыться! Они спускаются!

Не успели люди скрыться в черных зарослях, как над их головами пронесся быстро снижающийся огромный черный призрак. На миг Беннингу показалось, что огромная масса спускается прямо на них, грозя раздавить. Потом он понял, что это обман зрения. Крейсер, ломая деревья, опустился несколькими яrdами дальше, в зарослях, как Беннинг и планировал, как раз между двумя его отрядами.

Порыв ветра обрушился на лес, хлестнул ветками по головам, за-

кружил сорванными листьями и прутьями. Потом воцарилась тишина, и Беннинг во главе отряда двинулся вперед.

Люди из крейсера в полном вооружении вышли и построились. Не ожидая опасности, они были озабочены лишь тем, как в темноте через завалы добраться до цели.

Когда внезапно появившиеся отряды Беннинга напали на них, они оказались застигнутыми врасплох. Из крейсера высекивали новые люди. Началась стрельба, пули взрывались как маленькие звезды; многие остались лежать среди деревьев. Вспыхнули прожекторы крейсера, превратив ландшафт в путаный узор ослепительного света и черных теней. Осветилась фантасмагорическая картина смешавшихся в дикой схватке людей и арраки.

Сомхсей издал долгий пронзительный вопль, и все арраки отклинулись на него. Они мчались, как дети, которых позвали играть, и их странные глаза ярко сверкали.

Во главе с Беннингом они ворвались в открытый люк крейсера, проникли в шлюзовую камеру и помчались по коридорам, гоня перед собой перепуганных людей, топча их своими быстрыми ногами, выбрасывая наружу. Несколько арраков были убиты, несколько ранены.

Теперь Беннинг знал, что его предположения оказались правильными — его слуги полулюди-полупауки были большой надежной силой, о которой раньше можно было слышать только в легендах и старых сказках.

Внезапное появление из мрака народа Сомхсея, его вид и пронзительные вопли — все это деморализовало прибывших. Даже храбрейшие не устояли перед непреодолимым натиском. Повинуясь приказу Беннинга, арраки избегали убивать, если в этом не было необходимости. Они очистили корабль от пришельцев, присоединив их к тем, которые были захвачены раньше. Сомхсей с Кишем ворвались в радиорубку и обезвредили ее, прежде чем радист понял, что происходит.

Беннинг тяжело дышал. Пустяковая рана слегка кровоточила, а голова кружилась от такого дикого возбуждения, о котором он и не подозревал, живя на Земле. Подошел, тоже с трудом переводя дыхание, Рольф, и Беннинг сказал:

— Здесь все сделано.

Рольф вытер кровь, сочившуюся из уголка рта, и усмехнулся:

— И здесь тоже. Мы заканчиваем.

Беннинг облегченно вздохнул. Он протянул руку Рольфу и, смеясь, они обменялись рукопожатием.

— И что теперь? — спросил Беннинг.

— Теперь, — ответил Рольф, — перед нами Ригель и Джоммо. И ты снова станешь Кайлом Валькаром, и в твоих руках будет Молот.

Беннинг поднял взгляд к небу, где далекая, ничего не подозревающая планета, сердце империи, шла извечным путем вокруг своего светила.

ГЛАВА 7

Тяжелый крейсер «Солнечное пламя» через звездные бездны мчался к Ригелю.

Внешне он оставался тем же, что и всегда, — одним из самых быстрых и мощных космических кораблей, со знаками империи, блестевшими на борту, с полной командой, одетой в имперскую форму и вооруженную имперским оружием. На самом деле это был хитрый маневр.

— Вот руководство, — сказал Рольф. — Сигналы, коды и прочее. Немного везения и...

Тщательно составив послание, Беннинг отправил его почтой мгновенной гиперпространственной связи.

Возвращаюсь с заговорщиками, прошу полностью секретности. Жду инструкций.

Он подписался именем капитана «Солнечного пламени», который остался на Катууке под охраной арраки. Ответ пришел быстро.

Следуйте к Зимнему дворцу. Терения.

Рольф зло усмехнулся.

— Зимний дворец — лучше и не придумаешь! Это там они, по их мнению, уничтожили Валькара, и теперь там же они увидят его! Дворец — в отдаленном, тихом месте и имеет собственную посадочную площадку.

— И очень прочные темницы, — заметил Хорин, — не забывай об этом.

— Тебе лучше остаться на корабле, — сказал Беннинг. — Если увидят твоё честнейшее лицо, то все мы окажемся под замком. — И он рассмеялся.

Волнение Нейла росло с каждой пройденной звездной лирой. Сама авантюра была настолько дикой, что могла привести в возбуждение любого человека, но было еще что-то, заставляющее сердце биться чаще, и это было неслыханное до сих пор, таинственное имя — Терения. Беннинг не знал, почему оно так действовало на него, но так было. Ему вдруг захотелось увидеть ее, услышать ее голос, узнать, как она выглядит и двигается.

— Дерзость побеждает, — тихо проговорил Рольф. — Она будет там, ничего не подозревающая, горящая желанием воочию убедиться,

настоящий ли ты Валькар. И с ней будет Джоммо. Даже если бы ему как главе Совета было это не обязательно, он все равно пришел бы. У него есть свои причины. Он страстно хочет убедиться в том, что Зурдис сказал правду. — Рука Рольфа сделала хватательное движение. — И у нас будут оба.

Воспоминание о Джоммо заставило Беннинга вздрогнуть. Он не хотел встречи с ним. Джоммо мог вынести окончательный приговор — реален или нет Нейл Бенниг, а Бенниг этого не хотел. Он яростно убеждал себя, что нечего бояться, потому что он — настоящий Нейл Бенниг, и никто не сумеет отнять его «я». Но страх оставался.

Хорин улыбнулся как человек, подумавший о чем-то приятном.

— Когда они будут у нас, — сказал он, — у нас будет секрет Молота. А с Молотом и Валькаром, который знает, как владеть им... — И он жестом показал, что тогда можно овладеть всей Вселенной.

Молот? Бенниг тоже думал о нем. Он осмотрел орудия крейсера, орудия, стреляющие атомными снарядами, мчащимися гораздо быстрее света и с наводящими гиперпространственными радарами. Даже это обычное оружие имперского крейсера казалось ему страшным. Так насколько ужаснее таинственный Молот, которого боялась целая Галактика?

Крейсер летел вперед, приближаясь к сверкающей звезде. На корабле росло возбуждение. Бехрент, который служил когда-то в имперском флоте, тратил все свое время на обучение офицеров и команды управлять оружием корабля, зло ругая их за ошибки и свирепо напоминая, что их жизни зависят от их умения.

Бенниг мало спал, просиживая бесконечные часы с Рольфом, Хорином и другими капитанами. Часто он бывал в рубке, и всегда за его спиной были Сомхсей и Киш.

Арраки отказались остаться в Катууке.

— Господин, — сказал Сомхсей, — однажды ты ушел без меня, и потянулись долгие годы ожидания.

Крейсер вошел во внешний пояс патрулей, охранявших столицу Новой империи. Снова и снова их вызывали, следуя обычному порядку, и каждый такой вызов мог оказаться гибельным, возбуди они малейшее подозрение.

Уже сиял голубоватым светом Ригель, и корабль, сбрасывая скорость с таким расчетом, чтобы попасть к Зимнему дворцу вечером, мчался к третьей планете системы.

— Нам нужна темнота, — заметил Рольф. — Это даст нам определенные преимущества.

После того как они прошли внутреннее кольцо патрулей, Бенниг отправил послание:

«Солнечное пламя» следует к месту назначения. Сигнал один!

Ответ не заставил себя ждать:

Проходите. Путь открыт. Всем другим кораблям ждать контроля.

Крейсер вошел в тень громадной планеты, и Ригель исчез из виду.

Нервное возбуждение Беннинга достигло предела, но вскоре он успокоился. Нейл Беннинг или Кайл Валькар? Он должен пройти через все и выяснить, кто же он на самом деле!

Голоса офицеров звучали приглушенно. Внизу вооруженные люди были наготове.

— Дежурные офицеры и команда остаются на борту, — сказал Беннинг. — Быть готовыми к немедленному взлету. Повторяю: к не медленному, в любую минуту, секунду по сигналу. — Он повернулся к Рольфу, Хорину и другим заговорщикам. Ландольф и Тави играли роль офицеров охраны. — Я отдал необходимые распоряжения, остается их выполнить. Да сопутствует нам удача!

— Приготовиться к посадке, — сказал металлический голос из репродуктора.

Беннинг смотрел в иллюминатор. Они быстро снижались. Внизу был огромный город, сверкающий разноцветными огнями и занимающий, казалось, половину континента. В стороне от города среди тьмы виднелось еще одно пятно света.

— Зимний дворец, — сказал Рольф, и сердце Беннинга забилось сильнее... Терения! Он негромко произнес:

— Всем проверить оружие и хорошо его спрятать. Пользуйтесь шокерами, старайтесь не убивать без нужды. И помните: Терения и Джоммо нужны живыми и невредимыми. — Обращаясь к арраки, он продолжал: — Вас не должны заметить. Оставайтесь в тени, пока я не позову.

Тави и Ландольф вызвали усиленную охрану, необходимую для важных пленников. Беннинг накинул на голову капюшон и ждал. Он был взволнован, дыхание его было затруднено.

Корабль коснулся поверхности.

Сопровождаемая криками команды и топотом ног, охрана быстро вышла из корабля и выстроилась в виде квадрата, в центре которого находились «пленники». К ним присоединился отряд дворцовой охраны, и все двинулись через открытое посадочное поле к воротам дворца. Беннинг с удовлетворением заметил, что других кораблей на поле нет. Его, очевидно, освободили специально для их большого крейсера, поэтому явных препятствий для бегства не будет.

Их двойной эскорт быстро проследовал через открытый участок прямо к белому портику — входу во дворец, великолепное здание, окруженное деревьями и фонтанами. Беннинг с волнением оглядывался по сторонам.

Здесь десять лет назад пленного Валькара дьявольская наука

Джоммо лишила памяти. Сейчас, через десять лет, сюда пришел другой человек — Нейл Беннинг с далекой планеты Земля. Он не мог быть тем Валькаром, но...

Хотя ночь была теплой, дрожь пробежала по его телу.

— Лаборатория Джоммо, — наклонившись к Беннингу, шепнул Рольф, — в западном крыле, вон там.

Они вошли в широкий белый портик. Перед тем как войти, Беннинг бросил взгляд через плечо, и ему показалось, что он заметил две тени, мелькнувшие между деревьями.

Войдя, они оказались в большом зале, строгую красоту которого подчеркивали облицовка из светлого камня, пол из полированного черного мрамора, словно горное озеро зимой. Через равные промежутки в стенах были высокие двери, а у одной из стен безупречным изгибом поднималась роскошная лестница. В зале их ждал мужчина, а на середине лестницы стояла женщина, смотревшая вниз на пленников и охрану.

В Беннинге внезапно вспыхнула острые ненависть к мужчине. Лицо Нейла по-прежнему закрывал капюшон, и он смотрел из-под него на Джоммо, удивляясь тому, что тот так молод и вовсе не похож на бородатого, сгорбленного годами и знаниями ученого. Этот человек был высок и мускулист, широкоскул. Ему больше подходил меч, чем пробирка.

Только глаза Джоммо говорили, что он на самом деле и государственный муж и ученый. Глядя в эти серые, пристально смотревшие глаза, Беннинг понял, что столкнулся с мощным интеллектом, возможно далеко превосходившим его собственный.

Эта мысль была как вызов, и что-то внутри Беннинга шепнуло: «Еще посмотрим».

Охрана просалютовала, прогремев оружием и ботинками по мраморному полу. Беннинг перевел взгляд на женщину — он забыл о Джоммо, об охране, об их плане, о том, зачем он здесь. Он забыл обо всем.

Беннинг рванулся вперед так внезапно, что едва не порвал цепь дворцовой охраны, прежде чем они его удержали. Он сбросил капюшон, скрывавший его лицо, и услышал короткий крик Джоммо. Терения вздрогнула и что-то произнесла.

Она была прекрасна. Лицо ее горело гневом и гордостью. Казалось, внутри ее пылал костер, свет которого окрасил румянцем ее белую кожу и заставил глаза метать искры. И все же Беннинг почувствовал, что кроме ненависти было в ней что-то еще...

Терения спустилась вниз и пошла по залу именно так, как и представлял себе Беннинг, — легко и грациозно. Он сделал движение навстречу, но охрана, а также гнев и ненависть Терении остановили его порыв. Впрочем, и его чувства были для него непонятными.

Что могла значить для него, Нейла Беннинга, Терения со звезды?

— Глупец, — сказала она. — Я подарила тебе жизнь, почему ты не захотел довольствоваться этим?

Беннинг спокойно ответил:

— Найдется ли человек, который смог бы в моем положении удовлетвориться только этим?

Она смотрела на него, и Беннинг подумал, что, если бы у нее в руках был кинжал, она немедля заколола бы его.

— На этот раз, — продолжала она, — я не смогу спасти тебя. Я не хочу спасать тебя, даже если бы и могла.

Подошел Джоммо, встал рядом с Теренией, и Беннинг вдруг вспомнил рассказы Рольфа. Этого было достаточно, чтобы представить все обстоятельства, связанные с ними, хотя бы в общих чертах. И он рассмеялся.

— Но в тот раз ты меня спасла, маленькая императрица, хотя и не должна была. И ты ждала меня все эти годы, не так ли, Джоммо? Несмотря на все твои уговоры взять тебя в супруги, за все эти долгие десять лет ты так и не смог наложить свои лапы на нее и ее трон?

Даже не глядя в полные холодной ненависти глаза Джоммо, он понял, что удар попал в цель. И все же что-то было в этом человеке удивляющее. И Беннинг вдруг понял, что именно. Это была его честность и искренность. Не троном он хотел владеть, а Теренией.

Беннинг бросился вперед и схватил Джоммо за горло. Он сделал это так быстро и с такой яростью, что охрана не успела помешать. Люди Беннинга тоже набросились на охрану. Нейл закричал, и дикий крик, подхваченный его охраной, отразился от сводов зала: «Валькар! Валькар!».

Дворцовая охрана, пленники и люди с крейсера смешались в дикой схватке. Беннинг увидел на лице Джоммо изумление, впрочем, тут же исчезнувшее. Джоммо закричал:

— Беги, Терения! Им нужна ты, мы задержим их. Зови подмогу!

Беннинг сдавил его горло, и Джоммо замолчал.

Терения повернулась и, словно лань, помчалась к лестнице. Ее лицо стало белым, но она не боялась. Она бежала вверх по ступеням, громко призывая охрану. В нишах, расположенных через равные интервалы вдоль ступеней, стояли небольшие тяжелые каменные вазы. Терения на бегу сбросила вниз одну, потом другую. Беннинг расхохотался. Ее волосы, цвета пламени, выбились из-под удерживающей их тонкой сетки и разметались по плечам.

Беннинг хотел поймать ее поскорее, до того как она успеет скрыться в верхних коридорах и собрать охрану. А пока он должен покончить с Джоммо.

Джоммо был силен. У него не было оружия, и он делал все, чтобы Беннинг не мог воспользоваться своим. Сейчас они боролись за шокер,

который Бенниング пытался вытащить из-под туники, а после того как Нейл выронил его, они боролись на равных.

Вокруг кипела битва. Она дробилась на отдельные группы, которые пытались отрезать Нейла от лестницы. Снаружи донеслись крики и выстрелы, означающие, что главные силы Беннинга с крейсера захватили площадку и ворвались во дворец. Все шло хорошо, лучше, чем он ожидал, но им необходимо заполучить Терению. Без нее рушился весь план, а она могла скрыться в любую минуту. Слишком много времени потребовалось бы, чтобы обыскать дворец, — кто знает, сколько здесь потайных ходов, ведущих наружу? Обычно монархи заботятся о путях для отступления.

Сильные руки Джоммо держали Нейла, он свирепо рычал ему в ухо:

— Ты безумец, Валькар! Тебе ее не догнать!

Бенниング внезапно резко нагнулся и освободил одну руку. Он сильно ударили Джоммо. У того из уголка рта показалась кровь, он зашатался, но все же устоял. Терения уже достигла верхней площадки.

— Ты проиграл, — выдохнул Джоммо.

Взбешенный Бенниング снова ударил его. На этот раз Джоммо упал. Но он потянул за собой и Беннинга, а упав, вцепился ему в горло. Они покатились по полу под ноги сражающихся. Слепая дикая ярость охватила Беннинга и, вырвавшись наружу, обрушилась на придворного мужа с такой силой, какую он в себе никогда и не подозревал. Он обхватил Джоммо за шею, и они боролись на мраморном полу, пока Рольфу и Хорину не удалось их растащить.

Зал наполнился людьми Беннинга. Дворцовая охрана сложила оружие. Нейл вздохнул, и вздох болезненно отозвался в груди. Он посмотрел на лестницу — Терения исчезла.

— Нам необходимо найти ее, — сказал Рольф. — И быстро.

— Арраки помогут, — отозвался Бенниング и хрипло позвал их. Обернувшись к Рольфу, он продолжал: — Собери несколько человек и возьми Джоммо. Он может нам пригодиться. Сказав это, Бенниング побежал вверх по лестнице. Там его догнали араки.

— Ищите ее, — приказал он. — Найдите ее!

И они, как две большие гончие, бросились по следу императрицы.

В верхних коридорах было тихо. Здесь должны были находиться стража, слуги и другие бесчисленные безымянные люди, всегда обитающие во дворцах. Бенниング бежал, напряженно вслушиваясь. Киш и Сомхсей, намного резвее его, многоногими тенями метались в проходах.

— Не здесь, — резко бросал Сомхсей на бегу, — не здесь, не здесь, не... да! Здесь!

Перед ними была дверь. Закрытая, как все остальные. Бенниング рванулся к ней, и Киш едва успел схватить его.

— Они ждут, — сказал он. — Внутри.

Беннинг вынул пистолет, от души надеясь, что не придется воспользоваться им. В ближнем конце коридора он заметил окно и выглянуло наружу. Внизу было спокойно. Крейсер мирно ждал на посадочной площадке. Футах в двадцати от Беннинга в стене было другое окно. Он подумал, что это окно в ту самую комнату, и указал на него Сомхсею.

— Сможешь добраться туда?

Арраки засмеялся своим удивительным мягким смехом.

— Сосчитай трижды до десяти, господин, прежде чем ломать дверь. Киш!

Оба арраки, темные паукообразные фигуры, скользнули во мрак по широкому карниzu. Беннинг слышал доносившееся снаружи дробное сухое постукивание когтей. Он начал считать. Подбежали Рольф и Хорин, державшие Джоммо, и с ними еще шесть-семь человек. Беннинг встал перед дверью.

— У нас здесь Джоммо! — крикнул Рольф. — Вы там, не вздумайте стрелять, если не хотите его смерти!

— Нет, — завопил Джоммо. — Стреляйте!

Рольф ударил его в челюсть. Беннинг наклонился ближе к двери.

— Вы слышали? В ваших руках его жизнь, так же как и наша. — Ему показалось, что он услышал голос Терени, отдающей какой-то приказ... — Тридцать, — досчитал он.

С этими словами он пнул дверь, попав пяткой прямо по замку, и невольно сжался, ожидая прицельного огня. Но выстрелов не последовало. Зато он услышал пронзительный визг сначала одной, потом нескольких женщин. Перед дверью в шеренгу стояло с полдюжины вооруженных дворцовых стражников.

Киш и Сомхсей ворвались с тыла, через окно, и охрана была ошеломлена волнями мужчин и визгом женщин, пытавшихся скрыться от арраки. Терени среди них не было.

Беннинг ударами и пинками расчищал дорогу к двери, ведущей во внутренние покои, но арраки были ближе и достигли ее первыми. Они широко распахнули высокие белые створки, и стало видно внутреннее убранство комнаты: широкое белое ложе, занавешенное пологом из желтого шелка, толстые ковры на полу и удобная мебель. Стены были белыми с высокими панелями, отделанными желтой парчой под цвет полога. Одна из панелей не успела еще плотно закрыться. Она еще двигалась.

Ни один человек не успел бы достичь этой щели до того, как она закроется, но арраки не были людьми. К тому времени, когда Беннинг с трудом пробился к комнате, они уже отодвинули панель и скрылись в проходе, тянувшемся за ней. Беннинг слышал, как они бежали, а потом раздался крик ужаса, сдавленный и приглушенный узкими стенами коридора.

Сомхсей вернулся в комнату, держа в руках обмякшее тело Терени. Он выглядел огорченным.

— Прошу прощения, господин, — сказал он. — Мы не причинили ей вреда. Но с вашими женщинами такое часто случается.

— Она скоро придет в себя, — улыбнулся Бенниング и протянул руки. — Прекрасная работа, Сомхсей. Где Киш?

— Пошел разведать потайной ход, — ответил Сомхсей, осторожно передавая Терению Беннигу. — Он почивает, если там есть опасность.

Бенниング замер, затаил дыхание — на его руках лежала Терения. Он ощущал тепло ее тела, слышал биение сердца. Ее шея была белоснежной и сильной, огненные волосы тяжелой массой свисали с рук Беннига, темнели густые ресницы опущенных век. Он не хотел никуда идти. Он хотел только одного — стоять так и держать Терению на руках.

Суровый голос Рольфа раздался за его спиной:

— Идем, Кайл, нам еще многое надо сделать.

Вернулся тяжело дышащий Киш.

— Ничего, — сообщил он. — Там все спокойно, господин.

— Нам понадобятся арраки, Кайл, — сказал Рольф.

Бенниング вздрогнул, и холодок пробежал по его спине. Пришло время, которого он так боялся.

ГЛАВА 8

Лаборатория, в которой они находились, не походила ни на одну из виденных Беннигом прежде. Машины и оборудование были упранты под щиты и кожухи. Можно было только догадываться об их назначении и сложности. В этой длинной высокой комнате было чисто и тихо.

Бенниинг понимал, что только выдающийся ученый мог занять такое высокое положение в огромной империи звезд.

Сейчас Рольф быстро и резко говорил что-то этому человеку. Джоммо слушал с каменным лицом. Рольф отоспал Хорина проверить, как обстоят дела с пленниками, но оба арраки стояли здесь. Они, держась наготове, внимательно смотрели по сторонам.

Терения уже очнулась. Она сидела в кресле, и на ее совершенно белом лице горели раскаленные глаза, устремленные на Беннинга. Она смотрела только на него, не обращая внимания на остальных.

Рольф умолк, и Джоммо медленно произнес:

— Так вот оно что. Мне следовало бы догадаться.

— Нет, — сказала Терения и с силой добавила: — О нет! Мы не вернем вашему Валькару память — он может уничтожить империю!

— Ваш выбор ограничен, — зловеще проговорил Рольф.

Горящий взор Терении не отрывался от лица Беннинга. Она гордо заговорила, обращаясь к нему:

— Однажды ты едва не добился успеха, верно? Ты явился сюда со всеми ключами, оставленными тебе отцом, обманом добился от меня позволения порыться в архивах, нашел там путь к Молоту и ушел, насмехаясь над нами, надо мной.

— Я?!

— Да, ты использовал самую древнюю и дешевую уловку, какую мужчина может применить к женщине.

— Терения... — начал Джоммо, но она продолжала, не взглянув на него:

— Ты просто чуть-чуть промедлил. И это чуть-чуть спасло империю! Мы схватили тебя, и Джоммо стер твою память. Нам следовало быстереть и тебя.

— Но вы этого не сделали, — сказал Беннинг.

— Да, не сделали. Мы ненавидимубийство. Этого не понять сыну Старой империи. Мы совершили ошибку, дав тебе ложную память. Отправив на окраинную планету, Землю, мы думали, что убрали тебя с пути и что ты не опасен. Как я была глупа!

Рольф сердито добавил:

— Вы настолько удачно убрали его с пути, что для того, чтобы найти Валькара, мне понадобились долгие годы секретных поисков на Земле.

Терения медленно перевела взгляд на мрачного гиганта:

— А теперь, когда у тебя есть Валькар, ты хочешь заполучить его память, а потом и Молот? Не так ли?

— Да, — отрезал Рольф и, словно волк, клацнул зубами. — Слушай, Джоммо, — повернулся он к ученному, — ты можешь восстановить его память. И ты это сделаешь. Ты сделаешь это потому, что не захочешь увидеть Терению мертвой.

— Я знал, что ты это скажешь, — ответил Джоммо.

— Так как?

Джоммо посмотрел на Терению. Через несколько минут плечи его поникли, и он опустил голову.

— Ты сам сказал, мой выбор ограничен.

Беннинг замер, а сердце его бешено застучало. Он хрипло спросил:

— Сколько времени это займет?

Секунды, часы, столетия — сколько времени понадобится, чтобы изменить собственное «я» человека?

Предположим, что весь этот невероятный сон — правда, и Нейл Беннинг всего лишь имя, воплощенная ложь? Что останется от него?

Сохранится ли память человека, в действительности не существующего?

Джоммо медленно выпрямился. Бесцветным голосом, с неподвижным лицом он ответил:

— Час, возможно, меньшее.

Терения недоуменно смотрела на него. Казалось, она не верит своим ушам. Потом яростно закричала:

— Нет! Я запрещаю тебе, Джоммо, слышишь? Я запрещаю! Пусть они...

Сомхсей легонько положил когтистую руку на её плечо, и она замолчала, задыхаясь от отвращения. А арраки сказал:

— Господин, язык ее произносит гневные слова, но мысли говорят о надежде. Здесь противоборство.

Рольф с неприятным свистом втянул в себя воздух.

— Я так и думал. Слишком легко Джоммо согласился. — Он поочередно посмотрел на них. — Прекрасно, все равно все выйдет наружу. С арраки ложь бесполезна.

Терения молча отпрянула от Сомхсея. Джоммо пожал плечами, его лицо по-прежнему ничего не выражало.

Беннинг восхищался его выдержанкой.

— Арраки, — сказал Джоммо, — вне сомнения, хорошие слуги, но слишком уж усердствуют. — Он посмотрел на Беннинга. — Ты хочешь, чтобы я вернул тебе память. Я согласен. Я не могу сделать большего.

— Час? — спросил Беннинг, — возможно, и меньшее? — Он шагнул к Терении. — Что может случиться в течение следующего часа? Чего вы ждете?

Открытый взгляд горящих глаз был устремлен на него.

— Не понимаю, о чем ты говоришь? Я прошу, чтобы ты приказал своему существу больше не дотрагиваться до меня.

— Что-то должно появиться, — задумчиво сказал Беннинг. — Что-то достаточно сильное, чтобы помочь.

Сомхсей тихо произнес:

— Мысли ее скачут, язык не говорит правды.

Совершенно иррациональная, но объяснимая ярость охватила Беннинга. Он тряхнул Терению за плечи.

— Что должно появиться?

— Подожди и увидишь!

— Терения! — предостерег Джоммо, а Сомхсей усмехнулся.

— Они думают о корабле.

Рольф выругался.

— Конечно, они же должны были послать за другими членами Совета империи, чтобы совместно решать нашу судьбу. И если только

обычай не изменились, они ждут тяжелый крейсер класса А под командованием адмирала. — Он повернулся к Джоммо.

— Когда это произойдет? Скоро?

— Через пять минут, через час, — я не могу ответить точно.

— Но вы по-прежнему останетесь заложниками, — напомнил ему Рольф.

Джоммо кивнул.

— Это делает ситуацию забавной.

— Но не благоприятной, — откликнулся Бенниング и добавил: — Рольф, нам надо убираться отсюда.

Рольф удивленно посмотрел на него.

— Только после того, как Джоммо вернет тебе память!

— Джоммо, — решительно произнес Бенниング, — может это сделать и на нашем корабле, не так ли? Мы уходим! — Он повернулся и добавил: — Киш, передай приказ Хорину и остальным — готовиться к отлету. И приведи сюда поскорее несколько человек. Они понесут оборудование. Джоммо! Ты покажешь, какие аппараты необходимы. Постарайся ничего не забыть, если тебя волнует судьба твоей императрицы.

Складка у губ Джоммо стала глубже, и впервые за все время он растерялся. Он посмотрел сначала на Сомхсея, который наблюдал за ним с пристальным вниманием, потом на Рольфа и Беннинга взглядом, горящим такой искренней ненавистью, что Бенниング чуть не вздрогнул, и, наконец, на Терению.

— Не берите ее с собой, — попросил он. — Умоляю вас!

— Она будет в такой же безопасности, как и мы, — сказал Бенниング и добавил, обращаясь к Терению: — Поверьте, я сожалею. В план это не входило.

Терения прошептала:

— Я готова умереть, но прежде мне хотелось бы увидеть твою смерть. — Похоже, она говорила то, что думала.

Внезапно сомнение и чувство вины охватило Беннинга. Он позво-лил себе идти напролом, не слишком задумываясь об этике. Для него, землянина, звездные императоры и императрицы, Валькары и Молоты, все эти интриги чуть ли не стотысячелетней давности казались не более чем невероятным сном, а человек не слишком-то задумывается о своем поведении во сне. Но теперь это перестало казаться сном. Он превратился в людей, живых людей. Это были Терения и Джоммо, и он сам стал реальной силой — Валькаром, если даже он только его тень. Его действия могли повлечь за собой невообразимые последствия, способные повлиять на жизнь миллиардов людей, обитающих в миражах, о которых он и слыхом не слыхивал.

Беннинга испугала тяжесть его ответственности, и теперь, в эту последнюю минуту, он понял, что такая ноша ему не под силу.

— Рольф, — начал он, — я...

В распахнувшиеся двери ворвался Киш.

— Сообщение, господин. Радар «Солнечного пламени» засек приближающийся корабль, и Бехрент просит, чтобы мы поторопились вернуться на борт.

Бенниング беспомощно оглянулся на Терению. У него не было выбора. Она необходима для выкупа его собственной жизни и жизни его людей, для обеспечения свободного прохода через космические патрули! Позже, может быть, у него появится время подумать об этике.

— Ладно, — резко бросил Бенниング. — Передай это капитанам и веди сюда людей.

— Они уже здесь.

— Хорошо. — Он повернулся к Джоммо. — Поторопись, не пытайся умничать. Сомхсей будет наблюдать.

Бенниング снял свою накидку с капюшоном и набросил ее на плечи Терению.

— Сейчас я отведу вас на корабль.

Но императрица даже не взглянула на него.

Когда Бенниング взял ее за руку и повел вперед, Терения пошла рядом, прямая и гордая, уделяя ему не больше внимания, чем если бы его здесь вовсе не было. Правда, Бенниング почувствовал, как она вздрогнула, когда он касался ее обжигающей руки.

В нижних залах дворца и снаружи была деловая несуетливая обстановка. Люди Беннинга длинными колоннами бегом возвращались на корабль, а разоруженная дворцовая охрана беспомощно и угрюмо толпилась в стороне. Они зашевелились, когда увидели Терению, но преимущество в силе позволило Беннигу и Хорину беспрепятственно пройти мимо.

Свежий ночной ветер охладил лицо Беннинга. В темном небе ничего не было видно, но он знал, что оттуда, опережая свет, мчится опасность. Он поторопил Терению. Деревья и фонтаны остались позади, они вышли на посадочную площадку, где был крейсер, через открытые люки которого лился яркий свет. Бенниング, крепко державший Терению, тревожно думал о Рольфе, об оборудовании, о близости вражеского корабля, о минутах, которые остались у них.

В воздушном шлюзе дежурил Скранн. Он руководил спешащими людьми, не допуская затора в небольшом помещении. Увидев Беннинга, он сказал:

— Капитан будет рад видеть вас в рубке, сэр.

Его голос звучал напряженно, а сам он выглядел встревоженным. Бенниング грубо втащил Терению внутрь, не утруждая себя извинениями. Он бесцеремонно втолкнул ее в свободную каюту, запер дверь и поставил охрану. Потом поспешил в рубку.

Бехрент, вышагивающий взад и вперед по рубке, выглядел свиреп-

пее, чем обычно. То и дело вбегали и выбегали ординарцы. Техники беспокойно суетились у контрольных панелей.

— Какова ситуация? — спросил Беннинг.

Бехрент поднял руку и рубанул ею по ладони другой.

— Уже сейчас, — сказал он, — нам придется лететь под прицелом орудий. — Он гневно посмотрел через иллюминатор на людей, бегающих внизу. — Что они там делают? — прорычал он. — В игрушки что ли играют? Клянусь, я захлопну люки и оставлю их...

Розовощекий ординарец, у которого глаза вылезали из орбит от напряжения, влетел в рубку и выпалил, обращаясь к Беннингу:

— Рольф только что поднялся на борт и велел передать вам, что все в порядке и что он присмотрит за пленными.

— Хорошо, — ответил Беннинг. Он тоже посмотрел в иллюминатор. — Отправляйся вниз и скажи, чтобы поторопились с погрузкой, взлет в два...

Появился другой ординарец и принес сообщение с радара. Бехрент взял записку, и краска сошла с его бесконечно усталого лица. Он протянул листок Беннингу.

— Если вы посмотрите на небо, то увидите крейсер, летящий сюда.

— Пусть прилетает, — дико рявкнул Беннинг.

Бехрент взглянул на него.

— Но через две минуты после приземления они узнают о нас все, и тогда...

— Две минуты, — прервал его Беннинг. — Их вполне достаточно, если мы будем быстрее шевелиться.

Лицо Бехрента помрачнело.

— Вы — прежний Валькар! Вы не учитываете, что патрули будут предупреждены раньше, чем мы выйдем в открытый Космос.

— Будем думать о патрулях, когда дойдем до них, — ответил Беннинг.

Бехрент заорал в микрофон системы оповещения:

— Расчетам световых орудий — по местам! Немедленно, иначе клянусь...

«Вы прежний Валькар! Какая ирония», — подумал Беннинг.

Он по-прежнему Нейл Беннинг. Он отсрочил последнее испытание своего «я», но это была всего лишь отсрочка.

В рубку втиснулся хмурый Рольф.

— Так мы собираемся драться?

— Мы собираемся ускользнуть от крейсера, а не драться. — ответил Беннинг. — По крайней мере попытаемся. Как Джоммо?

— Я запер его вместе с Теренией. И оставил охрану, — сообщил гигант. — Аппаратура в другом месте, тоже под охраной.

— Это правильная машина, господин, — добавил Сомхсей, прокользнувший в рубку вслед за Рольфом. — Я читал ее мысли.

— Надеюсь, мы проживем достаточно долго, чтобы успеть испытать ее, — сквозь зубы произнес Бенниング. Он смотрел вверх через видеозран на усеянное звездами небо.

Бехрент тоже посмотрел вверх. Суета на корабле улеглась, шум стих. Каждый человек занял свое место по стартовому расписанию, не слышалось ни звука, кроме глухого, еле уловимого жужжания механизмов, создающих поле.

Высоко в небе появилось темное пятно. Оно росло с ужасающей быстротой, стремительно превращаясь в огромную черную массу, закрывающую звезды и несущуюся вниз, словно падающий небосвод. «Солнечное пламя» слегка качнулось, когда тяжелый крейсер на расстоянии в сотню ярдов от них, сбрасывая скорость для посадки, завис над площадкой.

— Старт! — рявкнул Бехрент.

Они взлетели в тот миг, когда идущий на посадку крейсер коснулся поля. Бенниング смотрел на проносящееся через большой изогнутый экран так, словно пытался разглядеть свою судьбу. Бенниング все еще глядел на дворец, на удаляющуюся планету, когда услышал резкую команду Бехрента: «Огонь!».

Дворец, посадочное поле, резко очерченные формы только что опустившегося крейсера — все озарилось ярчайшим светом. Фокус этой слепящей вспышки пришелся на хвостовую часть крейсера, потом свет ослаб и исчез. Их собственный корабль мчал их прочь так быстро, что в краткий миг все внизу съежилось и пропало из виду.

— Сделано! — ликующее воскликнул Рольф. — Команда невредима, но они не смогут погнаться за нами!

Теперь «Солнечное пламя» летело через теневой конус планеты, и Бенниング слышал из радиорубки голос оператора: «Очистить проход восемнадцать — чрезвычайный случай, чинуша! Очистить проход восемнадцать, проход восемнадцать...».

Они вырвались из тени в ослепительное сияние Ригеля. Огромное бело-голубое солнце осталось за их спинами, и они мчались в открытый Космос, мимо проплывающих планет.

— Вырваться с самой Теренией на борту! — радостно заорал Рольф и с силой хлопнул Беннинга по плечу. — Мы им докажем, что Старая империя жива!

— У капитана, — шепнул Сомхсей, — безрадостные мысли.

Бехрент вернулся из радиорубки с невеселой усмешкой.

— Мне кажется, рано еще праздновать, — угрюмо сказал он. — Внешние патрули уже предупреждены и держат нас на радаре, перекрывая путь.

— Проклятие! — взревел Рольф. — Тогда режь прямо сквозь заслон — там ведь только легкие крейсеры!

— Погоди, — прервал его Бенниング. — Радиус действия наших

орудий больше, чем у них, верно? И если мы поставим перед собой огневой барьер, то они не смогут ответить и будут вынуждены убраться, не так ли?

— Все зависит... — начал Бехрент, но тут же замолчал, а через секунду продолжал: — Стоит попытаться. Им не сообщили, почему нас приказано не задерживать, иначе они бы отважились. Но не знаю... — Не закончив свою мысль, он подошел к микрофону внутренней связи, вызвал пост управления огнем и принял отдавать приказы.

«Солнечное пламя» прошло не больше чем в миллионе миль от скованной льдом внешней планеты. Скорость крейсера была такой, что планета показалась грязно-белым шаром, прокатившимся по звездному небу.

Заговорили орудия. Лишь слабая дрожь свидетельствовала о произведенном залпе — снаряды не выбрасывались взрывчатыми веществами, а приводились в движение собственными двигателями. Беннинг видел яркие вспышки, разрывающие пустоту, танцующие искры на фоне бесконечных, бесчисленных звезд. По мере того как корабль мчался вперед, огненные искры, несущие смерть, двигались вместе с ним.

— Патрули убрались! Все чисто на два парсека! — доложили с радара, и Бехрент резко бросил в микрофон:

— Полный ход!

— Они струсили! — воскликнул Рольф. — Я знал, что у них кишка тонка сунуться в пекло!

— ...но тяжелые суда, линейные крейсеры и вспомогательные средства изменили курсы и приближаются к нам со ста четырнадцати направлений, — закончил доклад радарщик.

Наступила мертвая тишина. Бехрент повернулся к Беннингу, на его лице было страшное подобие улыбки.

— Имперские силы получили приказ. И они настигнут нас. Они не уступают нам ни в скорости, ни в радиусе действия орудий.

ГЛАВА 9

В пустоте, в бездне, для которой миллион миллионов звезд значит не больше, чем серебристая рябь на поверхности глубокого черного озера, мчались с невероятной скоростью бесконечные крохотные металлические зерна, отмечая свой путь периодическими всплесками орудий энергии. Вскоре многие из этих металлических зерен настигнут одно, убегающее от них, и тогда смерть сделает свой прыжок и межзвездный мрак озарится вспышкой. Если только...

Беннинг сказал:

— Терения — единственный козырь, который у нас есть.

Рольф кивнул.

— Если мы сможем убедить их, что она у нас. Сомхсей, приведи ее и Джоммо.

— Нет, подожди, — остановил Беннинг арраки. — Тебе и Кишу лучше держаться в стороне. Она приходит в ужас от вашего вида, и это может осложнить дело. Я приведу ее сам.

Он прошел к корме, в коридор, где перед закрытой дверью стояла охрана, и жестом приказал открыть. Потом, памятая жгучую ненависть в глазах Джоммо и Терении, Беннинг вытащил из-за пояса тяжелый пистолет.

Вышла Терения и следом за ней — Джоммо. Маленькая императрица выглядела усталой, вокруг рта легли горькие складки, но гордость не оставила ее. Взглянув на оружие Беннинга, она улыбнулась, вложив в улыбку максимум презрения.

— О да, — сказал Беннинг, — я осторожен. Я очень осторожен. А теперь идите впереди меня.

— Куда?

— Узнаете. Пока только вперед.

Беннинг понимал, что с монархами таким тоном не разговаривают, но чувство превосходства, изумление и гнев на лице Терении давали ему на это право.

Пока они шли к рубке, Беннинг восхищался, глядя на грациозную походку Терении, ее стройное тело.

Джоммо первым шагнул в дверь командной рубки, Терения последовала за ним, но споткнулась о порог и опрокинулась назад, прямо на Беннинга. То, что это не случайность, Нейл понял на долю секунды позже, чем следовало бы, уже когда Терения схватила его за предплечье и закричала:

— Пистолет, Джоммо, хватай его!

Все случилось так быстро, что люди в рубке не сразу поняли, что произошло, а арраки, следуя приказу Беннинга, оставили рубку. Джоммо отреагировал мгновенно, он резко повернулся, лицо его странно искривилось от внезапно появившейся надежды.

Беннинг рывком поднялся на ноги. Резко вскинув как можно выше руки, он поднял легкую Терению, качнул ее в воздухе и швырнул на Джоммо.

Он надеялся, что Джоммо не даст Терении упасть, и оказался прав. Джоммо поймал ее, и оба они снова очутились под прицелом пистолета Беннинга.

— Хорошо придумано, — сказал он, — я восхищен твоей храбростью. Но на вашем месте я бы не пытался больше делать что-нибудь в этом роде.

Джоммо и императрица смотрели на Беннинга ненавидящими глазами, как два василиска, и он не мог осуждать их за это.

К месту схватки начала сбегаться команда. Подошел Рольф с лицом черным от гнева.

— Так, значит, ты не хотел пугать ее видом Сомхсея? —sarкастически спросил он у Беннинга.

Беннинг покачал головой.

— Похоже, без них не обойтись. — Он позвал арраки и сказал Терени: — Они не причинят вам вреда, если вы сами не вынудите их.

Бехрент, все время находившийся у главного экрана, подошел к ним. Его лицо оставалось спокойным, но голос хрипел от волнения:

— Вам следует поторопиться. Мы почти в пределах досягаемости огня батарей полной эскадры линейных крейсеров. Из радиорубки докладывают, что они требуют остановиться.

Беннинг увидел, как сверкнули глаза Терени, и решил быть твердым.

— Так вот, Терения, — сказал он. — Сейчас вы пройдете в рубку и прикажете крейсерам уйти.

— Нет!

Беннинг посмотрел на Джоммо.

— Тебе лучше уговорить ее, и побыстрее. От этого зависит ее жизнь.

— Ты не сможешь убить ее, — ответил Джоммо.

— Не смогу? Возможно, ты прав. Ну, а что ты думаешь о других?

— Обо мне, например? — сквозь зубы процедил Рольф.

Джоммо заколебался, и Терения воскликнула:

— Ты не сделаешь этого, Джоммо!

На лице Джоммо застыло выражение упорства.

Задние видеоэкраны внезапно осветились ослепительным пламенем взрыва, бушующее сияние которого заставило потускнеть звезды. Казалось, будто в небесах позади корабля выросла и разрушилась огненная стена.

— Они начали пристрелку, — сказал Бехрент. — Мы можем вступить в бой, но при таком превосходстве сил долго не выдержать.

— Терения остановит их, — сдержанно произнес Беннинг. — Я пойду в радиорубку. Подготовить все для радиопередачи. Ждите.

Он быстро прошел в радиорубку. Через несколько секунд вернулся и взял Терению за руку.

— Сейчас, Терения, ты пойдешь и прикажешь кораблям прекратить огонь, иначе погибнешь вместе с нами.

Терения рассмеялась. Она выглядела почти счастливой.

— Ты погибнешь не таким способом, — сказала она. — Тебе придется сдаться.

— Джоммо, уговори ее, и поскорее, — приказал Беннинг.

Снова видеоэкраны озарились страшным пламенем, на этот раз настолько близко, что огненная стена закрыла все небо.

— Терения... — начал Джоммо.

— Разве ты не видишь, что они побеждены, — воскликнула она, — и не могут заставить меня повиноваться им!

Бехрент шел к экранам, но вдруг вернулся и недоуменно произнес:

— Только что эскадра уменьшила скорость. Они по-прежнему следуют за нами, но на большом расстоянии, их батареи прекратили огонь!

— Этого не может быть! — закричала Терения. — Ты лжешь!

Беннинг удовлетворенно улыбнулся.

— Они были достаточно близко от нас, и наш замысел сработал. Они больше не будут стрелять, раз теперь знают, что их императрица у нас на борту.

— Но узнали они об этом только сейчас, не так ли? — спросил Рольф.

Беннинг кивнул.

— Я приказал в радиорубке, чтобы они подключили внутреннюю связь к передающей радиостанции. На каждом корабле должны были слышать голос Терении и Джоммо.

Джоммо закричал голосом, хриплым от ярости и гнева. Во взгляде Терении смешались удивление и ненависть, но она промолчала. Беннинг поднял пистолет.

— Теперь мы пойдем обратно. И не пытайтесь придумать новую уловку, похитнее прежней.

— Я пойду с тобой, — проворчал Рольф.

Всю дорогу женщина молчала. Не сказала она ни слова и когда ее запирали в каюте, принадлежавшей раньше Ландольфу. Но Джоммо, которого поместили в соседней каюте, заговорил тотчас, не дав Беннингу и Рольфу выйти.

— Мы можем заключить сделку, — сказал он, обращаясь к Беннингу. — Освободи Терению, отправь ее в спасательной шлюпке — и я верну тебе память.

Беннинг расхохотался. Ему показалось, что теперь он понял этого человека.

— Нет, Джоммо.

— Рольф может подтвердить, что я никогда не нарушал своего слова, — голос Джоммо звучал ровно.

— Я верю этому. Но я уверен и в том, что на этот раз ты не сдержишь слова ради того, чтобы мы не добрались до Молота. Что скажешь на это?

Джоммо молчал, но брошенный им взгляд был достаточно красноречивым ответом.

— Пока у тебя есть еще время, — сказал Рольф. — Но скоро ты сделаешь то, что хотим мы. И с радостью.

— Я?

— Да, ты. Потому что мы идем в Скопление Лебедя. Мы идем к нему и в него.

Насколько сказанное Рольфом мало значило для Беннинга, настолько важно, и это совершенно очевидно, оно было для Джоммо. Его волевое лицо внезапно побледнело.

— Так, значит, Молот там?

— Да, там. На одной из планет самого опасного скопления в Галактике. На какой именно — я не знаю, и тем более не знаю, как безопасно добраться до нее. Я погублю корабль, если попытаюсь войти в Скопление. Но кое-кто знает все.

Джоммо нервно перевел взгляд на Беннинга.

— Все знает Валькар? Так?

Рольф кивнул.

— Да. Валькар знает. Конечно, сейчас он лишен памяти, и, безусловно, это грозит нам гибелью, но когда вспомнит, то все мы будем в безопасности: ты, я, Терения.

Секунду Джоммо молчал, а потом прошептал:

— Проклятие! — прошептал так горько, что это потрясло Беннинга. Они с Рольфом вышли и заперли дверь.

— Пусть помучается, — сказал Рольф и внимательно посмотрел на Беннинга. — Я думаю, Кайл, что сейчас для тебя самое лучшее — пойти в свою каюту и выплатиться. Ты, похоже, нуждаешься в отдыхе.

— Спать? — восхликал Беннинг. — Ты полагаешь, что я смогу заснуть, зная о преследующих нас крейсерах, о Скоплении впереди, о...

— Пока ничего не произойдет, — грубо прервал его Рольф. — Корабли для проверки свяжутся с Ригелем, убедятся, что Терения и в самом деле у нас, и будут сопровождать «Солнечное пламя». А до Скопления Лебедя еще долгий путь. — Он помолчал и добавил: — Впереди тебя ждет нелегкое испытание.

Снова ледяное дыхание смерти коснулось Беннинга. В глубине души он сознавал, что не хочет согласия Джоммо, не хочет, чтобы он вмешивался в тайну мозга Нейла Беннинга.

— Входи. — Рольф отворил перед Беннингом дверь каюты. — Я приготовлю выпить, вино поможет тебе расслабиться.

Беннинг взял протянутый Рольфом бокал и выпил, думая о другом — о Терении, о себе, о грозном Скоплении Лебедя. Откинувшись на подушки, он еще немного поговорил с Рольфом и неизвестно заснул.

Нейл увидел сон, в котором он был одновременно двумя разными людьми. Он был собой, и он же был Валькаром, чья неясная, зловещая, желтоглазая фигура, одетая в диковинные одежды, росла и увеличи-

валась, а Нейл Бенниング уменьшался и превратился сначала в гнома, а затем в тварь не больше мыши. И тот Валькар гнал прочь этого Беннинга, неслышно кричавшего в окутывающей его густой тьме.

Сон был кошмаром, и Бенниング обрадовался, когда проснулся.

Его пробуждения ждал Сомхсей, терпеливо стоявший рядом с постелью как статуя. На вопрос Беннинга он ответил:

— Ты спал долго, господин. Очень долго. Рольф сделал так с помощью порошка, который положил в питье.

— Выходит, он дал мне снотворное? — рассердился Бенниング. — Он не имел права...

— Так надо было, господин. Тебе необходимо было отдохнуть, потому что теперь отдыха не будет, пока все не закончится.

Что-то в тоне арраки заставило Беннинга насторожиться.

— Сомхсей, — попросил он, — ты обладаешь способностями, в которых отказано людям. Не можешь ли ты предсказывать будущее?

Сомхсей покачал головой.

— Господин, не больше тебя или Рольфа могу я видеть сквозь стену времени. Но иногда через трещины в стене... — Он прервал себя. — Мы, как люди, видим сны. Возможно, и это не более чем сон.

— Расскажи мне! Расскажи, что ты видел через трещины!

— Господин, я видел небо в огне.

Бенниング поднялся с постели.

— Что это должно означать?

— Пока не знаю. Но, несомненно, мы все это узнаем скоро. — Сомхсей подошел к двери и открыл ее. — А сейчас иди, господин, — Валькара ждут в командной рубке.

Бенниング отправился туда далеко не в радужном расположении духа. В рубке у переднего видеоэкрана стояли Рольф и Бехрент, выглядевшие так, словно они, мучимые бессонницей, безуспешно пытались заснуть, не прибегая к снотворному. Они кивками приветствовали Беннинга, а, когда он присоединился к ним, Рольф, положив руку ему на плечо, указал на другой экран.

И там Бенниング увидел ясно очерченное и уже сейчас огромное, но все еще увеличивающееся по мере того, как он наблюдал, сверкающее звездное облако, ошеломляющее, невообразимое великолепие солнц, алых, золотых, изумрудно-зеленых, жемчужно-белых, голубых, раскинувшееся в бесконечности, как мантия самого Бога. В некоторых местах звезды были так близко друг от друга, что образовали одно большое, мягко светившееся пятно, и каждое такое пятно окружало темное облако, поглощавшее свет. И казалось, что мрак пытается пожрать звезды.

— На Земле, — тихо сказал Рольф, — это скопление, надо полагать, называют «Америкой» из-за его формы. И как странно звучит сейчас это название!

— Хотел бы я снова оказаться там, — совершенно искренне ответил Беннинг.

Бехрент, не отрываясь, смотрел на сияющее облако. Для него оно не было ни удивительным, ни сверкающим — для него оно было вызовом, на который — он знал это — он не мог ответить.

— Буря звезд, — сказал он. — Ревущий вихрь несущихся звезд, пыли, обломков, которые сталкиваются и разрываются гравитационными потоками. Самое бешеное скопление в Галактике... — Он обернулся к ним. — И Молот там?

— Да, — ответил Рольф. — Молот — там! — В голове его сейчас звенел металл.

Что до Беннинга, то при виде этого ужасающего места он почувствовал благоговейный страх перед таинственным оружием древних Валькаров, которое было приготовлено и спрятано там. Чем он мог быть, этот так странно названный Молот? Тот, о котором в Галактике шептались девяносто тысяч лет?

Мысли его вернулись к словам Сомхсея: «Господин, я видел небо в огне», и такие кошмарные видения предстали перед ним, что Беннингу едва удалось избавиться от наваждения.

— Молот там, — свирепо повторил Рольф, — и мы идем туда. Валькар проведет нас.

Беннинг почувствовал себя слабым и беспомощным.

— Пожалуй, нам следует еще раз поговорить с Джоммо.

Шагая по коридорам позади Рольфа, он знал — все бесполезно. Ему, Нейлу Беннингу ли, Валькару ли или им обоим вместе, — провести крейсер через звездные джунгли? Невозможно!

Когда они вошли в каюту, то увидели, что ненависть и гнев Джоммо не уменьшились, и все же Беннинг ощутил, что в Джоммо что-то изменилось. Железо начало гнуться.

Рольф молча подошел к стене и нажал кнопку. На открывшемся видеэкране хорошо видна была картина звездного шторма.

— Не трать на меня свою утонченность, Рольф, — с легким раздражением сказал Джоммо. — Я это уже видел.

— Во мне нет утонченности, — возразил Рольф. Никогда прежде его лицо не выглядело таким застывшим и мрачным. — Я просто иду вперед и делаю что могу. Ты знаешь, если я сказал, что мы собираемся идти в Скопление, мы пойдем туда. В своем уравнении ты можешь принять это за константу.

Джоммо внимательно посмотрел на Беннинга.

— Если я сделаю то, что ты требуешь, сразу ли мы получим свободу с Теренией?

— О нет, — с насмешкой ответил Рольф. — Не сразу... проклятые крейсеры все еще тащатся позади, и мы сразу окажемся в их власти. Нет, пока мы не выберемся обратно из Скопления.

— Он не хочет этого, он боится, — внезапно сказал Джоммо, по-прежнему глядя на Беннинга.

Беннинг знал, что это правда. И почувствовал ненависть к Джоммо.

— Я не боюсь, — ответил он. — И должен заметить, что, учитывая нашу скорость, у тебя мало времени.

Снова молчание. Наконец, Джоммо решительно махнул рукой.

— Я не могу допустить гибели Терени и сделаю, что ты просяишь. — Обращаясь к Рольфу, он добавил: — Но не взыщи, если выйдет не так, как ты рассчитываешь.

Лицо Рольфа помрачнело еще больше, хоть это и казалось невозможным.

— Слушай, Джоммо! Всем известно, что ты можешь играть с разумом человека, как ребенок с игрушкой. Но сейчас не умничай! Если память не вернется к Валькару полностью, если разум его не будет здоровым, без изъянов и слабостей, то Терения и ты долго не проживете.

— Обещаю, — сказал Джоммо, — что все будет так, как ты говоришь. И все же я знаю о разуме больше, чем ты. А вот ты... ты не знаешь, чтотворишь.

Он встал и внезапно превратился в спокойного, уверенного ученого. Он сказал, какое оборудование необходимо и какая энергия понадобится. Выслушав его, Рольф кивнул и вышел. Беннинг остался. Его сердце бешено колотилось, ему не нравилась скрытая угроза, прозвучавшая в словах Джоммо, ему вообще все это очень не нравилось.

Машина, привезенная Рольфом, выглядела совсем просто. Тысячи человеческих жизней и мыслей, тысячи лет развития психологии и работы в звездных далеких мирах воплотились в эту вещь. Беннинг же в своем невежестве видел только кубический ящик с верньерами и странными кругами и овалами на лицевой стороне и предмет, похожий на массивный раздутый металлический шлем. Джоммо подвесил шлем к потолку и указал Беннингу на кресло. Когда Нейл молча опустился в него, огромный шлем был надет ему на голову.

Что именно на Беннинга обрушилось, он не знал, — возможно, электромагнитные волны неизвестного науке Земли вида. Что бы это ни было, оно вторглось в его мозг с неслышным грохотом, заставило сознание мчаться по сумасшедшей кривой и кружиться волчком в невероятной бездне. Боли не было. Было хуже, чем боль, — безумие скорости, света, полета, мрака, свистящий водоворот, который вращался в его черепе, но был достаточно велик, чтобы вобрать в себя Вселенную. По кругу, по кругу, все быстрее и быстрее, скользя и проваливаясь, беспомощно погружаясь в мучения, освобождалась память от барьеров, которые сгорали один за другим, и нейроны отдавали запертые в них знания.

Руки Сомхсея, обнимавшие его, лицо Сомхсея, очень большое, — над ним, и он сам — очень маленький и плачущий, потому что порезал колено.

Женщина. Терения? Нет, не Терения. Волосы женщины золотые и лицо ласковое. Мама. Давно...

Сломанное запястье, но не при падении с яблони в Гринвиле, что было одним из ложных воспоминаний, рушившихся и исчезавших под напором настоящих. Запястье было сломано во время неудачной посадки на одну из планет Алголя.

Руины. Багровый Антарес в небе, он, полуубнаженный подросток, бегающий наперегонки с арраки среди поверженных статуй Катуука, играющий со звездами, которые выпадали из их рук.

Ночи и дни, холод и жара, еда, сон, болезни, выздоровления, похвалы, наказания, учеба. Ты — Валькар — запомни это! И ты будешь править снова! Воспоминания за двадцать лет. Двадцать миллионов мыслей, взглядов, поступков, деталей.

Память о звуках и цветах, о прикосновениях к шелку и женскому телу, к коже и металлу, к нетленному пластику древних книг.

Терения. Девочка Терения, младше его — прекрасная, острозычная, ненавистная. Терения в саду, но не Зимнего дворца, а громадного сурового здания в столице, обрывающая лепестки пурпурного цветка и насмехающаяся над ним, потому что он — Валькар, который никогда не сидят на трон.

Прекрасная Терения. Терения в его объятиях, пока он губами щекотал ее губы — смеющаяся и переставшая смеяться, когда он поцеловал ее. Терения, не подозревавшая, как он ненавидел ее, как глубоко ее детские насмешки ранили его чувствительную гордость, не подозревавшая, как неистово он хотел ее сокрушить. Терения, верившая в то, что он говорил и делал, верившая в его любовь — это было легко, потому что кто же мог не любить Терению, не быть ее добровольным рабом? — допустившая его в закрытые подвалы, где хранились древние архивы и в них — потерянный, забытый, спрятанный ключ к тайнам Валькаров.

Развалины тронного зала, открытые небу, задумчивое озеро, звезды, ночь и отец — скорее полубог, чем человек, далекий и могущественный, бородатый, с глазами сокола. В ту ночь отец — рядом с ним, указывающий на звезды, на Скопление Лебедя и говорящий:

— Сын мой, Молот Валькаров...

Воспоминания, воспоминания, несущиеся, ревущие, грохочущие.

Слова и поступки, факты — все аккуратно упаковано, а потом — пустота, провал, словно завеса опустилась... Лаборатория Джоммо... Одна жизнь кончилась и началась другая. Валькар умер, родился Нейл Беннинг.

Теперь, через десять долгих лет Валькар вновь родился. И не исчез-

ли ни Нейл Беннинг, ни те десять лет, которые теперь принадлежали им обоим. И оба они, Валькар и Беннинг, закричали как один человек:

— Я вспомнил! О боже, я вспомнил! Я знаю, что такое Молот!

ГЛАВА 10

Он очнулся.

Теперь он знал, кто он. Он — Кайл Валькар. Но он также по-прежнему Нейл Беннинг! Воспоминания Беннинга последних десяти лет оставались с ним. Они были гораздо сильнее и живее, чем воспоминания Валькара о двадцатилетнем прошлом!

Невозможно в один миг отбросить свое «я», принадлежащее нью-йоркскому парню. Он продолжал думать о себе как о Нейле Беннинге.

— Кайл! — голос Рольфа хрипел от волнения, — Кайл?!

Беннинг открыл глаза. Шлема на голове не было, он увидел склонившееся над ним встревоженное лицо Рольфа. Чуть поодаль стоял пристально глядевший на него Джоммо. На его лице невозможно было что-либо прочесть.

— Кайл, ты вспомнил о Молоте?! — Рольф кричал. — Где он? Как добраться туда? Что это?

Беннинг почувствовал, как его охватывает ужас. Да, он все вспомнил, и вспомнил слишком хорошо: своего отца Валькара в давние годы, учившего его по звездной карте, которая висела на стене разрушенного дворца:

«...желтое солнце по соседству с тройной звездой, что сразу за дальней границей Мрака. Только приближайся с зенита, иначе пыль изрешетит твой корабль...»

Да, он вспомнил все. И не только это. Он вспомнил то, о чем хотел бы забыть, — тайну Молота, которую во всей Галактике знал только он.

Часть его, остававшаяся Нейлом Беннингом, в ужасе отшатнулась от того, что помнил Валькар. Нет, человек не мог задумать и создать такое, предназначеннное для уничтожения Галактики, для разрушения...

Не следует думать об этом, иначе его и так перегруженный мозг не выдержит. Это не может быть правдой. Даже Валькары древности, шагавшие по Галактике как полубоги, даже они не могли отважиться на попытку овладеть такой мощью!

Рольф встремхнул его за плечи.

— Кайл, вернись! Мы подходим к Скоплению, остались минуты, и все зависит от тебя. Ты вспомнил?

Беннинг заставил себя говорить, с трудом шевеля неповинующимися губами:

— Да... Я вспомнил... Достаточно хорошо, чтобы провести корабль через Скопление... Я так думаю...

Рольф поднял его на ноги...

— Тогда идем! Ты необходим в рубке!

Беннинг, не полностью оправившийся, с трудом шел за Рольфом. Когда они вошли в рубку, вид на переднем экране потряс его. Он понял всю опасность их положения и необходимость немедленных действий.

Пока его разум был затерян в водовороте времени, «Солнечное пламя» мчалось на предельной скорости к Скоплению Лебедя и теперь они уже вошли в его окраины. Миллионы солнц поглотили корабль, и он затерялся среди них, как пылинка теряется в огромном облаке себе подобных.

К счастью, Мрак был в этом квадрате, Мрак, за которым тройная звезда, рядом с ней желтое солнце, а на одной из его планет — ужасный Молот.

Нет. Сейчас нет времени для колебаний, для страха. Позже, если ты останешься жив, ты сможешь рассуждать и все взвесить.

Но сможешь ли? И что ты сделаешь, когда нельзя будет и дальше уклоняться и откладывать, когда тебе придется взять в руки управление Молотом?

На Беннинга были устремлены взгляды Бехрента, Рольфа, техников, их лица странно блестели от света созвездия.

— Корабль ваш, — тихо сказал Бехрент.

Беннинг кивнул. На мигта часть его, которая была Нейлом, отпрянула в ужасе и неведении, но разбуженный Валькар сначала бросил взгляд на окружающее крейсер множество звезд, а потом на экран, где были данные о полете. Мужчина, сидевший за пультом, смотрел на Беннинга, с его лба стекали крупные капли пота. Беннинг занял место управления.

И память вернула его прошлое, позабытые знания, оживила умершие навыки. Его пальцы чувствовали каждую клавишу, ощущали пульс и дрожание корабля.

Он знал, что делать. Он снова был Валькаром, снова был юным и швырял бешено мчавшийся корабль между дикими солнцами Геркулеса, неся через туманность Ориона, мог хладнокровно рассуждать и мгновенно принимать единственно правильное решение — учился всему, что когда-либо поможет ему пройти через Скопление Лебедя и...

Нет! Не думай об этом! Управляй кораблем, веди его вперед. Теперь ты должен выполнить свой долг, тебе нельзя умереть. Ты должен продолжить то, что создали Валькары.

И кроме того, здесь Терения. Ты отвечаешь и за ее жизнь.

Управляй кораблем! Веди его вперед!

«Солнечное пламя», крошечная пылинка, устремилось в горнило Скопления. Там, снаружи, за звездами, окаймляющими Скопление, корабли имперских сил замедлили ход и неподвижно повисли в пустоте. В сотнях командных рубок сотни капитанов, пораженные, смотрели, как маленькая блестка уходит с экранов их радаров, теряясь в звездном урагане. Они бессильны были что-либо сделать.

Под руками Бенninga — под руками Валькара — напряжение силового поля, несшего крейсер, то возрастало, то уменьшалось, непрерывно компенсируя огромное тяготение звезд-чудовищ, горящих зеленым, красным, золотым пламенем, проносящихся в диком танце за иллюминатором. Тишину нарушала лишь пульсация генераторов и биение человеческих сердец. Корабль плыл в гравитационном потоке. Понемногу толчая звезд уменьшилась, и перед ним открылся Мрак — черное облако, глубоко врезавшееся в тело Скопления.

Валькар вспоминал. Трехмерные координаты с поправкой в четвертом измерении на миновавшие девяносто тысячелетий. Повороты, спирали, возвращения назад — сложная ткань окольного пути в Скоплении, каждый компонент которого неизгладимо отпечатался в его мозгу.

Он слышал, как Рольф сказал:

— Неудивительно, что до сих пор никто не проник сюда! Только войти в Скопление — самоубийство, а тем более такой танец...

Корабль подошел к дальней границе Мрака, появились новые звезды, и среди них — тройная звезда, красный гигант с двумя спутниками, изумрудно-зеленым и сапфиро-синим. А там, за тройной звездой, — желтое солнце.

«...только приближайся с зенита, иначе пыль изрешетит корабль...»

Звезда типа С при нормальных условиях должна иметь по крайней мере одну планету земного типа. И такая планета вращалась вокруг желтого солнца. Бенning направил к ней корабль, думая о нелепом совпадении — эта звезда, затерявшаяся в глубинах дикого Скопления Лебедя, так напоминала Солнце, а зеленая планета, плавающая вокруг своего светила, была так похожа на Землю...

Корабль погружался в атмосферу, как камень в воду, под ними проплывало Западное полушарие планеты, ощетинившееся горными пирамидами.

За горной грядой, которой раньше не было (разве что-нибудь может быть стабильным в этой изменчивой Вселенной), на половине полушария раскинулось плато очень древней формации. Плато было ровным и пустым, а в центре его стояло мрачное сооружение.

Бенning посадил «Солнечное пламя» рядом с ним. Он чувствовал себя старым, как время, и очень усталым. Вздох всеобщего облегчения прошел по кораблю, раздались слегка возбужденные голоса людей, радующихся избавлению от гибели. Бехрент, Рольф, техники и офи-

церы столпились вокруг Беннинга. Он поднялся, тряхнул головой и отстранил собравшихся. Рольф начал было выкрикивать какие-то слова, восхваляющие Беннинга, но он взглядом остановил его, и Рольф умолк.

— Возьми Джоммо и Терению, — сказал ему Беннинг. — Они имеют право увидеть конец, они ведь тоже проделали трудный и долгий путь.

Беннинг повернулся и пошел по коридору к воздушному шлюзу. Он был один, не считая своей двойной тени — обоих арраков. Он приказал открыть люк и шагнул наружу в свежий аромат чистого воздуха, которым никогда не дышал человек. За исключением единственного раза.

Беннинг шел по бесплодной равнине. Солнце высоко висело в голубом небе, на котором кое-где виднелись пятна небольших облаков. «Именно такое небо, — подумал он, — было в тот день на Земле над Гринвилем». Он вздрогнул, воздух вдруг показался холодным. А перед ним черной громадой возвышалось мрачное и могучее сооружение, тысячетелетие назад созданное человеком.

— Конечно, человеком, — негромко повторил за его спиной Сомхсей, эхом отзываясь на мысли Беннинга. — Разве кто-нибудь еще способен додуматься до такого?

Беннинг повернулся к нему:

— Теперь я знаю, что значит увиденное тобой небо в огне. — Лицо Беннинга стало белым от волнения. Он понимал, что от него зависит жизнь миров, звезд, людей, полулюдей — всех существ Галактики.

Сомхсей наклонил голову.

— Ты знаешь, что делаешь.

Из корабля в сопровождении Рольфа вышли Джоммо и Терения. Они направились к Беннингу. Свежий ветер разевал их волосы и трепал одежду.

Лицо Беннинга было сосредоточенно, оно исказилось как от боли. Он снова двинулся к Молоту.

Устремленный ввысь, он стоял на платформе величиной в Манхэттен, по крайней мере такой она показалась ошеломленному Беннингу. Чем-то Молот походил на... Нет, он ни на что не походил. Он был первым и единственным Молотом, экспериментом в затерянном секретном месте, где было достаточно материала для его создания и откуда он мог достичь любой точки Галактики.

Беннинг поднялся на платформу по лестнице, изготовленной каким-то волшебником из сплава металла с керамикой и способной просуществовать дольше, чем планета. Платформа была сделана из материала, который не поддается никаким воздействиям.

Внутрь Молота вела дверь тоже из металлокерамического сплава,

а за ней были пульты управления и могучие механизмы, черпавшие энергию из магнитного поля самой планеты.

Повернувшись к Сомхсею, Бенниング резко приказал:

— Не впускать сюда никого!

Арраки посмотрел на него. Какое чувство было в его странных глазах: любовь, вера, отвращение, ужас?

Мысли Бенningа лихорадочно путались, горло болезненно сжималось, руки тряслись.

Сейчас, теперь! Быть Старой империи и трону Валькаров под сенью знамен с изображением пылающего солнца? Или отдать на милость Джоммо и Терении не только себя, но и Рольфа, Бехрента и всех остальных?

Бенниング положил руку на грудь и нашупал на тунике сверкающий драгоценными камнями символ — пылающее солнце. Он внезапно рванулся в чрево Молота, к рычагам древних машин, сдерживающих мощь грозной машины.

Он помнил все тысячелетиями передававшиеся от отцов к сыновьям записи в древних книгах. Они горели в его мозгу, глубоко вытравленные жгучей кислотой себялюбия и тщеславия. Он помнил все — и руки его работали быстро.

Вскоре он спустился вниз по лестнице, где его ждали Джоммо, Терения, Рольф и арраки — пятеро свидетелей конца мира.

Рольф набросился с вопросами, но Бенниング остановил его и посмотрел вверх.

С колоссального указательного пальца Молота сорвалась гигантская молния темно-красного цвета. Она метнулась к ярко сияющему в небесах желтому солнцу — и исчезла.

И больше ничего.

Бенниング почувствовал, что ноги его становятся ватными. Он понял ужас свершившегося. Он сделал то, что никогда не делал ни один человек, — и ужаснулся великому святотатству.

К нему повернулся Рольф. Терения и Джоммо недоумевали. Они были расстроены.

— Он не действует? — спросил Рольф. Его лицо выражало сильное нетерпение. — Молот, он...

Бенниング не смотрел на Рольфа, он смотрел на растущее пятно, появившееся на желтом диске и подчеркивающее яркость солнечного пламени. Ужас от содеянного нарастал в Нейле. Он заставил себя говорить.

— Он в исправности, Рольф. Боже, лучше бы он не работал...

— Но как?! Что...

— Молот... — хрюкло произнес Бенниング. — Он разбивает звезды.

Они не сразу поняли. Это не вмещалось в их разум. Да и как могли

они понять это, если его собственный разум с трудом постигал случившееся.

Он должен заставить их поверить. Жизнь или смерть зависят теперь от этого.

— Звезды... — с трудом начал он, — практически любая из них потенциально нестабильна. Ее ядро служит топкой, где горит главным образом водород. Ядро окружает массивная оболочка более холодной материи с высоким содержанием водорода. Рвущаяся наружу энергия центральной топки удерживает холодную оболочку от коллапса.

Они слушали, но их лица ничего не выражали, они не понимали, а он должен заставить их понять во что бы то ни стало.

Беннинг уже не мог сдерживать себя. Он кричал:

— Молот, выбрасывающий луч, почти ничто в сравнении с массой звезды, но этого укола достаточно, чтобы открыть путь энергии ядра к поверхности. А без давления, создаваемого этой энергией и удерживающей оболочкой...

Выражение понимания, смешанного с благоговейным страхом, появилось на лице Джоммо.

— Оболочка обрушится внутрь, — прошептал он.

— Да, да. И ты знаешь, что будет потом.

Губы Джоммо двигались с видимым усилием.

— Холодная оболочка, которая обрушивается в сверхгорячее ядро, — причина появления новой...

— Новой?! — Рольф наконец понял, и по его глазам было видно, как это ошеломило его. — Так Молот может одолеть любую звезду?

— Да!

Несколько секунд ужасающая дерзость мысли не позволяла Рольфу думать о чем-либо еще.

— Господи, Молот Валькаров... Он может уничтожить звезду и все ее планеты...

Джоммо уже оправился от первой реакции и вернулся к реальности. Он смотрел на Беннинга.

— Ты использовал его для этой звезды? И эта звезда станет новой?

— Да. Коллапс, должно быть, уже начался. У нас в запасе несколько часов, не больше. К тому времени нам надо быть как можно дальше от этой системы.

Теперь Рольф понял все. Он смотрел на Беннинга так, словно увидел его впервые.

— Кайл... Молот... Мы не можем взять его, он слишком огромен... значит, он погибнет, когда погибнет планета?

— Да, Рольф.

— Ты... уничтожил Молот?

— Да, когда этот мир погибнет, а это произойдет через несколько часов, вместе с ним погибнет и Молот.

Беннинг ожидал от Рольфа, что он закричит, начнет его отчаянно упрекать, даже ударит, а возможно, и убьет. Ведь то, что он уничтожил, было жизнью Рольфа, жизнью-надеждой найти и достичнуть Молота, который поможет вложить власть в руки древней династии. И все пошло прахом — все горькие годы адского труда, поисков и борьбы.

Широкие плечи Рольфа опустились. На его массивном, сразу постаревшем лице появилось выражение печали. Голос звучал безжизненно и тускло, когда он произнес:

— Ты должен был так поступить, Кайл.

Сердце Беннинга подпрыгнуло.

— Рольф, значит, ты понял?

Рольф медленно кивнул.

— Древние Валькары зашли слишком далеко. Боже, неудивительно, что Галактика воссталла против Старой империи! Убивать звезды — слишком ужасно, слишком несправедливо... — После секундного молчания он с трудом добавил: — Но это нелегко — отказываться от мечты...

Терения смотрела на него широко открытыми изумленными глазами, и краска волнения вспыхнула на ее подвижном лице. Она шагнула вперед и схватила руку Беннинга.

— Кайл Валькар, — нерешительно сказал Джоммо, — не отказался бы от такой мечты. Но ты стал другим человеком, ты — землянин. Это единственное, на что я надеялся, восстанавливая твою память.

За это время, такое краткое, но показавшееся таким долгим, вокруг потемнело.

Беннинг посмотрел вверх.

Вид желтого солнца становился угрожающим. Оно потускнело, как будто на него набросили вуаль, так облачко может служить предвестником бури. Лица людей посерели в меркнувшем свете. Сомхсей и Киш, уродливые и спокойные, молча ждали. Очертания зловещей громады безжалостного Молота теряли свою четкость.

— У нас мало времени, — заставил себя говорить Беннинг. — Его может оказаться меньше, чем я рассчитывал. Нам лучше улететь поскорее.

Они поспешили к «Солнечному пламени». И вдруг страх охватил Беннинга, страх, которого никогда не приходилось испытывать человеку. Звезда вот-вот взорвется, и тогда планета, по которой они сейчас идут, исчезнет, сгорит, как сгорает бабочка в пламени камина. К кораблю они уже подбегали.

Беннинг, едва сев за пульт, рванул крейсер вверх с сумасшедшей скоростью. Усилием воли он унял дрожь в руках, теперь от них снова зависели жизни людей на корабле. Он вел корабль все дальше и дальше, а желтое солнце тускнело все сильнее...

— Не смотреть! — крикнул Джоммо. — Светофильтры — на экраны! Светофильтры! Быстро!

Гигантская волна неистовой энергии хлестнула по силовому полю, и корабль вышел из повиновения. Бенниング, яростно нажимавший на клавиши, мельком видел звезды, в безумном хороводе мчавшиеся через затемненные экраны. И, по мере того как корабль вращался, в поле зрения людей попадала оставленная ими желтая звезда.

Она росла — космический огненный цветок, разворачивающий свой смертоносный бутон с поражающей быстротой. Она заставила поблекнуть сияние Скопления, а Мрак зловеще заблестел отраженным светом. Казалось, вся Галактика, содрогаясь, отшатнулась от взрывающейся звезды.

Звезды, которую убил Бенниング...

Корабль продолжало крутить, швырять, трясти, как лодку в бурю, и вскоре страшное зрелище исчезло из виду.

Тройка звезд — зеленая, красная, голубая — возникла в грозной близости, крейсер неслышно на них. Бенниング ударил по клавишам и кинул корабль вверх, но он сорвался, и снова Бенниング повел борьбу с ним.

Ему казалось, что он обречен вечно сражаться с клавишами, с обезумевшими и бесполезными символами на экране, с мощью разрушенной звезды, которая как будто стремилась догнать и уничтожить человека, взорвавшего ее, как она уже уничтожила свои планеты и Молот.

Медленно сознание Беннинга начало воспринимать что-то помимо клавиш под пальцами, и он понял, что самые сильные волны энергии прошли, что «Солнечное пламя» практически обрело устойчивость и удаляется от пожара, охватившего почти все небо.

Рольф заговорил с ним, но он его не услышал. Рольф схватил его за плечи, закричал прямо в ухо, и по-прежнему Бенниング его не слышал. С ним заговорила женщина, но и для нее он оставался глух и слеп.

Наконец до Беннинга все же дошел голос, знакомый ему с далеких времен, скорее не голос, а шепот, но этот шепот проник сквозь преграду, которую не могли пробить крики других.

— Все свершилось, господин. И корабль в безопасности.

Бенниング медленно повернулся и увидел мудрые и любящие глаза Сомхсея. Он перевел взгляд на видеоэкран. Крейсер мчался через окраины Скопления, и перед ним открывались широкие просторы свободного Космоса.

За спиной Нейла встревоженно суетился Бехрент, готовый принять управление. Бенниング понял — они боялись за его разум.

Он поднялся, и за пульт сел Бехрент. Бенниング обвел глазами бледные лица, а затем перевел взгляд на задний видеоэкран. Там, далеко позади, он увидел за дальней границей Мрака великолепный погребальный костер.

— Кайл, — хрипло позвал Рольф. — Кайл, послушай...

Беннинг не слушал. Он убил звезду, и теперь на нем лежит бремя вины, ему невыносимо видеть их лица и слушать их утешения.

Он тяжело прошел в каюту и закрыл иллюминатор, чтобы не видеть дело своих рук.

Крейсер мчался вперед. Казалось, прошла вечность, прежде чем открылась дверь и вошла Терения.

— Кайл, Кайл!

Он поднял взгляд. Ее лицо было бледным и немного странным. Ненависть и гнев исчезли с него. Он вспомнил, что собирался поговорить с ней.

— Терения, Рольф, Хорин и все остальные...

— Да, Кайл?

— Они пошли за мной, а я обманул их ожидания, уничтожил их единственную надежду.

— Они должны понять, что ты не мог поступить иначе! Ты сделал это для Галактики!

— Знаю. Но я был их вождем. Я хочу сделать тебе предложение. Ты и Джоммо перейдете в корабль вашего флота, который ждет нас. Я пойду с вами. Но всем остальным — полное прощение.

— Пусть будет так, Кайл.

— Терения, скажи об этом Рольфу сама.

Когда она вернулась, с ней были Рольф, Джоммо, Сомхсей. Рольф быстро взглянул на Беннинга и вздохнул.

Терения заговорила с ним, и брови Рольфа сдвинулись.

— Пощада нам и смерть Валькару? Нет!

— В своих мыслях она не желает смерти Валькару, — шепнул Сомхсей.

— Нет! — сказала Терения. — Нет.

Беннинг первый раз внимательно разглядывал ее лицо. Он увидел в нем то, что показалось ему невероятным.

— Могут ли минувшие годы и человек вместе с ними вернуться из прошлого, Терения?

В ее глазах появились слезы, но голос остался твердым.

— Не человек из прошлого и не Кайл Валькар. Его я не смогла бы полюбить снова, но...

Джоммо вздохнул.

— Ну что ж. — Он отвернулся с опечаленным лицом, потом повернулся обратно и протянул руку. — Я ненавидел Валькара. Но я сделал его другим человеком и думаю, что с этим человеком я мог бы сотрудничать.

Рольф изумленно смотрел на Беннинга, на Терению.

— Я думал, что в лучшем случае вы отправите его обратно на Землю!

— Оставим пока Землю, — сказала Терения. — Когда-нибудь —

этого не так долго осталось ждать — империя придет туда с дружбой. Но не сейчас. И не Валькар. Он человек звезд, как и все вы. Добро пожаловать, если пожелаете, к себе домой. Не в Старую и не в Новую, а просто в империю.

— Клянусь небесами! — воскликнул Рольф. — Так, значит, Валькар все же может сесть на трон?

Прежняя имперская гордость вспыхнула в глазах Терени.

— Не на трон, нет! — Ее лицо, обращенное к Беннингу, выражало радостное волнение.

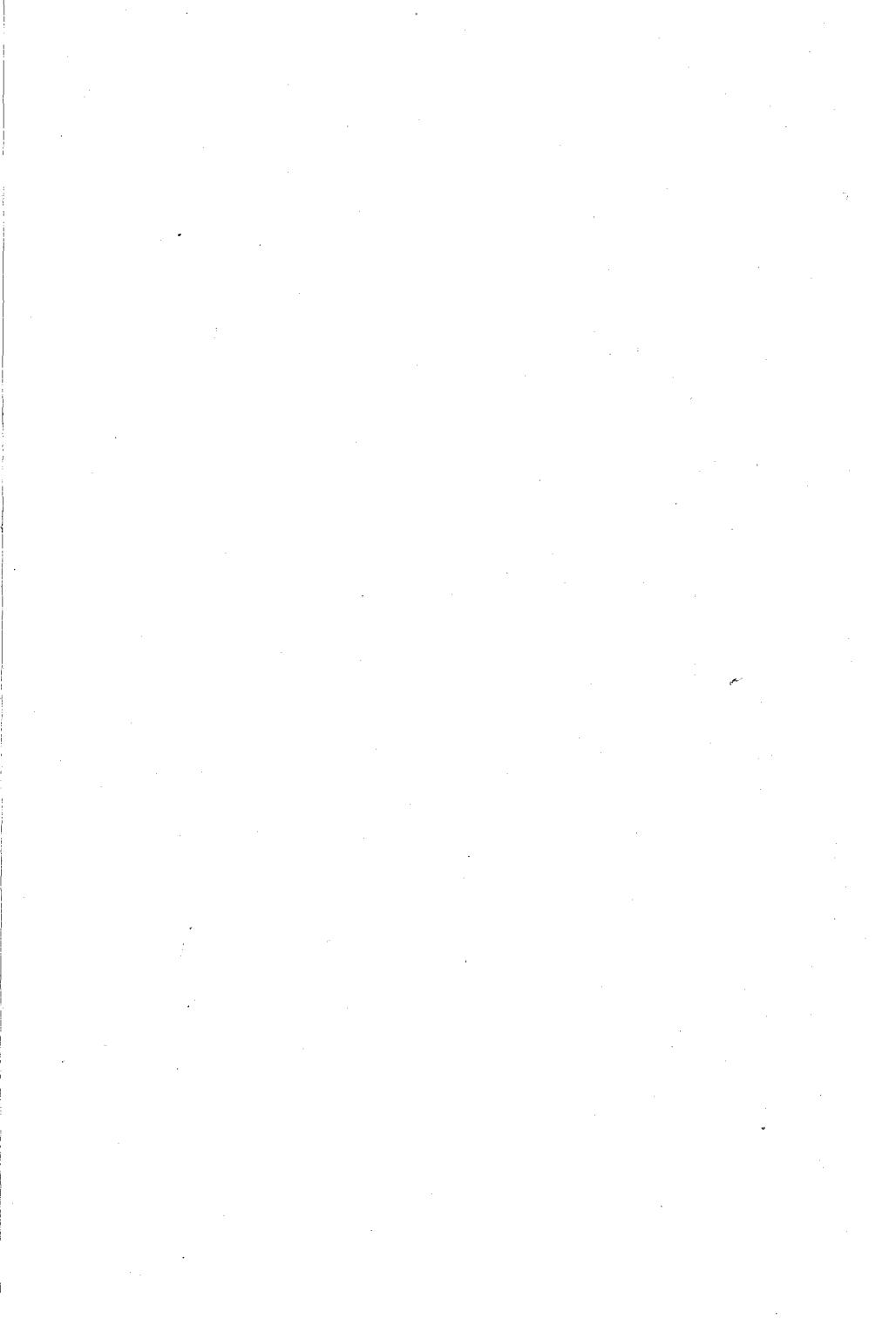
Беннинг взял Терению за руку. Они не были влюбленными, пока они были едва знакомыми, ведь он не тот человек, которого она когда-то любила. Но, может быть, новый человек — Беннинг-Валькар сможет завоевать то, что когда-то завоевал и оттолкнул Валькар.

Какой далекой казалась теперь Земля и годы, проведенные там! Эти годы изменили его, и, как оказалось, не в худшую сторону.

Здесь, в сияющих межзвездных просторах, были его дом, родина, его будущее.

Ли Брекет

**МАРСИАНСКИЙ
ГЛАДИАТОР**

Барк Винтерс не выходил из пассажирского купе, пока «Старфлайт» производил посадку в космопорту города Кахора. Он не мог смотреть, как другой человек, пусть даже его близкий друг Джонни Нилс, командует кораблем, который так долго был в его подчинении.

Ему не хотелось прощаться с Джонни, но этого нельзя было избежать. Молодой офицер ждал его внизу у сходней. Улыбнувшись, Барк, однако, не смог скрыть плохо сдерживаемого раздражения.

Джонни протянул ему руку.

— До скорого, Барк. Ты заслужил отдых. Воспользуйся им как следует.

Барк Винтерс окинул глазами огромное пространство для посадки, которое тянулось на многие километры по охранной зоне пустыни. На первый взгляд в беспорядке, а на самом деле — каждая на своем месте гудели машины: грузовики, платформы, наполненные людьми, воздушные суда всех типов: грузовые и элегантные пассажирские вроде «Старфлайта». На них были флаги трех планет и десятка колоний с преобладанием расцветок Земли. Флаги громко хлопали на ветру.

Джонни проследил за его взглядом.

— Это всегда производит впечатление, не так ли? — мягко спросил он.

Винтерс не ответил, думая о другом... За много километров отсюда, вдали от оглушительного шума космопорта, поднимался блеск стеклянного купола Кахора, коммерческого города Марса, как драгоценность среди груды красных песков. Маленько солнце устало оглядывало город и древние холмы. Над ними проносился ветер. Казалось, будто планета терпеливо переносит присутствие Кахора и его космопорта, как какое-нибудь временное недоразумение, которое скоро рассеется.

Барк Винтерс совсем забыл о Джонни Нилсе: он забыл обо всем, погрузившись в мрачные мысли. Молодой офицер смотрел на него — Барк чувствовал это — с тайной жалостью.

Барк Винтерс был высоким, сильным и волевым человеком. Его характер сформировали долгие годы космических полетов. Жесткий космический свет, бьющий без всяких фильтров, окрасил его кожу в темный цвет и почти добела обесцветил волосы. В последние месяцы серые глаза Барка, казалось, взяли маленькую толику жесткости от

этого безжалостного излучения, а характер, прежде легкий и покладистый, приобрел черты неврастеника.

Складки вокруг его рта, которые раньше появлялись лишь при улыбке, углубились и теперь придавали лицу измученное выражение.

Этот человек, большой и энергичный, потерял способность держать себя в руках. С тех пор как Барк отбыл с Земли, он беспрерывно курил маленькие валерьяновые сигареты — болеутоляющее средство. Однако они не успокаивали. Не исчезали дрожание рук и нервный тик, дергающий правое веко.

Голос Джонни вывел Винтерса из состояния задумчивости:

— Барк... конечно, это не мое дело, но... — Он замялся. — Ты уверен, что на Марсе тебе будет сейчас хорошо?

Винтерс ответил резко:

— Хорошенько заботься о «Старфлайте», Джонни. До свидания.

И он ушел, провожаемый взглядом Нилса. Подошел помощник.

— Этот парень вот-вот рухнет, это уж точно, — сказал он.

Джонни кивнул. Ему было не по себе, так как он поднялся в чине под командой Винтерса, а кроме того, помнил, что когда-то восхищался им.

— Не надо было ему возвращаться сюда. — Джонни огляделся: вокруг — бескрайние просторы Марса, который он давно ненавидел. — Его возлюбленная пропала где-то там, — добавил он. — Ее тела так и не нашли. С тех пор Барк словно помешался.

Такси увезло Барка Винтерса из космопорта в Кахор. Он снова вернулся в мир торговых городов, которые принадлежали всем планетам.

Быа на Венере, Нью-Йорк на Земле, город Солнца на Сумеречном пояссе Меркурия, гласитовые убежища внешних миров — все они были одинаковы. Каждый являл собой средоточие наживы: в них царил культ денег. Здесь мужчины и женщины со всей Солнечной системы с лихорадочным азартом выигрывали и проигрывали миллионы, подчас с легким сердцем.

Но в торговых городах не только зарабатывали деньги. Здесь можно было окунуться во все удовольствия и пороки, созданные цивилизациями многих миров. Великолепные дома из пластика, сады, воздушные террасы поражали роскошью, но производили впечатление чего-то нереального. В этих местах слова, одежда, даже воздух казались искусственными.

Винтерсу претил коммерческий дух этих городов. Он привык к ясности и честности Космоса и потому презирал все, чем была наполнена жизнь в городах.

У него была еще одна, более веская причина для презрения...

Барк с лихорадочной поспешностью покинул Нью-Йорк и приехал в Каход, и теперь ему не терпелось поскорее очутиться там, где, как он считал, ему немедленно нужно быть. Будучи в нервном напряжении, он сидел в машине на краешке сиденья, и его возбуждение увеличивалось с каждой минутой.

Когда Барк наконец добрался до места назначения, он даже не мог удержать в руке деньги для оплаты проезда — пластиковые жетоны упали, и шофер стал подбирать их с пола машины.

Барк остановился на секунду, разглядывая фасад, выкрашенный под слоновую кость. Поверхность фасада была исключительно гладкой, и сам дом, без украшений и архитектурных излишеств, поражал простотой, но простотой явно дорогостоящей. Над дверью мелкими буквами, поблескивающими серебром, было написано одно марсианско слово: ШАНГА.

— Возврат, — перевел Барк. — Ход назад.

Странная, даже страшная улыбка мелькнула на его лице и тут же погасла. Он открыл дверь и вошел в дом.

Рассеянный свет, удобные диваны, тихая музыка. В гостиной находился человек пять-шесть: мужчины и женщины — все земляне. На них были надеты простого покрова элегантные белые туники торговых городов. И лишь великолепные дорогостоящие драгоценности, украшающие их, говорили о том, что эти люди богаты.

Лица их, бледные и изнеженные, несли на себе отпечаток жизни, наполненной погоней за наслаждениями, что было свойственно эпохе «модерн».

Перед глясситовым письменным столом сидела женщина-марсианска с красивым матовым лицом. Однако красота ее производила впечатление поддельной. На ней было короткое марсианско платье без всякого орнамента, старинное, но искусно подогнанное под современную моду. Она взглянула на Барка Винтерса и заученно улыбнулась. Однако в глубине топазовых глаз женщины можно было прочесть презрение и надменность, унаследованные от предков. Рядом с ней утонченные земляне торговых городов выглядели неотесанными плебеями.

— Капитан Винтерс! Как приятно снова увидеть вас! — Любезность женщины была чисто профессиональной.

— Я хотел бы повидать Кора Хала, — сказал Барк, — и немедленно.

— Боюсь, что... — начала она, но, снова взглянув в лицо Винтерсу, произнесла: — Можете пройти.

Он толкнул дверь, ведущую внутрь дома, в помещение, которое почти целиком состояло из огромного солярия, окруженного глясситовыми стенами. По бокам виднелось множество маленьких кабин, потолок которых был сделан из кварца.

Идя вдоль прозрачных стен солярия к кабинету Кора Хала, Винтерс смотрел на все с презрительной гримасой.

Здесь в изобилии росли экзотические растения и деревья. Яркие цветы, папоротники, прекрасный мягкий зеленый газон, множество птиц — все это создавало природный фон.

Барк знал, что в этом доме проходили курс специального лечения приверженцы Шанга. Сначала их укладывали в кабинах на обитые мягкими тканями столы и подвергали воздействию нейропсихической радиации — так называли ее врачи.

Таким способом, уходящим в глубокую древность, лечили издерганную нервную систему современного человека, уставшего от слишком быстрых ритмов все усложняющейся жизни.

Вы лежите в кабинете, и с вами начинают происходить странные, но приятные вещи. Очень скоро вы почувствуете, как изменилось все ваше существо. Исчезла перевозбужденность, исчезли заботы — человек возвращается в безмятежное детство... Шанга... Возврат к прошлому, возврат к простому и здоровому образу жизни на лоне природы...

Впоследствии, обретя равновесие, человек еще долго чувствует себя счастливым и бодрым: он окунулся в волны священного забытья...

...Белые ухоженные тела, нелепо обряженные в звериные шкуры и обмотанные цветными тканями... Время этих людей проходило в праздности. Все их заботы ограничивались едой, любовью, прогулками под сенью деревьев и играми...

Случалось, кто-нибудь заходил слишком далеко по этой дороге назад. Тогда незаметные сторожа применяли парализующие пистолеты. Винтерс вспомнил: в свой последний визит он получил серьезное предупреждение за попытку убить человека — по крайней мере так ему сказали. Впоследствии люди обычно не помнили почти ничего, что происходило с ними в состоянии Шанга. Шанга... Своего рода наркотик, порок, одетый в элегантные одежды... Земляне, жаждущие убежать от сложностей жизни, были без ума от Шанга.

Но только земляне. Только они жаждали предаваться этому греху. Жители Венеры сами были на стадии первобытного существования, а потому не нуждались в Шанга. Марсиане же, имевшие древнюю цивилизацию, были слишком изощрены в пороках, чтобы поддаться искушению уйти в прошлое. «Кроме того, — подумал Барк, — это они сотворили Шанга. Они знают!..»

Мурашки пробежали по его коже, когда он вошел в кабинет Кора Хала, директора. Тот учтиво поклонился, и заученная улыбка, уже знакомая землянину, раздвинула губы хозяина.

Кор Хал был стройным смуглым человеком неопределенного возраста. Его происхождение растворилось в складках скромной белоснежной туники. Он был марсианином, и его вежливость представляла собой бархатный футляр, ножны, скрывающие ледяную сталь.

— Капитан Винтерс! — приветствовал он. — Садитесь, пожалуйста.

Винтерс сел. Кор Хал стал внимательно вглядываться в лицо Барка, словно изучая его.

— У вас плохо с нервами, капитан. Но я опасаюсь лечить вас снова. Атавизм в вас лежит слишком близко к поверхности. — Он пожал плечами. — Вы помните, что было в последний раз?

Винтерс кивнул.

— То же самое случилось в Нью-Йорке. — Он наклонился к своему собеседнику. — Я и не хочу, чтобы вы меня лечили. То, что у вас здесь есть, — недостаточно для меня. Сэр Кри сказал мне, чтобы я возвращался на Марс и обратился к вам.

— Он поставил меня в известность, — спокойно произнес Кор Хал.

— Значит, вы...

Винтерс не окончил фразы, потому что находил слов.

Кор Хал молчал, откинувшись на спинку удобного кресла. Его лицо выражало полнейшее спокойствие. Только холодные зеленые глаза таили в себе плохо скрываемую усмешку — жесткую усмешку кота, который держит под лапой парализованную мышь.

— Вы понимаете, — спросил он наконец, — на что идете?

— Да.

— Люди различны, капитан Винтерс. Эти марионетки, — он указал на солярий, — без живого сердца, без горячей крови. Они — искусственный продукт искусственного окружения. Но такие люди, как вы, Винтерс, играют с огнем, если играют с Шанга.

— Послушайте, — сказал Винтерс, — женщина, на которой я собирался жениться, полетела однажды над пустыней на своем летательном аппарате и не вернулась. Один Бог знает, что с ней случилось. Я нашел разбившийся аппарат, но ее так и не нашел. Теперь для меня все неважно. Все, кроме забвения.

Кор Хал наклонил голову.

— Сочувствую. Жуткая трагедия, капитан Винтерс. Я ведь помню ее, мисс Леланд, очаровательную молодую женщину, она часто бывала здесь.

— Знаю, — сказал Винтерс. — По правде сказать, она была не из торгового города, но у нее было слишком много денег и слишком много свободного времени. Во всяком случае, я не боюсь играть в эту игру, Кор Хал, хотя уже обжегся на ней, и довольно жестоко. Как вы сказали, люди не одинаковы. Этим созданиям с лилейным цветом лица джунгли нужны для забавы, для развлечения, у них нет никакого желания идти дальше по дороге назад. Для этого нужна смелость, которой они не обладают.

В глазах Винтерса появился какой-то странный дикий блеск.

— Я хочу вернуться назад, Кор Хал, — продолжал он. — Так далеко, как Шанга может меня увести.

— Иногда, — сказал марсианин, — дорога оказывается длинной.

— Это мне безразлично.

Кор Хал пристально поглядел на него.

— Для некоторых возврата не бывает.

— У меня ничего не осталось, о чем бы я пожалел.

— Это нелегко, Винтерс. Шанга — настоящая Шанга, против которой эти солярии и кварцевые потолки лишь бледная копия, — уже много веков запрещена городами-государствами Марса. Сами понимаете, я рисую... Кроме того, есть другие проблемы... Одним словом, операции стоят дорого.

— У меня есть деньги. — Винтерс внезапно вскочил, теряя хладнокровие. — Подите вы к черту с вашими аргументами! Все это не более чем лицемерие. Вы прекрасно знаете, что ищут в Шанга. И я великолепно знаю, что, как только люди кладут деньги в ваши грязные лапы, вы даете им то, что они желают.

Он положил на стол чековую книжку. Первый чек был пуст, но подписан.

— Я предпочел бы наличными, — сказал Кор Хал, — и все сразу.

Барк Винтерс спросил только одним словом:

— Когда?

— Сегодня вечером, если хотите. Где вы остановились?

— В «Трех планетах».

— Пообедайте там, как обычно, а потом останьтесь в баре. Вечером к вам подойдет ваш проводник.

— Я буду ждать, — сказал Винтер прощаясь.

Кор Хал снова улыбнулся. У него были очень белые и очень острые зубы, напоминающие клыки голодного хищника.

Взошел Фобос, когда они незаметно покинули Кахор.

Они — это Барк и молодой марсианин, подошедший к нему в баре, «Три планеты». На частной стоянке их ждал летательный аппарат, в котором находились Кор Хал и незнакомый мужчина высокого роста, по внешнему виду похожий на варваров, что живут на севере Барракеша.

Винтерс понял, куда намереваются его увезти. Древние города порока, возникшие на таких же древних водных путях... Они не подчинялись законам городов-государств и были понемногу рассеяны повсюду: в Джакааре, Валкисе, Барракеше. В них процветала торговля краденым, рабами, женским телом. Землянам советовали держаться подальше от этих мест.

Управлял машиной Кор Хал. Бесконечно унылый пейзаж, над которым они пролетали, действовал Винтерсу на нервы. Никто не разговаривал, и это молчание становилось нестерпимым. Кор Хал, высокий

из Кеша и молодой марсианин, казалось, таили в своих мыслях что-то ужасающее зловещее.

Наконец Винтерс не выдержал и заговорил:

— Далеко еще до вашей штаб-квартиры?

Ответа не последовало.

— Зачем скрывать? — с раздражением сказал Винтерс. — В конце концов я сейчас один из ваших.

— Разве животные nocturne вместе с хозяевами? — холодно спросил молодой марсианин.

Винтерс готов был всыпить, но варвар положил руку на кинжал, что торчал у него за поясом, а Кор Хал обернулся и произнес ледяным тоном:

— Вы хотели познать на практике Шанга в ее истинной форме, капитан Винтерс. Вы заплатили за это, и вы это получите. Все остальное неважно.

Винтерс угрюмо насупился и пожал плечами. Он сидел, посасывая свою седативную сигарету, и больше не открывал рта.

Летели километры. Пустыню, казавшуюся бесконечной, сменили небольшие холмы, лишенные растительности. Вскоре показались горы. При свете лун дно высохшего моря, над которым они пролетали,казалось огромной темной впадиной. Меловые и коралловые прожилки, пробивавшиеся сквозь лилейник, напоминали кости мертвеца, проглядывающие через ссохшуюся кожу.

Наконец Винтерс увидел город, раскинувшийся вдоль холмов, между горами и морем. С высоты просматривались следы пяти портов, которые покидались людьми один за другим, по мере того как море отступало. Жители оставляли дома и уходили в другие места. Однако широкие каменные набережные еще сохранились.

Теперь дома группировались вдоль одного из самых глубоких каналов, где была сосредоточена жизнь. Было что-то бесконечно печальное в этой тонкой темной полоске воды — это все, что осталось от когда-то бурного голубого океана.

Планер описал круг и спустился. Высокий из Кеша что-то сказал на своем диалекте. Винтерс разобрал только одно слово: «Валкис». Кор Хал ответил ему и повернулся к Винтерсу.

— Нам недалеко идти. Держитесь подле меня.

Винтерс почувствовал, что за ним следят, и понял, что делается это не только ради его безопасности.

Дул сухой, порывистый ветер. Из-под ног поднимались облака пыли. Перед ними лежал Валкис. На холодном берегу темной массой громоздились камни, освещаемые серебристым светом двух лун. Поднявшись на один из них, Винтерс увидел полуразрушенные башни дворца.

Потом они шли мимо черной спокойной воды по мостовой, истертой

сандалиями бесчисленных поколений. Даже в этот поздний час Валкис не спал. Желтый свет факелов разбивал темноту ночи. Откуда-то доносились странная музыка. Улицы, проходы, узкие кровли домов — все было наполнено жизнью.

Гибкие худощавые мужчины, изящные женщины с искристыми глазами молча провожали безучастным взглядом незнакомых людей. Слышались звуки, характерные для городов Нижнего канала. Это был звон колокольчиков, которые женщины вплетали в свои длинные темные волосы и подвешивали к ушам и щиколоткам.

Винтерс чувствовал горячий пульс колдовского и беспокойного города, который, казалось, никогда не уставал. Ему стало страшно. Его городская одежда и белые туники спутников резко выделялись на фоне коротких блестящих юбок, поясов, украшенных драгоценными камнями, и обнаженных грудей.

Но никто не обращал на них внимания. Они вошли за Кором Халом в большой дом, и тот закрыл за ними дверь, окованную бронзой. Винтерс почувствовал глубокое облегчение и повернулся к Кору Халу.

— Скоро? — спросил он, пытаясь унять дрожь в руках.

— Все готово. Холк, проводи его!

Высокий из Кеша поклонился, и Винтерс пошел за ним.

Здесь ничто не напоминало зал в доме с серебряными буквами. За этими стенами из обтесанного камня мужчины и женщины жили, любили и умирали насильственной смертью. Много крови и слез собирались и высыхали в трещинах между плитами. Старинные занавеси и мебель, вероятно, стоили целое состояние. Они были все еще красивы печальной красотой ушедших веков.

Холк провел Барка на другой конец коридора, к бронзовой двери с узким отверстием, обнесенным решеткой. Здесь Холк остановился и сказал Барку:

— Раздевайтесь.

Винтерс заколебался. У него был револьвер, и он не хотел с ним расставаться.

— А почему здесь? Я хотел бы сохранить свою одежду.

— Раздевайтесь здесь, — повторил Холк. — Таково правило.

Винтерс повиновался.

Оставшись нагим, он вошел в узкую кабину. В ней не было обитого мягкой тканью стола, только несколько звериных шкур лежало на голом полу. На противоположной стороне, на стене, вырисовывалось темное отверстие с решеткой.

Бронзовая дверь закрылась за ним, и он услышал, как звякнул тяжелый засов. Стало абсолютно темно. Вот теперь Барк испугался по-настоящему. Но было уже поздно — назад пути не было. Настала минута, когда вся его прежняя жизнь потеряла смысл.

Собственно, эта минута настала тогда, когда исчезла Джил Леланд...

Барк лег на шкуры. Под сводами потолка что-то поблескивало. Скоро он увидел, что это призма, довольно большая, вырезанная из целого кристалла огненного цвета.

Через решетку послышался голос Кора Хала:

— Землянин!

— Да!

— Эта призма — одна из драгоценностей Шанга. Ее изготовили мастера из Каер Ду полмиллиона лет назад и унесли секрет обработки граней с собой. Остались только три такие драгоценности.

На стенах кабины вспыхивали, потрескивая, искры, красные, оранжевые, зеленовато-голубые. Маленькие вспышки огня Шанга, сжигающие сердце.

Винтерс вздрогнул от предчувствия какой-то неясной опасности.

— А лучи, проходящие через призму, той же породы, что и в Кахоре? — спросил он.

— Да. Тайна их проекции также исчезла вместе с Каер Ду. Наверное, древние мастера применяли космические лучи. Мы пользуемся для призмы обычным кварцем и можем давать довольно слабую радиацию для тех целей, которые преследуем в коммерческих городах.

— Кто это «мы», Кор Хал?

Кор Хал рассмеялся тихим и порочным смехом.

— Землянин, мы — это Марс!

Сверкающие искры со стен перекинулись на Барка. Они танцевали на его теле, проникая в артерии и мозг. Ощущения, которые он испытывал, были не сравнимы с теми — в солярии. Там было возбуждение, тревожащее и странное. А здесь...

Тело Барка стало корчиться, изгибаться, извиваться в судорогах. Он почувствовал боль, но такую, которая приносила сладострастное наслаждение.

Голос Кора Хала прозвучал откуда-то издалека:

— Мудрецы Каер Ду были не так уж мудры. Разгадав секрет Шанга, они пытались с его помощью укрыться от жизни, от войн и от скуки. И они прошли обратный путь эволюции. А знаешь, что с ними случилось потом, землянин? Они погибли! За одно поколение Каер Ду исчез с поверхности Марса.

Становилось трудно отвечать, трудно думать.

— Какая важность! — хрипло сказал Винтерс. — Зато, пока жили, они были счастливы.

— А ты счастлив, землянин?

— Да, — задыхаясь ответил он. — Да!

Барк Винтерс едва выговаривал слова. Да, он действительно испытывал такое счастье, какое не смел даже вообразить. В колдовском огне

Шанга сгорали все его неприятности и печали, и осталась только радость.

Кор Хал расхохотался дьявольским смехом.

Вскоре Барк перестал понимать что-либо. Временами сознание покидало его, и он словно проваливался во тьму. Приходя в себя, он испытывал только ощущение необычности происходящего.

В один из таких моментов прояснения — в течение одной или двух минут — ему вдруг показалось, что камень отошел, открыв кварцитовый экран. На экране показалось лицо женщины, смотревшей на него, лежащего обнаженным.

Это была высокородная марсианка, гордая и надменная. Ее золотые глаза, жгучие, как огонь, обрамляли длинные ресницы. Чувственные губы, ярко-красные, как цветок, таили в себе сладость экзотического фрукта, разбавленную горчинкой.

В стене, должно быть, был микрофон, потому что женщина говорила и он слышал ее голос, обладающий магической притягательностью. Она называла его по имени. Барку удалось подползти к ней. В его затуманенном мозгу марсианка представляла силу, которая им управляла.

На его взгляд, она была не так привлекательна, как Джил, но в ней ощущалась необычайная властность.

Ее красные губы искушали Барка, линия голых плеч сводила с ума.

— Ты силен, — произнесла женщина. — Ты будешь жить до конца. И это хорошо, Барк Винтерс.

Он попытался что-то сказать, но тщетно.

Она улыбнулась.

— Ты бросил мне вызов, землянин, бросил вызов Шанга. Ты храбр, а я люблю храбрых мужчин. И ты безумен, а я люблю безумных, потому что игра с ними возбуждает. Я с нетерпением жду, землянин, когда ты подойдешь к концу своих поисков.

Барк опять попытался заговорить, но не смог. Затем на него вновь упали ночь и молчание, и, падая во тьму, он услышал звуки презрительного женского смеха...

Когда землянин очнулся, было темно, как в колодце. Камни, на которых он лежал, были жесткими и холодными. Ему показалось, что он находится в закрытом помещении, и это ему не понравилось. Из его горла вырвался приглушенный стон. Барк попытался вспомнить, как попал сюда. Что-то произошло, имеющее отношение к огню, но он не знал, что именно.

Оставалось только одно объяснение: он что-то искал, потерянное им и бесконечно дорогое. Отсутствие чего-то (или кого-то) причиняло ему страдания, но он никак не мог вспомнить, что же все-таки искал. Одно Барк знал твердо — он так нуждался в предмете своих поисков, что готов был преодолеть все препятствия.

Землянин встал, осмотрелся и почти сразу же обнаружил отверстие, оказавшееся проходом. Воздух был насыщен странными запахами. Инстинкт говорил ему, что это ловушка. Хорошо бы иметь оружие, но взять его было негде. Барк осторожно вошел в проход.

Он медленно двигался, касаясь плечами свода, и вскоре увидел вдалеке красный мигающий свет. Запахло дымом. Видимо, где-то рядом находились люди...

Наконец Барк дошел до конца туннеля. Неожиданно позади со звоном упала решетка. Итак, обратного пути не было.

Но человек и не хотел возвращаться. Впереди его ждали враги, и он желал с ними сразиться. Выпятив грудь и раздувая, как зверь, ноздри, землянин выскочил из туннеля.

Его ослепил свет факелов, оглушили крики возбужденной толпы, состоящей из мужчин и женщин. Барк взобрался на большой камень, на котором в древности выставляли рабов Валкиса, но он об этом не знал. Люди смотрели на чужака и смеялись над землянином, пожелавшим вкусить от запретного плода, того плода, которого боялись отведать даже беспечные жители Нижнего канала.

Создание, называющееся Барком, было еще человеком, но его теперешний облик скорее напоминал облик обезьяны. Те часы, которые он провел под светом Шанга, изменили его физически.

Он и прежде был сильным, крепко сбитым человеком, а теперь стал еще более плотным, оброс густой шерстью, покрывавшей грудь, руки и ноги. На его лице с сильно выдвинутыми челюстями и надбровными дугами горели хитрые глаза первобытного человека. В нем ясно ощущались признаки звериной силы.

Сгорбившись, Барк оглядывал толпу. Он не знал, кто были эти люди, но ненавидел их. Они принадлежали к другому племени, даже их запах был ему чужд. И они тоже ненавидели его. Казалось, даже воздух был пропитан враждебностью.

Его взгляд упал на мужчину, неожиданно легким прыжком выскочившего на открытое место. Барк не помнил, что этого человека звали Кором Халом, не заметил, что тот сменил белую тунику торговых городов на юбку и пояс жителей Нижнего канала.

Землянин ощущал только одно: этот, в юбке, — враг.

— Капитан Барк Винтерс, — воскликнул Кор Хал, — представитель земных племен, хозяев космических путей, строителей космических городов, мастеров нахивы и грабежа!

Его голос разносился по всему пространству, заполненному людьми. Барк настороженно наблюдал за говорившим. Его глаза при свете факелов казались двумя красными горящими искорками. Он слегка раскачивался, в любую минуту готовый к схватке. Барк не понимал значения слов, но чувствовал, что они оскорбительны.

— Смотрите на него, люди Валкиса! — вещал Кор Хал. — Вот как

выглядит наш господин. Это его правительство поработило города-государства Марса. У нас отняли наши богатства, а что же осталось нам, детям умирающего мира?

Кто-то бросил в Барка камень.

Он без усилия вскочил, накинулся на Кора Хала, чтобы схватить его за горло, и закричал. Его дикий крик скорее напоминал рев зверя. Люди в толпе пришли в движение. Сверкнули лезвия ножей, зазвенели колокольчики, защелкали бичи.

Кор Хал ждал нападения. Он ловко увернулся, подпрыгнул и ударили своим башмаком Барка в подбородок. Тот упал на землю.

Кор Хал взял бич.

— Вот что, гордый человек! — произнес он. — Ползи на брюхе, лижи камни, которые лежали тут еще до того, как обезьяна Земли научилась ходить!

Длинный узкий ремень свистнул и ударили Барка, оставив на его теле красный рубец. Толпа загудела:

— Гони его перед собой, как гонят непокорное животное, как делали наши предки!

И Барк побежал, подгоняемый бичами и осыпаемый насмешками. Он бежал по улицам Валкиса, и люди угрожали ему ножами и рогатинами.

Сходя с ума от ярости, землянин готов был всех уничтожить. Он бросался на них, но толпа расступалась, куда бы он ни повернулся, встречая его то ударом бича, то лезвием ножа, то пинком. Кровь текла по израненному телу Барка. Визгливый смех женщин доводил его до неистовства.

Он испытывал непреодолимое желание убивать. Но его качало от боли в многочисленных ранах, глаза застилал туман. Когда большие руки землянина сжимались на горле какого-либо мучителя, толпа оттаскивала жертву от него и Барк падал, сраженный бичом.

В конце концов у него остались только страх и желание скрыться. Он мчался по длинным улицам Валкиса, по извилистым переулкам, которые, казалось, хранили следы былых преступлений. Толпа отстала. Но не надолго. Ему преградили путь каналу и морю, видневшемуся вдалеке и обещавшему свободу. И люди вновь погнали перед собой дрожащее, задыхающееся полуживотное, которое было когда-то Барком Винтерсом, капитаном «Старфайта».

Его заставили подниматься на холм.

Теперь Барк брел медленно. Горячая кровь стекала на камни, но свистящие удары бича гнали его вперед и вперед.

Выше, еще выше. Мимо больших доков со столбами для причалов, еще сохранивших обрывки канатов тех судов, которые стояли там когда-то. Но жизнь ушла отсюда. Ветер сорвал кровли с пустых домов, двери и оконные рамы; на их месте теперь зияли проемы. Исчезнувшая

культура древнего Марса, так непохожего на молодую и богатую планету Земля. Время не пощадило мраморных набережных, где короли Валкиса ставили на якорь свои галеры, и даже мрамор раскрошился под пятой веков.

На самом верху холма стоял королевский дворец, равнодушно взирающий на истязания чужака. Толпа притихла. Слышался лишь печальный звон колокольчиков, которые словно грустили по той, ушедшей жизни...

Барк остановился.

Его щеки запали, живот ввалился, глаза выражали отчаяние. Но землянина снова погнали. Он продолжал свой путь, тяжело поднимаясь по тому, что было когда-то узкими крутыми улицами. Барк шел мимо бесформенных обломков домов, оставляя после себя кровавые следы.

Наконец он добрался до вершины холма.

Перед ним возвышался огромный дворец. Инстинкт подсказал ему, что это место опасно. Он обошел высокую мраморную стену, окружавшую здание, и внезапно его ноздри почуяли запах воды. Язык распух от жажды. Он задыхался, в глотку набралась пыль. Ему необходимо было освежиться, смыть кровь и грязь, успокоить жгучую боль ран. И он побежал вдоль обрыва, пока не оказался перед решеткой. Барк перескошил через нее и почувствовал под ногами мягкий газон, на котором росли цветы и кусты с тяжелым запахом, слабо светящиеся под лунами.

Решетка тихо закрылась за ним, но человек не заметил этого. Теперь он бежал по траве между деревьями фантастических форм, бежал на запах воды. Его окружали статуи из мрамора со сверкающими полу-драгоценными камнями. Он почувствовал приближение опасности, но был слишком усталым и измученным жаждой, чтобы остерегаться чего-нибудь.

Вскоре он опять остановился. Перед ним открылось пространство, в центре которого находилась огромная резная с орнаментами чаша, врытая в землю. Вода в ней так сверкала, что казалась отполированной драгоценностью. Это был бассейн.

Ничто не шевелилось. Одна стена дворца поднималась по ту сторону бассейна, как черное крыло экзотической птицы. Казалось, там никто не жил, но чутье Барка говорило об обратном. Он замер и долго стоял под деревом, принюхиваясь и прислушиваясь.

Ничего. Полная тишина. Барк посмотрел на манившую его воду и бросился к чаше.

Он упал животом на бирюзовые плиты, которыми были вымощены края бассейна, окунул лицо в ледянную воду и стал пить.

Среди тишины внезапно послышался жуткий вопль. Он шел из-за дворца. Тело Барка напряглось. Человек опустился на четвереньки.

Теперь, когда жажда была утолена, Барк начал ощущать запахи, приносимые ночным ветром. Многочисленные, они смешались между собой так, что было трудно определить их. Выделялся только один — отвратительный мускусный запах. Барк не знал, какое животное издало его, но почувствовал непонятный ужас.

У него было единственное желание — бежать отсюда, из этого места, полного скрытых опасностей.

Он побрел к деревьям — очень медленно из-за своих ран и крайней слабости. И вдруг...

Она вышла из-за громадных цветущих кустов и неслышными шагами направилась к Барку, освещенному светом маленьких лун. Увидев его, она широко раскрыла глаза и, казалось, готова была бежать, испуганная. Волосы, струившиеся по спине, и пушок, покрывавший ее тело, были цвета луны.

Барк остановился — по его телу пробежала дрожь. Он вспомнил то чувство потери, которое испытывал, и ему захотелось подойти к этому стройному созданию.

Из какого-то темного уголка подсознания выплыло имя:
— Джил!

Тогда она осторожно, шаг за шагом, стала к нему приближаться, а затем издала звук, похожий на слово. Но мужчина, поняв, ответил:

— Барк.

Девушка остановилась на секунду, повторила имя, а потом, словно вспомнив что-то, заплакала и бросилась к Барку. Его охватило волнение, глаза наполнились слезами и, глядя ее плечи, он шептал в исступление: «Джил... дорогая...»

Сверкнул дротик и упал звяня между ними. Она издала предостерегающий крик и исчезла в чаще. Барк пытался бежать за ней, но у него подогнулись колени, и он с ворчанием обернулся, готовый к схватке.

Высокорослые стражники из Барракеша, одетые в сверкающие доспехи, появились между деревьями и окружили Барка. Они были вооружены дротиками и сетью из толстой проволоки. Острия дротиков заставили землянина отступить. Потом на него накинули сеть, и он, упав, беспомощно покатился по земле. Когда его тащили грубые руки, он ясно слышал два звука: жалобный стон девушки с серебряными волосами и совсем рядом — глумливый смех женщины.

Барк уже слышал этот смех, но не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах. Он стал проявлять такую ярость, что стражники ударили его дротиком по голове, чтобы успокоить...

Барк очнулся в комнате, очень похожей на ту, в Валкисе, с той лишь разницей, что здесь стены были сделаны из темно-зеленого камня и, кроме того, отсутствовала призма.

Он хотел подняться и только тогда заметил, что на его запястья были надеты наручники с цепями. Такие же браслеты обивали ло-

дыжки, цепи от которых шли к металлическому поясу. Он был абсолютно нагим.

Открылась тяжелая дверь, и, громко хохоча, вошли стражники — четверо варваров в доспехах из чеканного металла с драгоценными камнями. Ими предводительствовал молчаливый офицер.

Барк не имел никакого представления о том, где находится и как попал сюда; он только смутно помнил свои страдания и бегство — помнил, как сон.

Где-то в этом сне он видел Джил, говорил с ней...

Землянин вздрогнул, и его глаза затуманились слезами. Он вспомнил, как, глядя на искореженные остатки ее летательного аппарата, решил, в глубине души все еще веря, что любимая умерла и навеки потеряна для него.

Теперь же Барк знал: Джил жива. Рассматривая с интересом коридоры и большие залы, через которые его вели стражники, он понял по их размерам и убранству, что находится во дворце, видимо, в том самом, который возвышался на холме. Он удостоверился в этом, когда, проходя мимо окна, посмотрел вниз.

Дворец был более древним, чем все, что он видел на Марсе, если не считать погруженные в песок развалины Лхака в северной пустыне. Несмотря на древность, дворец сохранил суровую красоту. Однако рисунок мозаичного поластерся, драгоценные камни потускнели и истончились, цвет обивки стен выгорел так, что можно было различить лишь слабые оттенки былого пиршества красок. На всем лежала печать забвения и таинственной печали старины.

Кое-где на стенах и на сводчатом потолке сохранились великолепные фрески — свидетельства давно ушедшей жизни. На них были изображены суда, когда-то бороздящие просторы синих морей, кольчуги воинов, украшенные драгоценными камнями, пленные, королевы, как благородные черные жемчужины, излучающие теплое сияние.

Архитектура, полная величия, соединяла в себе изысканную красоту и монументальность и была типично марсианской с ее смесью цивилизованности и варварства. Сколько же времени прошло с того дня, когда эти камни были извлечены из карьера! Кажется, в эту эпоху цивилизация уже погибла, короли Валкиса были не более чем предводителями разбойников в мире, готовом погрузиться в тьму...

Стражники привели Барка к огромным дверям из чеканного золота. Они широко распахнули их, и землянин увидел Тронный зал.

Из окон, расположенных высоко под сводами потолка, заходящее солнце бросало косые лучи на колонны и мозаичный пол. Отраженный свет, золота боевые доспехи и знамена покойных королей, словно возвращал жизнь древним атрибутам воинской славы. Во всех остальных частях обширного помещения царила полутьма.

В глубине зала теплый золотой луч падал прямо на трон.

Вырезанный из целого куска черного базальта, он был очень изношен, с гнутыми подлокотниками и вмятинами на ступенях.

Нарушая тишину звоном цепей, Барк подошел к нему.

На троне сидела старуха в черном плаще, седые волосы которой, заплетенные в косы и усыпанные драгоценными камнями, образовывали на голове корону. Она посмотрела на землянина полуслепыми глазами и заговорила громким надменным голосом высокородной марсианки на языке, таком же древнем на Марсе, как санскрит на Земле. Барк не понял ни одного слова, но по интонации голоса почувствовал, что его проклинают.

У ног старухи, в глубокой тени, кто-то сидел. Барк уловил только желтоватый отблеск на руке сидевшего, и сердце его скжалось от дурного предчувствия.

Старая женщина встала и, вытянув руку в сторону Барка, стала осыпать его проклятиями. Старуха не говорила, а изрекала тоном пророчицы, и эхо ее голоса отражалось под сводчатым потолком. Морщинистая Кассандра с горящими от ненависти глазами.

Стражники толкнули Барка в спину рукоятками дротиков, и он упал лицом вниз перед базальтовой ступенью. В темноте раздался тихий издевательский смех, и Барк почувствовал, что ему на голову наступила чья-то маленькая ножка в сандалии.

— Привет, капитан Винтерс! Трон Валкиса поздравляет вас с прибытием.

Нога сошла с его затылка. Он встал. Старуха опять сидела на троне и, закатив глаза, с экзальтированным видом напевала что-то похожее на церковную литанию.

Знакомый голос изрек из темноты:

— Моя мать имитирует ритуал коронования. Сейчас она начнет требовать дань за этот год с дальних островов и берегового народа. Бедняжка давно уже не живет в реальном мире и с упоением играет роль королевы. А правлю Валкисом я, сидящая в тени трона, — Фанд.

— Кажется, вы иногда выходите на свет, — пробормотал Барк.

Тихий шорох, и вот она встала перед ним, освещенная лучами солнца. Волосы ее цвета ночи были уложены в сложную прическу. Она была одета по моде древнего королевства: длинная пышная юбка с разрезами по бокам до талии, так что при малейшем движении виднелись бедра, украшенный драгоценными камнями пояс и колье из золотых пластинок. Высокие маленькие груди были наги и обольстительны, тонкое тело грациозно, как у кошки.

Барк помнил это лицо, гордое и прекрасное, с золотистыми глазами и губами, похожими на лепестки дивного цветка, таившего в себе яд. Небрежные и ленивые движения и завораживающее очарование. Прекрасная женщина посмотрела на Барка и улыбнулась.

— Итак, вы получили, что желали.

Он посмотрел на цепи и свою наготу и сказал:

— Странная манера удовлетворения. Я хорошо заплатил Кору Халу за эту привилегию! — Барк бросил на нее испытывающий взгляд. — Вы правите не только Валкисом, но также повелеваете священными законами Шанга? Если так, то вы не слишком вежливы со своими гостями.

— Напротив, я отношусь к ним очень хорошо. Вот увидите. — Золотистые глаза выражали издевательскую насмешку. — Но вы пришли сюда не ради Шанга, капитан Винтерс.

— А зачем мне еще приходить сюда?

— Чтобы найти Джил Леланд.

Ее слова не удивили Барка: он подсознательно ощутил, что женщина обо всем осведомлена, однако принял удивленный вид.

— Джил Леланд умерла, — произнес землянин.

— Разве она была мертва, когда вы увидели ее в саду и разговаривали с ней? — Фанд засмеялась. — Не думаете ли вы, что мы так несведущи. Ведь жизнь каждого приходящего в зал Шанга в торговых городах тщательно изучается. А к вам мы особенно внимательны, капитан Винтерс, потому что по своему внутреннему устройству вы не из тех, кому требуется забыться. Вы слишком сильны духом для этого.

Вы, конечно, знали, что ваша любимая обращалась к Шанга. Это вам не нравилось, и вы пытались отвадить ее от этого. Кор Хал говорил, что Джил несколько раз приходила страшно расстроенной после разговоров с вами, но, зайдя слишком далеко, уже не могла остановиться. Она умоляла нас дать ей испытать настоящую Шанга и просила оповестить всех знакомых о ее смерти — мнимой на самом деле. Мы сделали бы это в любом случае — в целях самозащиты, поскольку у этой девушки были влиятельные родственники, а мы не могли допустить, чтобы они вмешивались в наши дела. Знайте, что Джил сама захотела, чтобы вы сочли ее мертвой, чтобы вы забыли о ней. Она была уверена, что не имеет права выходить за вас замуж, боясь испортить вам жизнь. Вас это не трогает, капитан Винтерс? Не вызывает у вас слез?

Эффект, произведенный ее словами, был таким сильным, что Барка охватило неудержимое желание схватить это обольстительное и дьявольское животное, разорвать его на куски и втоптать их в землю.

Он пошевелился, и цепи издали скрипучий металлический звук. Тотчас дротики стражников впились в его тело, оставляя на нем красные пятна. Барк вновь стоял неподвижно.

— Зачем вы это делаете? — спросил он. — Деньги или ненависть к людям?

— И то и другое, землянин! И есть еще одна причина, более важная. — Опять ее губы раздвинулись в зловещей усмешке. — А в общем-то я ничего не сделала плохого вашему народу. Я построила залы Шанга — это верно, но мужчины и женщины Земли добровольно унижают себя. Подойдите сюда. — Фанд сделала ему знак приблизиться к окну... —

Вы видели часть дворца, — продолжала она, пересекая большой зал. — Капиталы тех, кто жаждал вернуться в первобытное состояние, потому что созданная ими цивилизация не принесла им ничего хорошего, позволили реконструировать и исправить дом моих предков. Смотри-те: это тоже сделано на деньги Земли.

И взору Барка предстал роскошный благоухающий сад с широкими лужайками и бронзово-зелеными газонами, искусно разбитыми клумбами, умело подстриженными кустами и прекрасными статуями. По какой-то неясной причине этот великолепный сад вызвал у Винтерса леденящую дрожь, но он не мог вспомнить почему.

Однако в его поле зрения была только часть сада, совсем небольшая. Он выглянул наружу: под окном имелось широкое углубление в форме таза около четырехсот метров в диаметре. Винтерс увидел амфитеатр с рядами сидений, поднимающихся ступенями, вырубленными в стенах. Полуразрушенный, он все еще сохранял великолепие. Барк подумал о том, что подобные амфитеатры были в древние времена, когда на арене проходили бои гладиаторов с дикими зверями, а с мест, заполненных зрителями, доносились возбужденные крики.

Этот сад был обнесен высокой стеной, которая некогда служила защитой зрителям от возможных нападений разъяренных животных. Барк увидел странные фигуры, двигавшиеся в сумерках. Из-за плохого освещения и дальности расстояния он не мог отчетливо различить их, но у него сжалось сердце от предчувствия чего-то ужасного... В центре арены было озеро, маленькое и, видимо, неглубокое. В воде плавали какие-то существа, похожие на рептилий, которые время от времени издавали крики, приглушенное эхо которых доносилось до Барка. Он слышал когда-то эти звуки...

Фанд смотрела на амфитеатр, странно и загадочно улыбаясь. На самых нижних местах уже сидели зрители. Люди все прибывали и прибывали.

— Что же это за вещь, — спросил Барк, — которая важнее денег и вашей ненависти к землянам?

Гордость расы и наследственное высокомерие династии на миг вспыхнуло в золотых глазах марсианки. Однако в ответных словах прозвучала такая искренняя горечь, что Барк на минуту забыл о страхе, который эта женщина ему внушала.

— Марс, — спокойно сказала Фанд, — мир, который, погибнув, не мог даже спокойно спать, потому что хищные птицы растащили его кости, а жадные крысы высосали его кровь до последней капли.

— Не понимаю, — сказал Винтерс. — Какая связь между Шанга и Марсом?

— Увидите. — Она резко повернулась к нему. — Вы бросили вызов Шанга точно так же, как ваш народ бросил вызов Марсу. Посмотрим, кто сильнее!

Женщина сделала знак офицеру, командующему стражей, и он удалился.

— Вы хотели найти свою подругу, — продолжала Фанд. — Ради нее вы не побоялись пройти через огонь Шанга, ради нее вы готовы были рискнуть своим «я», так как изменения вашего облика, вызванные действием луча, через некоторое время становятся необратимыми. Землянин, и все это ради Джил Леланд? Вы все еще хотите, чтобы она вернулась?

— Да!

— Вы в этом уверены?

— Да!

— Прекрасно! — Фанд бросила взгляд через плечо Барка и кивнула: — Она там.

Фанд отошла немного и посмотрела на него с насмешливым и жестоким интересом. Барк обернулся.

Она стояла, настороженная, испуганная — первобытное существо с веревкой, обмотанной вокруг шеи. Стражники захотели.

Барка охватило отчаяние. Джил, Джил, как ты могла сотворить с собой такое?..

Он вспомнил их нескончаемые беседы по поводу Шанга. Ему казалось, что уход из действительности в мир существ, живших на заре человечества, является признаком малодушия и разрушает интеллект, как любой наркотик.

Он не понимал раньше, как можно добровольно отказываться от разума. Теперь Барк все понял, и так хорошо, что ему стало жутко. Глядя сейчас с тоской на создание, бывшее когда-то Джил, он испытывал тревожащее его ощущение, что, вопреки всему, любимая стала более красивой и привлекательной, чем прежде. Лишенная всякой искусственности, свободная и прекрасная. Ее сильное и ловкое тело — тело молодой лани — было полно здоровыми жизненными соками.

— Ее еще можно спасти, — сказала Фанд, — если вы, конечно, найдете средство. Хотя вам сейчас самому нужен кто-то, кто спас бы вас, капитан Винтерс, — добавила она и бросила на него проникающий в душу взор.

Очаровательное серебряное создание приблизилось. Глаза Джил пристально смотрели на Барка, все ее существо тянулось к нему, стараясь понять причину своего непонятного тяготения к этому мужчине. Сердце Барка сжалось.

Стражник, державший веревку, немного отпустил ее. Нахмурив брови, девушка еще раз взглянула на лицо Барка. Ее большие темные глаза наполнились слезами, она тихо застонала и упала на колени к его ногам.

Старуха что-то вскрикнула. Глаза Фанд метнули золотые искры, но она не пошевелилась.

Барк наклонился, поднял Джил и крепко прижал ее к себе с силой любовника и защитника. Затем тихо спросил Фанд:

— Теперь вы видели все. Можем ли мы уйти?

— Отведите их в сад Шанга, — сказала она соглашаясь. — Уже пора.

И стражники повели Барка Винтерса и женщину, которую он потерял и нашел, по большим звучным залам дворца — к длинному, покрытому газоном спуску, ведущему к амфитеатру.

Тяжелая металлическая решетка закрылась за ними.

Крепко сжимая руку Джил, Барк спустился по туннелю, и вскоре они очутились на арене, в саду Шанга.

Мужчина остановился, ослепленный резким светом, и девушка в испуге прижалась к нему. Напряжение ожидания заставило его вздрогнуть. Он стоял, наклонив голову, как бы прислушиваясь.

Не прошло и минуты, как прозвучали звуки гонга, возвещавшего о начале культового представления. Между деревьями появились антропоиды. Они шли медленно, волоча ноги, принюхиваясь к зловонному запаху летающих в воздухе тварей, прислушиваясь к плеску и свистящим крикам, которые доносились из бассейна.

Барка охватил такой ужас, что он попытался освободиться от сознания того, что этот кошмар — реальность. Он желал ослепнуть и оглохнуть, а лучше всего умереть.

На сиденьях, поднятых выше защитной стены, множество марсиан смотрели вниз, на арену.

Снова зазвенел гонг. Джил побежала, таща за руку Барка. В саду на секунду все смолкло, а потом раздался дьявольский хор звуков, состоящий из звериного рычания и человеческих возгласов. И совсем рядом — голос Джил, присоединившийся к этому вою и беспрестанно выкрикивающий:

— Шанга! Шанга!

Только сейчас Винтерс понял тайный смысл слов Фанд. В то время как Джил, опустив голову, тащила его между деревьями, через лужайки, он наконец осознал, что сад Шанга был создан для жестокой потехи жителей Марса. Они со злорадством смотрели на животных, в которых обратил их завоевателей огонь Шанга. Барк ощутил унижение и стыд.

Он, разумный человек, бежит обнаженным, покоряясь страшной силе Шанга?..

Землянин неожиданно зарычал, пытаясь остановить Джил. Но она ускорила бег, и ему пришлось приложить усилия, схватив девушку за руку.

Ничего не видя и не понимая, Джил в самозабвенном исступлении беспрерывно восклицала:

— Шанга! Шанга! Шанга!

К ним бросился антропоид-самец огромного роста, из глотки кото-

рого вырывались дикие звуки. За ним бежали такие же, как он, — на той же стадии эволюции. Мохнатые лапы схватили Барка и очаровательное серебряное создание, бывшее раньше Джил, и поволокли за собой. Он пробовал сопротивляться, но тщетно: их сдавили тела дикарей.

К этой жуткой процессии присоединялись другие существа, глядя на которых Винтерс ощутил омерзение. Это была Вальпургиева ночь, фестиваль богохульства. Он попал в ловушку, в безвыходное положение, которое вело прямиком к разрушению личности.

Джил прошла еще короткий путь по адской дороге метаморфоз, поскольку оставалась пока человеком. Винтерс и сам был на такой же стадии. Но другие...

Лохматые неуклюжие животные с деформированными черепами и маленькими красными глазками на мордах, искаженных гримасой — оскалом, обнажающим желтые зубы, — особи, о существовании которых антропологи даже не подозревали, особи, которые не были ни человекообразными, ни обезьяноподобными, а принадлежали к какой-то особой форме жизни.

Все белые пятна земной теории эволюции приобрели здесь очертания реальности бытия. Землянину становилось плохо при одной только мысли, что он может происходить от этих кошмарных созданий.

Раздался последний призыв гонга. Море согнутых мохнатых плеч и склоненных лбов увлекло Винтерса и Джил на центральную площадку. Там сильно пахло мускусом. Озеро было взбаламучено тварями, жившими там. Теперь они торопились покинуть его, откликаясь на звуки гонга.

Боже! До какого предела в своем разрушении он может еще дойти! До жабер и чешуи, до яйца, снесенного в горячий песок, из которого появится потом что-то извивающееся и отталкивающее...

— Шанга! Шанга! — задыхаясь, кричала Джил, глядя в небо. Винтерс чувствовал, что его мозг затуманивается. Что-то холодное и влажное проскользнуло между его ног. Он покачнулся, и его вырвало.

Барк обхватил руками Джил, словно пытаясь спасти ее, но надежды на успех у него не было: они попались в ловушку.

Он поднял глаза и увидел над головой призмы, установленные на длинных шестах. Они излучали свет, который Барк помнил.

Неужели конец? Конец его любви к Джил Леланд, конец всему разумному в нем? Первый смертоносный луч коснулся его кожи. Он почувствовал пробуждающийся голод дикого зверя. Однако способность размышлять еще не покинула землянина, и, бросив взгляд на озеро, он подумал: «Интересно, как можно там жить, дышать жабрами, которые, впрочем, были когда-то в его собственном теле, когда он был еще эмбрионом в теле матери? Кем же я должен стать? Я и Джил. Амебой, а потом?..»

Он посмотрел на королевскую ложу, откуда короли Валкиса наблюдали за боями гладиаторов, и кровь бросилась ему в лицо. Сейчас там находилась Фанд. Она сидела, опершись рукой на камень, и глядела на него. Даже с такого расстояния Барк уловил на ее лице отблеск пренебрежительной улыбки. Рядом с ней сидели Кор Хал и безумная старуха, закутанная в черное.

Огни Шанга сияли и жгли. Наступила глубокая тишина, изредка нарушаемая легкими стонами и жалобными вскрикваниями. Жаркие блики священного огня танцевали на лицах и мордах, обращенных к небу. Все тела — чешуйчатые или мохнатые — были окружены нимбом. Джил протянула руки к свету и стала похожа на тонкую серебряную и сверкающую нить.

Барк ощутил приближение безумия. Легкая блистающая вуаль света покрыла его голову, навевая забвение. Джил и Барк — вдвоем — на заре жизни, счастливые тем, что живут, безразличные ко всему, кроме любви и удовлетворения самых простых желаний...

Усилием воли Барк освободился от дурмана. Вновь послышались ядовитые насмешки марсиан, собравшихся посмотреть на их унижение. Он отвел глаза от этого проклятого света и бросил взор в сторону Фанд и Кора Хала, потом посмотрел на другие лица, и в его глазах загорелся страшный огонь.

Существа самых невероятных форм катились по траве, извиваясь в экстазе Шанга. Джил встала на четвереньки. Барк чувствовал, что разум вот-вот покинет его, растворясь в диком наслаждении раскрепощения.

Он схватил Джил и потащил ее под деревья, стараясь увести от света призма.

Девушка не хотела идти, кричала, царапала ему лицо, пинала ногами. Тогда Барк ударил ее, и она бессильно обмякла в его руках. Он злобно расшвыривал извивающиеся тела, спотыкаясь об них, падал, вставал, снова падал и наконец пополз на коленях. Только одно давало ему мужество продолжать борьбу с безумием и вынести все муки — презрительно улыбающееся лицо Фанд. Как ни странно, но эта улыбка проникала в его мозг, не давая погаснуть разуму.

Лучи больше не жгли его. Он выбрался из круга и теперь направлялся к чащам деревьев, увлекая Джил за собой. Он шел, не оглядываясь на поляну, потому что боялся наркотического действия колдовского света.

До его ушей донесся надменный голос Фанд:

— Вы все равно вернетесь к огню Шанга, землянин. Завтра или послезавтра, но вернетесь.

Барк Винтерс ничего не ответил. Он посмотрел на королевскую ложу, и в его глазах зажглась гордость, присущая человеку разумному. Марс бросал вызов Земле! Затем силы оставили его, и он упал.

Когда Барк пришел в себя, была уже ночь. Джил сидела рядом с ним, терпеливо дожинаясь его пробуждения. Она раздобыла где-то пищу и принесла воды в чашеобразном листе.

Мужчина пытался разговаривать с девушкой, но она спокойно и задумчиво смотрела на него и молчала. Но как бы там ни было, он все-таки увел ее от разрушительных лучей.

Барк встал и пошел по направлению к саду. Джил так же неподвижно сидела на траве. По-видимому, дикие животные уже спали. Передвигаясь с бесконечными предосторожностями, землянин осмотрел арену и стал составлять в уме план побега. Может, ему и не удастся осуществить его и он умрет до наступления утра. Но не следует думать о смерти. Он — человек, сын Земли, гордый гнев которого должен быть сильнее всякого страха.

Поверхность стен, окружавших арену, была такой гладкой, что даже ловкая обезьяна не смогла бы забраться по ним. Все тунNELи были заблокированы, за исключением одного. Барк спустился в него и дошел до решетки. По другую ее сторону горел огонек, зажженный стражниками. Там стояли двое часовых.

Винтерс вернулся на арену. Он со злой безнадежностью смотрел на стены, которые держали его в плена. И тут землянин обратил внимание на шесты, на верху которых были прикреплены призмы Шанга. Он подошел к одному из них: слишком высоко, чтобы залезть. Длинный металлический шест, поднимающийся выше стен. Да, слишком высоко, но для человека с веревкой...

Винтерс приблизился к дереву, опутанному лианами, оторвал их и стал плести из них веревку. Затем нашел корягу, достаточно большую, чтобы зацепить ею за край шеста, и достаточно легкую, чтобы ее можно было бросить без усилий.

С третьей попытки коряга с привязанной к ней веревкой, пролетая через стену, зацепилась за шест. Перехватываясь руками и молясь, чтобы веревка из лиан выдержала, Барк начал взбираться.

Подъем показался ему очень долгим. При свете лун человек чувствовал себя голым и беззащитным. Но лианы не порвались, никто не помешал Винтерсу. Он схватился за шест и отбросил прочь ненужную больше веревку. Чуть позже он уже стоял на ступеньках амфитеатра.

Избегая стражников, находящихся в туннеле, он спустился по ступеням амфитеатра и обошел холм кругом. Когда не было ничего, что могло бы скрыть его, он ложился и полз на животе. Движущиеся тени от лун помогали ему, потому что делали видимость обманчивой.

Вот и дворец, огромный и темный, раздавленный грузом веков.

Лишь на нижнем этаже, где, по-видимому, были помещения для прислуги, и на третьем этаже горел свет. Там, вероятно, находились апартаменты Фанд.

Он поднялся по холму и вошел во дворец. Это громадное здание,

наполовину разрушенное, вряд ли охранялось. Бесшумно ступая босыми ногами, Винтерс шел через большие пустынные залы.

Глаза его привыкли к темноте, да и свет лун, проникающий в окна, позволял ему видеть, где он идет. Стены коридоров покрывали выцветшие знамена, напоминая о былом могуществе. Винтерс вздрогнул, ощущив ледяное дыхание вечности.

Поднявшись по лестнице, он наконец заметил свет на третьем этаже — слабый, мигающий свет, проникающий из дверной щели одной из комнат.

Стражников здесь не было: Фанд не любила, чтобы кто-то становился свидетелем ее жизни. С точки зрения безопасности страж был бы бесполезным фрагментом в этом священном месте, где враги отсутствовали.

Винтерс бесшумно открыл дверь. Усталая горничная спала на низком ложе; она не пошевелилась, когда он прошел мимо нее. За сводчатой дверью, занавешенной плотным занавесом, он нашел хозяйку дома, Фанд.

Марсианка лежала на огромной резной кровати королей Валкиса и, спящая, выглядела невинным и прекрасным ребенком.

Винтерс безжалостно оглушил женщину ударом кулака, и из сна она сразу перешла в бессознательное состояние, даже не успев вскрикнуть. Землянин связал ее шарфами и поясами, которые нашлись в комнате, заткнул ей рот и взвалил этот легкий груз себе на плечо. Тем же путем он вышел из дворца.

Операция оказалась неожиданно простой. Барк и не предполагал, что все свершится столь быстро. «В сущности, — подумал он, — люди слишком самоуверенны, и это их губит».

Барк поволок бесчувственное тело Фанд и, дойдя до амфитеатра, поднялся по ступеням до края стены. Ему предстояло прыгнуть с шестиметровой высоты. Он постарался спустить Фанд как можно осторожнее, так как не хотел ее смерти. Сам же, немного повисев на кончиках пальцев, прыгнул вниз и упал в густой кустарник.

Когда Барк отдохнул и удостоверился, что Фанд невредима, он отнес ее в кусты рядом с поляной. Облегченно вздохнув, он скрылся там с наследницей королей Валкиса и стал ждать.

Фанд вскоре очнулась, посмотрела на землянина, и даже полуслова не могла скрыть гневного блеска ее глаз.

— Да, — сказал он, — вы здесь, в саду Шанга. Я принес вас сюда. Мы должны договориться о сделке, Фанд.

Он вытащил кляп, но зажал рукой ее рот, боясь, что женщина закричит.

— Никакой сделки между нами не может быть, землянин! — воскликнула Фанд.

— Подумайте. Ваша жизнь — против моей и жизни Джил, а также

тех, кого еще можно спасти. Разбейте призмы, прекратите это безумие и доживете до такой же старости, как ваша сумасшедшая мать.

Страха в ней не было. Непреклонная гордость, ненависть, но не страх. Она засмеялась.

Его пальцы сжали ее шею стальным объятием.

— Тонкое горло, — сказал он. — Нежное. Оно легко сломается.

— Ломайте. Шанга будет продолжаться и без меня. Кор Хал возьмет это на себя. А вы, Барк Винтерс... вы не сможете убежать. — Она показала зубы в насмешливой улыбке. — Вы присоединитесь к животным. Ни один человек не может добровольно покинуть это место!

— Знаю, — сказал Винтерс. — Поэтому я должен уничтожить Шанга, пока не разрушен мой разум.

Она посмотрела на него, голого и безоружного, сидящего на корточках в кустах, и снова засмеялась.

— Может быть, это и невозможно, — сказал он, пожимая плечами. — Пусть я узнаю, когда будет слишком поздно, но в любом случае узнаю. В сущности, я беспокоюсь не о себе, Фанд. Я мог бы быть вполне счастливым, бегая на четвереньках по вашему саду. Без сомнения, был бы абсолютно счастлив, погрузившись в озеро и издавая шипение. Нет, Фанд, дело не во мне и даже не в Джил.

— В чем же тогда?

— У землян тоже есть гордость и достоинство, — серьезно ответил он. Я согласен, что мы временами становимся безжалостными и кровожадными, как звери. Но Земля в основном — добрая планета, и ее люди не заслужили той участи, на которую вы их обрекаете. Поскольку я — землянин, мне невыносимо видеть бесчестие и унижение своего народа. — Барк поднял голову и окинул взглядом амфитеатр. — Я убежден, — продолжал он, — что Земля и Марс могли бы многому научиться друг у друга, если фанатики с обеих сторон перестанут сеять смуту. Вы — худшее создание из всех, о которых я когда-либо слышал, Фанд. Вы идете даже дальше фанатизма. — Он задумчиво посмотрел на нее. — Я уверен, что вы так же безумны, как и ваша мать.

Женщина не выразила гнева, и Барк подумал, что она, может быть, и не безумна от природы, а лишь слегка «свихнута» в результате образа жизни и воспитания.

— Что же вы мне предлагаете? — спросила марсианка с издевкой.

— Ждать. Ждать до зари, а может быть, и дольше. Во всяком случае, до тех пор, пока вы как следует не подумаете. Итак, я даю вам последний шанс. Иначе вас ждет смерть.

Землянин снова заткнул ей рот. Она улыбнулась, но глаза ее с ненавистью посмотрели на мужчину.

Шли часы. Тьма уступила место заре, потом яркому свету. Винтерс сидел не двигаясь, опустив голову на колени. Фанд закрыла глаза и, казалось, спала.

При свете солнца сад ожила. Винтерс слышал мягкие шаги вокруг кустов и ворчание диких животных Шанга. Те, что плескались в неглубокой воде озера, издавали шипящие звуки, и ветер разносил их мускусный запах.

Неожиданно появилась Джил. Она вскрикнула, увидев Фанд, но Винтерс сделал ей знак молчать. Девушка села рядом с ним, не сводя с пленницы глаз. Барк нежно гладил плечи подруги и чувствовал, как она дрожит. Взгляд ее походил на взгляд лани: он выражал грусть и покорность.

Времени почти уже не оставалось. Джил начала поглядывать в сторону призм, проявляя беспокойство.

Барк потряс Фанд. Та открыла глаза, посмотрела на него, и он увидел в ее глазах ответ на еще незаданный вопрос.

— Ну?

Она покачала головой.

На холодном лице Винтерса впервые появилась безжалостная улыбка.

— В конце концов, — сказал он, — совсем не обязательно лишать вас жизни.

То, что Барк сделал в следующую минуту, произошло столь быстро, что ни Фанд, ни Джил не успели опомниться. Последняя, однако, ничего не поняла, что нельзя было сказать о марсианке.

В амфитеатре начали собираться зрители — марсиане, пришедшие учиться презирать и ненавидеть людей Земли. Винтерс смотрел на них и по-прежнему улыбался.

Неожиданно Барк резко повернулся к Джил. Когда он через несколько минут встал, исцарапанный и задыхающийся, девушка была крепко связана обрывками шарфов Фанд. Теперь Джил не будет с таким самозабвением отдаваться огню Шанга...

В королевскую ложу вошел Кор Хал, ведя старую королеву, которая опиралась на его руку.

Зазвенел гонг.

Спрятавшись в кустах, подальше от освещенного круга, Барк наблюдал, как мохнатые фигуры спешат и толкают друг друга, чтобы поскорее добраться до центральной поляны. Он видел, как блестят их глаза наркоманов, слышал их стоны и причитания:

— Шанга! Шанга!

Джил каталась и извивалась в приступе безумного желания, но крик ее заглушал кляп. Винтерс не мог смотреть на подругу: он понимал, как она страдает, так как сам испытывал такие же невыносимые муки.

Вдруг землянин заметил, как Кор Хал наклонился над краем стены, оглядывая сад, и понял, кого тот ищет.

Замерли последние звуки гонга. Поляна затихла. Барк бросил взор на странных животных, живших задолго до обезьян, на ползучих тварей, покрытых влажной чешуей, и вновь содрогнулся от страха. Все молчали и ждали...

Наконец призмы загорелись, посыпая вниз смертоносные лучи. Барк Винтерс так впился в свою руку зубами, что брызнула кровь. Ему показалось, что он слышит приглушенный крик из цветущих кустов близ оврага. Низкие кусты с жесткими стеблями находились прямо под лучами призм.

— Шанга! Шанга!

Барк ощутил страстное желание пойти туда, на поляну. Он просто не мог больше сдерживать себя. Ему необходимо было снова почувствовать этот жар на своей коже, испытать безумие и наслаждение.

В отчаянии он упал рядом с Джил и ухватился за нее, содрогаясь от невыносимых страданий.

Внезапно землянин услышал голос Кора Хала, звавший его по имени. Барк овладел собой и встал, повернувшись лицом к королевской ложе. Марсиане, сидевшие по обе стороны ложи, смотрели теперь на Винтерса, отвлекшись на минуту от созерцания зверей.

— Я здесь, Кор Хал, — сказал Барк.

Кор посмотрел на землянина и засмеялся.

— Зачем бороться, Винтерс? Вы не сможете противостоять призыву Шанга.

— Лучше ответьте, где ваша главная жрица? Может, ей надоел этот спорт?

— Кто знает, что придет на ум леди Фанд, — промолвил Кор Хал, пожимая плечами. — Она приходит и уходит, когда ей вздумается. — Марсианин наклонился. — Эй, Винтерс! Огонь Шанга ждет. Смотри на него и обливайся потом, пытаясь изображать из себя человека! Эй, сын обезьяны! Иди к своим собратьям!

Скрипучий смех зрителей удариł Винтерса, как острие дротика. Он стоял там, на солнце, голый, гордо подняв голову, и не шевелился. Он не смог совладать с дрожью в конечностях и тяжело, с присвистом дышал. Пот заливал ему глаза. Барк уговаривал себя оставаться тут и не двигаться. Ему казалось, что он вот-вот умрет, но все же не шевелился.

— Ну что же, тогда завтра, — сказал Кор Хал. — А может, послезавтра... но вы все равно придете, землянин.

Винтерс знал, что придет. Он не сможет перенести еще раз это испытание. Если он останется в саду Шанга, когда гонг прозвучит снова, то не выдержит и присоединится к собратьям.

Наконец огонь Шанга погас. Марсиане, вздохнув, начали расходиться. Тогда Барк Винтерс закричал:

— Подождите!

Его голос донесся до верхних ступеней, которые уже опустели. Взгляды оставшихся устремились к нему. В крике землянина слышались отчаяние и страдания человека, преступившего границы разума.

— Обождите, люди Марса! Вы пришли посмотреть спектакль. Так вот, я вам дам его. Эй, Кор Хал! Вы говорили мне в Валкисе о мудрецах Каер Ду, создавших Шанга, и о том, что они в течение жизни одного поколения погибли от своего изобретения. Всего одно поколение — и народ исчез.

Он сделал шаг вперед.

— Мы, земляне, — продолжал Барк, — молодая раса. Правда, вы, за спиной которых давно ушедшие века, называете нас обезьянами. Пусть так. Но в нашей молодости — наша сила. Вы прошли большой путь по кругу времени, а конец всегда близок к началу. У жителей Каер Ду были хрупкие нервы, но у сынов Земли — стальные. Вот почему ни один марсианин не подвергнет себя воздействию Шанга, вот почему это запрещено городами-государствами. Шанга приблизит вас к вашему концу или к новому началу — кто знает. У вас нет сил противостоять Шанга — вот в чем секрет.

Толпа насмешливо и яростно завопила.

— Слушайте обезьяну! — закричал Кор Хал. — Слушайте дикое животное, которое мы гнали по улицам Валкиса!

— Да, слушайте, — воскликнул Винтерс, — потому что леди Фанд исчезла, и только эта обезьяна знает, где ее найти!

Слова землянина заставили всех замолчать. В наступившей тишине раздался смех Барка.

— Возможно, вы мне не поверите, но не рассказать ли вам, как я это сделал?

И он начал свой рассказ, прерываемый криками: «Ложь, ложь!» Барк снова захохотал и взглянул в лицо Кору Халу.

— Не верите? Подождите! Сейчас я вам ее найду.

И он направился к поляне. Прокладывая себе путь между телами животных, он расталкивал их ногами, но избегал прикосновения к чешуйчатым телам. Наконец Барк добрался до цветущих кустов возле озера, нагнулся и полез под ветви.

Он помнил из рассказа Кора Хала, что метаморфоза может быть очень быстрой, но не знал, не мог знать, что увидит. Есть вещи, которые человек просто не может угадать.

Землянин невольно вскрикнул. Он не в состоянии был смотреть на то, что лежало под кустами, не мог даже предположить, что подобная форма жизни когда-то существовала или могла существовать. Однако ему пришлось смотреть на это, пришлось приблизиться, чтобы разве-

зать путы, коснуться существа, поднять его и прижать к себе омерзительно липкое извивающееся создание.

Хуже всего, что у него были глаза. И они смотрели на Винтерса.

Он выполз из кустов, волоча груз, поднялся, пересек поляну, где два крупных самца уже собирались драться за самку, и очутился перед королевской ложей.

Землянин поднял высоко над головой то, что принес.

— Смотрите! — закричал он. — Узнаете ее? Это последняя представительница королевского дома Валкиса — леди Фанд!

С извивающегося существа, с того места, где когда-то была прелестная шея, свисало знакомое ожерелье из золотых пластинок.

Он держал ее так с минуту, и лица марсиан приняли вид мертвых масок. Кор Хал вскочил, напряженно всматриваясь в то, что когда-то было прекрасной Фанд.

Винтерс положил груз на траву и отошел в сторону. Существо, извиваясь, поползло по газону.

— Эй, марсиане! Смотрите! — воскликнул землянин. — Вот каково ваше начало.

Всеобщее оцепенение нарушила старая королева. Она поднялась и некоторое время стояла, опустив глаза, словно собираясь что-то сказать, но ни один звук не сорвался с ее губ. Затем она подошла к стене и, перекинув через нее свое легкое тело, упала на арену.

Старуха как будто подала пример всем остальным. Марсиане дико закричали и последовали за ней, но не для того, чтобы умереть, а ради отмщения.

Винтерс бросился наутек. Он добежал до Джил, освободил ее в одну минуту и потащил в укрытие. Вход в туннель был недалеко.

Марсиане собирались на поляне. И звери Шанга, увидев людей, с рычанием бросились на них.

Ножи, шпаги, американские кастеты были пущены в ход против когтей и могучих звериных мускулов. Чешуйчатые подползали с шипением к марсианам и разрывали их тела острыми, как иглы, змеиными зубами. Громадные лапы ломали человеческие кости, как спички, с легкостью проламывали черепа.

Так в саду Шанга осуществилась месть, месть землянина за своей позор и унижение.

Кор Хал погрузил свою шпагу в ползучее существо, бывшее раньше Фанд, и несколько раз повторил это движение, пока оно не затихло. Затем Кор Хал выкрикнул имя Винтерса, и Барк смело подошел к нему.

Они ничего не сказали друг другу: им не о чем было больше говорить. Безоружный, Винтерс стоял напротив Кора, с которым у него были личные счеты.

Землянин получил удар в грудь, выше сердца, до того, как успел перехватить руку Кора Хала и сломать ее. Марсианин не издал ни

единого стона. Левой рукой он схватился за нож, бывший у него за поясом, но оружие не вышло из ножен. Винтерс опрокинул Кора Хала и коленом надавил ему на почки, а локтем на горло. Через несколько секунд он отбросил бездыханное тело и отошел, забрав шпагу.

Из туннеля на арену бежали стражники.

Сражение перекинулось на ближайшие окрестности. Звери и марсиане — все смешались в клубке яростной схватки. Вода в озере покраснела. Туда упал труп одного марсианина и тут же был схвачен существом, терпеливо и молча дожидавшимся под водой пищи.

Барк взял Джил за руку и повел ее к туннелю, стараясь укрыться под ветвями деревьев. Вокруг царил невероятный бедлам. В чудовищах-самцах вспыхнула жажда крови, и они в ярости убивали каждого, кто к ним приближался. Повсюду валялись трупы людей и животных. Винтерс и Джил побежали через никем не охраняемый туннель и спрятались с внешней стороны амфитеатра, пока не появилась из дворца другая группа стражников.

С бесконечными предосторожностями они спустились к обрыву и, минуя развалины Валкиса, достигли канала. Летательный аппарат Кора Хала стоял на месте.

Винтерс втолкнул Джил внутрь аппарата, а когда садился сам, увидел вдалеке разъяненную толпу марсиан, бегущих из Валкиса. Они поняли, что землянин ускользает от них, но было уже поздно.

Аппарат взмыл вверх и полетел в Кахор. Теперь, когда все было кончено, Барк почувствовал безмерную усталость и желание забыть все, даже само название — Шанга.

Но он знал, что никогда не забудет: жгучий огонь слишком глубоко прожег его плоть. Навсегда в памяти останется прекрасное и надменное лицо Фанд, каким он видел его, когда связывал ее на поляне. Снова и снова в ушах будет звучать слабый стон, вырвавшийся из груди марсианки, когда лучи призмы коснулись ее. И никто не в состоянии уничтожить эту память.

Правительства Земли и Марса наверняка договорятся между собой и прикажут уничтожить Шанга. И тогда он сможет даже немного гордиться собой: в этом была маленькая толика его участия.

Барк посмотрел на Джил. Когда-нибудь — он будет молиться об этом — она снова станет собой. Пятно Шанга исчезнет, и Джил опять превратится в ту, которой он отдал свое сердце.

НО СОТРЕТСЯ ЛИ ПЯТНО ПОЛНОСТЬЮ? Ему показалось, что он слышит голос Фанд:

«Сотрется ли оно полностью, Барк Винтерс? Может ли тот, кто бегал с дикими зверями, опять стать когда-нибудь самим собой?..»

Обернувшись, Барк увидел дым, поднимающийся над проклятым садом. Нет, он ни в чем не был уверен...

Фредерик Пол
**КОГДА ВРЕМЯ
СОШЛО С УМА**

— Я очень долго искал вас, — произнес Рон Дайнин.

Уэбб Хилдрет осторожно прикрыл за собой дверь, опустился в кресло и попытался разглядеть прячущегося в полумраке человека. Он потянулся было к выключателю, но человек жестом остановил его.

— Не надо, — попросил он, — яркого света.

— Не понимаю, как вы оказались здесь? — пробормотал Хилдрет.

Рон Дайнин прожестикулировал указательным пальцем, это замечало пожатие плечами.

— По крайней мере не через дверь, — ответил Рон. — Это ваше приспособление называется «замок»? Так он для меня не преграда. Я просто вошел. Но вас не оказалось дома, и я ждал.

Хилдрет недоуменно потер подбородок. Хотя он и был раза в два выше незнакомца в забавном одеянии, ощущение все же не из приятных, и было бы спокойней, если бы лежащий в спальне трофейный «люгер» оказался под рукой. Особенно ему не нравилось, что незнакомец одет как на пляже — в короткие штаны и безрукавку.

— Кто вы и что вам нужно? — отчеканил Хилдрет.

Дайнин улыбнулся и повторил непонятное движение пальцем:

— Я, Рон Дайнин, просто хотел встретиться с вами.

— О'кей! Вот я. Что дальше?

Рон Дайнин вздохнул и оглядел комнату.

— Разрешите присесть? — вежливо спросил он. — Я очень устал!

Хилдрет понемногу начал осваиваться в необычной ситуации. Он достал трубку и набил ее крепким дешевым табаком.

— Присесть? Конечно, вот кресло-качалка, а там табурет.

Дайнин кивнул и взобрался на табуретку. Уэбб только сейчас увидел, насколько незваный гость мал ростом.

— Именно таким я вас себе представлял, Уэбб, — изрек незнакомец.

— Меня?

Дайнин улыбнулся, глядя на Уэбба почти по-отечески.

— Ну да. Странная одежда, грубоватая речь. А главное — сходство. Оно еще сильнее, чем я предполагал.

— Послушайте! Эта, как вы выражались, странная одежда обошлась мне в шестьдесят долларов. Кстати, о каком сходстве вы твердите?

— Вы все еще не заметили? — удивился Дайнин. — Но ведь... А-а, понимаю. Вы плохо видите в темноте, да? — Он задумался. — Ладно, включите свет. Только, умоляю, ненадолго.

Уэбб Хилдрет проворчал что-то себе под нос, но подчинился. Он включил свет и повернулся, чтобы рассмотреть Рона Дайнина, восседающего на табурете. Глаза гостя были прищурены от яркого света.

— Так что за сходство? — настаивал Уэбб. — Все, что я вижу, — это... — Он вдруг запнулся, уставившись на лицо гостя.

— Боже милостивый! — прошептал Хилдрет. — Ведь мы как две капли воды похожи друг на друга!

— Свет! — взмолился Рон Дайнин.

Уэбб автоматически выключил свет, продолжая смотреть на незваного гостя, который снова растворился в полураке. Дайнин с облегчением вздохнул.

— Ужасное ощущение, — пояснил он. — При таком ярком свете я не находился уже больше года, когда был еще почти... здоров.

— Вы хотите сказать, что свет вам вреден?

— Да. У вас это называют светобоязнью. У нас же у этой болезни нет названия, просто недуг. Им я мучаюсь два года.

— Рассказывайте, — потребовал Уэбб. — Я хочу знать все. Почему вы так похожи на меня?

Рон Дайнин покачал головой.

— Вам не понять. Пока.

— Хорошо. Тогда скажите, откуда вы?

Рон Дайнин снова покачал головой, и Уэбб заметил, что он улыбается.

— Я не «откуда», — произнес Рон. — Я из «когда». Вы живете в тысяча девятьсот сорок девятом, а я прибыл из три тысячи пятьдесят четвертого. Возможно, плюс-минус год или два. Дело в том, что во время Великой войны мы сбились с летосчисления, и поэтому...

— Провались оно пропадом, ваше летосчисление, — грубо перебил Уэбб. — Продолжайте же!

— Так вот я прибыл из года три тысячи пятьдесят четвертого. Вам в это трудно поверить, но это чистая правда. Мной овладел недуг, и я должен был умереть против своей воли. Тогда я украл «Хрони» и очутился здесь. Я всегда хотел повидаться с вами, естественно, с тех пор, как узнал о вашем существовании.

— Надеюсь вы не шутите? — Хилдрет был ошеломлен. — А что такое «Хрони»?

— Машина, на которой я попал к вам. Она в соседней комнате. — Дайнин указал в сторону кухни.

— Простите, — Уэбб Хилдрет вскочил и опрометью бросился в кухню, краем глаза заметив, что Рон собирается последовать за ним.

У двери Уэбб остановился как вкопанный: посреди кухни возвышался семи футовый предмет, похожий на луковицу, и слегка светился в темноте молочным светом. Уэбб хотел было приблизиться к нему, но остановился.

— Это машина времени? — пробормотал он. — Настоящая действующая машина времени?

— Да, конечно, — кивнул Рон, стоявший сзади. — Мы называем ее «Хрони».

Уэбб с удивлением рассматривал парящее в воздухе устройство. В его маленькой и хорошо знакомой кухне оно казалось огромным и чужеродным.

Внезапно Уэбб тревожно воскликнул:

— Нужно ее убрать отсюда. Здание старое, а эта штука, должно быть, немало весит!

— О нет. — Дайнин проскользнул мимо него на кухню, подошел к машине и слегка нажал на нее. Машина опустилась на пол.

Уэбб вытаращил глаза.

— Она плавает, — глуповато заметил он. — Это что, твердый гелий? Настала очередь Дайнина уставиться на Уэбба с удивлением.

— Так вы, выходит, знаете о «Хрони»? Конечно, в ней есть твердый гелий. Из него сделаны катушки, чтобы избежать сопротивления. А легкая она из-за антигравитации.

— Антигравитации?

— Да. — Речь Дайнина стала профессиональной. — Само собой, какая-то часть массы «Хрони» остается ненейтрализованной. Иначе как бы она удерживалась в поле притяжения Земли во время перемещений во времени? Но, с другой стороны, нужно учитывать возможность ошибок при локализации в пространстве. Поэтому машина должна обладать максимальной мобильностью, чтобы не повредиться при столкновении с поверхностью Земли. Это, в свою очередь, предполагает...

— Хватит, хватит! — взмолился Уэбб. — Я все равно не понимаю, о чем идет речь.

Дайнин пожал плечами.

— Хорошо, но я должен кое-что объяснить. Я беглец и пришел сюда за помощью.

— Беглец от чего?

Дайнин поколебался немного.

— Я непригоден к дальнейшей жизни, — наконец произнес он. — По крайней мере так гласит наш закон. Кодекс предусматривает умерщвление всех страдающих недугом. Кроме того, я всегда был неприс-

пособлен к жизни во многих отношениях. Уже с самого детства меня от многоного, — он тщательно подбирал слово, — предохраняли. Меня предохраняли от женитьбы, от работы, которая мне нравилась, от всего, что я хотел делать. Я рос в специальном заведении.

Он взглянул на Хилдрста.

— Понимаете, Уэбб, я представлял собой то, что называется атавизмом. Во всяком случае я больше похож на человека двадцатого столетия, чем на своих современников. Поэтому, после того как я бежал, я направился к вам.

Уэбб постучал по молочно-белому яйцеобразному корпусу. Послыпался кристально чистыйibriрующий звон...

— Господи! Неужели в твоем времени не нашлось места, где можно было бы укрыться? Какой-нибудь другой страны?

Дайнин рассмеялся.

— В моем времени существует только одно государство, Уэбб! Иначе и быть не могло после Великой войны — другого способа спасти планету не было. У нас одно правительство, и оно правит всем миром. Они нашли бы меня, где бы я ни спрятался. Поэтому я вынужден был покинуть свое время, выкрасть «Хрони» и отправиться к тебе. Потому что ты — мой двойник!

Уэбб сделал попытку усмехнуться.

— Двойник? Ты, наверное, имеешь в виду, что я твой пррапрапрадушка или что-то в этом духе?

— Двойниками являются наши разумы. И тела обладают определенными сходствами. Но это естественно, раз мы так похожи друг на друга. Я обследовал множество разных времен и нашел твой разум — двойник моего собственного. Не думаю, что меня будут преследовать. В противном случае... — При этих словах лицо Рона вмиг постарело и стало утомленным. — В противном случае, — повторил Рон, — я, возможно, принесу тебе гибель!

Хилдрст нервно закашлялся и только тогда вспомнил, что его трубка давно погасла. Когда вспыхнула спичка, Дайнин вздрогнул, как от боли, и отшатнулся. Уэбб быстро потушил огонь.

— Что ты имеешь в виду, говоря о гибели? — спросил он.

— Я уже говорил тебе, что приговорен к смертной казни. А из-за того, что ты так похож на меня и так сходно строение наших умов, они могут заодно убить и тебя. Я, конечно, принял меры предосторожности, — торопливо добавил двойник и указал на машину времени. — Я включил интерференционное поле, затрудняющее локализацию. Но обнаружить мою «Хрони» все-таки можно.

Уэбб устало потряс головой.

— Для меня это уже слишком, — пробормотал он.

Подойдя к машине, он заглянул внутрь через круглое отверстие и увидел уютную маленькую каюту на двух некрупных пассажиров.

Перед светящимся пустым экраном располагались два кресла, обитые чем-то вроде кожи. Их широкие подлокотники были сплошь утыканы множеством кнопок и рычажков. Над экраном тревожно мигала маленькая красная лампочка.

— Что это за лампочка, Рон? — спросил Хилдрет.

— Лампочка? — Рон Дайнин подошел ближе и заглянул внутрь. Уэбб услышал за спиной его сдавленный голос:

— Это усмирители! Они ищут нас с помощью другой «Хрони»!

В машине Дайнина вдруг раздался металлический звон, и на подлокотниках кресел одновременно загорелось несколько лампочек разных цветов.

— Назад, Уэбб! — скомандовал Дайнин. — Кажется... Да, так и есть! Они пытаются расстроить вибратор!

Он обхватил Хилдрета за пояс и оттащил назад с легкостью, неожиданной для такого хилого на вид человека. Уэбб попятился, отступая в комнату. И тут они увидели беззвучную бело-голубую вспышку в кабине «Хрони». Затем раздался шипящий звук.

— Сгорел! — прошептал Дайнин. Они сожгли интерференционный вибратор! Теперь их ничто не остановит!

— У меня есть пистолет, — растерянно произнес Уэбб. — В спальне. Я, пожалуй, пойду за ним.

— Пистолет! — истерично рассмеялся Дайнин. — Не стоит, Уэбб! Посмотри! — он указал пальцем в угол комнаты.

Послышался какой-то звук, и по штукатурке пробежала трещина. Она становилась все длиннее и глубже, показалась дранка. Пролом начал наполняться каким-то сероватым туманом, который пронзали сполохи необыкновенно ярких цветов. Постепенно туман приобретал форму. Светящаяся конструкция заполнила комнату. Часть ее находилась за проломом в соседней квартире. Машина была почти кубической, высотой футов в десять, по ее молочно-белой поверхности извивались потоки разноцветного пламени. В светящемся корпусе появилось отверстие. Из него на пол спрыгнули два существа в темной форме, похожие на горилл. С их запястий свисали жезлы.

— Усмирители! — в отчаянии воскликнул Дайнин.

Уэбб растерялся, но лишь на мгновение. Слишком велика была опасность; для раздумий времени не оставалось.

— Держись, Рон, — крикнул он. — Я сейчас возьму пистолет.

Хилдрет бросился в спальню и вытащил из тумбочки у изголовья кровати свой трофеинный «люгер». В это время двое гориллоподобных набросились на помертвевшего от страха Дайнина, повалили на пол и принялись совершать вокруг неподвижного тела загадочные движения.

Хилдрет увидел это находясь еще в спальне. Но из машины за ним, видимо, тоже наблюдали. Послышалось сухое электрическое потрески-

вание: к нему по воздуху направлялся небольшой светящийся шарик. Не долетев до цели совсем немного, он вдруг исчез. Электрический разряд повалил Уэбба на пол. Некоторое время он без движения лежал оглохший и ослепший. Выпавший из рук «люгер» валялся рядом.

Два усмирителя, занимавшиеся Дайнином, уловив движение, обернулись с возгласами удивления. Уэбб оттянул затвор и дослал патрон в казенник «люгера» как раз в тот момент, когда из машины показался второй шарик. Он быстро приближался к Уэббу по прямой, но на полпути заколебался, свернулся к металлическому торшеру и разрядился в него.

Уэбб выругался и, перекатившись на левый бок, выстрелил прямо в люк на борту машины времени. Внутри кто-то вскрикнул — это был крик смертельно раненного существа. Раздался металлический скрежет, поверхность машины вновь покрылась разноцветными сплохами и неожиданно исчезла. Но оставались двое в черной форме.

Хилдрет вскочил, бросился на ближайшего из них и с размаху ударил его рукояткой пистолета в переносицу. Гориллоподобный свалился на пол и на некоторое время вышел из игры.

От удара пистолет выпал из руки Уэбба. Безоружный Хилдрет остался один на один со вторым гориллоподобным. Рот того искривился в садистской усмешке. Он медленно поднял свой жезл и нацелил его прямо в живот Уэббу. На конце жезла угрожающе сверкнула линза, и появился еще один огненный шарик.

Уэбб попытался увернуться от струйка энергии. Кулаком он ударили гориллоподобного по сгибу локтя и подбросил его руку вверх. Затем обхватил запястье врага и вывернул руку. Существо вдруг вскрикнуло удивительно высоким голосом и выронило жезл. Тело его оказалось упругим, точно резина, и Уэббу никак не удавалось покрепче ухватить противника. Тот извернулся и попытался вцепиться Уэббу в волосы, расцарапав ему все лицо.

Тогда Уэбб принялся наносить мощные, точно рассчитанные удары по массивной туше. Здоровяк взревел и отшатнулся. Теперь вести бой по правилам было невозможно. Дралась эта туша не лучшим образом, но сдаваться, кажется, не собиралась. Удары Уэбба отбрасывали противника назад, но тот с удвоенной яростью снова кидался в бой, пытаясь вцепиться Уэббу в голову.

Хилдрет стал задыхаться: сказывалось превосходство его противника в весе. Получив сокрушительный удар в область сердца, Уэбб отлетел к стене. Перед его затуманенным взором маячило тупое и бесформенное лицо. Уэбб усилием воли, стараясь не потерять сознание, наблюдал за противником.

И тут толстяк допустил грубейшую ошибку, слишком близко подойдя к Уэббу. В момент, когда тот приблизился почти вплотную, Уэбб из последних сил пнул его носком ботинка. Удар пришелся прямо под ребра. Издав какой-то странный булькающий звук, гориллоподобный

согнулся пополам и замертво рухнул на пол. Уэбб для верности еще раз пнул его, на сей раз прямо в ухо.

Раза два Уэбб с силой втянул в себя воздух, затем огляделся, увидел свой «люгер» и два жезла, лежащие на полу, и поднял их. После этого он отправился на поиски Рона. Дайнин оказался цел и невредим, но лежал на полу спленутый так туго, что не мог пошевелить пальцем. На отливающих металлом лентах не было узлов, поэтому Уэбб никак не мог распутать Рона.

— Минутку, — пробормотал он распухшими губами.

На кухне Уэбб с опаской обогнул бледное яйцо «Хрони» и через минуту вернулся к двойнику с большими ножницами по металлу. Не успел он подсунуть их под ленты, стягивающие Рона, как на улице послышались полицейские сирены и заскрипели тормоза. Глаза у Рона расширились от страха.

— Усмирители? — выдохнул он.

Уэбб кивнул головой.

— Мы называем их копами.

Он заработал ножницами. Металл хрустел, и путы на руках Рона распались, высвободив часть какой-то внутренней энергии. На лестнице послышались тяжелые шаги. Уэбб сунул ножницы в карман.

— Эта твоя штуковина, «Хрони», — коротко спросил он, — сможет взять двоих?

Рон, все еще со связанными ногами, кивнул.

— Тогда пора двигать отсюда, — решительно заявил Уэбб и взвалил Рона на плечи. — Через минуту они начнут стрелять в замок.

Оvalная машина времени по-прежнему стояла посреди кухни. Дайнин сделал непонятный жест рукой, и в боку машины появилось отверстие, как раз достаточное, чтобы внутрь забрался один человек.

Уэбб просунул сначала Рона и только собрался лезть за ним, как услышал, что полицейские уже топают в прихожей. Видимо, дверь не выдержала, и в квартиру ввалилась целая толпа копов в голубых мундирах. Уэбб оглянулся через плечо и напоследок успел заметить, что полицейские столпились у двух неподвижных усмирителей. Люк закрылся за спиной Уэбба, и они оказались почти в полной темноте.

Глава 2. В ГЛУБЬ ВРЕМЕНИ

Голоса и крики полицейских резко оборвались, как только отверстие закрылось. Небольшую кабину «Хрони» наполнила гнетущая тишина. Уэбб озабоченно взглянул на то место, где только что находился люк.

— Ну что ж, — промолвил он. — Тронулись?

Рон, в это время вглядывавшийся в экраны, обернулся к нему и сказал:

— Не бойся, сюда им не добраться! Помоги мне освободить ноги.

Уэбб снова выудил из кармана огромные ножницы, помянув про себя недобрым словом тесноту кабины. Тяжело дыша, он подсунул ножницы под ленты, стягивающие лодыжки Рона, опять послышался треск и посыпались искры. Уэбб облегченно вздохнул и поднялся.

— Ну вот, — сказал он. — Все в порядке. Можно двигать отсюда!

Рон кивнул, и пальцы его забегали по кнопкам на ручке кресла. Сигналы тревоги и красные лампочки отключились, а на переднем экране появилось круглое зеленое пятно.

— Мы отправимся назад, в прошлое, — объяснил Рон. — Чем дальше мы заберемся, тем труднее им будет найти нас.

Уэбб расслабился в своем мягкому кресле, расположенному рядом с креслом Рона, правда, настолько, насколько позволили болевшие мышцы. Осторожно ощупав свое разбитое лицо, он убедился, что кости целы, зато все тело болело от чувствительных ударов, нанесенных здоровенным усмирителем.

«А впрочем, — подумал Уэбб, — бивали меня и раньше, зато в машине времени сижу первый раз в жизни!»

Возбуждение прямо-таки пульсировало в нем, переполняло тем сильнее, чем больше он осматривался в царившем внутри «Хронии» полумраке. Он заметил, что Рон нажал ногой педаль и машина едва заметно завибрировала. Тонкие пальцы Рона двинули какой-то рычаг, похожий на вопросительный знак, и вибрация перешла в ровную сильную тряску.

Через плечо Рона Уэббу был виден большой циферблат, немного похожий на спидометр, но цифры на его шкале менялись с необычайной скоростью. На туманной поверхности экрана мелькали некие призрачные видения — смутные серые силуэты зданий, которые, казалось, то начинали раскачиваться из стороны в сторону, то расти вверх, то становиться ниже. Но вскоре эти изображения исчезли, и экран стал зеленым.

Внимание Рона привлекли вспышки света. Через неравные промежутки времени экран освещался пульсирующим светом, потом свечение как бы уходило вглубь и превращалось в дрожащую извилистую линию с утолщением в середине.

Каждый раз, когда на экране появлялась эта линия, раздавался негромкий мелодичный звон. Хилдрет коснулся плеча Рона.

— Что это?

Рон взглянул на дрожащую линию и нахмурился.

— Это те, кто охотится на нас, брат по разуму. Свечение показывает, что другая машина времени пытается синхронизироваться с нами. А звонок срабатывает каждый раз, когда они оказываются рядом. — На лице Дайнина было отчаяние. — Они хотят догнать нас во времени,

понимаешь? Когда им удастся это, они обстреляют нас электрическими разрядами и выведут из строя механизм нашей «Хрони», как в тот раз, когда им удалось сжечь интерференционный вибратор. После этого «Хрони» остановится, и они отправят нас обратно в свое время, как двух животных, сбежавших из зоопарка.

На экране мелькнуло нечеткое изображение машины преследователей. Свечение целиком заполнило экран, машину тряхнуло, и Уэбба от сотрясения отбросило к стене кабины. Преследователи проскочили совсем рядом.

— Уэбб, — донесся тихий голос Рона, — что с тобой?

— Вроде бы все в порядке, — отозвался Уэбб. — По крайней мере так мне кажется.

— Тогда держись! Я хочу попробовать оторваться от них. Правда, это довольно опасно, но... — Рон вдруг рассмеялся. — Но попадать им в руки не менее опасно.

Уэбб не успел заметить, что сделал Рон, но движение машины как-то изменилось. Пол кабины вдруг ушел из-под ног, и Уэббу показалось, что он очутился на палубе глиссера, несущегося по волнам. Рон снова чуть слышно рассмеялся.

— Это событъ их с толку, — заметил он. — Конечно, у нас могут полететь катушки... но какое это имеет значение? Я соединил провода напрямую. Теперь они вряд ли догонят нас. Мы будем двигаться скачкообразно.

Уэбб молчал; ему в жизни приходилось много раз выслушивать подобные заявления за миг до того, как неожиданно обрушивалась вражеская артиллерия. Он нащупь нашел какую-то ручку и вцепился в нее, ожидая, что будет дальше. А беда неотвратимо приближалась — Уэбб кожей чувствовал это. Он тревожно взглянул на экран. Машина преследователей снова вынырнула из ниоткуда, и на экране было видно, как она движется. Вновь ослепительно вспыхнул свет близкого разряда, и пол ушел из-под ног.

Затем вспышки стали следовать одна за другой, как молнии, освещая кабину. Разряды энергии бросали «Хрони» из стороны в сторону. Казалось, машина времени сошла с ума. А затем разряд попал прямо в них. «Хрони» бешено закрутилась на месте.

Откуда-то снизу, из механизма «Хрони», поврежденного разрядом, донесся пронзительный электронный визг. Похоже было, что гудит какой-то звуковой генератор. Сокрушительная ударная волна обрушилась на Рона и Уэбба. Точные приборы под действием удара мгновенно расстроились. Измерители и циферблаты стали безбожно врать. Сверхпрочные стенки «Хрони» ходили ходуном, но выдерживали.

И все же сокрушительная сила нашла слабое место в корпусе машины! Послышался звук рвущейся ткани, и выходное отверстие в корпусе кабины разошлось. Рон и Уэбб стали игрушками сил, до сих пор бушевавшими в машине.

вавших снаружи. Антигравитационное поле «Хрони» прекратило свое существование, и они, как апельсиновые косточки, выскочившие из пальцев гиганта, вылетели через открывшийся люк наружу.

При ударе о землю Уэбб на миг потерял сознание. Потом придя в себя, потряс головой, разгоняя наполнивший ее туман, и осмотрелся. Он лежал в густой траве. Неподалеку от него какая-то фигура, пошатываясь, шла в неопределенном направлении, а затем со стоном повалилась на землю. Уэбб даже не успел рассмотреть кто это.

Уэбб приподнялся на локте. Ярдах в двух от него, накренившись, стояла «Хрони». Отверстие в корпусе было искорежено, а сам корпус больше не светился, стал черным и обожженным. Воздух вокруг «Хрони» был насыщен неясными запахами, свидетельствующими о скрытых силах, еще теплящихся в машине.

Они находились в лесу на поляне, окруженней высокими деревьями. Ветер шумел в кronах, воздух был свеж и прохладен. Небо с пугающей быстротой затягивалось тучами.

— Уэбб! — донесся до Хилдрета полный боли голос Рона.

Уэбб неуверенно поднялся и увидел Дайнинга, лежащего неподалеку в траве лицом вниз. Он закрывал глаза обеими руками, чтобы не видеть дневного света. Уэбб опустился на колени рядом. На траве вокруг была видна кровь.

— Рон, — мягко произнес он. — Давай я помогу тебе.

— Нет, — вздохнул Дайнин. Судя по этому хрюпну, он страдал от невыносимой боли. — Этому телу уже не поможешь, Уэбб, оно полностью искалечено. Но я не очень жалею об этом. Все равно ведь недуг убил бы меня месяцев через шесть.

Плечи его напряглись от непомерного усилия. Приподнявшись, он оперся спиной о ближайший пенек. Глаза Рон по-прежнему прикрывал руками.

— Я должен сказать тебе, Уэбб, что-то очень важное, — продолжил он. — Послушай, помнишь, я говорил тебе о нашем сходстве? И речь шла не просто о том, что мы похожи лицом и телом. Близнецами являются и наши разумы. Строение твоего мозга является точной копией моего. Мы мозговые близнецы! Я отыскал тебя потому, что очень нуждался в тебе. Теперь я могу сказать почему.

— Рон, пожалуйста, помолчи сейчас! Отдохни, а как только ты наберешься сил...

— Нет, я уже никогда не наберусь сил. Послушай, Уэбб, «Хрони» все еще работает, хотя и вышла из-под контроля. Она излучает интерференционное поле всей своей мощностью. Я не знаю, к чему это приведет, это выходит за рамки моего опыта. Но я уверен, что на некоторое время мы избавлены от усмирителей. По крайней мере на время, достаточное, чтобы ты успел сделать то, о чем я тебя попрошу.

— Сделать?

— Да, Уэбб. — Рон конвульсивно закашлялся, глотнул воздуха и некоторое время от боли не мог продолжать. — В этом теле я умираю. Но если ты поможешь мне, я не умру. Если ты впустишь меня...

— Впущу тебя? Ты имеешь в виду...

— Наши умы совершенно идентичны, то есть сходство таково, что в вашем языке просто нет слова, определяющего его, поэтому точнее я выразиться не могу. Это значит, что я могу жить в вашем мозге, если ты впустишь меня в него. В вашем мозге будут существовать два сознания, которые со временем сольются в одно. Поначалу ты ничего не почувствуешь, но постепенно твое сознание впитает мое, и ты станешь обладателем моих знаний и опыта. Конечно, это займет определенное время: ваш мозг должен приспособиться, создать новые нервные связи.

— Ты хочешь, чтобы я впустил тебя в свой мозг? — Уэбб не испугался, а скорее удивился.

— Да, пожалуйста, Уэбб. Пойми, я смогу сделать это только с твоего согласия! И... я обещаю, что тело по-прежнему останется твоим. Ты не утратишь своей личности, своей — как это у вас называется? — индивидуальности, но приобретешь часть моей!

Взгляд Хилдрета был полон сострадания к измученному умирающему человеку. Он осторожно коснулся плеча Дайнинга и спросил:

— Что нужно делать?

— Спасибо, Уэбб.

На мгновение Дайнин вновь потерял способность говорить. На лбу у него выступили капельки пота, стекавшие между пальцами. Наконец, он с усилием произнес:

— Тебе необходимо что-нибудь такое, на чем бы ты смог сосредоточить взгляд. У тебя есть что-нибудь блестящее: металлическая пряжка или нож?

— Лупа подойдет?

— Вполне. — Голос Рона стал еле слышен. — Смотри на нее, Уэбб. Найди на ней сверкающую точку и смотри на нее. Думай о ней. Просто думай о свете.

Уэбб повертел лупу в руке, рассматривая ее и ловя отражение. В его ушах звучал тихий голос Дайнинга:

— Думай о свете, Уэбб. Думай о том, что вокруг не осталось ничего, кроме света. Только эта искорка света...

Нагнув голову, Уэбб уставился на маленький отблеск света в лупе. Рука его дрогнула, искорка мигнула, но Уэбб не отрывал взгляда. Голос Дайнинга перешел в шепот, а потом стал вообще еле слышным.

Спустя некоторое время Уэбб понял, что не видит больше ни лупы, ни леса, не умирающего человека рядом с собой. Не было ничего, кроме нарастающего звука, который сначала был похож на шум ветра в листве

деревьев, а затем перерос в рев бури, понесшей его, как осенний листок, прочь из мира, в черную пустоту бездны.

Беспомощно и затерянно парило в этой бездне бесцелесное «я» Уэбба, пока прямо из окружавшей пустоты не раздался дружелюбный голос Рона:

— Все в порядке, Уэбб!

— Где... где мы? — судорожно сглотнув, спросил Уэбб.

В ответ раздался смех.

— Нигде, Уэбб. Это просто мысль. — Голос Дайнинга изменился, стал серьезным. — Мое сердце перестало биться. Я должен поторапливаться. Я вхожу в тебя, Уэбб. Ты можешь что-то почувствовать при этом, но не противься! Это не нанесет тебе вреда. Даю слово, ты еще очень долго не будешь чувствовать, что я в тебе. Ты готов, Уэбб?

Уэбб дал свое мысленное согласие, и его наполнило ощущение приятного тепла, растекающегося по всему телу. Затем возникло странное чувство двойственности, как будто он одновременно был и собой и своим отражением в зеркале. Он беззвучно вскрикнул от болезненного расширения своего существа.

Хилдрет ощутил холод космического пространства и почувствовал, что со все увеличивающейся скоростью падает куда-то вниз, вниз и вниз.

Когда он очнулся и огляделся, то увидел, что все осталось без изменений: ветер все также шумел в кронах деревьев, все также гнал по небу облака. Рон Дайнин по-прежнему лежал у его ног. Он был мертв.

Вздохнув, Уэбб с трудом поднялся на ноги. Напоследок коснулся худого угловатого тела и пошел прочь. Друзья и раньше умирали у него на глазах, и он ничем не мог им помочь.

Он устало взглянул на видневшийся невдалеке почерневший обожженный корпус «Хрони». Марево над ней стало более плотным, и внутри нее происходило какое-то неясное движение. Уэбб не понимал, в чем тут дело, но за последние два часа он столкнулся с таким множеством непонятных вещей, что уже ничему не удивлялся. Возможно, машина еще работает, в таком случае она, хотя и поврежденная разрядами усмирителей, сможет доставить его домой.

Идти было трудно. Поднялся ураганный ветер, тяжелые дождевые капли секли лицо. Уэббу казалось, что он направляется прямо в центр бури. Он согнулся почти до земли, но идти все равно было невозможно.

Уэбб остановился и наконец понял, в чем дело: идти ему мешал не только ветер. Антигравитационная установка «Хрони»! Она все еще работала, создавая поле, которое вышвырнуло их с Рони из машины! Уэбб еще некоторое время бездумно пытался бороться с антигравита-

цией, но потом верх взял здравый смысл, и он оставил бесплодные попытки.

Ничто на свете — по крайней мере из доступного Уэббу Хилдрету — не помогло бы ему преодолеть невидимый силовой экран. Хотя «Хрони» и была совсем рядом, чтобы воспользоваться ею, нужно было отправить ее через бесконечные столетия обратно на завод, отремонтировать и вернуть назад.

Долгое время Уэбб стоял молча. «Никогда еще за всю историю человечества ни один человек не бывал так одинок, как я», — подумал Уэбб.

Лес, окружавший поляну, не был нью-йоркским, хотя Рон Дайнин уверял его, что «Хрони» движется не в пространстве, а только во времени. Если его не окружали многочисленные небоскребы Нью-Йорка, то это могло означать только одно — он находится в эпохе, в которой их еще не существовало! А где же тот путь, который приведет его домой?

Тоскливо взглянув на «Хрони», которая находилась от него буквально на расстоянии вытянутой руки, Уэбб четко осознал, что на самом деле машина так же далека от него, как самая далекая звезда. Вот если бы ему как-нибудь удалось отключить силовое поле!.. Но и это ему не помогло бы. В уме Уэбб перебрал все, что помнил о «Хрони». Во-первых, он не может попасть внутрь «Хрони». Во-вторых, если это ему и удастся, он не имеет никакого представления, как управлять машиной. В-третьих, даже если бы первый и второй пункты были осуществлены, то воспоминание о развороченных внутренностях машины отнимало всякую надежду на то, что ее удастся запустить.

Ясно было, что Уэббу Хилдрету так легко отсюда не выбраться! Кроме того, он совсем забыл об усмирителях. Рон Дайнин говорил что-то насчет того, что они могут обнаружить их, а еще он говорил, что загадочное силовое поле вокруг «Хрони» может быть опасным, если каким-то образом выйдет из-под контроля.

Уэбб не имел представления, что это могло означать. Но понимал, что ничего хорошего его не ждет. Потом он вспомнил о душераздирающей сцене смерти Рона Дайнина. Сон это или действительно произошло совершенно невероятное слияние двух разумов, проникновение чужого ума в его мозг?

Уэбб попытался мысленно позвать Рона Дайнина. «Рон! — беззвучно взывал он. — Если ты слышишь меня — отзовись, пожалуйста!» Но ответа не было. Уэбб смутно припомнил, что поначалу не будет ощущать присутствия Рона. По крайней мере так говорил сам Рон. И вновь Уэбб почувствовал себя одиноким более чем когда-либо в этом незнакомом тихом лесу, где только ветер гулял в вершинах деревьев.

На самом деле он был не один. Среди деревьев краем глаза он ви-

запно заметил какое-то движение — силуэты человеческих фигур. Уэбб закричал так громко, что заглушил на мгновение даже шум ветра. Вытянув перед собой руки, он пошел прямо навстречу затаившимся людям.

Глава 3. ЗАТЕРЯННЫЕ ВО ВРЕМЕНИ

Из-за деревьев раздался ответный крик. На поляну из леса вышел смуглый человек и молча уставился на Уэбба. Вслед за ним показались остальные темнокожие в золотистых штанах до колен, вооруженные пиками и короткими тяжелыми луками. С гордыми возгласами они окружили Уэбба и с детским интересом принялись его разглядывать.

— Индейцы! — пробормотал Уэбб. — Боже правый!

«А впрочем, — подумал он, — это вполне логично. Ведь в прошлом Америка была населена именно индейцами, а я как раз и нахожусь в прошлом!» По крайней мере он с облегчением отметил, что его не занесло в эпоху неандертальцев или гигантских динозавров.

Меднокожий вождь приблизился к Уэббу и обрушил на него целый поток непонятных звуков.

— Прошу прощения. — Уэбб отрицательно покачал головой. — А вы случайно не умеете говорить по-английски?

Из толпы послышалось ворчание. Один из индейцев указал на лицо Уэбба, украшенное двухдневной щетиной. Безо всякой враждебности, обмениваясь удивленными возгласами, они стали трогать его одежду, ощупывать светлую кожу.

Уэбб наблюдал за индейцами со все возрастающим смятением. Их поведение безусловно доказывало, что в радиусе многих миль отсюда, а возможно, даже на целом континенте не было ни одного белого человека! С каждой минутой он все яснее осознавал, в какую пучину времени забросила его судьба.

И все же, пусть они и дики, но в его нынешнем положении и такая компания была кстати! Уэбб решил провести небольшой эксперимент с помощью языка жестов. Сделав знак вождю, он рукой указал на мерцающий корпус «Хронис», а затем на себя. Толпа завыла, и от этого волосы на голове Уэбба встали дыбом.

«Боже мой, — запаниковал он, — что я наделал?» Но оказалось, что не он послужил причиной волнения: на прогалину набежала тень, но то была не грозовая туча. Уэбб вслед за индейцами посмотрел вверх, чтобы увидеть предмет, отбросивший ее.

Поблескивая серовато-металлическим цветом, над самыми верхушками деревьев кружился планер. Во время одного из заходов слу-

чайный порыв ветра задрал вверх его крыло. Планер закачался в воздухе, пилот отчаянно пытался выпрямить его, но было слишком поздно: машина резко пошла вниз и врезалась в деревья с подветренной стороны поляны.

Уэбб и до этого находился в угнетенном состоянии, а теперь его смятение усилилось: не успел он определиться во времени и решить, что находится в Америке доколумбовой эпохи, как вдруг появляется этот сверкающий летательный аппарат — продукт явно технологической цивилизации — и сводит все его догадки на нет!

От невероятности происшедшего он буквально осталенел и с вытаращенными глазами наблюдал катастрофу. К тому времени, как он пришел в себя, индейцев и след простыл. Последний из них с поразительной быстротой уже исчезал в темных лесных зарослях.

Еще мгновение Уэбб оставался на месте, а затем опомнился и побежал к планеру. Он не пробежал и половины пути до места крушения, когда мимо что-то пронеслось с неприятным звуком рвущейся материи. За спиной раздался взрыв.

Уэбб машинально оценил звук, сопоставив его с уже поблекшим от времени воспоминанием о минометной атаке в Сэн-Ло. Колени его автоматическим подогнулись, он упал плашмя на землю, стараясь как можно ближе прижаться к ней.

— Вот так встреча! — пробормотал он, вытаскивая из кармана «люгер».

Над головой снова послышался треск.

— Спокойно, — сказал он себе, — спокойно. Не дай подстрелить себя, Хилдрет. Этого парня постараитесь взять живым.

Немного задыхаясь, он пополз в густой траве окружным путем под укрытие деревьев. Дальше все было просто. Молниеносным броском он подобрался к самому корпусу планера, держа пистолет наготове.

— Бросай оружие! — приказал он. — Бросай оружие и выходи с поднятыми руками!

Ответом ему было молчание.

— Ну что ж, — решительно произнес Уэбб и нажал на курок. Пуля насеквоздь прошила тонкую металлическую обшивку и с визгом ушла куда-то в лес.

— Выходи! — повторил он.

Последовала пауза, затем изнутри послышалось негромкое ругательство, и на землю полетел длинноствольный пистолет. Из-под обломков машины вначале показалась голова, а затем и плечи пилота. Хилдрет приблизился к понуро стоявшему человеку, а когда взглянул ему в лицо, не смог сдержать удивленного восклицания:

— Так ты, оказывается, девица! Да еще из тех, кто запросто может пришибить первого встречного! Ты говоришь по-английски?

Односложный ответ был тихим. Уэбб усмехнулся.

— Прекрасно! Тогда объясни мне, пожалуйста, с чего это ты вздумала палить в меня?

Девушка уставилась на него, явно не поняв вопроса, но произнесла:

— А почему бы и нет? Ты ведь не из нашей шайки. Я бы убила тебя, но внутри планера все так искорежено, что даже двигаться трудно, не то что целиться!

Хилдрет опустил пистолет и подошел к ней почти вплотную. Девушка застыла на месте.

— Я не причиню тебе никакого вреда, — примирительно произнес Уэбб. — Я так же, как и ты, дьявольски нуждаюсь в помощи, поэтому... ух ты!

Нападение было так неожиданно, что Уэбб успел только увидеть холодный блеск лезвия ножа и отскочить в сторону. Силы были неравными: он легко вывернул руку девушки и повалил ее навзничь. Нож выпал, и Уэбб наступил на него ногой.

— Веди себя прилично, а то будет хуже! Если бы я хотел причинить тебе вред, я мог бы сделать это гораздо раньше.

Девушка молча поднялась с земли.

— Так-то лучше. А теперь послушай: мне необходима помощь. Тебе, видимо, тоже. Поэтому не дергайся и спокойно объясни мне, что все это значит. Ты хотела убить меня только из-за того, что я не из вашей шайки?

Недоуменно подняв брови, девушка некоторое время с любопытством разглядывала его.

— Ты какой-то странный. Если не собираешься убивать меня, то давай по крайней мере спрячемся от дождя, — наконец проговорила она.

Уэбб кивнул. На всякий случай он рассовал по карманам ее оружие. Теперь его арсенал, состоящий из двух парализующих жезлов и «лютера», пополнился ножом и пистолетом.

— Давай заберемся внутрь. — В планер он заполз первым, ногами вперед. Потом и она залезла в смятую кабину. Свободного места в ней почти не осталось. Он убедился, что девушка устроилась достаточно удобно и произнес:

— Порядок! Теперь можно поговорить.

Девушка пожала плечами и потерла ушибленную при падении руку.

— Я одна из бруклинцев, которые за рекой. Теперь, видимо, единственная. Банда «Адские врата» устроила на нас налет, и я успела смыться оттуда, но не думаю, что это удалось еще кому-нибудь. Теперь я просто не знаю, что мне делать — с моей шайкой, а значит, и со мной покончено; без своей шайки человек на девяносто процентов мертвец. Да, кстати, меня зовут Мэг, хотя нам с тобой от этого не легче.

Уэбб порылся в кармане, вытащил две сигареты и одну предложил девушке. Она неуверенно взяла ее и стала недоуменно рассматривать.

— Что это?

— Сигарета. Ты что, никогда не видела сигарет?

Он прикурил, жадно и глубоко затягиваясь, и протянул свою сигарету девушке.

— Попробуй сделать как я!

Она неумело затянулась и мгновенно закашлялась, да так сильно, что чуть не задохнулась. Лицо ее покраснело, глаза заслезились. Не скрывая испуга, девушка отодвинулась от Уэбба, насколько позволяла тесная кабина, и с недоверием посмотрела на курящего Хилдрета.

— Мне больше не хочется, — наконец хрюплю произнесла она. — Кстати, из какой ты банды? Что-то я раньше никогда не слышала о таких штуках. Да и такой пушки, как твоя, не видела ни у кого. Ты и впрямь какой-то странный!

— Неважно, откуда я, Мэг, — печально усмехнулся Уэбб, — ты все равно не поверишь мне. Может быть, я отвечу на твой вопрос, если ты скажешь, какой сейчас год.

— Какой год? Конечно же, две тысячи двести пятидесятый, какой же еще?

Уэбб невесело рассмеялся.

— А что, у вас в две тысячи двести пятидесятому еще водятся индейцы? Я, например, еще два часа назад находился в тысяча девятьсот сорок девятом. Ты — в две тысячи двести пятидесятому! Но, судя по виду этого места и самих жителей, здесь примерно девяностый год нашей эры плюс-минус пара сотен лет, если, конечно, тут вообще принято какое-нибудь летосчисление. Посмотри вокруг, Мэг. Разве это похоже на твои родные места?

В это время сильный порыв ветра сдвинул планер, и тот угрожающе покачнулся и чуть не опрокинулся. Пришлось торопливо выбираться наружу и снова оказаться под дождем. С темного неба послышался мощный раскат грома.

— Оглянись вокруг, Мэг, — повторил Уэбб. Вода текла с него ручьем.

Девушка испуганно схватила его за руку.

— Я летела над Старым Нью-Йорком, направляясь к долине Уолл-стрит, — а потом сразу подо мной оказался лес. Но к западу отсюда находится город. Я успела заметить его перед катастрофой, и он очень странный! Такой, каким мог выглядеть город перед Великой войной: с домами, вздымающимися к самым облакам и ничуть не разрушенными! Я никогда не видела ничего подобного, хотя прекрасно знаю все районы Нью-Йорка.

— Город? — Уэбб почти грубо схватил ее за плечи. — Пошли туда, Мэг, быстрей! Может быть, там нам помогут.

Мэг решительно освободилась от его рук и отступила назад.

— Они убьют меня! Я, конечно, знаю, что рано или поздно этого не миновать, но уж лезть самой прямо в петлю — благодарю покорно!

— Нет, нет, Мэг, они не станут убивать тебя! — рассмеялся Уэбб,

настроение которого значительно улучшилось от услышанного. — Обещаю тебе, что этого не случится! Пойдем со мной, а по пути я расскажу тебе, как живут у нас в двадцатом веке.

Некоторое время они стояли под прикрытием деревьев в ожидании, что дождь ослабнет. Когда ливень превратился в мелкий моросящий дождик, они направились на запад. Уэбб шел впереди, а Мэг устало плелась за ним. Но когда бы он ни обернулся, всякий раз видел на ее лице улыбку, дружескую и ободряющую. Мэг определенно была очень сильной и мужественной девушкой и в то же время весьма привлекательной внешне. Уэбб начинал жалеть, что им не пришлось встретиться при более благоприятных обстоятельствах, тогда они могли бы спокойно дать волю своим чувствам, легко и весело потрепаться.

Они все шли и шли молча, пока Уэбб внезапно не остановился. Мэг догнала его и встала рядом, глядя на то же, на что и смотрел и он.

— Как тебе это нравится? — нахмурился Уэбб.

Недалеко от них начинался обрыв, похожий на след от землетрясения. На вид он был совсем свежим, как будто какая-то гигантская машина только что выкопала громадное углубление. Свежая земля была влажной от дождя. Два толстенных дуба, росшие на самом краю обрыва, наполовину висели в воздухе, их длинные корни, как плети, свисали вниз. А под обрывом, смутно видимые из-за мелкого дождика, лежали непроходимые болота, и густой пар клубился над ними.

— Все это выглядит так, как будто болота здесь только что появились, — заметил Уэбб. — Интересно, откуда они взялись?

— Наверное, это ты притащил их с собой, — попыталась пошутить Мэг. — Раньше я ничего подобного не видела. К тому же, Уэбб, они выглядят такими древними!

— Да и воняет чем-то... — Уэбб с отвращением сморщил нос. Снизу доносился запах гниющих растений. — Знаешь, если наш профессор геологии был прав, то именно так Земля должна была выглядеть в доисторические времена. Задолго до появления человека... и думаю даже млекопитающих.

— Что ты имеешь в виду?

— Даже не хочется об этом думать, — неохотно произнес Уэбб и глубоко задумался.

Через некоторое время он уныло заметил:

— Во всяком случае независимо от того, старое это болото или новое, оно преграждает нам дорогу. — Он посмотрел налево, потом направо и нахмурился. — Обрыву не видно конца-края. Что скажешь, Мэг? Будем обходить болото или попробуем пересечь его?

— Не знаю, Уэбб, — растерянно пробормотала она. — Нет никаких ориентиров, и я боюсь, что мы заблудимся. Если мы потеряем дорогу в город...

— Какую дорогу? — фыркнул Уэбб. — Уж не думаешь ли ты, что

в этой луже навоза можно заблудиться! И все-таки мне кажется, что нам лучше немного пройти по краю. А если из этого ничего не выйдет, мы в крайнем случае сможем пойти напрямик.

Он сказал это так авторитетно, что Мэг без колебаний согласилась с ним. К северу местность немного повышалась, и они пошли в этом направлении. Теперь с одной стороны стоял лес, с другой лежали болота и трясина. Несмотря на то что дождь ослабел, воздух был тяжелым и сырьим от болотных испарений.

Уэбб никогда в жизни не видел такого огромного болота. Камень, брошенный в трясину, пробивал унылую однообразно зеленую ряску на поверхности, и на мгновение показывалась мертвенно-черная вода. Ничто не двигалось, насколько хватало взгляда, — только деревья да папоротники и совершенно неподвижная вода.

Более всего призадуматься Уэбба заставили деревья, растущие прямо на бесконечной трясине. Это были гиганты с массивными стволами, достигавшими в высоту сотни футов, с ажурными кронами. Другие были похожи на высоченные пальмы. Чешуйчатая поверхность их стволов вовсе не походила на обычную древесную кору, а длинные узкие листья группировались пучками на концах веток.

Папоротники выглядели настоящими древовидными монстрами, некоторые из них достигали в высоту футов шестьдесят и более, но на фоне гигантских деревьев они казались карликами.

Глядя на эту растительность, Уэбб все больше мрачнел. Если это и были американские болота двадцатого века, ему такого видеть еще не приходилось. Они постарше по меньшей мере на несколько миллионов лет. Самый настоящий анахронизм! Скорее всего болота относились к палеозою и странным образом были занесены на пятьдесят миллионов лет в будущее!

Уэбб повернулся к девушке.

— Держись подальше от края, — предупредил он. — Черт его знает, какая здесь глубина. Если ты упадешь туда, то выбраться, скорее всего, не удастся!

Мэг улыбнулась, но, как ей показалось, несколько кривовато и натянуто.

— Не беспокойся обо мне, — сказала она.

Вдруг глаза ее расширились от ужаса:

— Уэбб! Сзади!

Уэбб обернулся и с криком отскочил в сторону. Прямо на них летело страшного вида существо с веретенообразным туловищем и четырехфутовыми крыльями, издавая на лету пронзительное жужжение. По мере приближения существа это жужжение все больше напоминало звук работающего двигателя. Существо было похоже на стрекозу, но стрекозу совершенно невиданных размеров. Такая вполне могла убить.

Уэбб хотел вытащить свой «люгер», но было слишком поздно — чудовище было совсем рядом! Он увернулся и схватил лежавший на земле сук. Чудовище промахнулось, и совсем близко от себя Уэбб успел разглядеть мощные челюсти со множеством острых зубов. Челюсти лязгнули, но, к счастью, впустую. Каким-то краешком сознания Уэбб отметил, что это было очень похоже на разминку перед боем.

Мэг ничком бросилась на землю, и монстр пролетел над самой ее головой. Остановившись на некотором отдалении, он развернулся и с жужжанием вновь рванулся на них.

Уэбб бросился на помощь девушке, размахивая перед собой импровизированной дубинкой. Он ударил, но не попал. Чудовище, правда, отлетело в сторону, и это дало Уэббу возможность поудобнее перехватить сук. Гигантская стрекоза вновь бросилась в атаку. Уэбб размахнулся и нанес второй удар. На сей раз он попал в цель — в грудь противника. Стрекоза свалилась в кусты, сердито стрекоча и молотя крыльями по земле.

Уэбб ринулся к ней и, вложив в удар все свои силы, размозжил ей голову. Но даже у уже мертвого чудовища все еще продолжали трепетать крылья. Уэбб в изнеможении опустил свою палицу. Перед глазами все поплыло. Вдруг за спиной он услышал какой-то шорох и обернулся.

— Мэг! — с облегчением произнес он и помог девушке подняться с земли. — Ты в порядке?

Она исподлобья взглянула на него и принялась отряхиваться.

— В общем-то да, — наконец сказала она. — Если не считать того, что я чуть не умерла от страха. Ты с таким же успехом мог задушить ее голыми руками, а не размахивать этой дурацкой дубиной.

Уэбб рассмеялся.

— Я, видно, просто забыл о пистолете. Но ведь все-таки я победил ее!

— Ну а что мы будем делать, если появится еще одна такая тварь? Ты бы лучше отдал мой пистолет, с ним я себя как-то спокойнее чувствую!

Уэбб колебался не больше секунды, затем широко улыбнулся.

— Конечно, почему бы и нет. Дай мне только отдохнуться. — И они с Мэг уселись — он на ствол поваленного дерева, а она — на валун, торчащий из земли неподалеку.

Он вытащил из кармана ее небольшой реактивный пистолет и несколько мгновений разглядывал его. Не считая длинного ствола, остальная часть пистолета была сработана изящно и тонко, как часовой механизм. Даже магазин с патронами был размером не более мизинца.

— Уэбб, — вдруг позвала его Мэг.

В голосе ее сквозила напряженность. Он поднял голову, ожидая увидеть, что угодно, но только не то, что увидел. Над ними послышался грохот скорого поезда, среди серых туч и дождя показалось нечто реву-

щее и свистящее: бескрылый заостренный предмет, за которым тянулся хвост пламени.

Ракетный корабль! Он летел на запад — по направлению к городу.

Глава 4. ГОРОД КОШМАРОВ

Уэбб стоял и смотрел в хмурое небо, на время забыв о своей спутнице. Не замечая дождя, льющегося прямо на запрокинутое лицо, он прошептал:

— Какой корабль! О Боже, какой корабль! В таком корабле люди вполне могут летать на Луну, и вполне возможно, что для них это обычное дело.

Корабль скрылся за темными тучами, оставив после себя пепельно-серый след выхлопа реактивных двигателей. И только тогда Уэбб вдруг почувствовал, что холод сковал его члены. Он повернулся к Мэг, но ее не оказалось рядом.

— Мэг, где ты? — негромко позвал Уэбб и увидел, что кусты раздвинулись и оттуда появилась мокрая Мэг.

— Зачем ты залезла туда?

Мэг взглянула вверх.

— Там эта ракета... — прошептала она трясущимся от пережитого страха голосом.

Уэбб прищурился. С удивлением он обнаружил, что все еще держит в руках ее пистолет, и протянул его девушке.

— Спрячь его. А почему ты так боишься ракет?

Мэг молча взяла пистолет и сунула его в небольшую кобуру на бедре.

— Я за всю жизнь только два раза видела ракеты, — сказала она. — Самые старые члены шайки говорили, что это последние ракеты на свете. Первая прилетела, когда я была еще слишком мала, чтобы носить оружие, и тогда почти вся шайка была перебита. Уцелевшие попрятались в лесу, и через некоторое время ракета улетела. Когда я стала старше, прилетела вторая и сбросила на нас бомбы. Но экипаж, видимо, не умел управлять ею как следует. Мы подбили ее. С тех пор я больше не видела ракет.

— Та ракета, что пролетела сейчас, не боевая, — заметил Уэбб.

— Какая же еще? — недоверчиво спросила Мэг. — Люди из той ракеты, которую мы подбили, вернее, те, кто остался жив после падения, говорили не по-нашему. Но мы убедились в том, что они настоящие воины. И в конце концов нам пришлось перебить их всех до единого — они не сдались и сражались с нами до конца.

— Во всяком случае эта ракета направлялась в город. Может, ребята в ней и носят ту же форму, что и напавшие на вас. И скорее всего, они и говорят на ином языке. Но все равно они принадлежат к единственной цивилизации поблизости, которая нам известна! Так что придется идти прежним путем. Единственное, что меня тревожит, так это то, что такая ракета не может существовать в моем времени, Мэг. То есть она не возможна ни в моем, ни в вашем времени, и мне кажется, что здешние индейцы построить ее тоже никак не могли! Какой вывод из всего этого можно сделать?

Мэг пожала плечами.

— Вывод можно сделать вот какой, — продолжал Уэбб. — Сдается мне, что что-то непонятное произошло со временем. Что именно, я сказать не могу, но это совершенно очевидно. Вокруг нас одновременно существуют четыре различные эпохи, то есть даже пять, если принять во внимание то страшилище, которое минут десять назад накинулось на нас, и эти забавные деревца.

— Что-то я не понимаю, о чём речь, — нахмурилась Мэг.

— То же самое я в свое время заявил Рону Дайнину. То, что я пытаюсь втолковать теперь, наверное, кажется тебе такой же бессмыслицей, как и то, что он говорил мне тогда.

Уэбб на мгновение призадумался.

— Он тогда говорил что-то о том, что с машиной времени происходят забавные вещи. То ли излучение какого-то статистического поля, то ли еще что-то в этом роде. Кажется...

— Что? — В глазах Мэг светилось доверие к нему, уверенность, что он обязательно найдет ответ.

— Не помню, — Уэбб потряс головой. — Давай немного отдохнем. Может быть, нам что-нибудь удастся выяснить в городе. Ты готова идти?

На лице Мэг промелькнуло сомнение, но она ничего не ответила. Молча вынув пистолет из кобуры, она проверила, заряжен ли он, и сунула обратно. Подозрительно поглядывая в ту сторону, откуда налетело на них давшнее чудовище, девушка двинулась вслед за Уэббом, осторожно пробираясь по краю болота.

К тому времени, как они обогнули влажное палеозойское болото, уже стемнело. Теперь их отделяла от города только гряда невысоких пологих холмов — скорее даже пригорков.

Город расстился перед ними, едва различимый в сгущающихся сумерках. В свете молний, сверкающих сквозь туман, Хилдрет сумел рассмотреть очертания стройных колонн, возносившихся высоко вверх, небоскребы, соединенные между собой паутиной тончайших переходов. Таких городов в своей жизни Хилдрету видеть не приходилось. Это был город из другого мира — или из снов!

Не отрывая взгляда от волшебного города, Мэг опустилась на зем-

лю. Она устало отбросила назад промокшие от дождя и свисавшие на лицо волосы.

— Ты думаешь, нам чем-нибудь смогут там помочь, Уэбб?

— Попытаем счастья, — ответил он. — Если бы мы знали, что нам нужно, было бы легче. — Он провел рукой по щетинистому подбородку и, отняв руку, стал рассматривать грязь, налипшую на нее. — Нам бы сначала не мешало немного почиститься, а затем уже можно попытаться узнать, не помогут ли нам чем-нибудь местные жители. Только ангелы могли построить такой город!

Немного погодя, уже относительно чистые, спотыкаясь на каждом шагу в темноте, они стали медленно спускаться с холма. Дождь прекратился, но тучи скрывали луну, а в городе света почти не было. В город вела необычная дорога — выгнутая по форме, но с ровным пружинящим под ногами покрытием.

Спутники все шли и шли, не переставая удивляться, для каких же странных экипажей предназначена эта дорога. По пути они не слышали никаких звуков, кроме щебета какой-тоочной птицы, но держались настороже и в любой момент были готовы броситься под защитную поросль деревьев, окаймляющих путь.

А потом вдруг они оказались в городе... Это произошло совершенно внезапно: предместьй, обычно предвещающих близость города, здесь не было. Просто вдруг их окружили громады высотных зданий. Город был темен, как могила, и так же тих.

Мрачные коробки зданий, видимые только потому, что они были темнее окружающей ночи, возвышались вокруг них. В темноте они казались бесформенными и уходящими в самые небеса. Каблуки Уэбба застучали по мостовой, отчетливый звук его шагов отражался от стен и эхом разносился по окрестностям.

— Мэг, — прошептал Уэбб, остановившись.

Девушка прижалась к нему, и он почувствовал, что ее бьет нервная дрожь.

— Держись рядом и не отставай, а то как бы чего не случилось!

— Хорошо, — кивнула Мэг, — Уэбб!

— Что?

— Мне кажется, что за нами кто-то крадется.

Он прислушался: тишина, если не считать очень удаленных шорохов.

— Ничего нет!

До него донесся вздох.

— Наверное, мне показалось, — прошептала Мэг, но Уэбб почувствовал, что она еще теснее прижалась к нему.

Они прошли уже с четверть мили, ничего не видя и не слыша. Уэбб Хилдрет сознавал, что внутри него растет напряжение. И тут он услышал, как к ним кто-то приближается. Кто-то или что-то. Кем бы оно ни было, оно двигалось, забавно сопя на ходу. В руке Уэбба мгновенно

оказался «люгер». Почувствовав сзади в стене что-то вроде входа, он вжался в нишу спиной, втачив за собой девушку. Здесь была кромешная темнота.

Пыхтение стало громче и вскоре миновало их. Уэбб разглядел горбатые очертания какой-то здоровенной черепахообразной штуки, быстро продвигающейся вдоль улицы. Что это? Какая-то машина будущего, совершенно несообразного вида? Уэбб сомневался, что какая-либо машина может издавать такое гнусавое пыхтение. Он облегченно вздохнул и повернулся к девушке. Но ее не было!

— Мэг? — негромко позвал Уэбб, вытягивая руку. — Мэг!

От ужаса у него перехватило дыхание, и он лихорадочно стал шарить руками, но натыкался повсюду только на холодные стены. На улице послышались какие-то звуки, но Уэбб пройгнорировал их.

— Мэг! — заорал он в полный голос и заколотил кулаками по стене, надеясь, что под ударами распахнется потайная дверь, поглотившая девушку.

Когда взрыв бешенства несколько утих, Уэбб повернулся лицом к улице. Оттуда доносились негромкие голоса:

— Справа дверь. Кто-то там есть!

— Да он один. Посвети-ка туда фонарем. Если он не горожанин — стреляй в него.

Уэбб ощутил кожей тепло — возможно, это были инфракрасные лучи. Он удивился, но вспомнил об инфракрасных прицелах на войне, в которой участвовал там, в своем времени. Тепло разливалось по его телу, лицу, рукам, и Уэбб поспешил выбраться из ниши. Он стремглав понесся по улице. За спиной у него раздался изумленный вопль, а вслед за этим электрический разряд ударил в стену рядом с бегущим Уэббом. Его обожгло брызгами раскаленного металла. От взрыва в стене образовалась огромная дыра, обнажилась оплавленная арматура.

Затем тьма снова сомкнулась вокруг Уэбба, теперь уже совершенно непроницаемая после вспышки света. За это короткое мгновение Уэбб успел, разглядеть боковой проход и поспешил свернуть туда. Низко наклонив голову и внутренне скаввшись в ожидании следующего смертельного выстрела, он стал подниматься вверх по какому-то спиральному подъему. Казалось, ему не будет конца. С обеих сторон Уэбба по-прежнему окружали бесконечные каменные стены. Ноги его стали свинцовыми от усталости, а подъем все продолжался.

Голоса преследователей раздались совсем рядом, от их выстрелов Уэбба защищали только витки подъема. И вдруг, так внезапно, что он чуть не потерял равновесие, дорога перестала петлять и вывела его на ровное место. Впереди было открытое пространство. Уэбб бросился вперед, но тут удача покинула его...

За спиной раздались крики, и вновь разряд ударил рядом! Уэбб покач-

нулся от взрывной волны, капли расплавленного камня обожгли ноги, и Уэбб повалился на землю, сбитый электрическим разрядом. Какое-то мгновение он еще видел происходящее. Мостовая расступилась под ним, руки лихорадочно искали опору, и какую-то долю секунды его ослабевшие пальцы еще цеплялись за землю.

— Какого дьявола! — вскричал Уэбб Хилдрет, пальцы его разжались, и он полетел в темную бездну.

Лежа под зловеще багровым небом, Уэбб ощущал нестерпимую жажду. Все его существо взвывало о помощи, просило воды. Тело горело, сознание плавало в каком-то жгучем кроваво-красном тумане. С пылающего неба к нему протянулся кривой палец и изучающе потыкал в него.

Пронзительный голос откуда-то извне произнес:

— Пошарь-ка у него в карманах, Тэм. Не бойся, он, кажется, мертвее мертвого.

Сознание Уэбба прояснилось, он застонал и открыл глаза. Над ним, разинув рот, склонился гном. Его маленькие глазки светились любопытством и удивлением.

— Воды! — слабо выдохнул Уэбб.

Гном отшатнулся.

— Да он живехонек, Кроннер, — дрожащим голосом промолвил гном.

Сморщенное лицо тролля мелькнуло перед замутненным взором Уэбба.

— Так ты, оказывается, жив? — подозрительно спросил второй коротышка.

— Пожалуйста, воды, — снова прошептал Уэбб. — Помогите мне!

Гномы в страхе отшатнулись.

— Вот уж нет! — заголосили они скрипучими голосами. — Ты, видать, трог и нам опасен!

И они умчались с мышиным шорохом. Уэбб огляделся в поисках двух маленьких человечков, но их и след простыл.

«Может быть, они мне привиделись?» — подумал он. Но зато солнце он видел наяву: свет, льющийся с неба, был невыносим своей яркостью.

Уэбб натужно кашлянул и прикрыл глаза, успев, правда, заметить, что лежит на мягкой траве под высоким обрывом. Сколько времени он здесь провался? Все тело ломило, болели раны и страшно мучала жажда.

Немного позже вновь раздались шаги: тролли возвращались и с ними шел еще кто-то, ступающий более тяжело и уверенно. На лицо Уэбба упала чья-то тень, и взору предстали ноги в форменных ботинках.

Приятный, но совершенно невыразительный голос произнес:

— А ты довольно живуч, не так ли, трог?

Уэббу удалось наконец оторвать взгляд от ботинок и взглянуть вверх. Над ним возвышался человек в военной форме, подпоясанный ремнем, на котором болталась фляжка. Уэбб прямо-таки впился в нее взглядом.

— Воды! — хрюпло попросил он.

Откуда-то со стороны донеслись визгливые голоса троллей.

— Он уже просил этого, — наперебой запищали они, обращаясь к человеку в форме, — когда мы схватили его!

Высокий рассмеялся. Встав на колени возле Уэбба, он приподнял ему голову и поднес фляжку к губам. Вода была тепловатая, но вкусная. Уэбб жадно пил до тех пор, пока человек не сказал:

— Полегче, полегче, трог! Так ты убьешь себя. Оставь это дело нам!

Тролли визгливо захихикали в знак одобрения.

— Это уж точно, солдатик, мы уж об этом позаботимся!

— Вы, значит, позаботитесь? Ах вы, крысы кладбищенские, пожиратели падали! А ну валите отсюда, пока не напустил на вас этого трога!

Тролли в ужасе зачирикали что-то невразумительное и исчезли.

Высокий снова рассмеялся:

— Вот сброд! Ну ничего, когда-нибудь в один прекрасный день мы очистим от них город.

Тяжело вздохнув, Уэбб наконец оторвался от фляжки.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Вы солдат?

Человек пожал плечами.

— Можно сказать и так. Но вообще-то я искоренитель. Я занимаюсь тем, что искорёняю трогов!

— Я не трог, — запротестовал Уэбб, — я даже не представляю, что такое трог!

Человек промолчал, и по выражению его лица никак нельзя было сказать, что он думает по поводу заявления Уэбба. Уэбб, превозмогая боль, откинулся назад.

— Взгляните, пожалуйста, что у меня с ногой. Если она, конечно еще есть. Я не могу подняться.

— Не волнуйся, с твоими ногами все в порядке. Впрочем, это не важно. После того как мы тебя убьем, они тебе больше не понадобятся. — Искоренитель поколебался мгновение. — А вообще-то, — сказал он дружелюбно, — у тебя дырка в бедре. Наверное, придется вызывать машину. Ты как, без меня сможешь продержаться пару минут?

Уэбб кивнул. Он с трудом соображал, все тело болело, в ушах стоял невыносимый шум. От боли напряглись мышцы живота. Вдохнуть было практически невозможно, и он решил, что, кроме раны в бедре, у него еще сломано несколько ребер. Для пробы он решил поднять правую руку, но она отказалась повиноваться. Зато была цела левая рука, и ему удалось положить ее на грудь. Как ни медленно и ни болезненно

было это движение, человек в форме отскочил. Рука его молниеносным движением выхватила из-за пояса пистолет с раструбом на конце ствола.

— Лежать! — приказал он. От дружелюбия в голосе не осталось и следа.

Хилдрет замер.

— Я не сделаю тебе ничего плохого, дружище. Ты собирался вызвать машину! — сказал он раздраженно.

Устраиваясь поудобнее, солдат проворчал:

— Спокойно, трог, спокойно! Машина уже в пути.

— «Трог», — подумал Уэбб мрачно. Перед его глазами были трава и невысокие кривые деревца. А за деревьями, блестя под лучами утреннего солнца, высились шпили городских зданий и висело в воздухе волшебное кружево подвесных мостиков.

Когда же он видел все это? Прошлым вечером. Неужели с тех пор, как они с Мэг оказались в городе, прошло всего несколько часов?

Мэг! Уэбб совершенно забыл о ней, страдая от боли, но теперь вспомнил все. Имя ее сорвалось с его губ совершенно непроизвольно. Подумав немного, он решил, что спрашивать о ней у солдата было бы по меньшей мере неосмотрительно. Ведь он и его товарищи убивали трогов. Если она все еще жива и на свободе, то лучшей помощью с его стороны будет только молчание.

«Трог», — снова подумал он.

— Кстати, что такое трог? — спросил Уэбб, взглянув на солдата.

Тот усмехнулся, скривив тонкий рот.

— Все играешь, а, трог? Ну что ж давай, давай. Но все равно, хоть ты и говоришь, что ты не трог, тебе следует знать, кто они такие. Проще всего, пожалуй, объяснить так: либо ты горожанин и живешь в городе, либо ты трог и ютишься Бог знает где — в какой-нибудь вонючей пещере или еще где-то. Ты не горожанин. Следовательно, ты трог. А с трогами у нас разговор короткий. Просто, а?

— Да не очень, — кисло проворчал Уэбб. — Так как насчет машины?

— Потерпи, трог, — добродушно проговорил солдат. — Сейчас она будет здесь.

Глава 5. ОТСРОЧКА КАЗНИ

Уэбб пришел в себя и ощущил, что совершенно здоров. В это верилось с трудом! Его привезли сюда полумертвым и поместили на белом столе, освещенном множеством ламп. На мгновение он потерял сознание, на мгновение, не более того, а когда пришел в себя...

Он был совершенно здоровым человеком. Случилось чудо! Боли не

чувствовалось! Рука, которая, несомненно, была сломана, теперь совершенно свободно сгибалась, а дыра, выжженная в его бедре, стала пятном новой розовой кожи. И что самое удивительное — кто-то побрил его и причесал!

Старая и непривлекательная женщина подошла, чтобы осмотреть его.

— Все в порядке. Слезай и следуй за посыльным. Он знает, куда тебя доставить.

Посыльный оказался коренастым солдатом, беззаботно державшим руки на висевшем через плечо оружии. Один раз по дороге Уэбб кашлянул, и скорость, с которой оружие оказалось направленным на него, подсказала ему, что лучше не пытаться бежать.

Молча они проходили по бесконечным, постепенно уходящим вниз коридорам, минуя боевые ответвления. Наконец они вошли в ярко освещенную комнату. Помня о том, что они долго спускались, Уэбб с тревогой посмотрел на потолок, но здесь совершенно не чувствовалось тяжести нависающей над ними толщи породы. Несколько человек атлетического телосложения, прервав разговор, повернулись, чтобы взглянуть на вошедших. В этой комнате витал какой-то военный дух, и проводник Уэбба вскоре подтвердил эту догадку.

— Оборонный центр, — кратко пояснил он и подвел Уэбба к одному из столов, за которым сидела девушка в военной форме.

— Трог, — лаконично произнес посыльный.

Девушка кивнула и сделала знак рукой.

— Входите! Капитан Оркэтт уже ждет.

Они прошли в следующую комнату, представляющую собой какой-то гибрид офиса и лаборатории. Посредине, сложив руки за спиной, стоял невысокий человек в лаборантском халате, причесанный как выпускник Гейдельбергского университета. Здесь же находился тот высокий военный, которого позвали к Уэббу тролли.

Некоторое время все молчали. Потом высокий спросил:

— Ну как, Оркэтт?

Тот кивнул.

— Все в порядке, это действительно трог. Посадите его в кресло, Симонс.

— Садись, — Симонс подвел Уэбба к указанному креслу. Сиденье оказалось мягким, как облако, на котором восседают ангелы. Симонс направил ему в глаза узенький пучок света из какого-то прибора.

Уэбб сначала зажмурился от неожиданности, а затем широко раскрыл глаза. «Черт с ними», — подумал он.

Ему измерили пульс и давление, а затем к его вискам, ладоням и под языком прикрепили металлические датчики размером с десятицентовую монету.

Затем Симонс отступил назад и с тревогой в голосе спросил:

— Тебе удобно?

Уэбб кивнул и заметил:

— Что-то непохоже, что это действительно тебя беспокоит!

— Агрессивная реакция, Симонс! Обратите внимание. Я бы даже сказал, нормальная, — вполголоса произнес Оркэтт.

— Если вообще на свете бывают нормальные троги, — согласился Симонс. — А теперь, трог, откинься назад. Не бойся, скорее всего, это тебе не повредит.

К креслу подкатили стойку с укрепленными на ней двумя рядами рефлекторов на шарнирах. Нажав кнопку, Симонс привел рефлекторы в движение, причем оба их ряда вращались в противоположных направлениях. Миллиарды световых бликов запрыгали перед глазами Уэбба. Они вращались все быстрее и быстрее. Уэбб никак не мог оторвать взгляда от их сверкания. Сознания он не потерял ни на миг, но был как будто загипнотизирован или одурманен и не мог даже пошевелиться. Уэбб видел, как человек в мундире и человек в халате двигались по комнате взад и вперед, то попадая, то вновь выходя из его поля зрения.

Легкие электрические разряды покалывали его в тех местах, где были укреплены электроды, и вызывали во рту привкус меди. Слышались приглушенные и пронзительные звуки. Уэбб не мог пошевелить даже пальцем. Рефлекторы постепенно замедлили свое вращение. Казалось, что прошли века с тех пор, как глаза Уэбба оказались прикованными к их блестящим поверхностям. Он с усилием отвел взгляд в сторону.

Поначалу у него сильно разболелась голова, но, к счастью, боль скоро прошла бесследно. Уэбб потянулся и доверчиво улыбнулся своим исследователям.

— Ну как, убедились наконец что никакой я не трог? — спросил он. Симонс улыбнулся.

— Нет, в самом деле, — настаивал Уэбб, начиная тревожиться. — Что вы там обнаружили?

— Только то, в чем мы были убеждены и раньше, трог, — развел руками Оркэтт.

— Но-но! — взревел Уэбб. — Если вас убедила в этом ваша дурацкая машина, то она врет!

— Типичное для трога поведение, — заметил Симонс. — Приписывает враждебную предубежденность неодушевленному предмету.

Оркэтт кивнул.

— Но послушайте! — взмолился Уэбб. — Говорю вам, я вовсе не трог! Я человек из двадцатого века!

— О да, — подтвердил Оркэтт. Он протянул руку и выключил машину. — Как раз это труднее всего понять. Ты не лгал, по крайней

мере насчет этого. В картине мозговой деятельности следы лжи отсутствовали. Я склонен думать, что это лишь вновь доказывает, что мы еще очень плохо знаем прошлое. Мне бы и в голову никогда не пришло, что уже тогда существовали троги; всегда считалось, что по-настоящему они начали плодиться после Великой войны.

— Послушайте, давайте выложим карты на стол, — довольно грубо предложил Уэбб. — Я знаю, что я не трог. Дайте мне хоть какую-то возможность доказать это!

— Трог, это может показаться странным, но ты мне нравишься, — с неожиданной теплотой в голосе воскликнул Симонс. — Ты настоящий боец! Но, видишь ли, у нас на руках неопровергимые доказательства, так что тебе нечего рыпаться. Вот взгляни.

Он раскинул на столе перед Уэббом несколько карт. Они очень походили на энцефалограммы — записи электрической активности мозга.

— Это кривые твоего мозга, — снисходительно пояснил Симонс, указывая на одну из карт. — Это кривые трога. А здесь, — он указал на третью карту, висящую на стене, — здесь кривые нормального человеческого мозга. Поэтому картина более чем убедительна!

Уэбб нервно слегкнул. То, что говорил Симонс, было невероятно, но факт! Кривые деятельности нормального человеческого мозга были плавными синусоидными линиями. Кривые мозга трога были прерывистыми ломаными линиями с характерными пиками. Ошибиться было невозможно — кривые Уэбба были точно такими же!

— Но... — начал он.

Оркэтт жестом остановил его. Он встал и, обращаясь к Симонсу, заявил:

— Я голоден. Пошли посмотрим, что приготовили нам на обед в подразделении питания. О, не обращай на него внимания. — Он пожал плечами, видя, что Симонс с сомнениемглядит на Уэбба. — Пусть им займется Деталь. Никуда он отсюда не денется.

Симонс последовал за Оркэттом к двери, но как-то неохотно. Капитан вышел из комнаты. Симонс поколебался, затем вернулся к Уэббу и протянул ему руку.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Но я ничем не могу помочь!

Уэбб машинально пожал руку, и ему показалось, что Симонс слегка склонил на прощание голову, как бы в знакуважения к нему. Затем Симонс вышел. Дверь затворилась, оборвав фразу Оркэтта насчет того, что нынче в городе туговато приходится с продовольствием.

В бессильной злобе Уэбб смачно выругался и сел. Что из себя представляет Деталь, оставалось только догадываться. Одно он знал, что ничего хорошего его не ждет... При мысли о Мэг Уэбб содрогнулся. Он обещал ей, что люди из города не станут их убивать, но выходило, что он невольно обманул ее: его жизнь уже висела на волоске.

Из-за двери донеслась какая-то команда. Уэбб машинально огляделся в поисках оружия, затем опомнился. Если что-нибудь и может спасти его, то уж никак не мускулы, а только разум. Из измятой пачки, где оставалось совсем немного сигарет, он вытащил одну и закурил, стараясь сохранить хладнокровие. Дверь распахнулась. В проеме показался высокий человек в зеленом военном мундире. На лице его отразилось раздражение, когда он увидел, что Уэбб в комнате совсем один.

— Неосторожно, — пробурчал он. — Очень, очень неосторожно! Если бы у трога были мозги... он непременно попробовал сбежать!

Уэбб вздохнул и поднялся.

— Я не трог, — заметил он просто так, на всякий случай.

— Заткнись, трог. — Военный немного отступил в сторону, давая Уэббу возможность полюбоваться на стоявший в коридоре патруль человек в двенадцать. — Следуй за особым подразделением, — приказал он. — И не пытайся сопротивляться! В Оборонном центре не стоит устраивать шума.

Уэбб затянулся напоследок и аккуратно затоптал окурок.

— Поганая троговская привычка, — скривился солдат. — Правда, раньше не замечал за ними этого, а я на своем веку немало повидал трогов.

— Троги так не делают, — изрек Уэбб. — Впрочем, это пустяки. Итак, куда мы направляемся?

Солдат засмеялся.

— Пошли, пошли, — сказал он, совсем не грубо подталкивая Уэбба к дверям.

Подразделение образовало вокруг него каре, и они отправились в путь. Насколько Уэбб теперь понимал, трогами назывались полуразумные создания, обитающие в подземных пещерах.

«Но если это так, — размышлял Уэбб, — то как же, во имя всех святых, мозговые тести оказались настолько неверными? Я ведь не трог!» Но, вспомнив кривые энцефалограммы, он чуть не застонал и с досадой притопнул по резиноподобному покрытию пола. Дверь, перед которой они стояли в ожидании, наконец распахнулась, и охрана вместе с Уэббом вошла внутрь. Дверь закрылась, и пол вдруг ушел у них из-под ног. Скоростной лифт мчался вниз с жуткой скоростью.

Уэбб судорожно схватил ртом воздух. Ему показалось, что желудок подскочил до самого горла. Охране же все было нипочем. Один из солдат толкнул соседа, показывая на скорчившегося Уэбба.

— Трог, — сказал он и ухмыльнулся.

Когда лифт остановился, к ним приблизился часовой с каким-то длинноствольным оружием.

— Документы, — потребовал он, внимательно всех осмотрев.

Командир подразделения недоуменно поднял брови.

— Документы? — переспросил он. — Да ведь мы просто ведем этого

трога в ямы для приведения в исполнение приговора. По-моему, для этого не требуется никаких документов.

Часовой сплюнул.

— А вот теперь требуются, — пробурчал он. — Вся эта зона на карантине. Приказа Оборонного центра!

— Ах вот оно что... — неприязненно процедил командир. — Служай, служивый, я приказываю тебе! Отойди спокойно в сторону и дай нам пройти! А не то как бы тебе не лишиться нашивок!

— Уж не твоими ли заботами? — рявкнул часовой, похлопывая по оружию. — Поворачивайте назад, и точка!

Глаза командира сузились.

— Ты прекрасно знаешь, что я этого так не оставлю! Все будет доложено начальству!

— Докладывай, докладывай, будь ты проклят! Теперь это зона «Хрони». Сегодня утром Оборонный центр реквизировал ее.

Командир был готов снова вспылить, но тут вмешался Уэбб:

— Вы сказали «Хрони»? — переспросил он. — Это не такая ли машина...

Реакция окружающих была удивительна: не успел Уэбб и глазом моргнуть, как оружие часового уже было направлено ему в грудь. Командир тоже принял боевую позу, на ощупь доставая пистолет. Царило напряженное молчание. Первым нарушил его часовой.

— А я думал, что это трог, — взревел он.

Командир с тревогой в голосе подтвердил:

— Так оно и есть. Дьявольщина какая-то! — Он грозно взглянул на Уэбба. — Что ты знаешь о «Хрони», трог?

Уэбб попытался улыбнуться.

— Не так уж много, — примирительным тоном произнес он. — Я просто хотел узнать, что означает это слово, вот и все!

— Он врет, — сказал один из охранников.

Командир кивнул.

— Ну что ж, ты добился отсрочки казни, трог! Теперь я не решаюсь убить тебя до тех пор, пока Оборонный центр не допросит тебя как следует. Если вы, троги, уже знаете о «Хрони», то чего же вы тогда не знаете?

Уэбб молчал. Эти люди из будущего и их заблуждение насчет трогов вселяли в него чувство ужаса.

— Послушайте, — неуверенно начал он, но командир прервал его.

— Нет, — сказал он. По глазам его было видно, что в нем зреет решение. — Нет, — повторил он. — Мы не поведем тебя обратно в Оборонный центр. В конце концов ты был передан в мое распоряжение. Я сам найду способ развязать тебе язык. И обещаю тебе, что способ мой и в половину не будет так приятен, как гипнокоп в центре!

Уэбб печально вздохнул, и его снова повели по коридору. В дальнем

его конце внимание Уэбба привлекло какое-то алое свечение, которого раньше там не было. Охранник случайно проследил направление его взгляда... и вдруг издал тревожный крик, разорвавший тишину.

— Проникновение трогов! — надрывался он. — Сигнал опасности! Тревога! Троги снова пробрались в город!

Глава 6. УЖАС ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ

Если и поначалу положение Уэбба в качестве трога было паршивым, то теперь оно заметно ухудшилось.

— Приглядывайте за ним, — приказал командир. — Возможно, они пытаются вызволить его. При малейшем подозрительном движении стреляйте!

Все подразделение бросилось в направлении сигнала противотрого-вой тревоги и скрылось за дверью. Оставленный под охраной одного солдата, Уэбб чувствовал себя довольно неуютно: палец его стражи так и плясал на спусковом крючке. Уэбб стал молиться про себя.

Дверь лифта позади них распахнулась, и оттуда выскочил еще один отряд. Охранник Уэбба едва успел отвести его в сторону, а не то он был бы обязательно раздавлен колесами механизма, напоминающего пушку, которую тащили за собой трое солдат.

Из-за двери, позади противотрогоового сигнала, явственно доносились звуки боя. Кричали люди, глухо ухали взрывы, слышались пронзительныеibriрующие звуки лучевых ружей.

Солдат пробормотал проклятие и взглянул на своего поднадзорного.

— Троги, — сквозь зубы прошипел он. — Подлое отродье, способное нападать только сзади! Мерзкие землеройки, выползающие из грязи, чтобы нанести удар исподтишка! Вонючие, гнусавые...

Он продолжал ругаться, но Уэббу было не до него. Звуки сражения теперь слышались в непосредственной близости от них. Из-под двери вовсю полыхали оранжевые вспышки. И Уэбб поймал себя на мысли о том, что будет, если драться начнут рядом, и поежился.

Разворачивалось странное сражение в подземельях гигантского города. Очевидно, троги обитали под землей в туннелях и пещерах и иногда делали подкопы, через которые и совершали свои набеги на город.

Сражение определенно приближалось. Защитников города оттесняли назад.

Двери лифта позади Уэбба снова распахнулись, и оттуда выбежал еще один отряд людей с целеустремленными лицами, с ходу бросившийся в бой. Уэбб посмотрел им вслед.

— Презренные троги! — снова раздалось над самым ухом. Уэбб невольно отпрянул и недоуменно посмотрел на своего охранника. Тот скрежетал зубами, ухитряясь в то же время изрыгать потоки проклятий. Глаза его были совершенно дикими.

— Трогово отродье! — проревел он. — Я должен сжечь тебя прямо сейчас! Сдается мне, что они пытаются спасти тебя!

— О нет, — примирительно воскликнул Уэбб. Под взглядом, излучавшим беспредельную ненависть, он ощущал полную беспомощность.

Лицо охранника дико искривилось, и Уэбб кожей почувствовал, что из дула сейчас вылетит электрический разряд. Но солдат вдруг заколебался.

— Ну ты! — воскликнул он. — Я собираюсь принять участие в стычке, но если ты попытаешься сделать хоть шаг, останешься без своей поганой башки!

— Н-н-н-н-о... — только и смог вымолвить заикаясь Уэбб.

Охранник с маниакальной ненавистью во взгляде за плечо подтащил его к какой-то двери в стене коридора, открыл ее и впихнул внутрь. Уэбб влетел в просторную, скупо освещенную комнату.

— Советую оставаться здесь, — пригрозил охранник и напоследок так ткнул Уэбба кулаком, что тот, не успев еще восстановить равновесие после появления в комнате, завертелся волчком и с разгона врезался в штабель какой-то сложной аппаратуры в центре комнаты.

Уэбб ошалело потряс головой и только тут заметил, что в комнате он не один: над ним склонился маленький человечек с длинной седой бородкой.

— Ты повредил «Хрони»! — осуждающее произнес человек. — Кто ты такой и по какому праву ты влетаешь сюда, как дурацкий булыжник?

«Хрони»! Это слово сразу разогнало туман в голове Уэбба. Он впился глазами в установку. Она напоминала яйцеобразную машину, в которой он путешествовал с Роном Дайнином, не более чем паровой автомобиль Стенли напоминал бы современное такси. Однако перед ним была «Хрони» — машина времени, и, вглядываясь в нее, Уэбб пытался понять, что могут представлять собой катушки серебристой проволоки и ряды крошечных ламп, разбившихся при его падении.

И вдруг все переменилось. Вернее, вокруг все осталось прежним, просто он стал мыслить по-другому. Из беспорядочной массы приборов мозг вдруг начал составлять цельную картину устройства машины. Уэбб начал понимать назначение отдельных узлов и их связь между собой. Теперь он знал, не представляя откуда, что на поле времени действует искривленный статис, создаваемый катушками...

— Отвечай! — прозвучало совсем рядом, и Уэбб, выходя из странного

оцепенения, обернулся и взглянул на седобородого. — Отвечай! — повторил человек. — Кто ты такой?

Губы Уэбба автоматически сложились, чтобы произнести: «Меня зовут...», но вдруг он замер, потому что осознал, что его восставшие голосовые связки пытаются произнести не «Уэбб Хилдрет» (что было бы естественно и логично), а «Рон Дайнин». Он стоял сжав голову руками и судорожно пытаясь понять, что же с ним происходит.

Человек не стал ждать ответа. Подойдя ближе к машине, он увидел, что с ней случилось; его кулаки сжались в бессильной ярости, а в глазах засверкали огоньки злобы.

— Ах ты безмозглая деревенщина! — воскликнул он. — Ну погоди, вот Оборонный центр узнает об этом! Здесь работы на целый месяц, а если бы я не вынул контроллер для настройки, и года бы не хватило, чтобы отремонтировать все это!

Уэбб против своей воли снова взглянул на машину и заметил одну вещь, которая раньше не бросилась ему в глаза. Опять же, не представляя, откуда он может знать об этом, он понял, что в «Хрони» отсутствует какая-то часть. Уэбб обежал глазами комнату, полностью игнорируя бородатого человека, и заметил на одной из полок, тянувшихся вдоль стен, плоский переливающийся всеми цветами радуги предмет. Ноги сами понесли Уэбба к полке, его собственная воля абсолютно в этом не участвовала. Человек бросился за ним.

— Эй ты! Стой! Что ты делаешь?

Уэбб отшвырнул его в сторону, дотянулся до переливающегося предмета и взял его. Человек попытался отобрать у Уэбба его, но силы были неравные. Он отскочил, тяжело дыша, и с криком бросился к двери.

— Помогите! — завопил бородач, ныряя в самую гущу боя, разгоревшегося за дверью в коридоре. — Помогите мне! Кто-то пробрался к «Хрони»!

Но он с таким же успехом мог говорить шепотом: на него никто не обратил внимания.

Уэбб подождал, пока человек скроется за дверью, затем последовал за ним в коридор и направился в противоположную сторону. У лифта Уэбб остановился. Он еще находился во власти все того же странного паралича, который заставлял его конечности делать то, чего он сам делать вовсе не собирался.

В конце коридора защитники города уже бились врукопашную с численно превосходившим их противником. Но накатывались все новые волны нападающих: вторжение низкорослых агрессоров было похоже на морской прилив. Из гущи битвы вынырнул солдат и бегом направился к лифту.

— Их слишком много! — произнес он, запыхавшись, и нажал кнопку вызова кабины. Но как только он прикоснулся к кнопке, сигналь-

ный звонок над дверью лифта негромко звякнул и дверь открылась. Солдат случайно заглянул внутрь и отшатнулся.

— Еще троги! — взвыл он. — Мы окружены!

Он хотел было вскинуть оружие, но противники оказались куда более проворными. Из кабины одновременно ударило около дюжины лучей, пересекшихся на солдате. Он упал, не издав ни единого звука.

Преодолевая страхи и неуверенность, Уэбб секунду колебался, а затем потянулся к телу солдата, возле которого лежало оружие. Но попытка не удалась: его достали не луч и не пуля, а просто дубина. Искры посыпались из глаз, а затем наступила всепоглощающая тьма.

— Да пришибите его, и дело с концом! — громко предложил кто-то над ухом Уэбба. — Это ж надземник! Прибить, и весь сказ!

Уэбб застонал. С трудом он открыл глаза, чтобы хоть взглянуть, как выглядят люди, жаждущие его крови. Но он ничего не увидел. Как ни старался Уэбб пошире раскрыть глаза, так что заболели мускулы лица, его по-прежнему окружала темнота.

— Я ослеп! — закричал он. — Что вы наделали, дьяволы?

Посыпался возглас удивления, и чей-то голос с сомнением сказал:

— Он заговорил. Что значит «ослеп»?

— Все это обычная болтовня надземников, — произнес другой, низкий и более уверенный голос. — Давайте проголосуем и покончим с этим делом. Я за то, чтобы его прикончить!

Уэбб выругался и попытался подняться на ноги.

— Послушайте, — начал было он, но так и не смог закончить фразу.

Стоило ему пошевелиться, как со всех сторон из темноты на него навалились тела, множество маленьких тел, которые облепили его и прижали к земле своей массой. Изумленный Уэбб попытался сопротивляться, но их было слишком много, и к тому же в темноте он был беспомощен. Он мог поклясться, что его противники в темноте вовсе не были так же беспомощны: в их движениях чувствовались точность и уверенность. «Либо они видят в темноте, либо я действительно ослеп», — подумал Уэбб.

Но тут ему показалось, что он стал различать смутные силуэты, окружавшие его: в одном месте то ли тьма была не такой густой, то ли туда попадал свет.

— Дайте ему вздохнуть, — приказал обладатель властного голоса, вероятно предводитель. — Больше он не будет вырываться.

Руки, державшие его, разжались.

— Вы совершенно правы, — согласился Уэбб. — Не буду. Но что все это значит? Кто вы такие?

— Он опять заговорил! Так убить его или лучше отвести к боссу?

— Ты сам говоришь как надземник, — откликнулся Уэбб. — Кто ты такой?

— Мы троги. Смиг говорит, что ты тоже трог, и мы только поэтому не прикончили тебя до сих пор.

— Конечно, он трог, — уверенно произнес другой голос. — Разве вы не видите? Надземники держали его под замком, а мы освободили его. Конечно, если хотите, можете его прикончить. Мне-то все равно! Но он точно трог!

— Заткнись, Смиг! — сказал кто-то еще. — Ты и так напакостил нам. Это ведь ты следил за надземниками и утверждал, что они совершенно не готовы к нападению. Это из-за тебя мы заблудились на обратном пути! Так что заткнись!

— Но мы вовсе не заблудились! — возмутился Смиг. — Мы...

— Скажи-ка нам, трог ты или надземник? — обратился предводитель к Уэббу.

Уэбб стряхнул с руки неизвестных насекомых и сел. Теперь он видел намного лучше, хотя с трудом различал детали. Рядом стояли около полутора десятков вооруженных трогов. Они находились в длинном узком и очень темном туннеле, лишь в самом его конце был свет.

Уэбб прочистил горло.

— Э... надземники утверждали, что я трог, — протянул он, чтобы выиграть время. — Это все, что мне известно. Хотя пару часов назад я понятия не имел, что означает это слово.

— Слышали? — завопил Смиг. — Он трог! Так сказали надземники!

— Цыц! — прикрикнул предводитель. — Ты что, не слышал, как он сам заявил, будто понятия не имеет о трогах? Какой же он тогда трог?

Уэбб кашлянул.

— Они имели в виду, что я больше похож на трога, чем на надземника. В действительности я не то и не другое. Я человек из прошлого!

— А я думал, что он трог, — разочарованно произнес Смиг. — Может, нам все-таки лучше пришить его?

— Послушайте! Кем бы я ни был, трогом или нет, я могу помочь вам. Я знаю, чем занимаются надземники, ведь я только что из города. Вы знаете, например, что они строят «Хрони»?

Тишина. В конце концов предводитель недоуменно спросил:

— Что?

— «Хрони», — повторил Уэбб. — Вы что, не знаете, что это такое? Это машина, на которой можно путешествовать во времени. И они собираются использовать ее против вас!

Опять тишина. Уэбб услышал, что Смиг и предводитель шепчутся между собой, затем предводитель произнес, не скрывая отвращения:

— Ну и дурак же ты, Смиг! Кабы я все время слушал тебя, так давно бы уж спятил. Сначала ты кричал, что не надо его убивать, потом ты вопил, что нужно его прикончить, а теперь ты заявляешь, что мы должны отпустить его!

— Но он же не в своем уме! — возразил Смиг. — Он сказал «путешествие во времени».

— Неважно, что он сказал. Мы отведем его к боссу. Ты понял, Смиг?

— Тогда больше нечего все сваливать на меня! — возмутился Смиг. Предводитель ткнул Уэбба в спину.

— Вставай. Мы идем к боссу. Он решит, что с тобой делать!

Уэбб устало поднялся. С умилением он вспомнил, как спокойно ему жилось в XX веке — никто в него не стрелял, не гонял туда-сюда до тех пор, пока Рон Дайнин не ворвался в его тихую квартиру и не притащил за собой ораву усмирителей. «Бедняга Рон Дайнин!» — подумал Уэбб. Скорее всего, его отчаянная попытка продлить жизнь с помощью переселения в чужой мозг провалилась. Или не провалилась? Не мог ли ум Дайнина быть той самой силой, которая овладела его телом в комнате с «Хрони»? Может быть, это как раз Рон смотрел на машину его глазами, разобрался в принципе ее действия и заставил его подойти к перевивющейся штуке на полке?

Вспомнив о загадочном предмете, Уэбб пошарил в кармане. Что-то тяжелое и плоское, теплое и пульсирующее было там. Он не решился вынимать его и разглядывать, пока его окружали враждебно настроенные троги, но почувствовал большое облегчение, что вещь, которую бородатый старишка называл контроллером, находилась у него. Ему казалось, что в происходящем этой вещи отводилась особая роль.

Сам себе не веря, Уэбб вдруг осознал, что с момента появления Рона Дайнина в его маленькой квартире прошло всего около суток, если, конечно, не принимать во внимание столетий, пролегших между теми и нынешними событиями. Так много случилось за последние несколько часов! Усмирители — сумасшедший полет сквозь время — город и троги — Мэг.

Уэбб почувствовал, как что-то острое колнуло его в сердце при воспоминании о Мэг. Конечно, она была диковата и необузданна в способах ведения боя. Но было в ней что-то, что заставляло сердце Уэбба при воспоминании о ней биться сильнее. Куда она могла подеваться? Увидит ли он ее еще когда-нибудь?

Уэбб тяжело вздохнул и, подгоняемый маленькими трогами, нырнул в узкую темную горловину туннеля, направляясь к отдаленному источнику света. По мере того как они подходили к нему все ближе и ближе, среди трогов началось негромкое перешептывание.

Наконец предводитель остановился и сердито спросил:

— В чем дело, Смиг? Ты, кажется, повел нас не тем путем?

— Надеюсь, что все в порядке. — В ответе Смига чувствовались тревога и сомнение. — В жизни не видел столько света, но могу поклясться, мы шли совершенно правильно!

— Хорошо бы это было так, — в голосе предводителя звучала угроза.

Остальные троги начали было верещать, но предводитель резко оборвал их.

— Заткните пасти! — грубо крикнул он. — Всем надеть защитные очки. Сейчас мы пройдем еще немного вперед и разберемся.

Было уже достаточно светло, и Уэбб увидел, что троги откуда-то повытаскивали большие темные очки, быстро натянули их и построились в боевом порядке. Теперь благодаря большим темным кругам на месте глаз и неуклюжим косолапым фигурам они показались Уэббу похожими на подразделение медведей, для смеха выряженных в человеческую одежду.

Свет становился все ярче и ярче с каждым шагом. Среди трогов вновь послышались щепот и возгласы изумления. Когда они подошли к концу туннеля, шепот и возгласы стихли; троги молчали, охваченные ужасом.

— Ух ты! — произнес предводитель. — Ну ладно, Смиг, ты нам заплатишь за это!

Смиг съежился от страха, и Уэббу, наблюдавшему за происходившим со стороны, стало вдруг жалко маленького гнома. Теперь при ярком солнечном свете тролли казались уже не смертельными врагами, а испуганными маленькими эльфами. А они и в самом деле были перепуганы до смерти: ведь туннель, по которому они сотни раз возвращались в центральную пещеру, на этот раз вел в пустоту обрыва. Гномы не верили своим глазам.

Подойдя к самому краю, Уэбб увидел, что за обрывом высотой футов в тридцать простирается совершенно голая пустыня, плавившаяся под лучами древнего багрового солнца.

Глава 7. В ПУСТЫНЕ

Предводитель трогов уставился на Смига своими непроницаемыми темными очками, и тот съежился под этим взглядом. Предводитель некоторое время молча смотрел на него, потом сделал знак нескольким трогам следовать за ним. Они отошли на несколько ярдов, оставив Уэбба и Смига у туннеля.

Разгорелся ожесточенный спор. И хотя было видно, как оживленно они жестикулируют, то и дело показывая на Смига, ни единого слова расслышать было невозможно.

— Что происходит? — спросил Уэбб у Смига.

Смиг тыльной стороной ладони утер пот со своего бледного лба. Он повернулся лицом к Уэббу, нижняя челюсть его дрожала.

— Ты веришь в ад, надземник? Сейчас нас туда отправят!

Уэбб нервно сглотнул.

— Вот как? — выдавил он. — Значит, твои ребята собираются прикончить нас?

Смиг мрачно кивнул.

— Они сделали бы это и раньше, да только не знают, как отобрать у меня оружие. Они не хотят больше возиться с тобой и ужасно злы на меня. Так что с нами все кончено! — Трог поскреб свой впалый живот через дыру в грязной одежде. — Так что прощай, надземник. Жить нам осталось недолго...

События разворачивались слишком быстро. Уэбб взглянул на Смига, отрешенно глядящего на пустынный ландшафт, простирающийся внизу, взглянул на кучку трогов и решился окончательно. Он направился было назад к туннелю, но заколебался и вновь посмотрел на одинокого трога.

— Смиг, ты хочешь остаться в живых?

Смиг даже не обернулся.

— Заткнись ты, надземник, — буркнул он. — Дела и так обстоят хуже некуда.

— У меня есть план. Взгляни вниз. Обрыв, конечно, крутой, но не отвесный. Если нам удастся спуститься, то мы убежим!

Смиг в ужасе обернулся.

— Туда, на солнце? — воскликнул он. — Но оно убьет меня. Ведь я трог!

— Ну что ж, решай сам, — презрительно отрезал Уэбб. — А как, по-твоему, что сделают с тобой твои соплеменники, если ты останешься здесь?

Трог смотрел на него невидящим взглядом. Тогда Уэбб приблизился к гному и внезапно, но твердо толкнул его. Потеряв равновесие, трог взвизгнул и, скользя, покатился по склону. Остальные троги, заметив исчезновение Смига, закричали и бросились к Уэббу.

Убедившись, что Смиг благополучно приземлился у подножия обрыва, Уэбб также бросился вниз по склону, цепляясь руками и ногами, чтобы немного замедлить движение.

Обрыв был почти отвесным. Уэбб чувствовал, как острые камни царапают его тело, рвут одежду, но приземлился он все-таки целым, проворно вскочил и побежал.

— Скорее! — крикнул он Смигу на бегу. — Нам нужно где-то укрыться!

Трог поднялся с земли и последовал за ним. Стоило им пробежать каких-нибудь двадцать ярдов, и они оказались бы за изгибом склона в недосягаемости от оружия трогов, если только те не опередят их.

В этот момент футах в десяти от Уэбба в землю ударил луч, взметнув фонтан раскаленного песка и камней. Уэбб низко пригнулся и побежал зигзагами. Еще один луч ударил в то место, где он только что

находился, и сзади послышался крик боли. Но Уэбб уже обогнул утес и находился в безопасности. Через полсекунды рядом с ним на землю повалился Смиг. Рукой он держался за плечо, лицо было искажено гримасой боли.

— Они попали в тебя, Смиг? — с волнением спросил Уэбб.

Тролль разразился потоком неразборчивых проклятий.

— Они?! В меня? Как бы не так! Этим умникам не попасть и в стену перед собой. Это булыжник упал сверху и чуть не прикончил меня.

— Булыжник? — Уэбб озадаченно посмотрел вверх.

От изумления у него отвисла челюсть: с вершины скалы на них смотрела Мэг. Она была удивлена не меньше, чем Уэбб.

— Уэбб! — пронзительно закричала она. — Уэбб, миленький, откуда ты взялся?

Уэбб с облегчением вздохнул и призывающе замахал руками, но Мэг уже спускалась к нему, скользя и перепрыгивая через камни. У края склона Уэбб подхватил девушку на руки, крепко прижал к себе и, их губы слились в долгом поцелуе.

Освободившись от объятий, Мэг отступила назад и взглянула на Уэбба.

— Слава Богу, Уэбб, я так давно ждала этого, — голос ее звучал удивительно мягко.

Уэбб кашлянул.

— Я тоже, — сказал он. — Но где ты пропадала все это время?

— В основном я была занята тем, что искала тебя, — улыбнулась Мэг. — После того как мне удалось сбежать от трогов, этих грязных, подлых, презренных отродий...

— Стоп! — приказал Уэбб. Он указал на тролля возле себя. — Познакомься, это Смиг. Смиг, это Мэг.

— Привет, — сказал Смиг. — Я трог, надземница, — горделиво добавил он.

Мэг некоторое время рассматривала его.

— Мне уже приходилось встречать трогов, — наконец произнесла она. — Шестеро ваших напали на меня сзади и утащили, придушив петлей так, что я даже пикнуть не могла. Не знаю, что у них были за планы, да только я изменила их, как только они на секунду меня отпустили. Спасибо этой штуке. — И она похлопала по кобуре. — Я всегда готова разобраться и с тобой, — вызывающе сказала Мэг. — Я из бруклинцев, самой крутой банды на реке!

— Смиг на нашей стороне, — поспешил вмешаться Уэбб. — Продолжай. Что случилось с тобой после этого?

Выражение лица Мэг изменилось.

— Я искала тебя, Уэбб, — ласково сказала она. — Я обшарила весь этот поганый город. Но когда там стало слишком жарко, я оставила

поиски и решила пробраться к своему планеру. Вряд ли я нашла бы его, к тому же наверняка не смогла бы починить.

— Стало слишком жарко? Ты имеешь в виду, что за тобой охотились горожане? — прервал ее Уэбб.

— Эти? — Мэг презрительно покосилась на Смига. — Нет, это были белолицые гориллы в черной форме. Последнее, что я видела перед тем, как смыться, как горожане пыхтели, отбиваясь от трогов снизу и от горилл сверху: выстрелы, лучи и еще черт знает что! Игра была для меня слишком грубой!

— Гориллы в черной форме, — задумчиво повторил Уэбб. Эти слова вызвали смутное воспоминание. — Ты имеешь в виду... Боже милостивый! Да ведь это усмирители!

— Вот-вот, именно так они себя и называли, — равнодушно подтвердила Мэг. — И усмиряли они, должна тебе сказать, просто здорово!

Уэбб окаменел. Усмирители были здесь, и это означало смертельную опасность. Ему вспомнились слова Рона Дайнинга, что они будут преследовать и принесут с собой смерть.

Уэбб подумал об обитателях города, смятых атакой усмирителей, и вздохнул. Очевидно, убийцы из будущего намеревались перебить тысячи ни в чем не повинных людей из другого времени — целый город или цивилизацию — только ради того, чтобы схватить Рона Дайнинга. А может быть, они охотятся вовсе не за Дайнингом? Не могло ли случиться так, что обманутые сходством строения мозга Уэбба и Дайнинга они напали на след самого Уэбба? От этих тревожных мыслей Уэбба отвлек голос Мэг, продолжавшей свой рассказ:

— ...Ближе подойти не могли, и им пришлось оставить машину за пределами турбулентной зоны и остальную часть пути до «Хрони» пройти пешком, — она остановилась и удивленно подняла брови, увидев, какое у Уэбба лицо. — В чем дело, Уэбб? — тревожно спросила она.

Он небрежно махнул рукой.

— Так что там насчет «Хрони»?

— Да ведь я уже рассказала. Эти самые усмирители разыскивают какую-то «Хрони». Им нужен парень, который управляет машиной. Они думают, что он скрывается где-то в городе. — Она рассмеялась. — Слушай, честно говоря, я очень рада, что это не я! Уж очень они настойчивые клиенты.

— Им нужна «Хрони»? — прищурился Уэбб. — Интересно! А эта турбулентная зона, о которой ты упоминала... Ты знаешь, что это такое?

— Понятия не имею.

— Я тоже. Но мне сдается, что с ней связано множество вещей: то болото, что мы видели, и индейцы в городе; множество вещей, которые

никак не связаны друг с другом, зато связаны с «Хрони» — машиной времени, вышедшей из-под контроля. Да, скорее всего, так оно и есть! Усмирителям нужна «Хрони», но мне она нужна не меньше. И мы, Мэг, должны добраться до нее раньше их. Игра пойдет не на жизнь, а на смерть — и лучше нам обыграть их! Ты сможешь отсюда отыскать свой планер?

— Конечно. Правда, в этих местах все так перемешалось, например не было этой пустыни. Но планер я найду.

— А я знаю дорогу от твоего планера до «Хрони». Мы опередим их, Мэг! Пошли!

— И я с вами! — взвыл Смиг. — Не бросайте меня, надземник!

Уэбб улыбнулся ему и сказал:

— Что ты, Смиг! У меня и в мыслях такого не было. Пошли!

Пока они пробирались по пустыне, багровое солнце неподвижно висело у них над головами. Мэг остановилась и, прикрыв глаза ладонью, посмотрела на небо.

— Солнце не движется, Уэбб. Отчего это?

Уэбб пожал плечами.

— Я и сам удивляюсь, — ответил он. — У меня даже возникла некая теория. Она немного сумасшедшая, но, с другой стороны, все, что нас окружает, нормальным никак не назовешь!

— Что за теория?

— Ты имеешь какое-нибудь понятие об астрономии, Мэг?

— Только то, до чего дошла своим умом. Мы, бруклинцы, не очень-то занимаемся такими вещами.

— Но ты должна знать, что Земля вращается вокруг своей оси, и если верить астрономам, то земные приливы в конечном счете прекратят это вращение. Тогда Земля для Солнца станет тем же, чем является Луна для Земли — к Солнцу будет обращена всегда одна и та же сторона планеты. А из этого следует, по крайней мере человек на поверхности Земли может так подумать, что Солнце перестанет всходить и заходить.

— Как это Солнце? — спросила Мэг.

Уэбб кивнул.

— Вот именно. Но только это потребовало бы времени. Много времени. Не пару сотен или тысяч лет, а миллионы. — Он внимательно наблюдал за реакцией девушки. — Я думаю, что эта пустыня попала сюда из далекого будущего. Не знаю, из какого точно, но ее вид заставляет меня думать, что она так же удалена от нас в будущем, как тот палеозойский лес в прошлом.

— Но я в жизни не была ни в какой машине времени! — запротестовала Мэг.

— А это и ни к чему! Когда «Хрони», в которой я путешествовал, вышла из-под контроля, могло случиться все, что угодно. Но на самом

деле, я думаю, сила, которую она использует, стала действовать во всех направлениях как ударная волна при взрыве. Небольшие кусочки и сегменты различных эр были захвачены в ловушку силой и притянуты к машине. И мне кажется, что машина все еще действует, а эта сила временных сегментов, которую она образовала, очень нестабильна. Хотел бы я знать, что будет с нами, если сегмент, в котором мы находимся, вырвется из-под влияния «Хрони».

Вмешался Смиг.

— Надземник, не надо так говорить, — нервно заявил он. — Что значит «вырвется из-под влияния»?

Уэбб нахмурился.

— Как мне кажется, — пояснил он, — именно в этом месте раньше находилось болото с папоротниками. Для тебя, Смиг, в этом месте оборвался туннель, и ты оказался в другой эре, хотя твоя родная пещера наверняка где-нибудь поблизости. «Поблизости» в смысле пространства, но во времени она в миллионах, а может, и в сотнях миллионов лет от нас.

Допустим, что, пока мы стоим здесь на песке, машина выключится. Эта пустыня очень стара, и солнце тоже. Это гаснущее светило. Я склонен думать, что эта пустыня появилась здесь из дня, предшествующего концу света. И если все это высвободится из-под влияния «Хрони», мы, скорее всего, окажемся пленниками этого далекого-далекого будущего!

Мэг растерянно моргала, глядя на Уэбба и окружающую ее пустыню.

— Я не понимаю, — заявила она.

Уэбб недовольно скривилс и уже собирался снова начать объяснять, но Мэг перебила его:

— Уэбб, я и не хочу понимать это. Брось! — Она указала куда-то ему за спину. — Зато я хотела спросить тебя, что стало с горой, к которой мы направлялись?

Уэбб взглянул в указанном направлении и не смог сдержать удивленный возглас. Впереди, милях в пяти от них, находилась остроконечная гора, служившая им прекрасным ориентиром. Теперь ее не было. Вместо нее они увидели багровое зарево на далеком горизонте, искашенном волнами горячего воздуха.

— Половина пустыни исчезла, — в ужасе завопил Смиг. — Что случилось?

— Произошел еще один сдвиг во времени, — сквозь зубы прощедил Уэбб. — Часть сегмента вернулась в свое время. А оставшаяся часть может вернуться туда в любой момент!

— Смотрите! — Мэг уставилась в какую-то точку на далеком горизонте. Вдали багровое марево рассеялось, и через пустыню на них несся сероватый вал. Издали казалось, что высотой он не превышает пары дюймов.

— Что это? — воскликнула Мэг.

— Не знаю, — растерянно прошептал Уэбб.

Теперь дымка рассеялась окончательно, и они увидели, что вал растет у них на глазах. Вершина гребня побелела, и показалась летящая во все стороны седая пена.

— Вода! — во все горло заорал Смиг. — Это приливная волна!

Уэбб выругался.

— Ты совершенно прав, трог! Бежим! Если мы возьмем левее, туда, где, по словам Мэг, находился планер, то успеем добраться до возвышенности. Там может оказаться слишком низко, но здесь мы утонем наверняка!

И они побежали что было сил. Впереди несся Уэбб, за ним летела Мэг, а замыкал гонку трог, короткие кривоватые ножки которого были плохо приспособлены для бега.

До места соприкосновения двух эр, где начиналась возвышенность, было примерно с четверть мили, но Уэббу казалось, что бежать им целую вечность и приливная волна вот-вот настигнет их. Только что она была милях в двух от них, потом в миле, а затем оказалась совсем близко, подминая под себя землю, как гигантское стадо диких зверей. Уэбб рискнул обернуться на бегу и прикинул, что если им повезет, то они могут и успеть.

— Быстрее! — заорал он.

Мэг молча кивнула и вырвалась вперед. Уэбб бежал с трудом: дыхание, казалось, обжигало его легкие, каждый удар сердца взрывался в ушах подобно бомбе. Он споткнулся о небольшой бугорок и чуть не упал. При этом послышался отрывистый электрический треск, и на вершине бугорка вспыхнуло электрическое пламя. Уэбб испуганно вскрикнул и бросился вправо.

Вдалеке горстка черных точек ползла вверх по изрезанному склону. Одна из маленьких фигурок, стоявшая на вершине небольшого уступа, показывала рукой на Уэбба и его товарищей каким-то похожим на жезл предметом, вызывавшим неприятное воспоминание. На конце жезла внезапно что-то сверкнуло, и по направлению к ним понеслась сияющая точка, несущая смерть.

— Усмирители! — закричал Уэбб. — Берегитесь!

Глава 8. МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

— Точно! Это они! — взвизгнула Мэг. — Те самые бледные дьяволы, которых я видела в городе!

Они ничком бросились на землю, тут же над самой ее головой пронесся электрический разряд и разорвался фуях в ста поодаль.

Делая зигзаги, то и дело припадая к земле, трое беглецов теряли драгоценное время — бешеный вал воды нагонял их. Они почти достигли возвышенности, когда бушующая стена накрыла их. Если бы не спасительная рука Уэбба, маленький трог захлебнулся бы в соленой морской воде.

Приливная волна разбилась об уступ, взметнув вверх фонтаны пены и брызг. Ослепленные и полузадохнувшиеся, измученные люди остались лежать на опушке соснового бора, еле переводя дыхание. Но полежать им удалось всего несколько мгновений.

— О'кей! — выдохнул Уэбб. — Встаем и бежим дальше. Отсюда усмирителям мы не видны, но они знают, где мы должны находиться. Так что они обязательно будут здесь.

— Оставь меня, надземник! — жалобно застонал Смиг. — Дай мне умереть спокойно. Мои ёчки испачканы так, что я не вижу кончика собственного носа. Я полуумерть от этой гонки. Оставь меня здесь!

Мэг улыбнулась трогу.

— Знаешь что, закрой глаза и дай мне твои очки. Я пропту их. И вообще нам лучше всего сделать то, что предлагает Уэбб.

Уэбб встал и огляделся: вокруг возвышались лишь стволы сосен и не было ни малейшего намека на ту эпоху, в которую они попали, не говоря уже о существовании людей.

Нахмутившись, он спросил:

— Мэг, ты все еще уверена, что сможешь отсюда привести нас к планеру?

Мэг подышала на очки трога и навела окончательный блеск новым платком.

— Конечно, — ответила она. — Если только твои приятели не помешают нам. Сдается мне, что они перемещаются примерно в том же направлении. — Она отдала очки трогу, лицо которого сморщилось от почти бесплодных попыток защитить глаза от света. Смиг торопливо выхватил свои очки у нее из рук и водрузил их на глаза.

— Ох, — сказал он и наконец улыбнулся. — Привычная уютная тьма!

— Тогда пошли! — скомандовал Уэбб. — Сюда, что ли?

Мэг утвердительно кивнула.

Они побежали рысцой между деревьями, стараясь не шуметь. Не успели они пробежать и несколько сот ярдов, как Мэг тронула Уэбба за плечо и кивнула назад. На том месте, где их нагнали волны, уже стояли усмирители. Фигуры их едва различались сквозь деревья, но зато намерения были вполне очевидны: подобно огромным гориллоподобным ищёйкам, они пытались отыскать следы беглецов.

— Они охотятся за нами, — чуть слышно прошептала Мэг.

Уэбб кивнул, и его лицо приняло жесткое выражение. Он знаком

приказал девушке и трогу лечь на землю, а сам, спрятавшись за порослью молоденьких сосенок, принялся наблюдать за усмирителями.

Уже через минуту он знал ответ на вопрос, не дававший ему покоя. Он вернулся к товарищам.

— Они направляются сюда, — прошептал он. — Нам их не обогнать. Эти мальчики состоят из одних мускулов. Придется драться!

— Я так и знал! Надо мне было остаться в туннеле, — застонал Смиг.

— Заткнись, Смиг! Пока ты еще жив. У тебя сохранилось твое оружие?

Трог мрачно кивнул.

— Как насчет твоего пистолета, Мэг? Ну вот и отлично! Вряд ли мои два патрона к «люгеру» пригодятся, но постараюсь извлечь из них максимум пользы. Попробуем устроить засаду. Ты, Смиг, полезай на дерево. Мэг, спрячься в сторонке и постарайся прежде всего снять последнего усмирителя. Я бы не хотел, чтобы твоя хлопушка выпалила мне в лицо. Целься не ближе, чем в десяти футах от нас. А я засяду в этих кустах. Я стреляю первым.

Мэг молча кивнула и пошла на свое место. Трог неодобрительно взглянул на Уэбба, но, обернувшись, заметил приближающихся усмирителей и беспрекословно взобрался на указанное дерево. Уэбб подождал с полминуты, затем еще раз выглянул наружу.

Усмирители приближались очень быстро. Они были мрачны и молчаливы и походили на какие-то грубые подобия боевых машин.

Уэбб присел пониже и направил «люгер» в сторону дерева, к которому первый усмиритель должен был через мгновение подойти. Показался первый из преследователей. Уэбб прицелился в богатырскую грудь и уже готов был спустить курок, как вдруг заколебался: какой-то внутренний голос в нем запротестовал.

Усмирители не были теми, кто играет по правилам, а потому и не могли требовать их соблюдения от других. Они были зверьми, не заслуживающими ничего лучшего, быть пристреленными из засады. Сознавая это, Уэбб все же никак не мог спустить курок.

Послыпался легкий шорох падающей сосновой шишки. Усмиритель удивленно взглянул вверх и узрел Смига, сидящего на ветке.

«Вот оно!» — облегченно подумал Уэбб.

Пока усмиритель поднимал оружия, Уэбб прострелил его навылет, мгновение подождал и выпустил вторую пулю в следующего усмирителя. Сверху раздался визгливый звук — это начал действовать излучатель Смига.

Усмиритель, в которого Уэбб выпустил вторую и последнюю пулю, был только ранен. Чтобы остановить эту трехсотфутовую гору мускулов, требовалось побольше свинца в медной оболочке. С воплем ярости гигант бросился к Уэббу, на ходу прицеливаясь своим жезлом.

Уэбб вскочил и запустил бесполезным «люгером» в лицо усмирителя. Тяжелый пистолет с хрустом ударили в лицо преследователя. Усмиритель зашатался, и Уэбб быстро нанес ему резкий удар, поваливший того на землю.

Поверженный, но не усмиренный враг извернулся и брыкнул огромной ножицей, угодив Уэббу в висок. Удар получился страшной силы — лес закружился перед глазами Уэбба, из глаз посыпался сноп искр. Неимоверным усилием воли он удержался на ногах и принял колошматить по лежащей туше, но гигант вновь изловчился, зацепил Уэбба и повалил его на себя.

Был момент, когда Уэббу показалось, что он попал в мясорубку, так неистово мяли его руки усмирителя, а затем он чувствовал, что летит — это противник отшвырнул его в сторону, и попытался подняться. Не помня себя от ярости, Уэбб вновь навалился на него всем телом и, обхватив горло усмирителя рукой, сжал его мертвой хваткой. Жестоких ударов, которые посыпались градом, он уже почти не чувствовал, не проглядная тьма окутала его со всех сторон. Очнулся Уэбб от того, что Мэг тормошила его.

— Отпусти его, глупый! — умоляла она. — Он уже минут пять как мертв!

Уэбб приоткрыл глаза. Он лежал на спине, придавленный сверху своим врагом. Уэбб разжал пальцы, стиснутые на толстой шее усмирителя, и его голова безжизненно свесилась набок. Мэг опустилась на колени рядом с Уэббом.

— Ну и характер! — потрясенно произнесла девушка, и Уэбб с удивлением заметил, что она плачет. — Сначала он приказывает нам не стрелять вблизи него, а потом схватывается врукопашную с самым здоровенным из этих бугаев. Почему ты не оставил его Смигу?

Уэбб выбрался из-под тела мертвого усмирителя и ощупал свое тело: кажется, переломов не было и это было невероятным.

— Смиг? — переспросил он. — Да у Смига у самого работы было невпроворот. Чтобы перебить всех этих мальчиков вам со Смигом нужно было не меньше дня.

Мэг недоуменно потрясла головой.

— Как это всех? Их было только четверо. Одного снял Смиг, еще одного — я, а с остальными двумя ты покончил сам.

— Только четверо? — не веря своим ушам, повторил Уэбб. — Но почему...

Окончить фразу он не успел: земля под ногами дрогнула и, чтобы не упасть, Хилдрет схватился за Мэг.

— Спокойно, девочка!

— Что это было? — спросила она.

— Понятия не имею. Может быть, землетрясение? — Он обвел

глазами горизонт, и взгляд его остановился в той стороне, откуда они пришли.

— Нет, это не землетрясение. Смотрите!

Над вершинами сосен поднималась белая туча, причем со скоростью, не свойственной обычным туманам. Она уже была размером с огромную гору и становилась все больше и больше. На высоте примерно пяти тысяч футов ее вершина приняла форму гигантского гриба, и на его поверхности заиграло какое-то ненатуральное сияние.

— Может, это буря? — предположила Мэг.

Уэбб покачал головой.

— Хуже, гораздо хуже, — вымолвил он. — Я думаю, что произошел еще один сдвиг во времени. Это самый настоящий атомный взрыв.

Мэг разинула рот от изумления.

— Да ведь это довольно дрянная штука! Старый главарь бруклинцев иногда рассказывал об атомных бомбах, и мне совершенно не хочется попадать в такой переплет. Кстати, тебе не кажется, что эти самые сдвиги что-то очень участились?

— Это точно. И если не ошибаюсь, то, что с нами произошло, совсем не случайность. В том отряде было не меньше дюжины усмирителей — это нам следует учесть.

Уэбб устало потер лоб. События развивались так стремительно и не-предсказуемо, что создавалось ощущение нереальности происходящего, будто он переживал все не сам, а был лишь сторонним наблюдателем.

Он с трудом заставил себя продолжать:

— Я думаю, что остальные направились прямо к «Хрони». Очевидно, они намерены остановить ее, она мешает работе их аппаратуры времени. Но чтобы сделать это, им придется повозиться.

— Повозиться? — переспросила Мэг. — А что же будет с нами?

— Точно не знаю, но, на мой взгляд, пока они будут копаться в «Хрони», обрывки времени продолжат так же хаотично меняться, а когда все кончится, они вернутся в свое собственное время. Этот лес еще не так плох, но представьте себе, что мы навсегда останемся в той пустыне!

— Перестань! — отрезала Мэг. — Я не желаю слышать об этом. Что нам делать?

— Что делать? — мрачно отозвался Уэбб. — Нам необходимо добраться до «Хрони». И чем скорее, тем лучше.

В том месте, где вздымался атомный гриб, появилось множество темных точек. Они вились в небе, выделявая всякие сложные фигуры, и внезапно одна из них понеслась к земле, оставляя за собой хвост темного дыма и пламени. Уэбб догадался, что это такое: воздушный бой над территорией, подвергшейся атомной бомбардировке.

Вдруг и самолеты, и атомный гриб исчезли, и на этом месте засияло прозрачное чистое небо. Уэбб ничего не мог понять.

— Бог знает, что это такое, — прошептал он. — Но, кажется, там довольно холодно.

— А вот там, кажется, довольно жарко, — перебила его Мэг, указывая вправо. Уэбб обернулся и увидел, что в том направлении небо приняло медный оттенок и затянулось клубами дыма.

— Лесной пожар?

— А может быть, и ад, — кратко ответил Уэбб. — Разницы для нас никакой. Не будем терять время понапрасну. Впрочем, слышите?

Прислушиваться не было никакой необходимости: рев, похожий на рев локомотива, повторился совсем рядом. Он был полон невыразимой ярости и разрывал барабанные перепонки. Они увидели, как что-то огромное, ужасное, циклопических размеров несется через лес напролом по направлению к ним.

Существо издало громкий крик ярости, и Уэббу удалось разглядеть огромную алую пасть, окаймленную невероятно большими зубами.

«Тиранозавр!» — подсказало Уэббу сознание.

Смиг в ужасе завопил и застыл как вкопанный.

— Молчать! — зашипел на него Уэбб. — Может, он не заметит нас.

Рука Мэг инстинктивно метнулась к пистолету на поясе. Голова гигантской ящерицы, уловив малейшее постороннее движение, повернулась, и на беглецов уставились маленькие, полные бешенства зеленые глазки, еле видные за гигантской пастью. Затем с ужасной скоростью рептилия бросилась на них.

Мощный пистолет Мэг выстрелил дважды, и два разрыва ухнули где-то среди ветвей в нескольких ярдах от головы чудовища. Смиг оцепенело сжимал свое оружие. Уэбб же принялся лихорадочно махать жезлом, который он снял с мертвого усмирителя. Он сжимал луковицеобразную рукоятку, проклиная себя за то, что не удосужился раньше как следует изучить оружие.

Наконец с конца жезла сорвался электрический разряд и ударил чудовище в бедро. Тиранозавра отбросило назад. Его задние лапы распятались, а небольшими передними он беспорядочно замахал в воздухе. Раздался вопль, как будто тысячи сирен сошли с ума.

Уэбб выпустил в гигантскую ящерицу еще один разряд, затем крикнул «Бежим!» остальным.

Неизвестно было, каких усилий стоило бы убить такую машину. Уэбб смутно припоминал, как профессор биологии рассказывал, что динозавры могли сражаться даже спустя несколько минут после того, как лишились головы или сердца. Проверять эту теорию не было времени.

Троица бросилась к прогалине и на краю ее остановилась, держа оружие наготове. Они слышали, как позади в смертельной агонии тиранозавр все крушил вокруг себя.

Гигантские сосны качались как былинки на ветру, а рев раздавался как от стаи львов в колизее Нерона.

— Бедная тварь! — вздохнула Мэг. — Я понимаю, конечно, что ничего хорошего нам от нее было не дождаться, но все равно зрелище очень тяжелое!

Уэбб, соглашаясь, кивнул. Зато Смиг удивленно посмотрел на них.

— В чем дело, надземники? — спросил он. — Вы сокрушаитесь из-за той гадины, что ли? Уж больно вы, надземники, все мягкосердечные!

Смиг скрочил презрительную гримасу и отвернулся. Тут же глаза его сверкнули удивлением, а худая рука выхватила излучатель.

Уэбб услышал, как кто-то подбегает к нему сзади, и в тот же миг увидел извивающуюся ленту бледно-голубого пламени, метнувшегося к нему.

Жуткое невезение преследовало их: из всех полян, на которых они могли расположиться, черт дернул их выбрать именно ту, где усмирители ремонтировали «Хрони»! Уэбб обернулся, чтобы встретить опасность лицом к лицу, но было слишком поздно!

Полдюжины чудовищ в человеческом обличье мчались на них с жезлами наготове, и в руках каждого была та самая скользкая голубоватая веревка, которой они связывали Рона Дайнинга в квартире Уэбба.

Уэбб пригнулся, но недостаточно проворно: конец веревки в руках впереди бегущего усмирителя коснулся его руки, вызвав ощущение прикосновения сухого льда. Она обвилась вокруг него, особенно сильно стянув руки, сделав бессмысленными попытки дотянуться до своего жезла. Через мгновение Уэбб и его товарищи лежали на земле, спеленные как мумии.

Глава 9. ВОССОЕДИНЕННОЕ ВРЕМЯ

Связанный Уэбб лежал на холме неподалеку от «Хрони». Где-то должны были находиться Мэг и Смиг, но увидеть их он не мог. А когда он позвал их, ответом было только завывание ветра.

Усмирители не обращали на него никакого внимания. Как гигантские марионетки, ведомые чьей-то невидимой рукой, они сновали вокруг сияющего корпуса «Хрони», устанавливая какие-то загадочные механизмы на корпусе машины. Они были заняты этим уже около часа, и солнце почти зашло, подсвечивая на небе загадочно переплетенные облака.

Временные сдвиги все продолжали меняться. Со своего места спеленутому Уэббу были видны небеса всех оттенков и эпох — тропическое небо; небо, в котором парили летательные аппараты, и небеса, не знавшие никогда даже птичьего крыла. Один раз на мгновение возникло небо с низко висящей багровой луной, а на фоне далекого горизонта

появились верхушки гигантских зданий, которые вполне могли быть небоскребами родного Нью-Йорка!

Очевидно, излучаемая «Хрони» энергия оказывала свое действие только на некотором удалении, так как опушка леса была той границей, за которую сдвиги времени не заходили. Но Уэбб заметил, что граница эта постепенно приближалась к «Хрони».

За редко растущими деревьями он видел фантастические сцены — гигантские башни из черного льда; сверкающие экипажи, несущиеся по роскошным автострадам; безжизненные песчаные равнины и даже гигантские океанские волны; и с каждым разом видения становились все ближе и ближе.

— Ты должен поторопиться, Уэбб!

Голос прозвучал где-то рядом. Не веря себе, Уэбб насторожился. Голос явно не принадлежал ни усмирителю, ни Мэг, ни Смигу.

— Рон, — хрипло пробормотал он, — Рон!

— Точно, Уэбб! Только не надо так громко. Разговаривай со мной мысленно!

Уэбб сжал губы и почти беззвучно произнес:

— Так, значит, я был прав, чувствуя, что ты зовешь меня?

— Конечно, Уэбб. Я же говорил тебе, что буду в твоем мозге. Но связаться с тобой было очень трудно. Это примерно как учиться управлять ракетой: попадаешь в пилотскую рубку, вроде все приборы здесь и ракета готова к полету, но тебе приходится ею управлять. И я учился. Мне иногда удавалось прорываться наружу. Я однажды даже захватил власть над твоим телом, когда мне пришло...

— Это не тогда ли в городе, когда я утащил эту штуку?

— Именно. И еще несколько раз. Я... — голос на мгновение прервался. — Я, по крайней мере отчасти, ответствен за то, что ты поцеловал девушку тогда в пустыне. Хотя в общем-то ты когда-нибудь сделал бы это сам! А теперь, Уэбб, слушай, время дорого: усмирители скоро возьмут «Хрони» под контроль. Если им удастся это, то для нас все потеряно! Как только «Хрони» перестанет мешать им связаться со своим временем, будет слишком поздно. Тогда у нас не останется шансов победить их. Но они глупы и бездарны. Пока они предоставлены сами себе, а не руководствуются более мощным разумом, находящимся за миллионы лет отсюда, у нас остается шанс.

— Рон, — в отчаянии взорвал Уэбб. — Тебе не все известно. Я связан так, что даже сам Гудини был бы бессилен выбраться из этих пут. Я не могу пошевелить ни одним мускулом. Но даже если бы я и не был связан, их восемь, а я один. И они вооружены.

— Оружие не имеет значения. Даже если бы тебе удалось убить усмирителя, это не помогло бы.

— Тогда что же делать?

— Доверься мне, Уэбб, — торжественно произнес Рон. — Я намерен

временно овладеть твоим телом. Только, пожалуйста, не сопротивляйся мне!

Уэбб против желания расслабился и почувствовал, что в его мозге распространяется странное онемение. Ощущение было таким, будто в голове у него разливается какая-то густая сладкая жидкость, успокаивающая и делая его безвольным, но в то же время не усыпляя окончательно. Уэбб заметил, что кончики пальцев шевельнулись без какого-либо участия с его стороны. Затем шевельнулись пальцы ног, один за другим по порядку. Затем мышцы ног напряглись и расслабились. Очевидно, Рон Дайниин проверял управление.

Теперь голос был гораздо отчетливее. Как бы невзначай он сообщил:

— Кстати, Уэбб, чего ты еще не понял, так это того, что твои путы живые. Да, да, я говорю о веревках, стягивающих тебя. Примитивная форма электрической жизни всего с одним рефлексом — обвиваться вокруг того, что сопротивляется. Но если бы тебе удалось совсем расслабиться — вот так — и оставаться в этом состоянии, то они бы постепенно отпустили тебя.

Потрясенный Уэбб заметил вдруг, что путы, стягивающие его руки и ноги, мало-помалу ослабевают. Характерное покалывание подтвердило, что в его конечностях снова нормально циркулирует кровь.

— Конечно, трудно расслабиться полностью, — продолжал голос. — И если бы это было мое собственное тело, я тоже вряд ли смог расслабиться должным образом. А с чужим телом все обстоит проще. Когда эти путы совсем отпустят тебя, ты просто должен будешь осторожно снять их с себя; осторожно, и тогда — ты свободен!

Глаза Уэбба от удивления округлились, когда он увидел, как его собственная рука медленно приподнимается и касается холодных колец, обвивающих его, затем легко снимает их с тела и швыряет в сторону. К ужасу своему, Уэбб ощутил, что ноги несут его прямо к «Хрони» и копающимся рядом усмирителям.

Он услышал, как глотка его извергает какую-то чепуху, которая, возможно, была тем ломанным английским, на котором изъяснялись усмирители, почувствовал, что нагибается, набирает пригоршню камней и швыряет ими в остолбеневших усмирителей. Затем ноги понесли Уэбба к опушке леса, но бежал он неуверенно, спотыкаясь, — это был результат не вполне сформировавшегося у Рона чувства чужого тела.

За спиной послышался топот преследователей, и в ствол дерева удариł электрический разряд. Все восемь усмирителей мчались по пятам беглеца, на их зверских лицах застыло выражение удивления. Через мгновение Уэбб уже был под прикрытием деревьев и тут вновь услышал спокойный голос Рона Дайнина:

— Они приближаются, Уэбб. Теперь слушай внимательно!

Потеряв власть над своим телом и разумом, Уэбб сделал было слабую попытку вырваться из странного транса, в котором Рон держал его.

Но не смог, а вернее сказать, не осмелился этого сделать: над головой проносились электрические разряды, а преследователи не отставали. Теперь все зависело от Рона.

— Слушаю! — сказал Уэбб.

— Прекрасно! Сейчас временные зоны меняются очень быстро. Это постоянный цикл, я долго присматривался к нему и, кажется, понял, в чем секрет. Но я не могу управлять твоим телом с нужной скоростью, поэтому собираюсь вернуть его под контроль тебе самому.

— Спасибо, но что мне делать? — спросил Уэбб.

— Ты должен добежать до района меняющихся зон. Все время беги, не останавливайся. Ты не должен оставаться в любой из зон более полминуты, а то и меньше. Опиши широкий круг и возвращайся к «Хрони». Понял?

— Да, но...

— Спорить у нас нет времени. Край первой зоны прямо по ходу. Круг вправо, торопись! Ну ладно, получай свое тело!

В голове Уэбба что-щелкнуло, и вдруг он снова ожил, превратился из стороннего наблюдателя в спасающегося бегством человека, чьи легкие были как бы охвачены огнем от длительного боя. Продираясь сквозь заросли, Уэбб чувствовал, как ветви немилосердно хлещут его по щекам. Он рисканул оглянуться на бегу и увидел, что усмирители несутся за ним, убрав в кобуру свои жезлы. Тут Уэбб с размаху налетел на толстенную сосну, встряхнул головой и быстро обежал ее...

Он попал в непроницаемую темноту ночи. Воздух был необычайно свеж, а под ногами теперь было что-то мягкое и холодное, совсем не похожее на покров соснового бора. Густая тьма скрыла настигающих усмирителей. Уэбб свернулся вправо и прибавил ходу. Впереди появилось какое-то мерцающее свечение...

Он налетел на каменный холм, споткнулся и упал на еще не остывшие от солнца камни. Поднявшись с трудом, он продолжил бег скользя и спотыкаясь на неровностях каменистого склона. Над головой нависало небо, усыпанное крупными яркими звездами. Звезды были такими близкими, что казалось, стоит протянуть руку и можно будет набрать целую горсть. Но на это не было времени, потому что впереди уже синева показался лес...

Но лес был уже не тот, в котором началось преследование. Ноги Уэбба сразу же по самые лодыжки погрузились в теплую жидкую грязь, запутались в стеблях каких-то странных растений. Каждый мускул его тела протестовал против непосильной физической нагрузки, дыхание прерывалось, но все же он из последних сил продирался сквозь чащу.

И тут в его голове снова зазвучал тихий, дрожащий от сдерживающего нетерпения голос:

— А теперь, Уэбб, бери вправо и беги обратно в сторону «Хрони». Поторапливайся!

Уэбб застонал и, выругавшись, последовал совету. Казалось, он целые века прорытался сквозь лианы и теплую жижу. Наконец под ногами почувствовалась твердая земля соснового бора, и Уэбб выбежал на поляну, где стояла во всем своем святящемся великолепии «Хрони» в кольце механизмов, оставленных усмирителями. Тут нога его запнулась о корень, и Уэбб растянулся во весь рост.

Негромкий спокойный голос произнес:

— Все в порядке, Уэбб! Мы выиграли! Взгляни!

Хватая воздух широко открытым ртом, Уэбб поднял голову и взглянул на «Хрони». Приборы, кольцом окружавшие ее, гудели и вибрировали со все возрастающей скоростью. Да и яркость свечения самой «Хрони» постепенно менялась: бледное перламутровое свечение темнело, постепенно превращаясь в ярко-алое, и вдруг с громким странным звуком пропало — корпус стал совершенно темным.

Корректирующие силы аппаратуры усмирителей приручили в конце концов вырвавшуюся из-под контроля «Хрони» силу.

С растущей в сердце надеждой Уэбб увидел, что лес по ту сторону «Хрони» тих и дружелюбен. Толстые сосны стояли, не шелохнувшись, под серебристым лунным светом. Призрачные видения других эпох пропали. И небо, куда ни глянь, было просто небом, каким оно бывает в любой лесистой местности, родным, усыпанным звездами, с несколькими облачками вместо призрачных башен и незнакомых летательных аппаратов. Разошедшаяся ткань времени была сшита вновь!

— Но где же они? — спросил Уэбб.

— Кто? Усмирители, что ли? — в голосе Рона послышался смешок. — А они теперь разбросаны по разным эпохам, их разделяют миллионы лет. Можешь больше не беспокоиться о них, Уэбб! С ними покончено. Тем более что некоторые из этих эпох были, скажем, не вполне дружественны и гостеприимны.

Уэбб приподнялся и огляделся вокруг. В лунном свете он заметил две спеленутые фигуры, неподвижно лежавшие на земле. Мэг и трог. Уэбб поспешил к ним. А голос Рона все звучал в его мозге:

— Мы не могли победить их в бою, поэтому мы их перехитрили. Если бы они не последовали за тобой, то есть за мной, вернее, за нами... В общем тогда бы мы оказались в беде. Но они все-таки побежали!

Уэбб склонился над девушкой.

— Мэг, — ласково позвал он. — Мэг! Что с тобой?

— Они парализованы, Уэбб, — донесся до него спокойный голос Рона. — Но паралич скоро пройдет. Слушай, дай-ка мне твою руку!

Уэбб почувствовал, что рука его немеет, потом, послушная чужой воле, протянулась и коснулась шеи девушки. Пальцы нашли точку, где

нервные окончания выходили прямо под кожу, и принялись массировать ее вращательными движениями. Мэг пошевелилась и вздохнула.

— Она придет в себя через минуту, — произнес голос Рона. — Усмирители просто оставили их здесь умирать. Для тебя, естественно, они готовили иную участь.

— Готов поклясться, что это так! — воскликнул Уэбб и взглянул на хрупкое тело Смига.

— А как насчет него?

— Дай мне еще раз твою руку.

Пока пальцы нащупывали нужное место на худой шее Смига, голос Рона произнес:

— Ты ведь знаешь, Смиг меня интересует особенно. Ведь его народ был предком моего народа. В войне между горожанами и трогами победили в конце концов троги. И все человечество моего времени произошло от них. Когда горожане обследовали тебя в своей лаборатории, мне пришло в голову, что они были совершенно правы, определив тебя как трога. Ведь мое сознание неотделимо присутствовало в твоем. А мой мозг — это мозг трога, хотя и немного более развитый.

— Минутку, — прервал его Уэбб. — Я хотел спросить тебя об одной вещи, Рон. Ты мне очень нравишься, сам знаешь, и я ни в коем случае не хотел бы причинить тебе боль. Но я очень хотел бы знать, собираешься ли ты все время вот так находиться в моем сознании?

Наступило молчание, затем вновь зазвучал голос Рона, спокойный и дружелюбный:

— Я понимаю тебя, Уэбб! Не надо бояться. Я уйду в глубь твоего мозга, туда, где я не смогу ни видеть, ни слышать, ни чувствовать, пока ты сам не позовешь меня. И только в этом случае я выйду наружу! У тебя есть контроллер, который я украл для тебя там, в городе. Когда ты подойдешь к «Хронии», ты должен заменить им вышедший из строя собственный контроллер машины времени. Ты вполне справишься с этим. И тогда, Уэбб, все время в твоем распоряжении. А теперь я исчезаю...

Мэг беспокойно пошевелилась, будто просыпаясь после глубокого сна. Уэбб потянулся к ней и крепко обнял.

— Всего хорошего, Рон, — произнес он. — Ты понимаешь меня, не так ли?

Ответа не последовало, только где-то в глубине сознания послышался призрачный звук сдавленного смешка.

Уэбб улыбнулся и громко сказал вслух:

— Просто я хотел бы быть уверенным, что когда я хочу поцеловать Мэг, то это именно мое желание.

Вновь раздался смех, но теперь уже еле слышный. А затем наступила тишина.

Джеймс Лоуренс

МЕСТЬ НА СОЛ ТРИ

— Клянусь Божими ранами, милорд! Эти собаки бегут через кустарник, как загнанные кролики.

— Вы правы, сержант. Постараемся не затоптать их раньше времени.

Глубоко в кустах четверо крестьян дрожали и задыхались, прислушиваясь к голосам своих преследователей. Все они были одеты одинаково: в лохмотья, прикрывавшие тощие тела и окончательно разодранные колючим кустарником. Их лица были бледными и измученными, глаза — затуманенными, а широко открытые рты жадно заглатывали воздух в пылающие огнем легкие.

Почувствовав, как задрожала земля под копытами всадников, они переглянулись в безмолвном отчаянии.

— Молчите, не шевелитесь, — прошептал мужчина. — Может быть, Божьей милостью они проедут мимо или устанут нас преследовать.

Со всех сторон убежища, где лежали крестьяне, разъезжали всадники, разыскивая свою добычу. Постепенно крики и топот смолкли, и на лес опустилась тишина.

— Отец, они уехали. Мы спасены. Идем, мать, не плачь. На этот раз они нас не нашли.

— Да, Томас. Но мы потеряли свой дом и теперь должны скитаться, как волки, жить в лесу и есть коренья.

— Что с того, мать? Разве наша жизнь под бароном Мескарлом была лучше? По крайней мере теперь мы будем свободны.

Несколько минут прошло в тишине, нарушающей только стоном ветра и слабым криком одинокого кроншнепа. Потом густой вересковый кустарник содрогнулся и зашелестел.

Осторожно и боязливо из кустов выползли четыре человека: мужчина, сутулый и морщинистый, выглядевший лет на шестьдесят; за ним, болезненно морщась, женщина такого же облика и примерно того же возраста; рядом с ней находились двое мальчиков, оборванных и грязных. Одному было лет пятнадцать, другому на два-три года меньше. Внимательно оглядел поляну, беглецы направились от своего убежища к мрачному густому лесу.

Они прошли примерно полпути, когда тишину прорезал резкий звук охотничьего рога и кто-то закричал:

— Сюда, милорд! Мы нашли их!

Крик подхватили другие голоса, зазвенела сбруя, и из леса появились всадники.

Старший сын резко повернулся и увидел, что путь к бегству отрезан отрядом ухмыляющихся охотников, одетых в кольчуги с гербом своего хозяина на груди и щитах.

Кольцо всадников медленно сжималось вокруг своих жертв. Отец стоял молча, покорно опустив плечи. Мать упала на колени и беззвучно плакала, ее худые плечи дрожали. Она сжалла руки у груди, как при молитве. Младший мальчик стоял между родителями. Он вряд ли понимал, что происходит, но тем не менее ненавидел и боялся тех людей, что охотились за ними. Только старший сын попытался сопротивляться. Он нашупал у себя на поясе рукоятку и вытащил старый нож.

— Смотри-ка, Мэтью! У кабанчика еще остался один клык!

— Осторожнее! Он может раскроить вас этим страшным оружием от шеи до паха!

Со стоном, зародившимся глубоко в груди, с воплем отчаяния юный Томас бросился на ухмыляющегося высокородного предводителя отряда охотников. Обрадовавшись предстоящему развлечению, Анри Шерневаль де Пуактьер дернул за узду своего вороного скакуна, заставив его осесть на задние ноги и замолотить по воздуху железными подковами. Одно копыто попало мальчику прямо в грудь и отшвырнуло его на лесную землю. Раздался приглушенный хруст, а когда Томас поднялся, правая рука повисла как плеть. Солдаты подразнивали его, как это делают на петушиных боях и при травле медведя. Не обращая на них внимания, мальчик наклонился, левой рукой неуклюже подобрал нож и теперь уже осторожнее начал приближаться к всаднику.

Отец попытался было остановить сына, но тот отстранил старика.

— Отойди, отец. По крайней мере я сам выберу, как мне умереть.

Де Пуактьер откинул голову назад и рассмеялся. Глубокий смех лаем вырвался из зарослей его черной бороды.

— Хорошо сказано, щенок. Клянусь чревом Марии, если бы я не должен был убить тебя, то взял бы на службу, хотя ты еще и не дорос.

— Подлый ублюдок! Я бы скорее тысячу раз умер, чем стал служить тебе. Мы здесь, в лесах, знаем о тебе, де Пуактьер. Мы видели, как ты виляешь хвостом перед своим мерзким хозяином, Мескарлом. Так что ненависть народа к тебе безгранична. — Мальчик медленно подходил все ближе к вельможе. — Я знаю, что умру сегодня. Моя смерть так же неизбежна, как заход солнца. Но и твоя не за горами, милорд. Она рядом!

Выкрикнув последние слова, мальчик метнулся вперед. Его бросок чуть не застал де Пуактьера врасплох, но Томас поскользнулся на гнилом пеньке, скрытом опавшими листьями, и ему для точного удара не хватило какого-то ярда. Нож не достал до горла человека, а вспорол шею коня, и тот заржал высоко и тонко, как раненый кролик.

Шпоры всадника жестоко вонзились ему в бока, заставляя вновь повиноваться. Одновременно де Пуактьер схватился за узорчатую рукоять своего меча. Тонкая сталь со свистом выскоцила из ножен. Томас приготовился ко второму броску, крепко сжав нож здоровой рукой.

Молниеносным ударом де Пуактьер опередил его. Свистнула смерть, и Томас тупо уставился на обрубок левой руки, из которого фонтаном била кровь, растекаясь большим алым пятном на рыжей земле. Солдаты молча смотрели на эту страшную картину. Мать мальчика закрыла глаза руками и упала без чувств.

— Будь проклят, собака! — Томас взглянул вверх, на свою смерть. В его глазах не было страха.

Меч снова взметнулся и упал. Тело мальчика тяжело стукнулось о землю.

— Убить старика, милорд?

— Да. Только смертью он может искупить свою вину. Барон Мескарл слишком высоко ценит своих оленей, чтобы какой-то крестьянин мог тайком пользоваться чужими запасами. Мэтью, повесь старика и женщину вон на том дубе. Но прежде приведи ее в чувство, чтобы она могла бросить на мужа последний взгляд, перед тем как успокоиться навеки.

Тroe солдат спешились, чтобы выполнить приказ. Де Пуактьер подъехал к младшему мальчику и положил испачканное кровью лезвие меча ему на плечо.

— Стой спокойно, щенок. Если побежишь — погибнешь так же, как твой храбрый брат. — Де Пуактьер развернул своего жеребца боком, чтобы загородить от мальчика приготовления к казни. — Не нужно смотреть, — произнес он почти дружелюбно.

Мальчик взглянул на дворянина. Глаза его были такими чистыми, как горные озерца, питаемые водопадами. В первый и последний раз за этот день он заговорил:

— Спасибо, добный господин. Но я должен все это видеть, чтобы запомнить.

Мальчик стоял в сторонке и молча смотрел, как умирали его родители. Вначале пеньковая веревка захлестнула шею отца, и грубый узел затянулся под его правым ухом. Старику связали руки сырьмятным ремнем и посадили на лошадь, а потом привязали веревку к ветке дуба.

— Молиться будешь, старик? Нет? — Де Пуактьер кивнул, и один из его людей шлепнул лошадь по крупу тяжелой перчаткой. Она рванулась вперед, и тело неуклюже соскользнуло с ее спины.

Старик был настолько легким, что шея не сломалась, и он какое-то время дергался на веревке, пока наконец спасительная пелена не застлала его мозг. Глаза старика были полузакрыты и казались безразличными. Язык посинел, распух и вывалился изо рта.

Солдатам наконец удалось привести женщину в чувство, и она очнулась как раз вовремя, чтобы увидеть последние мгновения агонии своего мужа. Потом она посмотрела на надменного вельможу снизу вверх, и в ее взгляде не было страха перед смертью. С мольбой в голосе женщина обратилась к своему палачу:

— Прошу милосердия. Выполните последнюю просьбу матери. Пусть я умру сейчас, но мой мальчик останется жить.

Де Пуактьер расхохотался:

— Нет ничего проще. Взгляни, женщина, веревка приготовлена только для твоей морщинистой шеи. У барона Мескарла твой отпрыск станет большим человеком. Может быть, даже слугой. — Повернувшись к солдатам, он приказал: — Кончайте с ней. Саймон, дерни ее за ноги, чтобы не брыкалась. Не хочу дважды смотреть на эти пляски.

Она умерла гораздо быстрее своего мужа. Когда женщину посадили верхом на большого боевого коня, ее рваное платье задралось и обнажило бедра. Однако она держалась с таким достоинством, что грубые мужчины, которые, казалось, уже готовы были обменяться непристойными шуточками, промолчали. Прежде чем жеребец бросил ее в небытие, она перевела взгляд на сына, молча смотревшего на нее, и дала ему свой последний материнский наказ:

— Запомни все это. В какое бы рабство ты ни попал, не позволяй никому затронуть твой разум.

Она сама соскользнула с лошади. Самый толстый из воинов, Саймон, резко дернул женщину за ноги, и ее шея переломилась, как сухая тростинка.

— Срезать их, милорд?

— Нет. Пусть повисят несколько дней как предупреждение тем, кто позарится на оленей барона. Мэтью, посади мальчишку к себе и не спускай с него глаз.

Вдруг спокойный до того лес задрожал, по нему прокатилось эхо могучего грома. Лошади заржали и попятились, но их всадники,казалось, обрадовались этому грохоту. Прямо над склонившимися деревьями пролетело серебристое, пышущее огнем чудовище.

Де Пуактьер взглянул на свой массивный хронометр и крикнул сержанту, перекрывая шум заходящего на посадку корабля:

— «Заратустра» опаздывает. Надеюсь, на нем добрый груз феррони-

ума. Помнишь последний шаттл? Вино и девки на три дня? Поспешим домой, парни!

Отряд вытянулся за своим предводителем. Всадники скакали по лесу, смеясь и жестикулируя, как это обычно бывает после удачной охоты. На луке седла солдата, которого звали Мэтью, неудобно примостился мальчик. Он оглянулся всего один раз, и глаза его были сухи.

Когда люди исчезли и топот копыт стих, лес снова ожило. Белка яростно обругала галку, залетевшую на ее территорию. Заяц, дрожа, проковылял по полянке, изрытой копытами коней. Из-за легкого ветерка веревки раскачивались, и тела временами стукались друг о друга. Несколько трупных мух уже вились над тем местом, где мужчина облегчился, когда его мышцы расслабились после смерти.

На голову женщины села ворона, вопросительно склонила блестящую черную голову и заглянула в лицо мертвой. Затем она неуклюже спрыгнула на плечо и принялась выклевывать глаза.

— За всю свою жизнь в Службе Галактической Безопасности я никогда не видел такой полнейшей, такой грандиозной тупости, такого бездумного высокомерия, такого вопиющего пренебрежения простейшими обязанностями, такого игнорирования минимальных требований, и, Господь свидетель, вы оба — большие специалисты испортить все в самом заурядном, дерзковом положении. Даже самые тупые новобранцы сработали бы лучше. Рэк, убери с лица эту идиотскую ухмылку...

— Великолепно, Богги! Но только когда шеф произносил слова «убери с лица ухмылку», он оторвал три верхних пуговицы с падной формы, и его ногти впились в ладони. Все остальное — великолепно.

— Зря ты перебил меня, Саймон. Я уже готовился пустить пену изо рта. Пришлось проглотить слону — я чуть не подавился. Боже, как долго нас заставляют ждать! Как ты думаешь, что теперь будет?

— Трудно предугадать поступки Стейси. Многое зависит от того, как преподнесла Федерации семья этого «коммивояжера» то, что ты с ним сделал. Если им поверили — нам придется туго.

— Он такой же коммивояжер, как я — балерина! Все знают, что он был контрабандистом. Страшно вспоминать, что он делал с этой хорошенькой девушки. Я просто дал ему попробовать его же блюдо.

— Лейтенант Богарт! Нас вызвали, чтобы предъявить самое серьезное из всех обвинений, а вы так спокойно говорите, что «дали ему попробовать его же блюдо». То, что от него осталось, потом сгребали лопатой.

— Но ведь дело стоило того, а, Саймон? Достаточно было посмотреть на лицо девчонки, когда он помер. Как ты про нее тогда сказал?

В этот момент дверь с треском отворилась, и вошел майор Службы Безопасности. Лицо его казалось высеченным из камня.

— Надеть головные уборы! Не разговаривать! Полковник Стейси готов принять вас. Шагом марш!

Они зашагали подчеркнуто строевым шагом, что явно выдавало их пренебрежение к дисциплине, но за это и наказать-то было нельзя.

Саймон Рэк шепотом ответил на последний вопрос Богарта:

— Я говорил, что она похожа на золотую бабочку, порхающую в опаловом тумане.

— Молчать!!! — Майора чуть не парализовало оттого, что Саймон таким чудовищным образом нарушил дисциплину. — Стой! Снять головные уборы! Сэр, — он энергично отдал честь седому офицеру, сидевшему за пластиковым столом, — капитан Саймон Кеннеди Рэк и старший лейтенант Юджин Богарт по вашему приказу доставлены. — Он снова отдал честь и щелкнул каблуками так, что воздух в кабинете задрожал.

Полковник Стейси оторвался от бумаги, махнув рукой, затянутой в перчатку, устало сказал:

— Хорошо. Спасибо, майор. Не стану вас больше задерживать. Думаю, у вас есть другие важные дела.

— Но, сэр, вы уверены?..

— Вероятно, грохот собственных каблуков помешал вам расслышать мои слова, майор. Я сказал: «Не стану вас больше задерживать». На более привычном языке это означает попросту «вон». Ну! — И когда адъютант взялся за ручку двери, полковник добавил: — Пожалуйста, майор, постарайтесь не хлопать дверью.

Дверь закрылась так бесшумно, что Рэк и Богарт оглянулись, проверяя, действительно ли майор вышел.

— Джентльмены, — голос Стейси стал неожиданно мягким, — садитесь, пожалуйста.

— Простите, сэр?..

Полковник выказал признаки раздражения.

— Вы что, тоже страдаете глухотой, Рэк?

Саймон и Богарт поспешили уселись в два черных кресла, стоявших на одинаковом расстоянии по обе стороны от стола.

Стейси отодвинул от себя бумаги и откинулся назад, задумчиво постукивая пальцами по подбородку. Потом он протянул левую руку и нажал кнопку, приделанную снизу к столешнице. На контрольной панели в подлокотнике его кресла запульсировал желтый огонек.

— Это для того, джентльмены, чтобы быть абсолютно уверенными, что нас не подслушивают. Не люблю этих нюхачей. Для меня очень важно, чтобы то, о чем мы будем говорить сегодня, нигде и никогда не повторялось. Ясно? — Оба кивнули. Полковник мрачно посмотрел на Богарта. — Старший лейтенант, это касается всех тех пьяниц и шлюх, с которыми вы считаете необходимым расслабиться. Итак, джентльмены, как вы думаете, зачем я пригласил вас?

Наступило тягостное молчание. Потом Богарт сказал:

— Ну, сэр, нам кажется, это как-то связано с тем контрабандистом,

которого мы прикончили на Стердале. Понимаете, сэр, там была та девчонка, и этот тип...

Саймон перебил его:

— Осмелюсь доложить, сэр, старший лейтенант Богарт хотел сказать, что ни он, ни я не имеем ни малейшего понятия, зачем нас вызвали.

— Так что он там бормотал о Стердале? Подождите-ка, где-то здесь у меня был рапорт...

Саймон незаметно дал знак Богги держать язык за зубами и, желая поскорее переменить тему, сказал:

— Что бы там ни произошло на Стердале, я уверен, сэр, то, о чем собираетесь говорить с нами вы, намного важнее.

Полковник Стейси улыбнулся, что немало удивило офицеров Службы Галактической Безопасности. Подумать только — улыбнулся! Это было равносильно тому, как если бы вы встретили тигра на узкой лесной тропинке, а тот игриво толкнул вас в бок и рассказал неприличный анекдот. Вдруг Стейси расхохотался. И тут Саймон понял, что их следующее задание будет весьма нелегким. Он не мог припомнить, когда полковник в последний раз улыбался, не говоря уже о том, чтобы тот когда-нибудь смеялся.

Резко оборвав смех, Стейси в упор посмотрел на Саймона.

— В вашу пользу говорит многое, Саймон Рэк. Так, посмотрим. Вы вступили в Службу Безопасности одиннадцать лет назад. Вам было четырнадцать — это минимальный возраст в нашей Службе. Основной курс обучения вы прошли весьма успешно, да и потом отличались не раз. Одиннадцать лет... И до сих пор всего лишь капитан. Если бы я не знал вас достаточно хорошо, меня бы удивило такое медленное продвижение по служебной лестнице. Из личного дела видно, что процент удачного выполнения заданий у вас самый высокий — свыше восьми-десяти. И только капитан! Я считаю, что вы губите свою карьеру исключительно непослушанием. Что скажете?

Саймон ненадолго задумался, а потом ответил:

— Я бы сказал, что просто не устраиваю спесивых идиотов. И чем выше их служебное положение, тем труднее мне с ними ужиться.

— Ну хорошо. Во всяком случае, я не собираюсь сейчас обсуждать личные дела — ваше и той жалкой обезьяны, которая, как докладывали, всюду сопровождает вас. Мне не раз приходилось читать рапорты о вашем недостойном поведении. И, поверьте, их было гораздо больше, чем на любых других офицеров Службы. Рэк, и вы, Богарт, я скажу вам сейчас нечто такое, чего больше повторять никогда не стану. А если кто-то когда-нибудь повторит мои слова, я уничтожу вас обоих. До конца своих дней, невзирая на теперешние чины, вам придется возить дермо на лунниках. Пусть вы постоянно попадаете в неприятности из-за субординации, пусть ненавидите

дисциплину, но мне время от времени нужна парочка таких грубиянов. Но сейчас я был бы вам весьма признателен, если бы вы не так явно показывали свою ненависть к дисциплине. Потому что... — Он немного помолчал, чтобы его слова лучше дошли до них, а затем сказал: — Вы мне нужны. Нужны прямо сейчас.

В кабинете воцарилась тревожная тишина. Богарт и Саймон поглядывали друг на друга, на стол, на свои ногти, лишь бы только избежать взгляда Стейси. Наконец полковник нарушил молчание:

— Богарт! Перестаньте ковырять в своем паршивом носу!

Саймон выстучал левой рукой по своему бедру сообщение и тут же получил ответ помощника, который полностью был с ним согласен. Если Стейси обращается с ними таким образом, так сильно давит на них — это означает только одно: задание предстоит хуже некуда!

После двухчасового обсуждения, сопровождаемого просмотром стереокарт и стереоснимков, они поняли, насколько сложным будет задание. Саймон просмотрел свои записи и задумался. Вдруг до него дошло, что Стейси кончил говорить и ждет от него ответа на свой вопрос. Он бросил взгляд на Богарта, но тот ничем помочь не мог, и Саймон был вынужден попросить полковника повторить.

— Рэк, мне иногда кажется, что у вас в голове вместо мозгов вакуум. Я спросил: «Вопросы будут?»

— Да, сэр. Если учесть законы Федерации о рабстве плюс жизненную важность феррониума для подпространственного привода, я не могу понять, почему бы вам не послать патрульный крейсер?

Такого рода вопросы менее всего интересовали Богарта. Он хотел знать: где, когда, как, сколько, с помощью чего, но только не *почему*. Пока полковник Стейси рассуждал о тонких проблемах внутригалактической политики, он внимательно следил за мухой, почти неслышно журчавшей над столом.

— Информацию мы получили от крохотного партизанского отряда. Помните тот последний раз, когда Федерация действовала на основании непроверенного донесения подобного формирования? Это случилось восемь лет назад, и до сих пор мы никак еще не расхлебаемся. Мы не можем вмешиваться во внутренние дела, если нет доказательств, Рэк, серьезных доказательств, что законы Федерации нарушены или существует угроза самой структуре галактики. Так вот, если, я подчеркиваю, если эти донесения верны, то ситуация потенциально апокалиптическая. А я, как вы, наверное, слышали, не склонен к преувеличениям. Итак, ваша задача: загрузиться всем необходимым и на предельной скорости лететь на Сол Три. Там вы должны сделать все, чтобы как можно скорее вступить в контакт с предводителем партизан. Помните его имя? Хорошо. Проследите за тем, чтобы ваш полоумный помощник... Вы только посмотрите, глаз с мухи не сводит! Проследите

за тем, чтобы он хорошенъко познакомился с обычаями Сол Три. Это в ваших же интересах, Рэк. Отныне вы оба освобождаетесь от своих обычных обязанностей. Можете идти.

Саймон вскочил по стойке «смирно» — когда он считал это необходимым, он мог быть столь же ревностным служакой, как и адъютант, и даже больше. За ним вскочил Богарт. Когда они повернулись, чтобы выйти, рука Богарта метнулась как песчаная кобра и выудила муху из воздуха. Полковник моргнул — не померещилось ли ему это?

Богарт вышел первым и метким броском послал мертвое насекомое прямо в левую ноздрю адъютанта, стоявшего по стойке «смирно» у двери. Верзила офицер побагровел и шагнул вперед, но голос полковника Стейси, донесшийся из открытой двери, заставил его замереть на месте.

— Саймон! Одну минуту. По поводу того случая на Стердале, о котором проболтался старший лейтенант в начале нашего интересного совещания. Как я понял, там кого-то прихлопнули. Так вот, об этом вы больше не услышите. Если, конечно, на Сол Три все будет в порядке. Надеюсь, вы меня понимаете. Между прочим, в коридоре у меня есть «жучки», и кое-что из вашего разговора я слышал. Там ведь замешана девушка, не так ли? Как вы про нее сказали?

— Я сказал, что она похожа на золотую бабочку, порхающую в опаловом тумане, сэр.

— Очень мило, Саймон, очень мило.

Капитан Службы Галактической Безопасности вышел из кабинета, и дверь за ним мягко захлопнулась. Полковник Стейси на какое-то время задумался, потом, тяжело вздохнув, повторил:

— В опаловом тумане... Надеюсь, барону Мескарлу нравятся красивые фразы.

Глава 2. НА ГРАНИ ПРОВАЛА

Корабль-разведчик сел среди деревьев мягко, как муха на протухшее мясо. Шум его подпространственных двигателей смолк. Лес притих: птицы и звери притаились, наблюдая, что же будет дальше. Ждать им пришлось недолго.

Спустя несколько секунд тускло-серебристая панель в борту небольшого корабля откинулась, и оттуда вышли двое. Один был маленьким и коренастым, как бочонок с ногами. Второй — высоким — таким высоким, что ему трудно будет выдавать себя за местного, — темноволосым и кареглазым. Только цветом своих волос он был обязан краске, а цветом глаз — контактным линзам. Они были оде-

ты в обезличивающую форму, повсеместно распространенную среди космокоммивояжеров.

Оба были вооружены кольтами — стандартным личным оружием сотрудников Службы Галактической Безопасности, которые правильнее было бы назвать парализаторами, но все почему-то называли их кольтами. Стоит нажать кнопку на рукоятке — и все живое на большом расстоянии парализуется. Саймон Рэк и Юджин Богарт редко пускали их в ход — только в случае крайней необходимости.

— Ну как? Пока все тихо? — спросил Богги.

— Поблизости никого не видно, — ответил Саймон. — Может быть, это и к лучшему. Ведь мы должны встретиться с нужным нам человеком в борделе.

Пока Саймон быстрым шагом обходил корабль, настороженно отыскивая следы чужого присутствия, Богарт вернулся на борт, чтобы выключить оборудование и подготовить камуфлирующее устройство. Он был еще внутри, когда капитан окликнул его. Голос Саймона был негромким, но напряженным:

— Богги! Уничтожай! «Дабл-эй»!

Для персонала СГБ нет более серьезной оценки положения, чем «дабл-эй». Когда эти слова сопровождали приказ, то на языке устава это означало: «Вышеупомянутый приказ должен быть исполнен немедленно и не подвергаться сомнению, кроме тех случаев, когда он не рассыпан или понят не полностью. Невыполнение приказа, покрепленного «дабл-эй», кроме случаев, упомянутых выше, карается наравне с бунтом или убийством».

Когда группа сотрудников работает вместе так долго, как Богарт и Рэк, зачастую уставные отношения теряют свой смысл. Но если кто-нибудь из них добавляет к приказу «дабл-эй», значит, на кон поставлена жизнь. Эти «дабл-эй» обладают уникальным свойством — действуют как сверху вниз, так и снизу вверх. Если обстоятельства складываются определенным образом, то даже зеленый новичок может приказать полковнику, шефу СГБ, сделать то-то и то-то, и он должен и будет повиноваться. Ну а если уж этот новичок по неопытности ошибется...

Как-то раз Богарт суммировал все это в своей обычной манере:

— Если ты услышишь «дабл-эй», когда сидишь на толчке, не думай тратить время на вытирание задницы. Чистый зад ни к чему, когда тебя будут стирать в порошок.

Пока мы делали это краткое отступление, вот что происходило на поляне.

Саймон прижался к краю опушки с кольтом наготове. Богарт на корабле бросил все, что у него было в руках, и произвел ряд действий, которые ему до сих пор еще ни разу делать не приходилось. Он нажал кнопку, повернул рукоятку — сначала влево, затем вправо — и, нако-

нец, щелкнул переключателем. Ошибешься в этой последовательности с самого начала — ничего не случится. Ошибешься в конце — взлетишь на воздух вместе с кораблем.

Богарт выпрыгнул из люка, покатился по земле и остановился рядом с Саймоном тоже с кольтом наготове.

У вас может возникнуть вопрос: откуда Богарт знал, где находится Саймон, ведь он был внутри корабля, когда прозвучала команда? Этому есть весьма простое объяснение: он просто знал!

— Где и сколько?

Саймон показал на плотную шеренгу деревьев:

— Там. Может, двое, а может, и десять. Я просто услышал, как сначала всхрапнула одна лошадь, потом другая.

Богарт удивленно посмотрел на своего командира.

— Наш босс был прав. Они здесь действительно ездят на лошадях!

— На его лице внезапно появилось ужасающее выражение, которое означало, что он думает. — Саймон, — прошептал он, — откуда, черт возьми, они узнали, что мы здесь? Старик говорил, что у них нет сенсоров. Так откуда?

— Может быть, они еще не знают, что мы здесь. Мы приземились так тихо, что и пыльцы с тычинок не сдули. А может, Стейси ошибается насчет сенсоров. Когда корабль взорвется?

Богарт взглянул на хронометр.

— В три двадцать. Я ничего не слышал, поэтому поставил на пятую ступень. — Он прижал ухо к земле и прислушался. — Через пару минут они будут здесь. Похоже, их около десятка. Сматываемся?

Саймон оглянулся через плечо, оценивая ситуацию. Несколько всадников приближались к ним спереди. Позади ничего не слышно. Может быть, там ловушка, но в любом случае это единственный путь к бегству. Его старый инструктор по рукопашному бою,unter-офицер Ньюмен, частенько говорил: «Если перед тобой пятьдесят человек с кольтами, а позади пятьдесят один, — бей вперед. Хуже упущенного шанса только одно — полное отсутствие такового».

Топот копыт быстро приближался. Саймон не стал тратить время на разговоры. Он хлопнул Богарта по плечу и указал назад.

Они двигались быстро и синхронно, как две части одного целого. С другой стороны опушки рос густой кустарник, и им удалось забраться глубоко внутрь по тропе, проложенной лисой или барсуком. Сквозь переплетение ветвей, если хорошенъко приглядеться, можно было видеть корабль. Они затаились.

Прошло всего четыре минуты с тех пор, как Саймон услышал приглушенное ржание. На поляну выехал отряд из девяти всадников. Предводителем был статный мужчина, одетый намного богаче остальных.

Богарт почувствовал, как Саймон весь напрягся.

Махнув рукой, рыцарь послал пятерых солдат проверить местность вокруг корабля. До Рэка и Богарта донесся его голос, отдававший приказы остальным:

— Саймон, в корабль! Вы двое останетесь со мной.

Из своего убежища агенты СГБ не слышали, что именно ответил на приказ толстый человек, которого рыцарь назвал Саймоном, они только увидели его недовольное лицо. Предводитель расхохотался лающим смехом. Он откинул голову назад, и полуденное солнце высветило серебро в его бороде.

— Топай! Пораstryасешь немного свой жир. — В его голосе послышалась нотка нетерпения. — Да быстрее же, жирный бурдюк! Я должен знать, есть ли кто-нибудь внутри.

Вздыхая и недовольно бормоча, толстяк слез со своего гнедого и, кряхтя, залез в разведывательный корабль.

Достав хронометр, Богарт молча поднял вверх десять пальцев. С каждой секундой он загибал один палец. Как только его рука сжалась в кулак, внутри корабля раздались приглушенный грохот и вопль агонии. Потом все стихло.

— Будто свинье глотку перерезали, а? — тихо сказал Богарт, но, к его удивлению, Саймон даже не улыбнулся.

На поляне кричали люди, вставали на дыбы лошади, а из открытого люка вырывалось пламя. Через несколько мгновений корабль превратился в пылающий ад.

— Милорд, живых там больше нет, — крикнул один из солдат.

Это было ясно всем и без него. Огонь стремительно приближался к всадникам. Яростно пришпорив лошадей, отряд галопом помчался в сторону кустов, где прятались беглецы. Богарт поднял свой кольт и начал было прицеливаться, но Саймон остановил его. Он лучше знал лошадей и понимал, что те не станут пробираться сквозь кустарник, а обогнут его. Так и случилось.

Они лежали не шевелясь, пока стук копыт не замер вдали. Когда языки пламени стали лизать ветки в опасной близости от них, Саймон поднялся с земли, и Богарт заметил, что он очень бледен и дышит прерывисто. Смерть прошла рядом, но ведь они не раз попадали в подобную ситуацию.

— Нам пора удиরать, Саймон. Они могут вернуться. Саймон!

— А? Прости, я...

— Я сказал, что нам нужно сматываться. И как можно скорее. Этот бугай натравит на нас всю округу.

— Да, ты прав.

Пока они переодевались в грязно-коричневую одежду, которую носили местные крестьяне, Саймон не проронил ни слова.

По его настоянию они швырнули кольты в огонь, чтобы те расплелись. Богарт хотел было воспротивиться, но Саймон зло сказал ему:

— Если бы ты не ловил мух в кабинете Стейси, а слушал его внимательно, ты бы уразумел, что применять кольты здесь запрещено. Впрочем, как и всякое другое оружие, не принадлежащее этому периду. Иначе нас застукают. Ясно?

Богарт угрюмо кивнул. Саймон задумчиво посмотрел на своего товарища и, немного смягчившись, сказал:

— Прости, Богги. Кое о чём я тебе никогда не рассказывал. Потому что думал... ну что в этом нет необходимости. Но теперь... Ладно, расскажу, когда доберемся до борделя.

— Саймон, я знаю, что ты родом с Сол Три. Я почувствовал, как ты напрягся, когда появились эти люди. Ты ведь знаешь их, правда?

Не глядя на него, Саймон ответил:

— Да, я знаю двоих: толстяка Саймона, который погиб, и дворянину. Его я знаю очень даже хорошо.

Они зашагали в том направлении, где должна была быть деревня. Смузенный глубиной чувств Саймона Богарт попытался приободрить его:

— Будем надеяться, что мы с ними больше не встретимся.

Ярость, прозвучавшая в ответе Саймона, заставила его остановиться и замереть. Голос был холодным, как лунная пыль.

— Нет, Богги, дружище, ты ошибаешься. У меня есть один должок сенешалю Анри Шерневалю де Пуактьеру, вассалу барона Мескарла. И этот долг за пятнадцать лет сильно вырос!

Если какой-нибудь пьяный посетитель борделя «Красный фонарь» заглянул бы в тридцать третий номер, прозванный «Лачугой священника», он решил бы, что застукал двух гомиков за их противоестественным занятием. Любовь такого рода была недопустима в самом популярном публичном доме во всем Стендоле.

На кровати, обнявшись и тесно прижавшись друг к другу, сидели двое мужчин. Один из них, повыше и помоложе, что-то жарко шептал на ухо второму, лицо которого ничего не выражало, а из приоткрытого рта вырывалось низкое гудение.

Это был один из способов коммуникации агентов СГБ при обстоятельствах, не исключающих наличие «жучков». А гудение — усовершенствование, придуманное Саймоном.

Рэк и Богарт благополучно добрались до борделя, избежав встречи с необычно многочисленными патрулями Мескарла. Тощая хозяйка «Красного фонаря», Долговязая Лиз, приняла их за странствующих знатарей-шарлатанов, решивших отдохнуть несколько дней перед бурной деятельностью во время празднования Дня Святого Варфоломея. Она очень удивилась, когда эти гости отказались от женщин, но они хорошо заплатили за комнату, которая того стоила. «Красный

фонарь» был самым чистым публичным домом в городе. А так как меблированных комнат и гостиниц здесь давно уже не было, все приезжающие богатые торговцы останавливались у Долговязой Лиз.

Тот, что повыше, Симеон, по мнению Лиз, был славным парнем, хотя и казался старше своих лет — что поделаешь, жизнь захаряя быстро старит человека. А вот тот, что постарше, Зебадия (Богарту всегда нравились странные псевдонимы), сильно отличался от первого. Долговязая Лиз сразу поняла, кто он такой: жулик и развратник. Ей придется проследить, чтобы никто из девиц не соблазнился его медоточивым голосом и плутоватыми глазками за бесценок, и не спускать глаз с постельного белья. А уж если для ублажения мастера Зебадии понадобится женщина, то это будет сама Лиз.

Закрывшись в комнате, ее гости обсуждали свои планы.

— Саймон, ты должен был рассказать мне все это раньше, — упрекнул Богарт. — Но все кончилось. И давно.

— Нет. Все только начинается, Богти. Сейчас, когда мы благополучно добрались до места, нам необходимо поскорее вступить в контакт с нашим человеком. Связной партизан, кузнец Эдрик, скоро поймет, что мы здесь. Будет лучше, если он сам найдет нас. В таких местах, как это, полно шпионов Мескарла. Стены просто облеплены нюхачами.

— Ага. А кровати — клопами.

— Ладно, не ворчи. Пошли в столовую, попытаемся запихнуть в себя ту отраву, что подают у мистрис Элизабет. Нам следует держать ушки на макушке. Кажется, сюда заглядывают и крепостные Мескарла.

— Судя по тому, что говорил наш дражайший полковник — хотя я большую часть его речи прозевал, — мне кажется, их правильнее было бы назвать рабами, а не крепостными. Что же касается стряпни Долговязой Лиз, то, по-моему, ею можно прекрасно очистить от ржавчины тесаки, которыми мы здесь вооружены. Похоже, она moet в ней ноги. А может, что и похуже!

В столовой было полно народа и шум стоял невообразимый. Они с трудом протиснулись сквозь толпу и примостились на краю грубой деревянной скамьи. Им швырнули миску похлебки, ломоть ржаного хлеба и металлические ложки, хранившие следы всех предыдущих пользователей.

Девица-служанка, неряшливо одетая шлюха, ловко маневрировала между столами, абсолютно не обращая внимания на колкости. Какой-то здоровяк попытался запустить руку под ее заляпанную жиром юбку. Не говоря ни слова, она со страшной силой ударила его по башке глиняным горшком, который раскололся, обрызгав разразившихся проклятиями едоков липкой кашией. Здоровяк коротко вскрикнул и рухнул лицом на стол. Девица схватила его за жесткие волосы, скину-

ла со скамьи, и он распластался на грязном тростнике, устилавшем пол.

Поставив ногу на спину потерявшего сознание клиента, она визгливо крикнула:

— Еще один созрел для навозной кучи!

Едоки одобрительно завопили. К девице протиснулся немой верзила и, нагнувшись, поднял с пола пьяницу. Держа его над головой, вышибала пробрался сквозь веселящуюся толпу к двери, ведущей на задний двор. В столовой стало тихо — все ждали чего-то.

Богарт вопросительно посмотрел на своего соседа, но тот поднял палец, призывая к молчанию. На заднем дворе раздался плеск, будто что-то тяжелое плюхнулось в навозную жижу. И это соответствовало истине.

После того как стихли аплодисменты, Саймон вновь принялся за еду, постепенно втягивая в разговор угрюмого человека, сидевшего рядом. Его звали Ричард. Он был писцом при дворе барона Мескарла. Саймон обрадовался такому источнику информации, хотя Ричард оказался не очень приятным собеседником, но то, что он поведал, было довольно интересным. Да, он знает кузнеца Эдрика, но не дружит с ним. С Эдриком зваться опасно. Дурная компания. Это человек, который хочет изменить порядок вещей. Вплоть до изгнания барона. Но правая рука Мескарла, сенешаль де Пуактьер, скоро все о них разузнает и заточит в тюрьму. Феррониум? Каждый знает, где его добывают. Барон — один из самых важных и влиятельных людей на Сол Три, потому что владеет феррониумом. Мудреная штука этот феррониум. И небезопасная. Он помнит, как однажды в космопорту раскололся контейнер, и половина крепостных, оказавшихся поблизости, покрылись ужасными ожогами и бубонами. Большинство из них умерли.

Сведения о том, что феррониум является побочным продуктом при взрыве расщепляющихся материалов и что он жизненно важен для пространственного привода космолетов, общезвестны. Даже бродячий лекарь должен был все это знать, и Саймон вежливо посоветовал писцу рассказывать байки своей бабушке, попутно охарактеризовав ее привычки.

Ричард аж подскочил на скамье.

— Слушай, знахарь. Если будешь грубить верным слугам барона вроде меня, то в скором времени тебе придется переменить и работу и местожительство, а воротничок твой будет сжимать горло гораздо сильнее, чем эти фланелевые лохмотья.

— Ты, мерзкая крыса! Шныряешь тут повсюду и грозишь честным людям железными воротниками? А почему бы тебе не сказать открыто — ошейник раба?! — В их разговор вклинился мужчина, казавшийся еще более громоздким, чем немой вышибала.

На его обнаженной груди и кожаном фартуке были сотни отметин от искр, которые вылетают из раздуваемого горна. Саймон поймал взгляд Богарта. Должно быть, это кузнец Эдрик, их связной с партизанским движением Сола.

Писец привстал. На его лице была та неприятная смесь трусости и высокомерия, которая появляется у любого мелкого чиновника, когда он чувствует, что ему угрожают.

— Только таких слов и можно было ожидать от тебя, кузнец. От тебя и твоих людей из леса. Очень скоро ты сможешь повторить все это милорду де Пуактьеру. Он с удовольствием окажет тебе гостеприимство в замке, когда я расскажу ему о твоих словах. Ну, ударь меня, если хочешь. Только не забудь об этом, когда заплашешь на виселице, а я, Ричард-писец, буду стоять рядом на площади и смеяться над тобой. А теперь прочь с дороги, собака, я иду к милорду!

Кузнец поднял было руку, чтобы ударить самоуверенного доносчика, но тут его остановил спокойный голос:

— Погоди, друг.

— Кто ты такой? Чего вмешиваешься?

— Я — лекарь Симеон. А это мой помощник. Его зовут Зебадия. Тебе грозит страшная смерть, если ты тронешь этого негодяя.

— Не забывай, кого ты называешь негодяем, — высокомерно сказал писец. — Хочешь присоединиться к нему на виселице?

— Все там будем, Ричард. Мне очень жаль, но другого выхода я не вижу. Прощай.

Тонкий стилет выскоцилнул из-под рубашки Симеона и легко вошел в грудь писца. Рот Ричарда раскрылся для запоздалого вдоха, и он рухнул на пол, свалив на себя скамью. Несколько мгновений он еще бился, как рыба, вытащенная из ручья, а затем умер, захлебнувшись кровью.

Бордель взорвался воплями и проклятиями. Замелькали кулаки. Громко мыча, немой размахивал дубинкой, сбивая с ног каждого, кто осмеливался приблизиться к нему. Саймон метнулся к лестнице сразу же, как только вытащил нож из тела писца. С середины пролета он взглянул на свалку, полагая, что Богарт и кузнец рядом с ним.

Они бросились было следом, но им помешали перевернутые столы. Богарт орудовал ножом легко, будто вел учебный бой с унтер-офицером Ньюменом. Легкая улыбка застыла на его губах, и он мелодично насвистывал что-то себе под нос. Богарт наслаждался. Люди падали перед ним, хватаясь за порезы. Он старался не убивать без крайней нужды, но многие были отмечены шрамами, полученными от него в тот вечер в «Красном фонаре».

Сзади его защищал Эдрик, который расшивывал нападавших звучными ударами кулаков. Они были уже рядом с лестницей, когда на задней дворе раздался крик:

— Люди барона! Де Пуактьер с патрулем! Бегите! Бегите!

Немой, пошатываясь, отошел от двери, тщетно пытаясь выдернуть стрелу, торчавшую из правого плеча. Оттолкнув его в сторону, в столовую стремительно вошел де Пуактьер. В руке он держал окровавленный меч. За ним, тяжело дыша, как свора легавых, появилась дюжина его солдат. Вскинув меч, рыцарь проревел громовым голосом:

— Именем барона Мескарла, все присутствующие задержаны! Кто пошевелится — умрет. Вильям, приготовься!

Саймон уже успел спрятаться на верхней площадке лестницы, скрывшись в тени. Богарту и кузнецу он ничем сейчас помочь не мог, даже если бы оказался рядом с ними. Ему оставалось только наблюдать за происходящим из своего укрытия и ждать. Он знал, что Богарт не станет рисковать зря — слишком много врагов. Саймон заметил, что его друг что-то бормочет себе под нос. Богги ругался — ему сейчас очень не хватало его верного кольта. И Саймон подумал: не ошибся ли он, выбросив оружие? Но законы Сол Три, направленные против любого оружия, кроме простейшего, соблюдались неукоснительно. Любой человек, как бы он ни относился к барону Мескарлу, сделает все возможное, чтобы убить того, у кого окажется запрещенное оружие. Нет, Саймон не ошибся.

У кузнеца Эдрика времени на раздумье не было. Де Пуактьер поймал его в ловушку. Решив, что лестница — единственный путь к спасению, он ринулся вперед.

— Вильям! Останови этого рысака! — приказал де Пуактьер.

Раздалось басовитое гудение тетивы, стрела свистнула и вонзилась в широкую спину кузнеца. Сила удара швырнула его вниз на ступени. Все, затаив дыхание, следили за происходящим. Гигант с трудом поднялся на ноги и начал вскарабкиваться наверх. С площадки, где Саймон скрывался в тени, он мог видеть, каких усилий стоят Эдрику эти шаги.

— Вильям, добей его!

Богарт с криком: «Нет!» метнул нож в лучника, но опоздал. Стрела и холодная сталь оказались в воздухе одновременно. Нож раскроил горло лучника, и того окатило фонтаном крови, но его последний выстрел тоже оказался удачным.

Кузнец уже был на самом верху лестницы, когда вторая стрела вонзилась на дюйм ниже первой и ее черное оперение обагрилось кровью.

Внизу царил страшный хаос. Лучники прокладывали путь к Богарту, который размахивал перед собой вторым ножом. Все остальные посетители борделя бросились на пол, пытаясь присоединиться к девицам-служанкам под дубовыми скамьями и столами.

— Рассредоточьтесь и возьмите его живым. Засеку до смерти того, кто убьет его. Осторожнее, черт возьми! Только живым!

На какое-то время о кузнеце забыли. Саймон выскользнул из темноты и втащил его на площадку. Он перевернул Эдрика лицом вверх и понял, что тот уже не жилец. Кузнец дышал с трудом, и при каждом выдохе в уголке рта пузырилась кровавая пена. Но сознание еще не покинуло его, и Эдрик, посмотрев на Саймона, спросил:

— Ты — это он?

Саймон кивнул. Говорить сейчас предоставлялось кузнецу — он многое должен был успеть сказать.

— Феррониум не только грузится здесь... Мескарл... У Мескарла есть своя шахта. Там он со свободными людьми обращается, как с крепостными, а с крепостными... — Приступ кашля прервал его шепот. — С крепостными... как с рабами. Они скоро погибнут. Иди к Моркину. Он вождь свободных... Партизан... Нужна помошь... Он считает, что назревает заговор среди лордов. Найди его...

— Эдрик, где мне искать этого Моркина?

Саймон мучительно осознавал, что внизу его близкий друг в одиночку бьется за свободу. В одиночку! Но он не имел права идти к нему на выручку, не узнав от Эдрика, где искать Моркина. Де Пуактьер кричал, чтобы Богарта брали живьем, значит, все же есть хоть какая-то надежда.

Он почувствовал, как из тела кузнеца, лежавшего на его руках, ускользает жизнь.

— Эдрик! Где Моркин?

— Пресвятая Дева Мария... милосердна. Благослови... — Его глаза открылись, и на мгновение в них блеснул ясный разум. — Моркин сам найдет тебя. Моя матушка шутила, что я умру в борделе. — Потом Эдрик резко, конвульсивно вздохнул, и тело в руках Саймона обмякло.

Он осторожно положил его на площадку и бросил взгляд через перила.

Богарт размахивал мечом и тихонько посвистывал. Улыбка на его лице походила на зловещий оскал. Солдаты не жаждали умирать и не осмеливались воспользоваться преимуществом своих длинных мечей из опасения убить его. Де Пуактьер стоял в стороне и следил за происходящим с все нарастающим раздражением.

Вдруг рыцарь поднял одной рукой тяжелый табурет и швырнул в мечущегося старшего лейтенанта. Удар пришелся Богарту прямо в грудь, отбросив его на ступени. Он выронил нож, и в тот же миг ближайший солдат прыгнул на него и ударил по незащищенной голове рукоятью меча. Другой, с глубоким кровоточащим порезом на щеке, добил бы Богарта, позабыв о приказе в своем стремлении отомстить, если бы не оклик де Пуактьера:

— Не смей! Жизнью ответишь, Хью! Оттащи его от лестницы и хорошенько свяжи. А я пока поговорю с этим сбродом.

— Милорд, — дрожащим голосом проговорил какой-то старик. Вернее, самого старика не было видно, только его лысая башка на морщинистой шее торчала из-под скамьи, будто какая-то диковинная черепаха настороженно высунула голову из-под панциря.

— Иди сюда, старый дурак. Ну, что ты видел?

— Меня зовут Эдгар, милостивый господин. Может быть, вам знакомо имя моего сына...

Де Пуактьер ударили старика по лицу тяжелой рукавицей, чтобы остановить его бормотание. На дряблой щеке проступили кровоточащие полосы.

— Меня не интересуете ни ты, ни твой ублюдок. Ответь мне только на один вопрос. Остальное сможешь рассказать моему сержантту, когда окажешься в замке. Вон с тем человеком был еще кто-нибудь?

— Кто-нибудь, милостивый господин?

Рыцарь еле сдержался, чтобы не ударить старика еще раз.

— Да! — проревел де Пуактьер. — Подумай, прежде чем ответить. Человек, который умер там, наверху, кузнец Эдрик. И этот чужеземец тоже скоро умрет. Был ли кто-нибудь с ними?

— Кто-нибудь? Того, кто убил вашего лучника, зовут... постойте-ка...

— Зебадия. Знахарь, — ответил кто-то другой, видимо, надеясь, что де Пуактьер уйдет, оставив в покое остальных посетителей борделя.

Рыцарь взглянул в ту сторону, откуда раздался голос, потом снова повернулся к дрожавшему Эдгару.

— Итак, мы знаем теперь, что его зовут Зебадия и что он знахарь. — Де Пуактьер положил руку в металлической перчатке на старое морщинистое лицо и начал сжимать его. — Он был один?

— Нет! Нет, милостивый господин, был другой. Главный. Его звали Симеон. Тоже торговец снадобьями. Он убежал по лестнице.

Рыцарь посмотрел во тьму, куда указывал дрожащий палец старика. Но даже его острый взгляд не смог ничего различить в темноте.

— Мэтью! Возьми четырех человек и обыщи этот муравейник сверху донизу. Остальным — вышибить эту вонючую толпу из борделя и разогнать их по домам. Следите за каждой дверью и окном. Главарь не должен уйти. Барон захочет на него посмотреть. А этого, — он оттолкнул Эдгара, и тот рухнул на тростник, — заберите в замок. Я поговорю с ним завтра.

Задолго до того, как Мэтью со своими людьми добрался до первой лестничной площадки, Саймона там уже не было. Осознав, что его непременно будут искать, он стал осторожно пробираться по грязным

коридорам мимо закрытых комнат и распахнутых настежь дверей. С верхних этажей все сбежали вниз на шум драки, и большая часть борделя оказалась в его распоряжении. Он понимал, что поиски будут тщательными и займут много времени.

На последнем этаже в конце коридора Саймон заметил покоробившийся люк. Осторожно заглянув в него, он увидел дорожку возле дома, до которой было футов восемьдесят. Вокруг его талии была намотана тонкая, но прочная веревка, и ее хватило бы до земли, но она не спасла бы его от мечей солдат, уже обходивших патрулем «Красный фонарь». Тусклый свет факелов обволакивал их туманным сиянием. Ему оставалось только одно — вступить в неравный бой с теми, кто его ищет, когда они доберутся сюда. Вдруг Саймон услышал тихий голос:

— Мастер Симеон, у вас что, прыщ вскочил? Может, мне попробовать смазать его мазью? Или лучше спрятать на некоторое время подальше?

В коридоре было темно, и Саймон едва различил фигуру женщины — судя по голосу, молодой, — стоявшей у двери маленькой комнаты.

Он не мог не улыбнуться и прошептал в ответ:

— Ты угадала. И мой прыщ станет еще больше, если о нем срочно не позаботиться. Боюсь, здесь очень скоро появятся другие лекари.

— Идем. Знаю я этих лекарей. Их правильнее назвать мясниками.

Они слышали, как двумя этажами ниже солдаты крушили мебель, как вопила Долговязая Лиз, требуя ответа, кто заплатит за погром. Когда Саймон на цыпочках вошел в комнату женщины, он услышал приглушенный голос де Пуактьера — очень знакомый ему голос. Тот говорил, что с удовольствием заплатит, и ровно столько, сколько она запросит, если Лиз в свою очередь заплатит за то, что приютила врагов барона Мескарла. После этого Саймон больше не слышал голоса хозяйки борделя.

Женщина взяла его за руку и, подведя к кровати, вплотную приблизилась к нему. Он заметил, что она обнажена. Несмотря на близкую опасность, Саймон почувствовал, как кровь запульсировала в его чреслах. Женщина наклонила к нему голову так, что он ощутил свежий запах ее длинных волос, и тихо сказала:

— Забирайся под кровать. Такому парню, как ты, там будет тесновато, но придется потерпеть.

Саймон схватил ее за руку.

— Нет! Это безумие! Они войдут сюда, увидят тебя и первым делом перевернут кровать, чтобы посмотреть, не прячется ли кто-нибудь под ней.

Он почувствовал, как ее рука задрожала — она тихонько смеялась.

— Мастер Симеон, — если тебя действительно зовут так, в чем я

очень сомневаюсь, — если они посмотрят под кровать, то, конечно же, найдут тебя. Ты полагаешь, у тебя будет больше шансов выжить, если встретишься с ними лицом к лицу? — Она ощупала его пояс и будто бы случайно провела рукой между ног. — А ты без оружия. Может, ты хочешь превратиться в орла, вылететь из окошка и взмыть в небеса над их головами? Нет? Тогда остается только одно — моя кровать. Если я не сумею заставить этих негодяев забыть о сбежавшем знахаре, значит, я не такая хорошая шлюха, какой считают меня мужчины. Ну, быстро! Они уже под нами.

Она была права: на лестнице раздался звон шпор.

Пока женщина говорила, Саймон успел все взвесить и решил, что ему ничего больше не остается, как воспользоваться ее предложением и спрятаться в этом сомнительном убежище. Он бросился на пыльный пол и заполз под низкую кровать.

Как только Саймон распластался под ней, он почувствовал, как пружины впились ему в спину — женщина легла на кровать. В нескольких дюймах от его носа появилось ее перевернутое лицо, похожее на бледную луну.

— Мастер Симеон, умоляю тебя, не шевелись. Что бы ни произошло. — Она немного помолчала, затем добавила более настойчиво: — Запомни: что бы ни случилось, все будет происходить по моему желанию и под моим контролем. Только если дела пойдут не так, как надо, можешь попытаться мне помочь. Да и то когда я сама позову тебя.

Саймон улыбнулся, представив на миг себя в роли спасителя, а потом тихо сказал:

— Если нам удастся пережить эту ночь, я буду у тебя в вечном долгу. Правда, не знаю, чем расплачиваться. А вот насчет того, чтобы помочь, — боюсь, мой зад повиснет на пружине твоей кровати, словно на крючке, когда я попытаюсь выскочить как галантный рыцарь.

Она хихикнула, потом прошептала: «Тсс!», и голова ее исчезла.

Он услышал, как кто-то ударил сапогом в дверь и та распахнулась. Неверный свет факела слегка осветил комнату, но Саймон все же смог разглядеть, что делит свое убежище со сломанным гребешком и обрывком алои ленты. Он прижался к полу щекой и увидел солдатские сапоги со шпорами.

— Сержант!

В коридоре снова раздался топот, и в комнату ворвался Мэтью.

— Ну и ну! Лиса здесь нет, зато есть лисичка, и хорошенская. Держи факел покрепче, черт побери! Ну, шлюшка, видела ты удравшего злодея? Лекаря Симеона?

Саймон почувствовал, что девица села.

— Ой нет, милорд. Вы что, думаете, мне нужен врач?

Солдат сглотнул. Мэтью крякнул, а потом шумно прочистил горло, прежде чем заговорить снова:

— А ты, девушка, не простудишься?

Она не ответила. Саймону показалось, что он услышал, как старый волк облизнул губы. Он улыбнулся, представив себе реакцию Мэтью, если бы он вылез сейчас и назывался лекарем Симеоном. Именно Мэтью привез его из леса в тот день, когда повесили его родителей, и именно тяжелая рука сержанта вколачивала в Саймона уважение к дисциплине. И это не раз спасало мальчика от куда более тяжких наказаний де Пуактьера.

Полковник Стейси предупреждал, что, по их данным, в замке барона остались только два человека, которые хорошо знали Рэка в детстве. Одним из них был толстяк Саймон, который очень вовремя погиб при взрыве корабля. Вторым являлся Мэтью. Де Пуактьер редко снисходил до того, чтобы обращать внимание на грязного мальчишку, большую часть времени возившегося с гончими на пыльном дворе замка. Даже когда Саймон стал постарше, рыцарь редко заговаривал с ним. Нет, опаснее всех был Мэтью. И вот сейчас он находился рядом. Носки его сапог оказались в паре дюймов от носа Саймона.

— Томас, иди и осмотри другие клоповники на этом этаже. Когда все тщательно обыщешь, возвращайся и жди за дверью. Я собираюсь допросить эту... эту шлюху. И, Томас, не врывайся сюда, пока я буду занят, понял? Если только не хочешь получить год нарядов вне очереди.

Хмыкнув, солдат вышел, плотно затворив за собой дверь. Мэтью расстегнул портупею и бросил ее на пол. Саймон чуть было не поддался соблазну устраниТЬ главную угрозу его миссии. Но и тогда выбраться из борделя он все равно не смог бы.

— О милорд! Что вы делаете? Вдруг кто-нибудь войдет и застанет нас, а ведь я — невинная девушка. Милорд, какое у вас страшное оружие. Пресвятая Дева Мария! Боюсь, вы разорвете меня от живота до горла, если...

Она, не договорив, охнула, когда дородный сержант взгромоздился на нее. Саймона крепко прижало к полу, и он чуть не завопил. Но худшее было еще впереди. Пружины заиграли болезненный марш на его ребрах, когда эти двое начали развлекаться над ним. Девица оказалась весьма искусной и довольно быстро довела сержанта до полного изнеможения.

— Да, девка, — простонал он, — добрая у тебя там полянка.

— Да, сержант, — ответила она ему в тон, — и вы хорошо ее вспахали. У меня несколько дней все будет болеть от ударов вашего толстого плуга.

Мэтью свесил ноги с кровати и принялся одеваться.

— А что до того волка, которого мы ищем, то, похоже, он проскольз-

знул сквозь нашу сеть. Милорд будет очень недоволен. Он думает, что лекарь и его друг — шпионы. Но ничего, коротышку допросят, и он выдаст все, что знает. Томас! Ну что, на этаже пусто? А то нам пора идти.

— Сержант, можно я тоже немного подопрашиваю эту девицу?

Саймон услышал звук оплеухи.

— Нет, собака! Не забывай о нарядах вне очереди. Идем сообщим дурные новости де Пуактьеру. А что до тебя, блудница, держи язык за зубами по поводу этой ночи. Может, как-нибудь в следующий раз я позволю тебе снова доставить мне удовольствие.

Саймону показалось — хотя он мог судить о происходящем только по движениям кровати, — что она поклонилась сержанту.

— Милорд оказывает мне слишком большую честь.

— Пошли. — У двери Мэтью остановился и спросил: — Как тебя зовут, шлюха, чтобы я знал, кого искать?

— Меня кличут Сарой, милорд. А разве вы не дадите мне денье на новую ленточку?

Сержант расхохотался.

— Нет, мадам. Таким, как ты, и старые ленты к лицу. Кстати, из-под твоей кровати как раз высовывается одна такая. Я с удовольствием подарю ее тебе.

К своему ужасу, Саймон уголком глаза увидел, что сержант возвращается. Стоит только Мэтью положить руку на кровать, наклониться и заглянуть под нее, как он увидит старого знакомого, с которым не встречался ровно одиннадцать лет.

Мэтью подошел к кровати и положил на нее руку...

Саймон увидел краешек седой бороды и значок на его груди — черного сокола Мескарла. Вдруг Мэтью снова выпрямился. Саймон услышал голос Сары:

— Не подобает рыцарю стоять на коленях перед такой дамой. Позвольте, я сама достану ее.

Мэтью рассмеялся глубоким кашляющим смехом, который так хорошо был знаком Саймону. Девица спрыгнула с кровати и присела на корточки рядом с его головой. Прежде чем она встала, кокетливо размахивая обрывком ленты, он успел разглядеть ее белые бедра, покрытые липкими струйками, и пучок черных волос внизу живота.

— Молодец, девка! Теперь ты получила от меня подарок, и я могу покинуть тебя. До встречи, Сара!

Дверь закрылась, и пока солдаты шли к лестнице, свет факела просачивался сквозь дверную щель. Потом, когда Мэтью протопал вниз, где его нетерпеливо ждал де Пуактьер, свет исчез, и в комнате снова стало темно и тихо.

Спустя минуту раздался приглушенный смех Сары:

— Можешь выползать из своего убежища, лекарь. Собаки разбежались, и медведь может выйти. Разве я не говорила, что голой женщине ничего не стоит одурачить этих идиотов?

Смущенный Саймон выбрался из-под кровати, а девица снова легла.

— Миссис Сара, я должен поблагодарить вас за то, что вы сделали. Позволили ему... Но почему? Я никак не могу понять почему?

Сквозь приоткрытое окно они услышали крики и топот внизу — де Пуактьер уводил своих людей и пленников. На какое-то время в тесной комнатке с наклонным потолком воцарилось молчание. Потом Сара в некотором смысле ответила на его вопрос.

— Садись рядом со мной, Симеон. Не бойся, не укушу. — Она кокетливо рассмеялась. — Если сам не захочешь. Ты спрашиваешь, почему я помогла тебе скрыться от лакеев барона Мескарла? Несколько месяцев назад к нам заглянул один клиент — пилот с «Заратустры». Он был с горбатой Элен и слишком много выпил — мешал пиво с джином. Потом пилот плакал пьяными слезами, молол всякий вздор. Неожиданно он встал, вышел из заведения и спустился к реке. Там, в трясине, есть большие заросли крапивы и чертополоха — как раз туда выливаюточные горшки. Он долго смотрел на эти заросли — кстати, там и тебе с головкой будет, — а потом стал раздеваться: скинул панталоны, куртку и все остальное. Мне отсюда было хорошо видно его тело, бледное, как корень петрушки. Вдруг пилот страшно взревел и бросился в самую середину. Брину, немому привратнику, пришлось кидать этому бедному дурачку веревку, чтобы вытащить его. Клиент выглядел ужасно: он весь был покрыт ожогами и колючками. Мы уложили его в постель, а на следующее утро я задала ему тот же вопрос: почему? Он посмотрел на меня, подумал немного и сказал: «Потому что тогда это показалось мне хорошей идеей».

Позже, когда Долговязая Лиз закончила свой ночной обход — что заставило Саймона совершить еще одно путешествие под кровать, — он попросил Сару рассказать ему все, что она знает о внутреннем устройстве замка.

Девушка мало чем могла помочь, потому что немногие крепостные из Стендола побывали там. И то не по своей воле. А те, кто все же попадал туда, как правило, обратно не возвращались. По-видимому, Сара решила, что Богарт обречен на гибель, и ее волновало лишь то, чтобы Саймон не разделил его участия. Как и большинство жителей Стендола, она ненавидела барона, потому что тот был жестоким господином. Гораздо хуже предыдущего, как сказала она Саймону.

Чтобы не впутывать ее дальше в это дело, он заверил Сару, что судьба кретина Зебадии его не интересует больше и что утро заста-

нет его на пути в соседнюю деревню, где он надеется найти другого помощника, который не будет ввязываться в неприятности в борделях.

Саймон интуитивно почувствовал, что девица не поверила ему.

— Симеон... Интересно, мастер, как тебя зовут на самом деле и откуда ты? Ну да ладно, не хочешь — не говори. Завтра, если ты направишься в сторону Брейкенема, то сможешь оказаться рядом с замком. И если тебе *случайно* захочется узнать, нет ли где-нибудь поблизости твоего друга, и если ты войдешь во внешний двор до обеда, когда главные ворота открыты для торговцев, и если тебе удастся проклыннуть в самую дальнюю дверь, то ты окажешься в замке «Фалькон». Больше я тебе ничем помочь не могу.

— Как много «если», Сара. Утром я сосчитаю и взвешу их.

— А сейчас?

— А сейчас я покажу тебе, каким неуклюжим недотепой был старый сержант.

Глава 3. САЛОННЫЕ ИГРЫ

Замок «Фалькон» стоял на небольшой возвышенности к северу от Стендоля. Его мрачные зубчатые стены господствовали над окружающей местностью. Ров с застоявшейся водой походил на гнилой пояс. Единственные ворота, ведущие во внешний двор, были широкими, из двойного дуба, усыпанные гвоздями, с железной решеткой внутри и тяжелым подъемным мостом. Внутренний двор был защищен высокими гранитными стенами двадцатипятифутовой толщины, возведенными столетия назад. В Черной башне находился музей запрещенного оружия: взрывчатых веществ, химического и даже ядерного. Его строго охраняли, и это был единственный такой арсенал в северной части Сол Три.

Более узкие ворота вели из внутреннего двора к башне Источника, башне Короля, башне Королевы и башне Сокола, возвышающейся над всеми остальными. Главный пиршественный зал располагался на первом этаже башни Королевы; возле него находилась кухня.

Гарнизон, которым командовал сенешаль Анри де Пуактьер, насчитывал свыше четырехсот человек. Кроме того, здесь было не менее двухсот крепостных, в основном взятых из деревни.

Мрачный замок выглядел зловеще, и не было в нем счастливых людей, кроме Ришара де Геклина Лоренса Мескарла, двадцать четвертого наследного барона. И эта линия наследования тянулась, не прерываясь, прямо к безумным дням конца нейтронных войн.

Мескарл был мужчиной средних лет. Он потолстел с тех пор, как

юный Саймон Рэк, преклоняя колени, подавал ему густое и сладкое вино. Барон унаследовал титул в юности. Его отец, которого прозвали Черный Ролан, был найден в своей постели после ночной попойки с рыбьей костью в горле. В конце концов сочли, что он задохнулся, но на некоторые вопросы так и не нашли ответа. Например, почему на его лице застыла такая ярость? И почему кость оказалась всего одна? Не было похоже, что остальные кости Ролан прожевал и проглотил. А главное — как ухитрился покойный барон оставить синяки на своем собственном горле?

Но, как это давно заведено, когда умирает знатный человек, его титул переходит к старшему сыну. Нельзя выносить сор из избы... Слуги тоже так считали. Старший сын Ролана, Робер, унаследовал титул и наслаждался им целых двадцать дней. Случай, который унес жизни трех членов семьи Мескарлов — Робера, его младшего брата Жоффрея и старшей сестры Рут, — был весьма неординарным. Обычная рыбалка на озере, расположенному в четырех милях от замка, неожиданно обернулась трагедией.

Ришару удалось избежать участия в близких: его спасло легкое недомогание — расстройство желудка.

Никто в точности не знал, что же там произошло. Предположили, что лодка перевернулась вдали от берега, и только двум лодочникам все же удалось выплыть. Эти бедняги избежали одной опасности и тут же попали в другую переделку. В лесу они наткнулись на Ришара и выпалили ему эту новость, а в награду были убиты на месте новоиспеченным бароном Мескарлом. Свидетелей трагедии больше не осталось.

По Стендолу распоролись слухи, будто еще кто-то видел, что произошло в тот жаркий летний полдень: как лодочники перебили семью и только потом перевернули лодку. Новый барон переменил девиз с «Всегда скромен» на «Всегда прав». И не было ни одного человека, кто посмел бы доказывать обратное.

Когда барон Мескарл узнал от де Пуактьера о драке в «Красном фонаре» и убийстве кузнеца, было раннее утро, и он собирался на соколиную охоту. Барон уединился со своим сенешалем на какое-то время, и, когда они появились вновь, все заметили, что оба довольно улыбаются.

Богарт швырнули в подземную темницу и связали, но не приковали к стене. Придя в себя, он облил тюремщиков потоком ругани и заверил их, что собирается высказать все, что думает, этому барону Мескарлу, который заставляет своих дуболовов убивать и грабить невинных людей. Богарт никогда не терял надежды, но сейчас, отметив толщину стен и глубину, на которой находился, он немного приуныл.

Из сырого и мрачного подземелья Богги не мог слышать шума, с каким начал свою работу рынок на внешнем дворе. Со всей округи сюда съезжались и сходились крепостные и свободные люди со своим товаром, чтобы продать его или обменять. Охрана внешнего двора на дневное время ослаблялась, но зато число стражников у арсенала удваивалось.

Саймону без труда удалось пройти сквозь массивные ворота. Сара снабдила его плащом и корзиной, которая сейчас была полна яиц. Их Саймон купил у старухи прямо на дороге. Она осталась очень довольной — не придется теперь терять целый день, да и яйца ей удалось продать явно по завышенной цене.

Медленно продвигаясь сквозь шумную толпу, Саймон нес перед собой корзину, преднамеренно запрашивая за свой товар слишком высокую цену, чтобы не лишиться предлога быть здесь. Из-под капюшона, скрывавшего большую часть лица, он внимательно осматривал стены, пытаясь отыскать какой-нибудь способ проникнуть за них. Саймон жалел, что с ним нет гравиранца, иначе бы он запросто перепрыгнул стену. А еще он чувствовал себя голым и беззащитным без своего кольта. Короткий меч, который висел у него слева на поясе, и два ножа — один тоже на поясе, а другой на мягкому ремешке на шее — не прибавляли уверенности.

Сара подсказала ему, как проникнуть в замок, но она, разумеется, не знала дороги к подземным темницам. Саймону оставалось только положиться на свою память. За те годы, которые он провел в замке «Фалькон», ему ни разу не приходилось спускаться вниз так глубоко, однако он все же надеялся, что сможет найти дорогу к темницам. А потом ему останется всего лишь отыскать своего верного помощника и вместе с ним выбраться наружу. Всего лишь!

Саймон внезапно нырнул поглубже в топку и стал предлагать яйца по необычайно низкой цене. Крестьяне сразу учудили наживу и столпились вокруг него. Вдруг раздался громкий окрик, требующий дать дорогу. Мэтью оттолкнул Саймона в сторону, и мимо прошел ван де Пуактьер. Как только рыцарь и сопровождающие его солдаты ушли, Саймон тут же удвоил цену, и толпа рассосалась, оставив его одного. Притворно закашлявшись, он, спотыкаясь, подошел поближе к внутренним воротам и уселся прямо на землю. Никакого четкого плана у него пока не было, просто он хотел посмотреть на реакцию стражников.

— Что случилось, приятель? Голову солнцем напекло, да? Хочешь зайти в сторожку, посидеть с Гарольдом и со мной?

Отдавшись на волю прорицания, Саймон с видимым трудом встал на ноги, позволил стражнику взять себя под руку и отвести в сторожку.

Гарольд был моложе, много моложе первого стражника, и ему пре-

тило находиться в одной комнате с вонючим крестьянином. Саймон спешил умаслить его:

— Простите меня, мастер. Не соблаговолите ли вы со своим велико-душным другом взять по паре яиц в качестве скромного дара в знак признательности на ваше огромное добросердечие ко мне?

Первый стражник покачал головой и продолжал наблюдать за бурлящим рынком, а Гарольд взял не одно, не два, а дюжину яиц из корзины. Потом, недоверчиво посмотрев на Саймона, сказал:

— Спасибо, мастер... Как твое имя? Я что-то не видел тебя здесь раньше. И мне кажется, что ты не из Стендоля. Эй, Рольф, ты знаешь этого парня?

Стражник резко повернулся и вошел в комнату.

— Я засек карманника рядом с торговцем шелком, — сказал он. — Там, где проходил де Пуактьер. Упали нас Бог, если он все же срежет шелк. Идем скорее!

— А с ним что делать? — Гарольд указал на Саймона, который, ссунувшись, сидел в углу.

— Во имя крови Христовой! Ты что, не понимаешь? Нас же завтра бросят под кнут, если опоздаем! А ты, мастер-яйценос, оставайся здесь, пока мы не вернемся.

Проходя мимо Саймона, Гарольд отвесил ему оплеуху и пообещал:

— Прибью на месте, если сдвинешься хоть на дюйм.

Стражники вышли, и только одна дверь отделяла теперь Саймона от внутреннего двора. Он хотел было оставить здесь свою громоздкую корзину, но, подумав, решил, что не следует этого делать по двум причинам. Во-первых, Рольф и Гарольд сразу заподозрят неладное и поднимут тревогу, а во-вторых, она, быть может, еще послужит ему.

Саймон вышел, осторожно прикрыв за собой тяжелую дверь, и остановился, обводя взглядом хорошо знакомый ему двор. Вот башня Источника возвышается слева, за ней — башня Короля, а прямо перед ним — массивная гранитная башня Сокола. В ней находится резиденция Мескарла, и он скорее всего там, разве что какой-нибудь бедняга преступил закон и теперь расплачивается за это в камере пыток на потеху барону и его теперешней фаворитке. В таком случае Мескарл, должно быть, в башне Королевы.

Первый этаж этой башни занимали главный пиршественный зал и примыкающая к нему кухня. Саймон машинально потер правую руку, вспомнив те несчетные разы, когда он обжигал ее, поворачивая на кухне вертела со свининой, и как однажды толстый Саймон позабавился, заставив мальчишку из леса зачерпнуть кипящий жир голой рукой. Что ж, из него самого выпотелись немало жира в горящем корабле.

— О Боже! Кто ты такой и что делаешь здесь, во внутреннем дворе? —

всплеснула руками костлявая девица, чуть помоложе Саймона, которая появилась из низенькой дверцы справа от него. Судя по одежде, она была служанкой среднего ранга, а судя по красному, испачканному мукой лицу, — поварихой.

Саймон неуклюже поклонился.

— Прошу прощения, мистрис. Мастер Гарольд вон из той сторожки... — он указал на дверь, молясь про себя, чтобы в этот момент из нее не выскочил разъяренный стражник, — хотел, чтобы я отдал яйца им, но другой, Рольф, сказал, что будет лучше, если я отнесу их хорошенкойстройной девушке-поварихе, а они пока закроют глаза на подобное нарушение правил. Он даже назвал мне имя этой самой девушки.

К его удивлению, долговязая повариха заважничала и покраснела еще больше.

— А это имя случайно не Чарити?* — кокетливо спросила она.

Саймон удариł себя кулаком по голове, будто бы пытаясь заставить свой мозг вспомнить имя.

— Чарити... Чарити? Хм... Клянусь, это была не Фейт**. Чарити...

Девица так и подпрыгивала от нетерпения.

— Ну же, ну! Ты должен вспомнить!

— Сейчас, сейчас. Ни Фейт, ни Хоуп***... Вспомнил! Он назвал ее Чарити. — Саймон изо всех сил старался не улыбнуться, глядя на нее.

— А в чем дело, мистрис? Вы знаете эту хорошенкую леди Чарити?

— Вот дурак! Ты что, не узнал меня по его описанию? Я и есть мистрис Чарити. Давай мне яйца и убирайся.

Она дернула корзину к себе, но Саймон держал ее крепко.

— Нет, милая Чарити. Если я вернусь так быстро, Рольф решит, что я ослушался. Он же приказал мне отнести яйца на кухню, чтобы ваши хорошенечкие ручки не устали.

Как он и рассчитывал, долговязая повариха жеманно ухмыльнулась и направилась к кухне. Саймон был рад, что шел вместе с ней: дважды они натыкались на отряды стражников, но Чарити расталкивала их костлявыми локтями, пресекая любые попытки задержать ее. Саймон впринрыжку бежал следом, как корабль-разведчик за крейсером через поток метеоритов.

Наконец они добрались до коридора, ведущего к огромной кухне замка. Тут она забрала у него корзину. Саймон испугался, что повариха позовет стражу, чтобы его вывели во внешний двор, и поэтому придинулся к ней ближе.

* Чарити — благотворительность (искаж. англ.).

**Фейт — вера (искаж. англ.).

Хоуп — надежда (искаж. англ.).

Чуть не уронив корзину, Чарити оттолкнула его.

— Думай, что делаешь, крестьянин. Убираися в свою нору, навозный жук!

Саймон отбежал подальше по коридору, повернулся и крикнул:

— Я только хотел сорвать сладкий поцелуй с уст хорошенькой мистрис Чарити.

Она не на шутку рассердилась:

— Тыfu на тебя! Если только я передам мужу, Гарольду, что ты, наглый негодяй, сказал сейчас, он тебя знатно поколотит. Убирайся!

Завернув за угол, Саймон разразился смехом, который еле сдерживал во время беседы с этой самовлюбленной дурой. Боги всех галактик! Она замужем за этим быком-стражником! Чудесная парочка. Или он ее задушит, или она разрежет его на куски.

Вспышка веселья разрядила напряжение и оживила Саймона. Он осторожно пошел дальше по каменным коридорам и лестницам, становившимся все уже. «Должно быть, со временем Мескарл стал еще более самоуверенным», — подумал он. Коридоры теперь патруировались хуже, чем в те годы, когда он жил здесь. Телохранители Мескарла — отборная и избалованная банда из шестидесяти искусных убийц — занимались исключительно охраной барона и арсенала. Правда, в замке были еще отряды, однако здесь Саймон не услышал никаких шагов. Еще он заметил, что переходы освещены лучше, чем пятнадцать лет назад.

Саймон шел вниз, под землю, минуя один за другим каменные коридоры, открытые ворота и поднятые решетки. Воздух становился все более сырым и затхлым. Он оказался в той части замка, где раньше никогда не был, и ступал осторожно, тщательно взвешивая каждый свой шаг.

Когда коридоры стали совсем темными, Саймон начал продвигаться еще медленнее. И правильно сделал, потому что, когда он почувствовал под ногой край ямы, ему хватило времени отскочить назад. Саймон осторожно обогнул ее и пошел дальше.

Другой кинул бы в провал камешек, чтобы убедиться, какой опасности он избежал. То, что Саймон не сделал этого, говорило о его редкостном таланте при выполнении задания не отвлекаться на мелочи. Он избежал опасности, а все остальное для него не важно. Его не интересовала глубина ямы: десять футов или тысяча. Упади он в нее, конец был бы один.

Между прочим, если бы Саймон все же бросил камешек, тот пролетел бы одиннадцать с половиной футов и упал бы с еле различимым всплеском.

Саймон шел своим путем, а крошечный видеоскоп, размещенный

высоко над потолком, без устали поворачивался туда-сюда, словно глаз циклопа.

Саймон осторожно заглянул за угол и вдруг увидел всего в футе от себя молодое, открытое лицо стражника, прислонившегося к стене и положившего шлем у ног.

Тот смиленно ждал, когда кончится его двойная смена.. Больше всего ему хотелось сразу же отправиться в Стендол с парочкой своих закадычных друзей, осушить несколько кувшинов и, если им позволят средства, сбросить напряжение в «Красном фонаре» — проклятье, после гибели Уильяма прошлой ночью туда ходить запрещено, значит, это будет «Кошкин дом». И тут он заметил половину лица, появившуюся из-за угла.

Стражник решил, что пришел один из его товарищ. Если бы это был враг, то ему не удалось бы без шума миновать по меньшей мере три поста. Значит, пришла смена, и поэтому стражник не спешил хвататься за шлем и оружие.

Саймону же, наоборот, нужно было поторапливаться. Он молнией скользнул за угол грубой каменной стены, сжимая нож в правой руке, а двумя пальцами левой ткнул стражнику в глаза. Юноша рефлекторно откинулся голову, подставив шею. Саймон ударил ножом, и тонкое лезвие легко вонзилось в нее.

Он крепко держал рукоятку ножа, чтобы дергающаяся голова не слетела с него, пока жертва не отойдет в мир иной.

Саймону не раз приходилось убивать врагов таким образом, и он заметил, что на сей раз не почувствовал знакомого покалывания тыльной стороны руки. Мальчишка, которого он только что убил, еще не брился.

Саймон оттащил труп в самый дальний угол и пошел дальше. Над его головой вращался еще один видеоскоп.

Эта часть замка была старой, старше самой династии Мескарлов. Возможно, она даже пережила нейтронные войны. Эти высеченные скалы, глубоко погруженные под поля и леса, могли уцелеть, когда весь мир чуть не погиб. Бороздки на камнях, толщина стен, превосходившая всякое воображение, — все говорило о древности. Мрачной, влажной, гнетущей.

Наконец Саймон оказался возле старой проржавевшей железной решетки, преграждавшей путь к подземным темницам. За ней был виден ряд низеньких, обитых железом деревянных дверок, в которых имелись маленькие решетки на уровне глаз и возле пола. И больше ничего. Ни стражи, ни замка на воротах. Возле одной из дверей висела связка ключей. И тут у Саймона Рэка возникло подозрение, что кто-то помогает ему. Но кто и почему? Для него этот вопрос был из разряда мелочей. Сейчас цель одна — только вперед!

Его острый слух внезапно уловил какой-то звук. Из-за одной из запертых дверей доносилось бормотание.

Саймон осторожно спустился по стертым ступеням, остановился и снова прислушался: никаких других звуков, кроме этого монотонного бормотания, походившего на пение. Пройдя мимо пяти дверей, он остановился возле шестой. Именно рядом с этой дверью и висела связка ключей. Все они были старые и ржавые, только один — блестящий и смазанный маслом.

Саймон прижал ухо к решетке. Он услышал единственное слово и тут же понял, что нашел старшего лейтенанта Богарта. Понять было нетрудно — кто еще в замке «Фалькон» мог знать слова «Астролетчицы Джейн», невероятно длинной, с многочисленными повторами баллады, описывающей различные приключения и сексуальные злоключения юной, цветущей леди — коммодора СГБ. Богги как раз дошел до одного из лучших и наиболее причудливых мест баллады, где героиня попадает в искажающий передатчик материи, что приводит к странной перегруппировке ее половых органов. В результате она получает неограниченные возможности, и все они очень и очень неприличны.

— Тсс!

— Не тысай, ублюдок дерымовый! — Пение возобновилось.

— Мастер Зебадия! — Саймон обратился к нему так на тот случай, если кто-то подслушивает. — Может быть, прекратите? Мастер Зебадия!

— Симеон! Сними меня скорее с этой уделанной дерымом охапки соломы.

Саймон нисколько не удивился тому, что именно начищенный ключ подошел к замку, как и тому, что Богги был связан довольно тонкой веревкой, а не прикован цепью или кандалами к покрытой влагой стене. Саймон перерезал ножом веревку, и Богарт наконец расправил свои затекшие суставы.

Пользуясь тем же способом, что и на кровати в «Красном фонаре», — казалось, минуло несколько дней, но на самом деле не прошло и суток, — Саймон быстро рассказал Богги о последних событиях и поделился с ним своим планом. Он не упустил ни одной важной подробности, но и не сказал ничего лишнего. Его друга не касалось, как он попал сюда. Богарт сможет узнать об этом позже, за кувшином медовухи. Сейчас главное то, что Саймон здесь.

— И последнее. Когда мы приземлились, они напали на нас слишком быстро. Похоже, у Мескарла был там какой-то сложный сенсорный механизм. И еще: слишком легко я попал сюда. Всего один стражник, двери открыты, ключи наготове. По пути я засек два видеоскопа.

— Видеоскопы? В этой древней груде камней?! Сомневаюсь, что у них хватит энергии для работы хотя бы одного видеоскопа.

— Не сомневайся, хватит. Так вот, наш корабль не мог быть опознан. Маркировка на нем отсутствовала, а после взрыва и исследовать было нечего. Надеюсь, они не знают, кто мы и почему оказались здесь. Пошли, по дороге я кратко изложу тебе нашу вторую легенду. Боюсь, этот мир оставил мастеру Симеону и мастеру Зебадии мало времени для раздумий.

Внезапно все светильники погасли.

Раздался слабый свист сжатого воздуха и тяжелые удары захлопнувшихся металлических дверей. Эхо еще не успело смолкнуть, когда светильники вспыхнули вновь.

Саймон и Богарт сгляделись и сразу же заметили перемены. Старые ржавые решетки исчезли, втянутые в щели потолка. На их месте оказались гладкие стержни дюрастали. Они были толщиной с мизинец, и это был самый прочный сплав во всей галактике. Стержни вытолкнула пневматика, образовав густую паутину. Богги осторожно подошел к ним и потрогал рукой.

— Непроницаемый барьер, — констатировал он.

— Здесь был единственный вход? — спросил Саймон.

— Откуда мне знать? Меня не кормили, дали только ковш очень холодной воды. Никто не заглядывал сюда, но снаружи были слышны шаги охранников. Я решил, что если буду выдавать себя за идиота, то смогу вырваться отсюда. Потом я узнал твои шаги. Ты ступаешь мягче, чем кто-либо другой. А вот есть ли еще вход или выход, не знаю.

Саймон начал осматривать стены, а Богарт тем временем прошелся по камере, выступивая каменный пол рукояткой ножа. Вдруг он прошептал:

— Нашел. Здесь есть пустота.

Действительно, звук был не такой глухой, как в других местах. Ножами они осторожно процарапали канавки вокруг каменной плиты и попробовали расшатать и приподнять ее. К их удивлению, она легко поддалась. Так легко, что нож Саймона сорвался и отрезал кусочек.

— Это не камень, Богги, я какая-то пластиковая подделка. И весит втрое меньше. Но зачем Мескарл положил такую плиту в самом центре подземной темницы? Осторожно! О Боже!

Как только они подняли фальшивый камень, из отверстия вырвалась ужасная кладбищенская вонь мертвчины, гниющей плоти и тех бледных тварей, что копошатся во всем этом. Запах был таким тошнотворным, что они чуть было не уронили плиту на место, но, превозмогая отвращение, все же перевернули ее на пол.

Позади них, в дальнем углу, спрятанный в тени резного карниза

видеоскоп рассматривал подземную темницу, казалось, со скучой и безразличием.

Яма под плитой была очень мрачной. Ни один луч света не проникал в нее. Саймон пытался отразить свет лезвием ножа, но тусклое сияние угасло в паре футов. И все же этого было достаточно, чтобы заметить металлическую скобу и вроде бы ниже еще одну.

— Видел я пути для бегства и получше, — сказал Богарт, морща нос от миазмов, вырывающихся из отверстия.

— Другого выхода у нас нет. Тихо!

Где-то вверху слабо, но вполне различимо раздались приближающиеся шаги подкованных башмаков и звяканье шпор. Богарт метнулся к отверстию, но Саймон остановил его.

— Погоди! Прислушайся получше.

— Ты с ума сошел? Идем. Они скоро будут здесь.

— Стой, говорю. Похоже, в борделе у тебя вышибли остатки мозгов. Ты ничего не замечаешь?

Богарт, стоя над ямой, прислушался.

— Нет. Если не считать того, что они быстро приближаются. А один из них такой неуклюжий, что все время спотыкается... Слушай! Это же магнитофонная запись! Но зачем?

Саймон пожал плечами.

— Вероятно, они хотят, чтобы мы бросились в эту дыру. Встань на колени и крепко держи меня за запястья.

Шум над ними перешел в громовое крещендо. И вдруг все стихло.

Морща нос от вони, Саймон с помощью Богги потихоньку начал спускаться вниз. Его нога коснулась верхней скобы; но, когда он наступил на нее, известковый раствор раскрошился и скоба полетела вниз. Повиснув в воздухе, Саймон ожидал услышать шум или всплеск, когда она достигнет dna. Но никакого звука не было. Он напряг слух и различил какой-то шорох, неимоверно глубоко, как будто потревоженная чешуйчатая тварь заворочалась в густой грязи. И тут же его обдало новой волной зловония.

— Попробуй следующую, — предложил Богарт.

Вторая скоба выдержала, третья тоже. Саймон закрепил за скобу пояс и помог Богарту спуститься вниз.

Туннель диаметром около трех квадратных футов уходил вертикально вниз. Стены его были гладкими, как мокрое стекло. Беглецы спускались осторожно. Постепенно свет подземной темницы над ними становился все более тусклым, пока не исчез совсем.

Теперь их движения стали автоматическими: правая нога — вниз, левая нога — вниз, правая рука — вниз, левая рука — вниз.

Вдруг нога Саймона не нашупала опоры, и он от неожиданности чуть не разжал руки. Несколько мгновений он висел на руках, ноги отчаянно скребли стены туннеля, дыхание с хрипом вырывалось из

горла. Саймон почувствовал, как в его правом плече зародились мурчишки и поползли вверх по руке. Из своего горького опыта он знал, что произойдет, когда они доберутся до запястья и кисти.

Помотав головой, чтобы стряхнуть капли пота с глаз, Саймон все же умудрился подтянуться на предыдущую скобу. Он снова услышал глубоко внизу тот же шорох. Они уже привыкли к вони, поэтому нельзя было определить, усилилась ли она.

Передохнув, Саймон сказал Богарту, тревожно ожидавшему наверху:

— Вот и все. Ступеней больше нет. Придется возвращаться. Богги, по пути наверх ощупывай стены. Может быть, здесь есть что-то вроде бокового ответвления.

Пятнышко света наверху медленно становилось все больше, пока не оформилось в немигающий глаз, с непреклонным интересом следивший за их тщетными усилиями.

Боковой туннель оказался на стене, противоположной лестнице из скоб. Богарт забрался в него первым, за ним — Саймон. Стены здесь были также гладкими, но пол — грубым. Начиная с трех футов, туннель постепенно становился все выше. Наконец они смогли выпрямиться в полный рост.

Длинный и извилистый, он пошел вверх. Если бы у них был компас, они все равно не смогли бы следить за направлением в такой темноте. Даже, Богарт с его непревзойденным умением ориентироваться, понятия не имел, где они оказались. Одно то, что туннель выводил их наверх, уже само по себе было хорошо. Глубоко под землей жили когда-то, а может быть, продолжают жить и сейчас, разные жуткие твари.

Беглецы уже около часа медленно шли вверх, на ощупь выбирая дорогу, чтобы избежать смертоносных ловушек. Несколько раз они менялись местами, и, когда наткнулись на дверь, преградившую им путь, впереди шел Саймон. Они принялись ощупывать ее, пытаясь найти ключ и открыть.

По их мнению, это снова была дюрасталь, гладкая, если не считать маленькой частой решетки примерно в полтора дюйма в поперечнике, помещенной прямо в центре двери. Богарт попробовал ее поддеть ножом, но безуспешно. Саймон снова провел по решетке пальцами, а затем прижался губами к уху Богарта и прошептал:

— Бьюсь об заклад, это что-то вроде кодированного устройства. Вероятно, дверь открывается при помощи пароля. И может быть, правильное слово сможет вышибить нас отсюда на Голот Четыре.

Богги подошел к двери и прижал губы к решетке:

— Ну давай, таинственная дверь, открывайся. Черт побери, откройся!

Как говорится, в каждой шутке есть доля правды. Дверь была за-

программирована на определенное слово. И слово это было «открыся».

Им показалось, что вспыхнула молния, и они закрыли глаза. На самом деле свет был довольно-таки тусклым, но после угольной черноты туннеля он чуть не ослепил их. Когда глаза привыкли к свету, они увидели, что туннель опять стал ниже, примерно в треть фута высотой. Боковые стены были белыми, сделанными из какого-то металлопластика. Свет лился из защищенных панелей в потолке. А пол, как ни странно, был каменным. И все также постепенно, но неуклонно шел вверх.

Теперь им пришлось ползти на четвереньках. Саймон услышал, как дверь за ними захлопнулась. Его беспокоило то, что через регулярные промежутки времени за ними опускались панели, отсекая путь к отступлению. Впрочем, возвращаться им было незачем.

— Саймон! Чувствуешь? Здесь становится чертовски жарко. Стены быстро накаляются.

И не только стены. Каменный пол сменился белым кафелем. Основной жар шел от него, обжигая их ладони и колени.

— Богги, разорви свою куртку и обмотай полосками ткани руки и ноги.

Когда они проделали это, передвижение стало не таким болезненным. Пол круче пошел вверх, и в то же время жара усилилась. Светлая ткань потемнела и обуглилась, дым мешал дышать. Подпалились даже подошвы башмаков.

Богги повернулся к Саймону, по его грязному лицу стекали струйки пота.

— Клянусь, для меня это чересчур. Если станет еще жарче, можешь сбрасывать меня ложкой и положить в задний карман.

— Эй, бьюсь об заклад, становится чуть прохладнее! И туннель снова расширяется. Как раз вовремя — у меня мало что осталось от куртки.

Наконец они снова смогли выпрямиться в полный рост. Прямо перед ними туннель разветвлялся: один путь шел вверх, а другой снова уводил в глубь земли. Саймон указал на тот, который вел вниз. Богги только пожал плечами.

— С тех пор как я вошел в замок «Фалькон», — сказал Саймон, — мне постоянно везло. Но после того, как я вытащил тебя, начались сплошной обман и мошенничество. Самое очевидное решение оказалось самым опасным. Именно потому, что путь наверх кажется самым правильным выбором, мы пойдем другой дорогой — вниз.

Как только они миновали развилку, вход в туннель, который вел наверх, перекрыла медленно опустившаяся панель. Затем раздался

глухой удар, будто какое-то огромное животное пыталось преодолеть этот барьер.

Следующую пару часов Саймон и Богарт угрюмо тащились по хорошо освещенному коридору то вниз, то вверх, пока не увидели перед собой стену. У ее подножия был круглый черный бассейн.

— Это что за хреновина? — удивился Богарт.

Саймон осторожно окунул палец в жидкость.

— Температура тела. Плотнее воды. Может быть все, что угодно. Мне кажется, выход здесь. Я иду первым.

— Прошу прощения, сэр. Я плаваю лучше. Пока!

Не успел Саймон опомниться, как Богарт нырнул в темную жидкость и исчез. Ни одного пузырька не появилось на поверхности. Пропала почти минута, прежде чем жидкость в бассейне заволновалась. Саймон был поражен тем, что увидел. На поверхности появились ноги, а не голова Богарта. Обожженные подошвы башмаков болтались в воздухе. Саймон нагнулся и вытащил друга. Оказавшись снова на ногах, Богарт прислонился к стене и жадно хватал ртом воздух. Волосы его прилипли к голове, глаза были красными.

— Шансов нет. Это кровавое дермо с глубиной становится плотнее. Я поднырнул под что-то вроде барьера — там еще хуже. Придется возвращаться.

Саймон покачал головой.

— Не думаю, что получится. Слышишь?

Где-то рядом, позади них, раздавалось неторопливое, устрашающее скрежетание древней чешуи, царапающей каменный пол. Время от времени эта тварь издавала влажный кашель, будто освобождала свой пищевод от какой-то отвратительной жидкости.

— Мастер Зебадия, вы успели приготовить снарадье, которое защитит нас от этого Великого Червя? Нет? Ну тогда придется штурмовать эту лужу.

Жидкость была очень плотной, и они медленно погрузились в нее. Богарт шел первым, Саймон не отставал, привязанный к нему ремнем. Черная жижа окутала их, и они будто канули в небытие. Саймон почувствовал, как барьер царапнул ему спину, и он, извиваясь всем телом, поднырнул под него. И сразу же онутил, что жидкость стала еще плотнее. Богарт сучил ногами прямо перед ним, но не мог упереться во что-нибудь и выплыть к жизнительному воздуху. Если, конечно, там, наверху, был воздух.

«Какой же это будет отвратительный конец, если мы все же ухватимся выплыть и обнаружим, что потолок плотно прижат к поверхности жидкости», — подумал Саймон.

Он с трудом просунул руки сквозь эту патоку и вцепился в ноги Богарта. Резкий рывок — и он изо всех сил послал своего товарища

вверх. В тот же момент Богарт оттолкнулся, и суммарной энергии оказалось достаточно: ноги Богарта выскользнули из рук друга.

Саймон висел в полнейшей темноте и чувствовал, что этот мрак давит на него, словно тесный костюм из толстой черной резины. Его легкие разрывались на части. Он старался держаться, не впадать в панику, продлить оставшиеся мгновения жизни. Когда надежды больше не останется, наступит время использовать последние крохи воздуха в отчаянной попытке прорваться наверх.

Что-то царапнуло его подбородок, и он инстинктивно ухватился за какой-то предмет. Это оказалась нога с привязанным к ней кожаным ремнем. Сладостная Голгофа! Богарт прорвался, но он не смог по-другому протянуть ему ремень, кроме как рискнуть жизнью и вернуться в бассейн.

Вцепившись в кожаную полоску, Саймон снова толкнул Богарта вверх изо всех сил. Ноги исчезли, а ремень тут же натянулся, и Саймон выскочил из сжимающих объятий этого кровавого сиропа. Возле самой поверхности масса была настолько плотной, что он поразился силе Богарта, который все же сумел прорваться. Даже с его помощью Саймон с трудом выбрался на каменный пол.

— Клянусь ранами Господа, я уж не чаял вытащить тебя. Это месиво — сам дьявол, — отышавшись, сказал Богарт.

— Еще худшего дьявола мы оставили с той стороны, дружище. Правда, обычно я купаюсь с куда большим удовольствием. Ей-богу, мне показалось, что меня заталкивают обратно в материнскую утробу!

Богарт пытался, хотя и без особого успеха, стереть липкую массу с лица. Она покрывала их обоих с ног до головы.

— Вот еще одно подтверждение тому, что в старых книгах скрыта огромная мудрость, — сказал Богги.

Саймон сдался, прекратив попытки очиститься, и только протор глаза.

— О чём это ты? — спросил он.

— Помнится, в одном из моих любимых старых повествований кто-то постоянно произносил: «Черная бездна разверзлась у моих ног, и я погрузился в неё». Совсем как мы!

Полчаса ходьбы — и они оказались в большом помещении с высоким сводом. Пол был песчаным и, похоже, чисто выметенным.

— Чувствуешь, какой воздух? — спросил Богарт. — Похолодало и, кажется, дует. Вот отсюда.

«Отсюда» оказалось створками ворот, окованных бронзой, с огромными дверными шарнирами. Богарт подошел к ним и легонько толкнул. Они были столь прекрасно сбалансированы, что тут же растворились. Именно в это самое мгновение свет погас.

Осторожно, спиной к спине, Саймон и Богарт прошли сквозь откры-

тые двери, шаркая ногами по песку. Они сделали примерно тридцать полных шагов, когда движение воздуха позади подсказало им, что двери захлопнулись. Звон, с которым закрылись створки, прозвучал как гигантский гонг.

Беглецы, выхватив мечи, напряженно всматривались в темноту. Оба чувствовали, что находятся на огромной арене, гораздо большей, чем любое оставшееся позади помещение. Они не слышали ничего, кроме стука крови в висках.

Вдруг наверху, над ними, кто-то щелкнул пальцами, и вспыхнул свет. Мягкий голос произнес:

— Добро пожаловать в мой дом. Меня зовут Ришар де Геклин Лоренс, двадцать четвертый барон Мескарл. А как вас зовут, скажите на милость?

Саймон заслонил глаза от света и взглянул вверх. Он увидел барона, окруженного высокородными женщинами двора и несколькими мужчинами. Саймон заметил, что де Пуактьера среди них не было. Мэтью тоже.

Они с Богартом стояли на большой арене, около двухсот футов в поперечнике, с рядом затемненных клеток с одной стороны. Двадцатифутовые стены были выложены из гладкого камня.

Мескарл склонился над низкими перилами балкона, прикладывая к носу кружевной платок и поигрывая фарфоровым флаконом для духов.

— Ну же, мои мятежные друзья. Я спросил, как вас зовут, и не собираюсь повторять вопрос. Я попросту прикажу своим арбалетчикам пристрелить вас. И буду жалеть об этом по двум причинам. Во-первых, я не убиваю людей, пусть даже и слуг, не узнав прежде их имен. Во-вторых, ты со своим другом, толстяком коротышкой, доставили мне и моим друзьям много удовольствия и развлечений за последние несколько часов..

— Вы следили за нами? — спросил Саймон. — Через эти проклятые видеоскопы?

— Конечно. А зачем иначе было позволять тебе войти в замок? За вами наблюдали все это время. Должен сказать, никто до сих пор не сделал и половины того, что сделали вы. Оттого я и печалюсь, что придется убить вас. Но такие сорви-головы, как вы, могут доставить массу неприятностей. Насколько я понимаю, вы из банды Моркина. Итак, спрашиваю в последний раз: как вас зовут?

— Симеон, милорд.

— Зебадия, милорд.

— И вы утверждаете, что вы...

— Мы странствующие лекари, милорд. Мой помощник владеет большим искусством составления мазей, а я искушен в лечении глаз и удалении камней.

— Ты лжешь! И не смей больше перебивать меня! Мастер Зебадия, что ты пропишишь вот этой леди Иокасте, у которой сильно болят зубы?

— Унцию корня пиретрума. Растирать ее, истолочь, настоять примерно в шести унциях винного спирта. Взять в рот небольшое количество этой кислой красной тинктуры и держать, пока, прошу прощения, рот не наполнится слюной. Сотни раз я прописывал такой рецепт, и повторять лечение не приходилось.

Саймон глубоко вздохнул и мысленно вознес благодарность искусству ученых и исследователей подсознательных процессов.

Мескарл, очевидно, был поражен той легкостью, с которой Богарт дал обстоятельный ответ. Но его подозрительность тем не менее не уменьшилась.

— Мастер Симеон, если вы так искусны в лечении глаз, ответьте: как предупредить их воспаление?

— Видите ли, милорд, все зависит от того, какого рода это воспаление. Может наличествовать кровотечение, или зуд, или дурное выделение... Но, — добавил он поспешно, — если глаза просто опухли и болят, я беру полфунта римского купороса, щепотку камфоры, а также Бо А Оп Ас, очень тщательно растираю, а потом растворяю немного этой микстуры в квинте кипящей воды. После перемешивания я даю настою осесть — и лекарство готово. Несколько капель по утрам и перед сном — и болезнь как рукой снимет.

На какое-то время воцарилось молчание. Потом Мескарл повернулся к человеку, стоявшему позади него:

— Позови де Пуактьера. Где он, черт бы его побрал?! И что с тем старым негодяем из борделя? Сдох? Я же сказал, что его нужно допросить, а не прикончить! Я хотел еще кое-что узнать. Так, значит, нам не в чем обвинить этих грязных бродяг? Да?

Саймон и Богарт не отрываясь смотрели на балкон. Мескарл отошел от перил, видимо, чтобы посоветоваться с кем-то. Высокородные продолжали разглядывать беглецов с живейшим интересом, как и подобает относиться к людям, которые чудом выпрыгнули из Стиksa и вновь оказались в обществе себе подобных. Одна из присутствующих на балконе леди состроила глазки Богарту и «случайно» выронила кружевной платочек ему под ноги. Богги изящным движением подобрал его, высымкался и снова бросил платок на песок.

Тут вновь появился Мескарл и обратился к пленникам:

— Прошу прощения за эту задержку, друзья мои. Мне сказали, что вас, мастер Зебадия, задержали только лишь потому, что вы убили одного из моих лучников и пытались помочь подозреваемому в мятеже. К сожалению, свидетель вашего преступного поведения не может нам больше ничем помочь. Так что вы скажете в ответ на обвинение в пособничестве этому мятежнику?

Богарт ответствовал:

— Милорд, я просто заступился за человека — в тот вечер я встретился с ним впервые в жизни, — на которого напали. Кажется, напал вас писец. Началась драка, и писца зарезали. Потом ворвались ваши громилы и принялись палить во все стороны. Тогда я попытался остановить эту бессмысленную резню и случайно прикончил одного из ваших убийц-арбалетчиков. Если вы сочтете нужным, можете прирезать меня — я виноват.

После непродолжительной паузы Мескарл беззвучно зааплодировал.

— Прекрасная речь. Цепкая же ты пиявка. Вы оба выказали перед нами больше мужества, чем я ожидал. Боже мой, леди Иокаста была в таком восторге от ваших действий, что совершенно забыла про свой пирог с языками жаворонков. Вы все делали правильно. И поскольку я не хочу терять таких людей понапрасну, предлагаю вам выбор: смерть или служба в ранге сержантов в отряде моих телохранителей. Итак, что вы выбираете?

Прежде чем они успели хоть что-то сказать, вмешался новый голос, более глубокий и твердый:

— Прошу прощения за опоздание, милорд. Если позволите, прежде чем эти люди поступят к вам на службу, я задам им один вопрос. Я хотел бы узнать у того, что повыше, почему они уничтожили свой корабль?

Саймон подождал, пока шум на балконе стихнет, и ответил:

— Вижу, ничего нельзя скрыть от внимательных глаз слуг барона Мескарла. Воистину, милорд, ваши подозрения небезосновательны. Мы — лекари, но не только. Мой товарищ и я сбежали из земной колонии на Марсе, где были наемниками. И прилетели сюда, чтобы вступить в гвардию барона Мескарла, потому что слышали, что здесь и платят хорошо, и кормят лучше, и не дадут скучать человеку, который умеет работать мечом и шевелить мозгами. Тот факт, что мы сумели пройти через все ваши испытания, показывает: перед вами люди выше среднего уровня. Поскольку нам не удалось поступить на службу, не привлекая вашего внимания, милорд, мы готовы это сделать сейчас.

Он вытащил меч и протянул его Мескарлу:

— Барон, теперь вы знаете о нас всю правду: кто мы такие и почему оказались здесь. Мы оба клянемся вам на мече, что будем вашими вассалами до конца и без колебаний отдадим за вас свои жизни. Вы берете нас, милорд?

Мескарл повернулся к де Пуактьеру:

— Не хмурься, старый медведь. Если они не шпионы, то вполне подходят нам. Я тебе потом расскажу, что эти двое сегодня тут вытворяли. К тому же, мой бесценный сенешаль, если это и в самом деле

шпионы, то для нас же лучше, чтобы они находились в твоей компании под присмотром с рассвета до заката. Да не хмурься ты, черт возьми! Следи за ними хорошенько.

Саймон и Богарт поклонились вслед удаляющемуся барону и последовавшим за ним лордам и леди. Затем де Пуактьер приказал одному из стражников сбросить веревочную лестницу.

Беглецы предстали перед сенешалем, и он даже отшатнулся — такими они были грязными и провонявшими.

— Первым делом посмотрим, на кого вы похожи без этого слоя грязи. Найдите старшего сержанта Мэтью, представьтесь ему и скажите, чтобы он отвел вас в баню. И не пытайтесь провести его! Ничто не ускользнет от соколиных глаз старого Мэтью. Потом доложитесь мне. Все ясно?

Глава 4. СПАСИ И СОХРАНИ

Горячая вода хлестала из медных кранов так сильно, что от пара перехватило дыхание, кожа покраснела. Грубое мыло, казалось, было сделано из песка, но оно отлично смывало вонь подземелей замка и черную слизь того отвратительного бассейна.

Грязь стекала по лицам со сбившихся в колтун волос, пузырилась на белом кафеле и исчезала в круглых дренажных отверстиях. Вода струилась по телу Саймона, и столь же быстро текли его мысли. Перед ним сейчас стало очень много проблем. Поскольку он оказался в замке «Фалькон», да еще в роли одного из телохранителей Мескарла, сможет ли он установить, правдивы ли слухи о заговоре высокородных на Сол Три, о возвращении к рабовладению и, что самое главное, об угрозе галактическим запасам феррониума — жизненно важного элемента для пространственного привода всех звездных кораблей?

Но в данный момент самой большой проблемой Саймона был находившийся в другом конце душевой, невидимый из-за клубов пара сержант Мэтью Скримжор. Вероятно, единственный человек во всем замке, от которого можно было ожидать, что он узнает в коммодоре Рэке — вернее, в лекаре Симеоне — того мальчишку, которого он воспитывал на свой лад целых четыре года, так и не сумев вклюить в него понятия о дисциплине, и который не подошел на роль пажа де Пуактьера. Узнает в нем юношу, которого он проводил в возрасте четырнадцати лет в Службу Безопасности. Саймон не забыл, как этот человек помогал вешать его отца и мать за браконьерство на лесной поляне пятнадцать лет назад.

Теперь, когда ему перевалило за пятьдесят, Мэтью больше не скакал рядом со своим лордом по зарослям, гоняясь за лесными жителями. Глаза его не утратили остроты, но из-за ревматизма он был вынужден заниматься в основном хозяйственными делами внутри замка, лишь изредка сопровождая де Пуактьера в его набегах на Стендол.

— Эй вы там! Достаточно. Вы и так уже израсходовали месячный запас мыла. Выходите. Посмотрим, что скрывалось под слоем грязи. Ну, живо! Выключая воду.

Горячие потоки превратились в тонкую струйку, но пар еще висел в воздухе. Саймон дернул за руку голого Богарта и что-то шепнул ему на ухо. Богги кивнул, внезапно рухнул на пол и застонал.

— Сержант! — крикнул Саймон. — Мастер Зебадия наступил на мыло и подвернулся ногу. Помогите мне поднять его.

Мэтью осторожно прошел через душевую, шлепая сапогами по лужам на кафеле.

— Кровь Господня! Что за недотепа! Он на ногах-то стоять не умеет, а еще собирается быть сержантом телохранителей! Ну пошли. Между прочим, не думайте, что вас уже зачислили. Окончательное решение будет принимать милорд сенешаль, а его не так-то просто убедить в своих достоинствах.

Задыхаясь под весом Богарта, сержант, оскальзываясь, вывел того из душевой и мягко положил на сосновую скамью в предбаннике, где они скинули свои провонявшие одеяния — вернее, то, что от них осталось.

Опустив Богарта, Мэтью выпрямился, со стоном развел плечи и откинулся голову назад. Тут-то Саймон и ударил его. Удар был жестким, предназначенным для того, чтобы причинить человеку страшную боль, полностью вывести его из строя, но не убивать. Он был нанесен ребром правой ладони в солнечное сплетение, не защищенное броней в безопасных условиях пребывания в замке.

Здоровяк задохнулся, а потом изверг из себя все, что съел на ужин. Он упал на колени, постанывая и что-то бормоча себе под нос.

Саймон подошел к нему сзади, схватил за волосы и откинулся голову сержанта назад. Он увидел старческое лицо, исказенное яростью и болью.

Мэтью мог различить только расплывчатые контуры лица, смотревшего на него сверху вниз. Еле слышно стариk выдавил из себя:

— За что?..

Саймон вдруг почувствовал, что вся его многолетняя ненависть к этому человеку улетучилась. Но оншел слишком далеко, и ставки были очень высоки, чтобы позволить жалости овладеть собой.

Богарт открыл краны на всю мощь. Горячая вода свистела и булькала в трубах. И даже предбанник начал наполняться паром.

— Богги! Выключи воду!

— Но ты же сказал...

— Выключи, черт побери!

— Я думал, что ты хотел сварить его... Представить дело так, будто произошел несчастный случай, и он задохнулся от пара, когда упал на скользком кафеле, потеряв от удара сознание.

— Хотел, но теперь не хочу. Возьми швабру и подотри здесь.

Понемногу приходя в себя, старый Мэтью начал вглядываться в Саймона, пытаясь отыскать ключ к происходящему.

Молодой человек присел над ним на корточки и взял его голову в руки.

— Помнишь, старик, как ты повесил двух крестьян, мужа и жену, много лет тому назад? И мальчика, который не плакал?

Мэтью прошептал:

— Саймон... Саймон Рэк. Ты вернулся, чтобы отомстить мне. Чертовски издалека и только для того, чтобы убить меня. — На его лице отразилась гордость.

— Да, старик. Только для того, чтобы убить тебя. Ты сам учил меня, Мэтью: «Не оставляй врага в живых. Потому что настанет день, когда этот враг припомнит тебе прошлое и отрежет будущее». Помнишь?

Седая голова кивнула.

— Я дам тебе время, чтобы прийти к примирению с Создателем, — продолжал Саймон. — Такой старой собаке, как ты, это ох как необходимо! Боюсь только, что для этого тебе потребуется больше дней, чем у меня осталось минут. Поэтому молись быстрее.

-- Быстрее? — голос был таким слабым, что Саймону пришлось наклониться.

Когда он приложил ухо к губам Мэтью, сержант предпринял последнюю отчаянную попытку, потянувшись к глазам Саймона и вцепившись ему в лицо. На его руках все еще были толстые боевые рукавицы, и он не смог вцепиться как следует. Саймон достаточно легко отбил нападение и крепко сжал его голову обеими руками.

— Да, хитрый старый ублюдок, молись быстрее!

Улыбка тронула губы Мэтью. Хотя он и понимал, что время его вышло, но по нему этого не было видно. Тогда Саймон изо всех сил стукнул сержанта затылком о кафельный пол. Пышная грива волос не защитила от такого зверского удара, и череп треснул с тем звуком, с каким спелое яблоко падает на камень. Тело того, кого Саймон так долго ненавидел, обмякло, и перед ним лежал теперь труп.

Богарт посмотрел на Мэтью и спросил:

— Старый чертяка был твердым орешком, да? Но почему ты не заставил его молить о пощаде, не поставил на колени за все преступления?

— Он всего лишь выполнял приказы своего командира де Пуактьера. И, Богги, посмотри на него — ведь это же старик, он гораздо старше, чем был мой отец тогда. Должно быть, верно говорят: ненависть — такое блюдо, которое лучше всего есть холодным. Но, боюсь, за годы ожидания мое блюдо остыло слишком сильно. Мальчишкой, когда я укладывался спать на соломенную подстилку вон в той башне Источника, я представлял себе, как убью каждого из того отряда. Теперь все они мертвы или жизнь разбросала их по свету. Саймон погиб два дня назад. Сейчас — Мэтью. Остались только двое главарей. Ну а теперь давай приберем здесь и позовем на помощь. Наша легенда: старика подвело сердце; он схватился за грудь и упал; мы ничем не могли ему помочь.

Беседа с де Пуактьером была не из приятных. Он подозревал Саймона и Богарта еще до гибели Мэтью, и теперь относился к ним с еще большим подозрением. К счастью, Мескарл решил сам присутствовать при расследовании и склонялся к тому, чтобы поверить им. Барон не выносил скуку, и любое новое лицо или какая-нибудь забава не оставались без его внимания. Правда, ненадолго.

Саймон и Богарт покинули покой де Пуактьера без предъявления им прямого обвинения. В замке все знали, что здоровье Мэтью оставляло желать лучшего. Боли, которые досаждали ему в плечах, видимо, перешли на грудь.

Единственный неприятный момент пришелся на самый конец разговора, когда Мескарл уже покинул их. Де Пуактьер прохаживался по пышному ковру, решая, что предпринять. Наконец он сурово и холодно предупредил их о том, что произойдет, если они будут замешаны еще в одной таинственной гибели. Им было велено тут же приступить к несению службы. Сенешаль остановился перед Саймоном и, заглянув ему в глаза, жестко сказал:

— А это означает тяжелую работу. Понимаешь? Строгую дисциплину. То, что вам пришлось пережить в марсианской колонии — мелочи по сравнению с тем, что будет здесь. Вот так-то, мастер Симеон. — Он ткнул Саймона в грудь толстым пальцем. — И следи за выражением своего лица. А то даже благосклонность барона не спасет тебя от порки. Не забывай: он человек жестокий, его забавляют чужие страдания. Сейчас вы для него что-то новенькое, люди, которые выжили там, где не смог выжить никто. Но он непостоянен. Вы будете интересны ему лишь несколько дней, ну, неделю — не больше. Потом вам придется

ся самим доказывать свою ценность. Как это приходится делать всем нам.

Саймон и Богарт щелкнули каблуками своих новых сапог. Они теперь были одеты щегольски. Их новые кожаные портупеи поскрипывали, кольчуги мягко позвякивали.

— Капрал Симеон, — продолжал де Пуактьер, — вы раньше бывали на Сол Три? Нет? Ваше лицо мне кого-то напоминает. А матушка случайно не из этих мест? Впрочем, неважно. Вы оба будьте особенно внимательны на завтрашнем банкете. Сюда съедется много важных лордов со всей Сол Три. Наверное, замок «Фалькон» еще не видывал такого собрания. Будьте настороже. В таких случаях предательство чаще всего ходит бок о бок с фальшивым дружелюбием. Отправляйтесь в казарму, мастер Грейв и мастер Феттер.

Этой ночью капралу Симеону Грейву и капралу Зебадии Феттеру совещаться особой нужды не было. Их подхватила волна событий, они оказались рабами обстоятельств, и оставалось только ждать, куда их вынесет. Некоторые проблемы были решены: толстяк Саймон погиб, за ним последовал Мэттью, а главное — они пробрались в замок. Оставалось еще несколько неувязок: за ними все время следили, где Пуактьер относился к ним с подозрением, и, похоже, они никоим образом не смогут теперь вступить в контакт с Моркином, предводителем партизан.

В тот вечер огромный пиршественный зал замка «Фалькон» был переполнен и задымлен. Весь день прибывали самые знатные лорды Сол Три со своими свитами, и все уголки замка были теперь заняты.

Саймон и Богарт в суматохе ухитрились оказаться полезными, а заодно постарались хорошоенько осмотреть замок. Наконец, перехватив по ломтию хлеба с толстыми кусками белого сыра и смочив глотки элем, они принялись сравнивать свои наблюдения.

— Арсенал усиленно охраняется, — начал Богарт. — Чтобы прорваться туда, нужно четко спланировать нападение. Похоже, только пожар сможет нам помочь. Если запалить нижний этаж в нужном месте, то стражники не в силах будут остановить огонь и отступят. А в это время несколько отборных парней прорвутся к оружию. Но феррониума нигде не видно. Саймон, я все бы отдал, лишь бы кольт снова оказался в моей руке.

— Я разговаривал с другими стражниками. Они мне рассказали о хорошо охраняемом карьере в горах по пути к Брейкенему. Может быть, стоит подождать. После празднества, ночью, в покоях Мескарла должно состояться совещание. Телохранителей туда не пустят. Один из нас должен постараться проникнуть в соседнее помещение.

Наступил вечер. Саймон и Богарт стояли в нескольких футах друг от друга у узкой балюстрады галереи, с трех сторон окружавшей зал. В другом конце, прямо напротив них, группа певцов пела мадригали высокими, чистыми голосами евнухов под приглушенный аккомпанемент цимбалы и лютни. Внизу, в зале, царили шум и беспорядок. Скрытые электрические светильники были выключены, и тьму разгоняли лишь свет огня в огромном камине и множество факелов, горевших высоко под сводчатым перекрытием. Временами слуги с длинными деревянными лестницами бесшумными тенями скользили вдоль стен, гася и меняя факелы, когда те начинали чахнуть.

Знать и их приближенные сидели за столом с Мескарлом во главе. Празднество было особенно пышным, потому что на нем присутствовали лорды и леди высочайшего ранга. Сам барон, напоминавший слегка располневшего льва, больше смотрел и слушал, чем говорил. Рядом с ним сидел его сын-альбинос, лицо которого казалось выточенным из выбеленной солнцем кости, а глаза были красными, как огонь ада. У Мескарла давно уже умерла третья жена, подарившая — как было принято считать — ему единственного наследника — этого ублудка Магуса.

Под прямым углом к главному помосту стояли два стола, за которыми сидели простые смертные, ожидая знака своего господина, чтобы рассмеяться погромче. Перед началом пиршества каменный пол был устлан чистым тростником, теперь уже страшно загаженным костями, кусками жира, ломтями хлеба, рвотными массами и экскрементами. Чем дольше продолжался пир, тем беспечнее становилась знать, и кое-кому надоело таскаться к горшкам, развшанным вдоль стен, которые, кстати сказать, давно уже переполнились, и в конце концов они начали облегчаться прямо там, где сидели.

Главный стол ломился от всевозможных яств. Фаршированные головы вепрей перемежались каплюнами, тарелки с холодными овощами соседствовали с кувшинами жирных сливок, вишневые пироги окружали большие ломти оленины. Закрытые крышками чаны с супами стояли на всех скамьях и столах, между которыми сновали пажи с тазами воды и холстиной, чтобы желающие могли вымыть руки и лица.

Гости спьяна стучали серебряными и хрустальными кубками с темным рейнским, сладким медом или простым элем по тарелкам или роняли их на пол. Собаки под столами бегали, дрались иsovokupлялись с теми животными, которых привезла с собой прибывшая знать. На плече у Мескарла невозмутимо сидел кот. Он был совершенно черным, если не считать белого кольца вокруг шеи. Все обитатели замка «Фалькон» относились к нему с почтением, потому что это был любимец барона. Звали его Священник.

В тени ниш стояли вооруженные стражники, не снимая рук с рукоятей мечей. Они следили за кутежом и друг за другом. Это были телохранители Мескарла и его гостей. Последние получили приказ: как только запахнет предательством — убить барона.

Во время пира жонглеры и акробаты состязались в искусстве, стараясь привлечь к себе внимание присутствующих, чтобы получить какой-нибудь кусок или кубок с господского стола.

Один бедняга менестрель не потраfila вкусам пирующих и был наказан тем, что ему тут же отрезали язык. Одна из высокородных леди сорвала бурные аплодисменты, выкрикнув: «Раз уж его язык не блестал в пении, то, может быть, он понравится мне на вкус?»

Толпа веселилась и хлопала в ладоши, наблюдая за страшной картиной, а сама леди сидела напротив бедняги и смеялась над его страданиями. Когда эта забава приелась собравшимся, менестреля вместе с лютней вышвырнули в ров.

Обнаженные борцы с блестящими от масла телами боролись в центре зала, а лорды заключали на них пари.

Со своего поста Саймон видел все и все запоминал. С тех пор как он покинул замок «Фалькон», многое изменилось здесь в зловещую сторону. Барон Мескарл стал еще более жестоким, а стая продажных людышек, пресмыкающихся перед ним и забавлявшая его, непомерно увеличилась. Если здесь, как считалось, собирались лучшие представители народа Сол Три, то настало время провести решительную чистку. К сожалению, жестокость — даже в таких больших масштабах — и возврат к крепостному праву еще не повод для вмешательства СГБ. Саймон вспомнил слова полковника Стейси о том, что сам фундамент галактики находится под угрозой. Саймон сжал в руке плетеную рукоять меча и поклялся всеми святыми, что они с Богартом смогут найти основания для ввода в действие необходимых сил. Тогда это насквозь прогнившее логово будет стерто с лица планеты.

Саймон был так разгневан, что не заметил, как к нему подошла женщина.

— Ты — Симеон Грейв? — спросила она.

— Да, миледи. А вы — леди Иокаста?

В зале громко хрустнула кость — один из борцов победил. Это вызвало взрыв веселья у выигравших и проклятия у проигравших. Саймон почувствовал, что его мягко заталкивают в угол галереи, в густую тень.

— Миледи, я на службе. Я должен наблюдать.

Глаза леди Иокасты были очень яркими, в них светились красные искорки, рот приоткрыт, нижняя губа безвольно отвисла. Она положила руку ему на бедро.

— Здесь никто не осмелится напасть на Мескарла. Он слишком много знает. — Она икнула. — Сейчас он в большей безопасности, чем когда-либо. Ну, будь послушным мальчиком, доставь мне немножко удовольствия. Может быть, и тебе будет приятно.

Ее грубое, жесткое лицо приблизилось, и Саймон с трудом сдержался, чтобы не отшатнуться от запаха гнилых зубов. Она была далеко уже немолода. Дряблая кожа на шее, морщины в уголках глаз и рта говорили о ее возрасте — около шестидесяти.

— Одно мое слово, — зло прошептала Иокаста, — и с тобой обойдется покруче, чем с тем безголосым менестрелем. Тебе отрежут не язык, мастер Симеон, а вот это!

Саймон охнул, когда она сквозь ткань бриджей вцепилась ногтями в предмет его мужского достоинства.

— Стой спокойно и молчи. — Она была очень пьяна, говорила невнятно и с трудом нашарила шнурки, скреплявшие переднюю часть его одеяния. — Если у тебя будут неприятности, я тебя защищу. Будь ласковым с бедной Иокастой, и тогда, может быть, я возьму тебя в телохранители. Заживешь с комфортом. Мои покой рядом с покоями барона. И есть ты станешь лучше всех. Только будь ласковым.

Саймон изо всех сил старался стоять спокойно, пока она развязывала шнурки. Обнажив то, что ей было нужно, Иокаста рухнула на колени перед Саймоном. Чудовищным усилием воли он смог обеспечить требуемую ей реакцию. Саймон понимал, что пассивность будет воспринята как оскорбление и наказана соответственно. Он даже улыбнулся, представив выражение лица полковника Стейси, с которым тот выслушал бы полный отчет о том, на что пришлось пойти Саймону во благо Службы.

Когда Иокаста снова встала на ноги, он поспешил заверить ее, как все это было прекрасно и как он горд той честью, которую она оказала ему.

Наигранно смущившись, Саймон добавил:

— Если бы только милеми... Но нет. Это невозможно.

Иокаста улыбнулась ему, и ее рот пьяно перекосился.

— Что, мой милый солдатик?

— Нет, мадам. Милорд де Пуактер запретит.

— Ах уж этот мне пес! Что он может запретить моему чемпиону?

— Всего лишь... — Саймон звучно слогнул. — Ваш чемпион хотел бы еще хоть раз повторить все сначала со своей леди.

Иокаста ухмыльнулась и похлопала его по щеке.

— Мошенник! Сейчас я должна вернуться к старому медведю. Ты придишь в мою комнату через час. Возьми этот перстень, и стражники в башне пропустят тебя.

— Но...

— Никаких «но»! Это приказ. Разве я не кузина всемогущего барона Мескарла? — Она снова икнула. — И не мать этого беломордого... — Она смолкла. Даже в этом состоянии смертельного опьянения Иокаста сообразила, что сказала слишком много. В замке «Фалькон» безопаснее всего было молчать. — Итак, через час. — Она вложила перстень Саймону в руку, поцеловала его мокрыми губами в подбородок и удалилась, напевая под нос какую-то песенку.

Он сплюнул в угол, ощущив во рту горький привкус желчи. Тихий голос за спиной заставил его вздрогнуть.

— Смотри не застуди такую важную часть тела.

Саймон быстро заправился и завязал шнурки. Потом он с натянутой улыбкой повернулся к Богарту:

— Я действовал в интересах Службы Галактической Безопасности.

— Ага. Я вообще-то ничего не имею против слова «служба», только мне не совсем ясно, кто кому и чем служил.

— Думаю, ухмылка с твоей омерзительной рожи исчезнет, когда ты узнаешь, что она — мать этого беломордого ублюдка Магуса. И что ее комната находится рядом с покоями, в которых сегодня ночью состоится совещание.

— Леди Иокаста всюду поспевает. Честно говоря, я наблюдал за тем, как она обрабатывает тебя, и мои чресла трепетали. И почему это женщины гоняются за такими верзилами, как ты? Не понимаю!

— Больше того. Я, Симеон Грейв, теперь личный телохранитель леди Иокасты. Вот доказательство — ее перстень с печаткой. Я должен явиться к ней через час. Думаю, тебе не следует подавать вида, что ты что-то знаешь. Возвращайся на свое место. И пожелай мне удачи, Богги.

— Желаю, сэр. Если она тебе понадобится.

Час, остававшийся до свидания, прошел достаточно спокойно. Многих кутил уже свалил с ног излишек выпитого вина, некоторые из сидевших за нижними столами теперь бесстыдно совокуплялись прямо на грязном полу.

За главным столом кое-кто из лордов рухнул лицом в тарелки с едой, другие же осоловело продолжали следить за представлением. И только трое соседей Мескарла о чем-то напряженно шептались. Сам барон почти не принимал участия в этой беседе.

Почти все сотрудники СГБ в совершенстве владели искусством чтения по губам, но из-за слабого освещения Саймон не мог разобрать, о чем они говорили.

Время от времени барон кивал, и тогда Священник на его плече слегка покачивался, чтобы восстановить равновесие.

Сбоку от Мескарла неподвижно сидел Магус, его единственный,

незаконнорожденный сын. Даже с такого расстояния Саймону было не по себе, когда он видел, как красный свет факелов подхватывается и усиливается рубиновыми глазами Магуса, которые полыхали, словно глаза хищника в ночи.

Банquet подходил в конец. Большинство прихлебателей впало в бесчувственное состояние, а главные лорды уже были готовы начать переговоры. Но напоследок оставалось еще одно маленькое развлечение, которое должно было оживить измученных участников пиршества.

Де Пуактьер, который все эти долгие часы дежурил у входа в зал, покидая свой пост только для того, чтобы совершить обход замка, или повинуясь зову природы, ввел двух человек: пожилого мужчину и оборванного юношу. Сенешаль объяснил, что это отец и сын, которые были сквачены при попытке искалечить нескольких людей барона. Юноша заявил, что он — последователь вождя партизан Моркина. Его отец вначале отрицал свое участие, но потом, под давлением де Пуактьера, изменил свои показания. Теперь он говорил, что вынужден был сделать это из страха перед Моркином, который как гоблин мог бы прийти к нему ночью и перерезать горло.

Мескарл постучал по столу рукояткой кинжала.

— Благородные гости! — громко произнес он. — Внимание! Как нам поступить с этими подонками?

В ответ раздался целый хор пьяных предложений от сожжения до утопления, от четвертования до дыбы. Саймон понимал, что ничем не может помочь крестьянам. Они были обречены. Он очень удивился, когда мелодичный голос перекрыл пьяные выкрики.

— Отец, можно мне внести предложение?

Мескарл пожал плечами.

— Да, Магус. Что у тебя на уме?

— Пусть один умрет, а другого отпустим.

По залу прокатилась волна удивления и несогласия. Один из представителей знати, низкорослый мужчина с юга по имени Малан, сказал:

— Простите, милорд Магус. Но если вы поймаете лису, вся мордочка которой в пуху ваших лучших курочек, разве вы ее отпустите?

Зло усмехнувшись, Магус ответил Малану:

— Если то, что я слышал о вашем, высокородный лорд, дворе, справедливо, то многие хорошенъкие петушки каждую ночь благоделят всех святых, что у некоторых старых лис так мало зубов.

Эта недвусмысленная острота вызвала взрыв хохота у Мескарла и смешанную реакцию у остальных. Малан побагровел и схватился за меч, но сосед удержал его. Саймон отметил про себя, что этот юноша-альбинос в кое-каких делах может быть достойным соперником.

Суть скрытого оскорблении была ясна Саймону, так как он и сам заметил, что в свите Малана на удивление много хорошеньких мальчиков, которые при разговоре томно закрывают глаза, и бриджи у них, пожалуй, чересчур облегающие.

Магус продолжал:

— Вот что я хочу предложить. Дайте им по мечу, и пусть они сами решат, кому умереть. Победитель же получит свободу.

Барон хлопнул сына по плечу.

— Мне это нравится. Клянусь Каиновой печатью, так и будет! Сенешаль, дай им мечи. Эй вы, собаки, все поняли?

Крестьян освободили от оков и вручили им оружие. Юноша тут же швырнул свой меч на тростник перед Мескарлом.

— Ты можешь сразу убить обоих, потому что тебе не удастся заставить нас пойти друг на друга. Когда-нибудь, Мескарл, высшая власть обратит внимание на твою подлость, и тогда...

Он не успел договорить. Отец, стоявший сзади, схватился за рукоять меча, как утопающий хватается за соломинку, и, не говоря ни слова, вонзил его в спину сына. Юноша вскрикнул и упал замертво.

Старик, всхлипывая и что-то бормоча, хотел было еще раз пронзить бездыханное тело сына, но де Пуактьер подошел к нему и выхватил меч из рук. Затем он грубо встряхнул старика и поставил его перед бароном. Эта сцена была настолько отвратительной, что даже такая кровожадная компания, как собравшаяся здесь, приумолкла.

В наступившей тишине раздалось подленькое хихиканье альбиноса.

Кот спрыгнул с плеча Мескарла и, осторожно ступая по усеянному всякой дрянью каменному полу, подошел к распростертому телу, перепрыгнул через него и уселся рядом. Он погрузил свой шершавый розовый язычок в ярко-красную лужицу крови и принялся лакать.

Хихиканье переросло в откровенный смех. Старик посмотрел на Магуса. Его изборожденное морщинами лицо подергивалось, как палрус корабля при порывистом ветре.

— Я свободен? — чуть слышно спросил он.

Смех резко оборвался, и раздался заносчивый мальчишеский голос:

— Я дал слово. Завтра, старик, когда все мы будем чувствовать себя свежими, когда солнце засияет над замком и птицы запоют над крепостными стенами, а воздух будет источать благоухание, тебя снова приведут ко мне, и ты станешь свободным. Никто не посмеет тронуть тебя даже пальцем, иначе он мне ответит. Я обещал свободу победителю. А ты разве не победитель? — Магус откинулся на спинку кресла и снова захихикал. — Уведите его, — обратился он к стражникам, — вымойте, накормите, дайте вина. Потом пусть поспит. Не тревожьте его до утра.

Саймону пора было уходить. Еле сдерживая нервную дрожь, он направился в покой леди Иокасты, по дороге размышляя над тем, как в таком тщедушном теле умещается столько чудовищного зла.

Когда Саймон дошел до особо охраняемого крыла, где жили члены семьи Мескарла, он мысленно поблагодарил леди Иокасту за перстень. И так уже пару раз вооруженные стражники выказывали явное намерение сначала напасть и лишь потом задавать вопросы.

Он миновал ворота с решетками, двери с шипами, узкие, извилистые коридоры, в которых один человек мог успешно сражаться с дюжиной нападавших. Средневековые факелы постепенно сменились современными светильниками, скрытыми в массивных, грубо обработанных стенах.

Наконец он добрался до роскошной прихожей леди Иокасты. Морщинистая дуэнья, уже не один десяток лет служившая надежным хранилищем преступных тайн, молча подала ему знак следовать за ней, даже не взглянув на протянутый перстень. Но когда Саймон подошел к двери спальни Иокасты, дуэнья окликнула его:

— Печатку. На это блюдо с драконом. Если перстень понадобится тебе снова, она найдет способ передать его. — Голос был таким тихим и усталым, словно шуршал пыльный старый бархат.

Положив перстень на блюдо, Саймон открыл дверь, занавешенную гобеленом, и вошел. Он оказался в большой спальне, хранившей следы былого великолепия: у матерчатых китайских птиц в стеклянных клетках на хватало ног или крыльев; вся мебель была расшатанной или продавленной; на стенах висели потемневшие от времени и дыма картины, порванные и потертые гобелены с охотничими сценами.

Над холодным камином висел портрет юной леди, выполненный в манере пуантилизма. Несмотря на пятна копоти, которые кто-то неумело пытался стереть, он вызывал ощущение необъяснимого очарования. Чудесные краски, сверкавшие и под слоем грязи, делали портрет центром внимания в этой обветшалой обстановке.

Саймон на минуту задержался перед картиной, запечатлевшей облик той леди Иокасты, какой она была когда-то, пока замок «Фалькон» не сделал из нее ту, кем она стала сейчас. Портрет призывал быть нежным, и это, возможно, поможет ему в том, что должно произойти. Саймон понял теперь, что заставило Мескарла наплевать на все пересуды и табу и не только сделать своей любовницей кузину, но и до сих пор терпеть рядом с собой эту старую ведьму.

Он прошелся по спальне; его ноги утопали в толстом ковре. В комнате стоял тяжелый запах перегара. Поперек огромной кровати распростерлась леди Иокаста. Ее волосы были распущены, платье валялось на полу, и она спала в одной тонкой шелковой комбинации.

Отступать Саймон не имел права. Всего лишь одна стена отделяла его от комнаты, где вскоре должно состояться совещание, которое быть может, перевернет вверх дном всю Солнечную систему.

Осторожно присев на кровать рядом с леди Иокастой, Саймон погладил ее волосы. Она потянулась, как ребенок, взяла его руку и прижала к губам. Неожиданно тронутый этим, он нагнулся над ней и поцеловал ее в щеку. Ее руки обвили его шею и потянули вниз.

— Ты добрый, Саймон.

— Симеон. Симеон, миледи, а не Саймон.

— Неважно. Ты был добр к несчастной старой леди, и я благодарна тебе. Здесь так мало доброты. Мой кузен всегда был чудовищем, но сейчас он приобрел такую власть, которая может сделать его неконтролируемым. А мой сын... ты никому не расскажешь об этом, Симеон? Нам обоим это может стоить головы.

— Миледи, я буду нем как могила.

— Хотя это тоже неважно. Для меня смерть — желанный любовник. Я живу слишком долго. Мескарл сохранил моего сына — противостоящее, развратное чудовище — и отобрал у меня мою доченьку. Ее убили, я не сомневаюсь в этом. — Слезы смывали слои краски и пудры, обнажая старое, морщинистое лицо. Действие винных паров почти прошло, и ее охватила жалость к себе, усиленная неожиданной нежностью молодого солдата. — Она была хорошенькой девочкой. — Иокаста и не пыталась сдерживать слезы. — Мескарл приходил ко мне каждую ночь, и мы занимались любовью. Он меня гипнотизировал, как удав несчастного кролика. Прошло много лет с тех пор, как барон был здесь в последний раз. Ключ давно утерян, засовы проржавели.

Саймон прижал к себе пожилую женщину и стал гладить по спине, как поступают с ребенком, которому приснился страшный сон. Он прошептал ей на ухо:

— А почему никто в замке не знал о вашей связи? Разве здесь нет «жучков» или подслушивающих устройств?

— Здесь, рядом с его собственными покоями, — нет. Это было давно, сразу после трагедии с Робером, Рут и... Жоффреем. Он был милым пареньком, этот красавчик Жоффрей, с неизменной улыбкой на устах. Он мог неподвижно стоять на полянке, а птицы слетались и садились ему на руки. — Иокаста какое-то время помолчала, а затем, словно очнувшись, спросила: — О чем это я?

— Вы начали рассказывать мне о том несчастном случае, произошедшем на озере.

— Несчастном случае?! Кровавое убийство! Но они все давно мертвые. Скоро я снова увижу Жоффрея. Он ждет меня, Симеон. Зовет каждый день. После того случая Ришар стал очень подозрительным. Во всех комнатах появились подслушивающие устройства, а на каждом

повороте коридора — видеоскопы. Доносчики процветали, и многие несчастные погибли, позабытые всеми, навечно заточенные глубоко под нами. И вот теперь он в безопасности. И уже не нуждается в таких трюках, чтобы сохранить свою власть.

— Но как же вы встречались? Разве слуги не видели, как вы приходите друг к другу?

Она подняла голову с его плеча и указала пальцем на стену.

— Там, за гобеленом, на котором Спаситель показывает свои раны Фоме Неверующему, там есть дверца. Может быть, она до сих пор не заперта. За ней — темный коридор. Очень короткий. Я даже сосчитала шаги: четырнадцать. Потом — дверь. Уверена, он давно забыл про нее, потому что она тоже за гобеленом. На нем изображено «Избиение Младенцев».

Леди Иокаста снова начала всхлипывать: старые воспоминания нахлынули на нее.

— Почему вы не засыпаете, миледи? Позвольте мне позаботиться о вас, и вы попадете в заботливые объятия Леты.

Она с нежностью посмотрела на него.

— Ты очень добрый. Как жаль, что мы не встретились много лет назад. Теперь уже поздно. Слишком поздно. Да, я засну. Ты придешь еще раз? Умоляю тебя! Я, леди Иокаста, умоляю тебя: приходи завтра ночью. В это же время. Пожалуйста. — Она улыбнулась, но ее улыбка получилась кривой. — Не так-то мне легко произнести это слово. Ты подарил мне доброту, Симеон. Не обижай меня, не забирай ее обратно. Кажется, я этого не вынесу. Ты придешь?

— Да, миледи. Если смогу.

— Клянешься?

— Клянусь.

— Тогда помоги мне уснуть.

Легко приподняв хрупкое тело, он уложил ее поудобнее на кровать. Она закрыла глаза, а он лег рядом и начал кончиками пальцев гладить ее лоб, успокаивая и лаская. Дыхание Иокасты сделалось более глубоким и ровным. Она уснула.

Саймон не мог рисковать, позволив леди Иокасте проснуться, пока он будет занят своим шпионским ремеслом. Его пальцы нашупали некую точку под ее правым ухом, там, где рядом расположены нервы и артерия. Сначала он нажал легонько, затем сильнее. Приток крови уменьшился, некоторые секции головного мозга отключились. Дыхание стало прерывистым, но вскоре снова выровнялось.

Пока он не вернется и не надавит на другую точку, леди Иокаста будет спать. Если он не разбудит ее — она уснет навсегда.

Саймон быстро подошел к гобелену с Фомой Неверующим и отдернул его. Поднялось облако пыли, и он чуть на задохнулся. Уже не одну

сотню лет здесь жили и размножались многочисленные поколения жуков и пауков, и никто не тревожил их. Под ногами Саймона захрустели сотни крошечных сухих трупиков. Дверь здесь действительно была. И, к его радости, она оказалась открытой.

Проржавевшие петли скрежетали и изо всех сил сопротивлялись. Чтобы заставить их замолчать, Саймону пришлось смочить слюной наиболее ржавые места. Он осторожно вышел в коридор. Там было сыро и холодно. Никто, даже летучие мыши, не согревали его своим дыханием уже много лет. Четырнадцать птичьих шагов леди Иокасты — это восемь для Саймона, — и он очутился у второй двери.

Даже прижав ухо к сухому дереву, Саймон не услышал ни малейшего звука. Он взялся за узорчатое металлическое кольцо, служившее дверной ручкой, и осторожно повернул его. В ответ, яростно сопротивляясь, пронзительно и возмущенно заскрипел древний замок. Дверь была заперта! Там, за ней, через несколько минут соберется знать, возможно, уже собирается, а быть может, они уже подготовились встретить его, схватились за мечи, чтобы ворваться в эту предательскую дверь и прикончить непрошшеного гостя на месте. Саймон покрылся холодным потом. Он вытер руки о нижнюю рубашку и всем своим весом навалился на дверную ручку. И снова в ответ раздался терзающий душу скрип проржавевшего металла.

— Поворачивайся, ты, дерымовый, никчемный металл!.. Ну!..

Замок так давно не открывали, что его части намертво приржавели друг к другу. Конечно, Саймон никоим образом не смог бы открыть его, если бы не случилось то, что и должно было случиться: древний металл не выдержал натиска Саймона, и все внутренности замка рассыпались. Дверь от толчка приоткрылась на несколько дюймов.

Ни света, ни звука. Он успел вовремя!

Тяжело дыша, Саймон прислонился к грубой стене и закрыл глаза, чувствуя, как пот ручьями стекает по его лицу. Эти усилия выжали его как лимон. Если бы здесь его ждал вооруженный человек, Саймон даже не смог бы сопротивляться. То, что он увидел и вытерпел этой ночью, в совокупности с изнуряющей борьбой с этой проклятой дверью забрало у него все силы.

Отдышавшись, Саймон просунул руку за дверь и нашупал шершавую изнаночную сторону гобелена. Узелки казались очень ветхими. Встав на колени, он провел рукой по полу и обнаружил, что гобелен свисает до самого низа.

Вдруг Саймон услышал топот сапог, звяканье шпор и чьи-то голоса. Он метнулся назад и осторожно прикрыл за собой дверь почти до конца.

Покои с другой стороны «Избиения Младенцев» заполнились людьми. Хорошо были слышны кашель, скрип кресел, шарканье ног —

звуки, предшествующие любому совещанию. Шум смолк, когда кто-то — предположительно, Мескарл — постучал рукоятью меча по столу.

— Тише! Успокойтесь, господа! Итак, приступим.

— А что, милорд, здесь можно не опасаться ваших проклятых «жучков»? — По язвительной интонации нетрудно было узнать Малана.

— Да. То, что будет сказано в этой комнате, не услышит никто посторонний. Можете говорить здесь столь же откровенно, как в собственной спальне.

— Может быть, и более откровенно, отец.

Саймон был неприятно удивлен, услышав этот голос. Полковник Стейси не упоминал альбиноса в числе тех, кто был посвящен во все секреты. И тем не менее этот сопляк оказался здесь, на самом секретном совещании планеты. Когда Саймон покидал замок «Фалькон», о существовании этого мальчишки ходили только слухи. Его предполагаемая мать исчезла. Было объявлено, что она заболела и скоропостижно скончалась. Теперь, по-видимому, Магус стал силой, с которой придется считаться.

Совещание продолжалось до четырех часов утра, пока все в большей или меньшей степени не пришли к согласию. Когда в комнате снова стало темно и тихо, Саймон плотно прикрыл дверь, проскользнул по узкому коридору и бесшумно вошел в спальню леди Иокасты.

Он вернулся женщине нормальный сон и направился в казарму охранников, по пути прихватив с подноса перстень с печаткой. Так, на всякий случай.

Дуэнья проснулась, когда он проходил мимо, потянулась в кресле и проводила Саймона ленивым взглядом пустых желтых глаз. Старуха походила на большую, пригревшуюся на солнце ящерицу.

Несмотря на многолетние тренировки, Саймон не смог утихомирить свои мысли и заснуть в эту ночь — слишком о многом нужно было поразмышлять.

Глава 5. ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ ТОГО, ЧТО НАЗЫВАТЬ ЖИЗНЬЮ

Ни один из дворян, за исключением несокрушимого де Пуактьера, не поднялся к завтраку. Большинство вышли только к обеду. Небольшая группа собралась на соколиную охоту, и им был придан отряд охранников.

Саймон знал, что в замке предприняты все меры предосторожности, так как знать опасалась выступления мятежников, боялась, что партизаны могут воспользоваться сбирающим власть имущих, дабы предпринять массированное выступление.

Ни Богарта, ни Саймона не включили в отряд сопровождения. Более того, отобрали только тех, кому доверял сам сенешаль. Остальная часть гарнизона была переведена на казарменное положение на все те восемь дней, пока гости будут находиться в замке.

Впервые за сегодняшний день солдаты вышли из казармы на полуценную поверку и теперь жмурили глаза от яркого солнца. Когда строй стоял в положении «вольно», откуда-то сверху раздались слабые крики. Как ни выворачивали шеи, никто ничего не увидел.

Когда их разбили на две группы для несения послеобеденной службы, Саймон и Богарт оказались на посту в дальнем конце внутреннего двора. Там они и увидели источник шума. Почти на самом верху башни Короля, раскачиваясь на ветру, висела большая клетка, сделанная из соломенных прутьев, отстоящих друг от друга на несколько дюймов. В углу клетки сжался в комочек старик, который прошлой ночью в главном пиршественном зале убил своего сына.

Солдат, стоявший поблизости от них, кивком показал на раскачивающуюся тюрьму:

— Молодец этот белолицый. Всегда держит слово. Пообещал старику, что тот будет жить и ни один человек его не тронет, вот он и висит там в тишине и спокойствии. Хотя, кажется, он уже хочет пить, а ведь еще не так жарко. Завтра ему захочется есть. Никакой одежды на нем нет, и он худой как щепка, поэтому, наверное,夜里 ему не пережить.

Богарт зло сплюнул, и плевок упал рядом с ногой болтливого солдата.

— Ага. Этот белолицый мастер играть словами, — сказал Богги. — Да у бешеной крысы и то великолдушия больше! Саймон дернул друга за рукав, чтобы тот заткнулся. Но тут появился де Пуактьер, призвал их к порядку и тем самым пресек возможный инцидент.

Висячая тюрьма находилась на своем месте три дня, пока всякое движение в ней не прекратилось. Еще через два дня клетку убрали. Окно, из которого торчал брус с этой изощренной камерой пыток, принадлежало спальню Матуса Ришара Мескарла.

Первый день после совещания прошел спокойно. Вечером, когда их сменили, Саймон и Богарт уселись рядом и принялись полировать мечи. Саймон вкратце объяснил другу свой план.

— Первое. У нас восемь дней. Второе. По истечении этого срока, когда знать разъедется по своим замкам, у нас больше не появится шанса что-либо предпринять. Третье. Если мы сможем связаться с СГБ, то космический корабль будет здесь через день. Четвертое. Раз уж нам пришлось уничтожить свой корабль, до СГБ добраться мы не сможем. Те немногие трансмиттеры, которые здесь есть, охраняются

так, что до них невозможно добраться. Пятое. Мы должны разыскать Моркина, разъяснить ему всю сложность ситуации и напасть на замок «Фалькон». Другого выхода у нас нет.

— Нам не удастся выйти за стены замка, — возразил Богарт. — Де Пуактьер строго следит за нами. Значит, придется оставаться здесь.

— Ночью, после свидания с бедной старой Иокастой, я попытаюсь прорваться. Ты останешься и будешь изображать ревностного служаку. А я рвану в лес, к Моркину.

— Что ты собираешься ему рассказать?

— Все. Что Мескарл возглавляет заговор лордов на Сол Три, каждый из которых имеет свои виды на феррониум. Что все они за последнее время сильно увеличили свои запасы, превратив крестьян на шахтах в рабов. Что скоро феррониум перепрячут в тайники, и следующий шаттл, который прибудет в порт, не увезет с собой ничего, кроме грубого ультиматума.

— Условия жесткие?

— Да. Их требования таковы: главенство в Федерации, признание рабства законным, десятикратное увеличение цен на руду и власть — власть не только над Сол Три, но и над всей Солнечной системой.

Богарт подвел черту:

— Без феррониума уже через несколько дней звездолеты станут бесполезными. Любая попытка нанести удар возмездия — и все запасы будут уничтожены. В Федерации знают, что этих запасов не так уж и много. А синтезировать феррониум нельзя.

Саймон швырнул свой меч на кровать и сказал решительно:

— Мы должны любой ценой разрушить заговор лордов, которые собрались здесь, в одном месте. Так что ночью я попытаюсь выбраться из замка. Следовало бы сделать это прямо сейчас, но, если я не появлюсь, леди Иокаста поднимет шум. Похоже, она считает меня своим единственным утешением в жизни. Когда она узнает обо мне все, для нее это будет страшным ударом.

Богги положил свой отполированный меч на меч Саймона.

— Будь осторожен, — сказал он. — Если тебя поймают, за мной будут следить вдвое строже. — Он бросил взгляд на большие часы в углу унылой казармы. — Пойдем, капрал Симеон. Перекусим напоследок в столовой. Может быть, капелька той ужасной мочи, которую там называют светлым пивом, прибавит тебе страсти к миледи.

Саймон шагал по притихшему замку, крепко сжимая в кулаке перстень леди Иокасты. Время от времени он слышал мерный топот патруля по каменным коридорам. В этот вечер банкета не было, но в замок в крытых повозках привезли много юных девушек из Стендоля, Брей-

кенема и даже из отдаленных сел. Судя по их реакции, далеко не все приехали сюда по доброй воле.

Саймон бесшумно шел мимо запертых дверей в апартаменты владельцев замка. И вдруг, когда он подошел к пересечению коридоров, кто-то нанес ему умелый удар по затылку чем-то мягким и гибким.

Впервые в жизни Саймон потерял сознание от одного удара. И когда он начал приходить в себя, то подумал, что большинство писателей абсолютно не правы: не было никаких звезд, вспышек света, звона колоколов. Будто кто-то просто повернул выключатель в мозгу — никакой промежуточной стадии, неопределенный отрезок времени просто выпал из жизни. Если тебя действительно отправили в нокаут, ты придешь в сознание только тогда, когда позволит мозг. Не раньше. Лишь легкое недомогание и боль в глазницах будут говорить о том, что ты прошел через это.

Саймон с трудом открыл глаза и увидел перед собой свет факелов. Двое солдат крепко держали его под руки, а перед ним, в круге света стояли человек шесть, и среди них был де Пуактьер.

— Ну и ну! Продвижение по службе вам не грозит, капрал Грейв. Ночью, вне казармы... Знаешь, мне чертовски знакомо твое лицо. Что-то из давнего прошлого... Ладно, потом вспомню. Итак, ты оказался вне пределов казармы. Почему?

Саймон потряс головой, стараясь собраться с мыслями.

— Я направлялся в покой леди Иокасты, — начал он, — чтобы охранять ее ночью. Как и вчера. Я думал, милорд, что вам известно об этом.

Де Пуактьер улыбнулся.

— Да, припоминаю, о чем-то подобном она просила меня. Но, если ты направлялся к леди, у тебя должен быть ее перстень. Все «охранники» получают такой пропуск на время несения службы.

Вот оно что! Его схватили не как шпиона. Это всего лишь уловка де Пуактьера, который насаждает дисциплину в замке своими методами. Когда Саймона ударили, он, конечно же, уронил перстень, и сейчас тот преспокойно лежит в кошельке сенешала. Ну что ж, посмотрим, кто кого перехитрит.

— У меня он был, милорд, — сказал Саймон. — Но, вероятно, я случайно обронил его. Если вы соблаговолите пройти со мной к леди Иокасте, то она, надеюсь, подтвердит мои слова.

Де Пуактьер подошел к нему вплотную. Его борода царапала лицо Саймона, изо рта брызгала слюна.

— Нет, наглый трус! — заорал он. — У тебя нет перстня! А посему ты — лжец! Я знаю, что ты тайком выбрался из казармы для гнусного совокупления с какой-нибудь грязной посудомойкой. И за это я посажу тебя в карцер. На цепь! На четыре дня! На хлеб и воду! И твой друг

проныра будет сам сторожить тебя. Так что вы оба пропадете с моих глаз на какое-то время. Что ты теперь скажешь?

Что он мог на это сказать? Только то, что леди ждет его, и ему кажется, она воспримет очень болезненно то, что он не придет к ней. Саймон никак не мог подобрать ответа.

Сенешаль шагнул назад и, улыбнувшись, ласково сказал ему:

— Мой милый Симеон, клянусь, ты не очень хорошо выглядишь. До казармы далеко, и мне не хочется, чтобы ты устал еще больше, сбивая свои ноги о твердый булыжник. — И де Пуактьер кивнул кому-то позади Саймона.

Саймон успел только открыть рот, и тут снова все выключилось. На этот раз надолго.

Саймон пришел в себя от резкой боли в шее и, дотронувшись до нее рукой, обнаружил, что боль ему причиняет металлический ошейник с острыми краями, прикрепленный цепью к стене. Стене тюремной камеры.

Светало. Саймон лежал на охапке соломы. В отличие от подземных тюремных камер, этот карцер находился в помещении казармы, и забранное железными прутьями окно выходило во внутренний двор. У двери свистнули. С большим трудом Саймон сфокусировал взгляд на глазке в центре двери и увидел половину лица Богарта, обеспокоенную и несчастную.

Видимо, де Пуактьер сдержал слово: Саймона посадили на хлеб и воду на четыре дня за пренебрежительное отношение к своим обязанностям. Его сторожил — шесть часов на посту и два часа отдыха — каппран Зебадия Феттер.

На заре сенешаль посетил заключенного. Странно, но чувствовал он себя явно неловко. Де Пуактьер мерил шагами крохотную камеру, пиняя сапогами пучки соломы. Наконец он подошел к окну, свесил руки через железные прутья и сказал через плечо:

— Загадочный ты человек, мастер Грейв. Многое удивляет меня. Ты и твой невоспитанный друг приземлились на Сол Три и оказались в замке «Фалькон» как раз перед самым важным собранием знатных вельмож за последние несколько десятилетий. Говорите, вы наемники? Тот способ, которым вы воспользовались, для того чтобы вырваться из Логова Червя, заставляет меня думать, что, может быть, это и так. Однако вы ведете себя слишком независимо, слишком самоуверенно. Ваш корабль таинственным образом взорвался. Потом произошла эта драка в борделе. Было убито несколько человек, и одного из них подозревали в связях с мятежниками. Здесь ты сошелся с леди Иокастой и начал шнырять по замку по ночам. Нет, не перебивай меня. Я знаю,

что ты скажешь, и сейчас я склонен в это поверить. На, возьми. Ей он больше не нужен.

Он что-то швырнул на пол перед Саймоном и снова отвернулся к окну.

Нагнувшись, насколько позволял ему железный ошейник, Саймон начал рыться в соломе.

Де Пуактьер продолжал:

— И еще эта смерть Мэтью. Опять вы оба оказались замешанными. Согласись, слишком много странных совпадений. Но этот перстень говорит о том, что хотя бы в одном деле ты не врал. То, что произошло сегодня утром, — еще большее доказательство.

Саймон сжимал в кулаке перстень с печаткой леди Иокасты.

— Что с ней случилось? — глухо спросил он.

Сенешаль повернулся к нему.

— Она умерла. Не сомневаюсь, твой друг все подробно расскажет тебе. А я не хочу. В какой-то степени я даже рад этому, потому что... она освободилась. Когда-то мы... — Он помолчал. — Мне остается только верить, что Иокаста переживала за тебя. Иначе... — Почувствовав, что сказал лишнее, де Пуактьер подошел к двери и распахнул ее. — И последнее. Твое лицо я все равно вспомню. К добру ли, к худу ли, но вспомню. Завтра тебя раскуют, и ты приступишь к своим обязанностям.

Тяжелая дверь захлопнулась.

Только после обеда Богти смог прийти и рассказать о том, что произошло. Повествование оказалось коротким и печальным.

Леди Иокаста долго ждала Саймона. Она дважды посыпала старую дуэнью на поиски, но та нигде не могла найти его. Наконец Иокаста отослала ее и заперлась в спальне. Утром, когда дуэнья пришла будить госпожу, она обнаружила ее мертвой. Леди Иокаста свела свои счеты с жизнью, повесившись на полоске от простыни, один конец которой она привязала к настенному бра, а другой петлей захлестнула вокруг своей тонкой шеи.

— Честное слово, Богти, мне очень жаль ее, но она так устала от жизни...

— Говорят, Магус страшно смеялся, когда услышал эту новость, — с ненавистью в голосе сказал Богарт.

Похороны леди Иокасты приились на пятый день их пребывания в замке «Фалькон». Саймон был в числе тех, кто провожал ее в последний путь. Рядом с ним, подставив плечо под богато украшенный гроб, шел де Пуактьер. Когда хрупкое тело леди Иокасты несли в семейную усыпальницу, Магус сидел у раскрытоого окна и пускал мыльные пузыри.

ри. Большая часть их тут же лопалась, но некоторые долго парили в теплом воздухе высоко над стенами башни.

На шестой день Мескарл послал за Саймоном.

— Капрал Грейв, — начал он, — от моего дорогого де Пуактьера я узнал, что вы и ваш друг, с тех пор как таким чудесным образом появились среди нас, то взлетаете вверх, то падаете глубоко вниз. Вероятно, вы страшно не любите замкнутые помещения. Поэтому я убедил его взять вас завтра с собой. Я везу своих гостей на экскурсию в карьер. Поездка будет долгой. Ваш друг-коротышка останется здесь. Только так мы можем быть уверены, что вы не просто выедете с нами, но еще и вернетесь. Вы меня понимаете?

Саймон стоял по стойке «смирно».

— Да, милорд, — ответил он. — Я очень хорошо вас понял.

Мескарл улыбнулся.

— Ну и отлично. Отправляемся через час.

Барон носил траур, как и все высокородные. Только Магус ухитрялся носить свои всегдашние черные одеяния таким образом, что казалось, будто он посмеивается над трагедией. На Мескарле был широкий плащ из черного шелка, который мягко шелестел при движениях; на плече сидел кот Священник, и его шерсть искрилась на солнце, как соболиный мех.

Пышная кавалькада долго грохотала по подъемному мосту замка «Фалькон». Лорды гарцевали на своих скакунах, леди ехали более степенно на покрытых роскошными чепраками верховых лошадях. Авангард, состоявший из воинов гостей и отборных бойцов самого Мескарла, скакал в пятистах футах впереди. Небольшие группы охраняли правый и левый фланги, а основные силы, возглавляемые де Пуактьером, замыкали процессию.

Всех вместе было не более двухсот человек. По плану утро посвящалось охоте, в том числе и соколиной. После пикника часть воинов должны будут проводить дам обратно в замок. Остальные отправятся к феррониевым карьерам и обогатительной фабрике.

Саймон скакал в первых рядах арьергарда, сразу за де Пуактьером. Он был одет по всей форме: в длинный плащ, спускавшийся ниже колен, и стальной шлем. Кроме меча у него на шее в ножнах из оленьей шкуры висел тяжелый метательный нож с обоюдоострым лезвием.

День обещал быть жарким. Людей и соколов было слишком много, чтобы охота удалась: то путы на лапах птиц никак не развязывались, то соколы бросались не на дичь, а друг на друга. Многие леди от жары и суматохи забылись настолько, что изрекали выражения, которые скорее услышишь в публичном доме, чем на пикнике в благородном обществе.

Мескарл возглавлял группу охотников, решивших загнать несколь-

ких вепрей, которые, впрочем, заранее были отловлены слугами, а при приближении лордов выпущены в поле. Но улюлюканью и охотничьим возгласам не хватало воодушевления. Солнце поднималось все выше, и становилось все жарче. Некоторые звери были так измотаны, что тупо стояли на месте, пока их не закололи длинными охотничими копьями.

Один старый хряк со злобно изогнутыми клыками и налившимися кровью глазами стрелой метнулся сквозь кольцо солдат, распоров живот бедняге, оказавшемуся на его пути. Де Пуактьер пришпорил своего коня, чтобы перехватить вепря, но тот успел подцепить скакуна за переднюю ногу и свалил его на землю.

Леди закричали, когда зверь вновь развернулся для атаки. Конь упал рыцарю на ногу, и тот беспомощно смотрел, как его смерть в убийственной ярости роеткопытами землю. Зверь бросился вперед. Ни один из бравых дворян даже не пошевелился, чтобы помочь сенешалю.

Саймон давно желал смерти этому человеку. Но тот еще не был стариком, искалеченным болезнью, как Мэтью. Де Пуактьер все еще оставался крепким мужчиной, которым можно было только восхищаться. Гордым и высокомерным, не уступающим ни в чем никому, кроме своего сюзерена. Невозможно было представить, что он может умереть, в клочья разодранный дикой свиньей. Это не устраивало Саймона.

С громким воплем он пришпорил своего коня, но тот, всхрапнув, попятился и попытался сбросить всадника. Как бы то ни было, это вмешательство заставило вепря приостановиться, прежде чем снова броситься на свою жертву. В это самое мгновение Саймон и оказался у него на пути.

Припав на колено, он упер тупой конец копья в землю позади себя, совсем рядом с изрыгающим проклятья сенешалем. Саймон не обращал внимания на его вопли, он ждал атаки.

Охотники что-то кричали и сутились, но никто не собирался рисковать.

Саймон заглянул в глаза вепрю и сконцентрировал все свое внимание на животном. Сейчас для него во всем мире существовали только вепрь и он. Зверь начал атаку, но, казалось, все происходит очень медленно. Взлетали клочья дерна, тряслась земля. Саймон восхищенно смотрел, как плечевые мускулы зверя перекатывались при движении, щетина встала дыбом, желтые клыки были испачканы кровью недавно убитого им человека. Его левый бок тоже был в крови.

От напряжения у Саймона шумело в ушах. Зверь стремительно приближался. И тут раздался приглушенный треск: наконечник копья пробил грудную клетку мчавшегося вепря. Если бы не перекладина на

копье, зверь полностью наделся бы на древко и с последним, предсмертным усилием достал бы Саймона.

Саймон повис на рвущемся из рук копье, и морда вепря оказалась всего в нескольких дюймах от его живота. Зверь неистово хрюпал, воночее дыхание было в лицо Саймону. Затем кровавая пена выступила на губах вепря, и он сдох.

После того как восторженные восклицания и аплодисменты стихли, после того как Саймон получил свою долю поцелуев от леди и пригоршню золота и перстней от мужчин — включая чудесный кроваво-красный рубин от Мескарла, — он на некоторое время остался наедине с де Пуактьером.

Руки Саймона дрожали, когда он пил вино из кубка, который ему вручил все еще бледный сенешаль. Де Пуактьер положил руку Саймону на плечо и отвел его в сторону.

— Во-первых, спасибо. Я в таком долгу у тебя, как мало кому был должен за всю свою жизнь. Вепрь распорол бы меня прежде, чем кто-либо успел бы пошевелиться. Нет, не возражай. Выслушай меня, я еще не все сказал. Я оказался в большом долгу у тебя, а я этого очень не люблю. Но на сей раз мне будет очень легко рассчитаться. Когда мы вечером вернемся в замок «Фалькон», я распоряжусь, чтобы тебе и твоему другу дали лошадей и еду. Оправдаться я всегда смогу. Вы уедете и никогда не вернетесь. Отправляйся спокойно к своим друзьям из Службы Галактической Безопасности. Уезжай, и на этот раз навсегда, Саймон Рэк.

Еще находясь в кабинете полковника Стейси, Саймон понял, насколько вся эта затея рискованна. Хотя проверка и показала, что в замке «Фалькон» остались всего три человека, хорошо знавшие Рэка, нельзя было исключить вероятность того, что его могла узнать какая-нибудь служанка. Время оставило на нем многочисленные отметины, но оно не смогло изменить его сущность. Ему повезло, что толстяк Саймон взорвался вместе с кораблем-разведчиком. Убийство Мэтью было спонтанным, но и оно удалось. Теперь третье, самое серьезное препятствие встало на его пути. Правда, де Пуактьер у него в долгу, а это человек чести, и он в любом случае выполнит свое обещание.

У Саймона было два выхода. А если учесть, что он мог бы просто принять предложение сенешаля и отказаться от выполнения своей миссии, то их было три. Но третий он исключил сразу же.

Первый выход заключался в том, что он мог попытаться убить де Пуактьера и таким образом заставить его умолкнуть навсегда. Второй был в бегстве в лес и попытке найти Моркина. Но это значило бы потерять Богги. Нет, на это он пойти не мог.

Когда сенешаль высказался, Саймон не сразу нашел, что ответить ему. Де Пуактьер на сводил с Рэка холодного взгляда.

— Если бы я не был у тебя в долг, — процедил сквозь зубы сенешаль, — я прирезал бы тебя на месте. Ты это понимаешь?

— Да, милорд, — ответил Саймон. — Я слишком хорошо вас знаю. А что касается спасения вашей жизни, то просто я не мог позволить вам умереть такой смертью. Все должно совершиться подобающим образом. А пока обещаю подумать над вашим предложением. И, милорд, я тоже благодарю вас.

Однако сложившиеся обстоятельства не оставили Саймону выбора. При падении де Пуактер повредил лодыжку, и барон приказал ему вернуться в замок вместе с дамами. Саймон, только что произведенный Мескарлом в сержанты, вынужден был остаться с высокородными гостями и вести авангард к карьеру.

Он долго не сводил взгляда с прямой спины сенешаля, который вел за собой большой отряд воинов, охранявших яркую процессию дам. Наконец он натянул поводья и направился в противоположную сторону.

Его губы чуть слышно прошептали:

— Прости, Богги.

Путь к карьеру был долгим и грустным для Саймона, однако Мескарл и все дворяне были в хорошем настроении. Их планы претворялись в жизнь: богатство и власть — да такие, что превосходили всякие ожидания, — почти полностью принадлежали им. Оставалось только протянуть руку и взять все разом.

Дорога была трудной, частенько она пролегала через густой лес и глубокие ущелья. Прекрасные места для засады. Трижды за то время, пока они не добрались до шахт, откуда-то прилетали стрелы. Один солдат был убит, другая стрела попала в лошадь, а третья вонзилась в землю как раз перед Саймоном.

Пока Мескарл показывал гостям шахту, Саймон расставил солдат кольцом вокруг карьера. Дважды ему докладывали, что видели какое-то движение у подножия горы, но никто пока не нападал на них.

С того места, где стоял Саймон, было плохо видно происходящее в шахте, но он все же заметил, что люди, которые копали и долбили пласти грунта, содержащего руду, были в весьма плачевном физическом состоянии; что на всех железные ошейники; что надсмотрщики подбадривали их тупыми концами копий и устрашающего вида кнутами. Так с крепостными не обращаются. Значит, донесения верны: Мескарл действительно возродил рабство.

Саймон уголком глаза следил за плотной черной фигурой барона, перепрыгивавшего с камня на камень на дне карьера и время от времени скрывавшегося в клубах пыли. Одна мысль не давала Саймону

покоя. Разведанных запасов феррониума чрезвычайно мало, и карьеров, подобных этому, было не более дюжины на всей Сол Три. Обогатительная фабрика, принадлежавшая Мескарлу, являлась самой большой на этом полушарии, и челночные корабли постоянно грохотали над головами, перевозя очищенный феррониум с планеты на галактические грузовые звездолеты, ожидавшие на орбите.

Этот карьер располагался к югу от замка, однако в донесениях, переданных в СГБ, говорилось о том, что какие-то люди и охраняемые ими повозки скрытно направляются в пустынную местность к северу от замка. Судя по старым картам, во времена, предшествующие войнам, в том районе находился гигантский мегаполис. Ядерные и нейтронные взрывы, чуть было не уничтожившие планету, внесли чудовищные изменения в структуру скал. Одним из побочных продуктов этого явилась реактивно-способная руда феррониум — вещество, которое необходимо космическим кораблям для полетов во всей галактике.

На севере, в месте расположения старого города, за покрытыми вечным туманом горами вероятность наличия огромных запасов феррониума была больше. И все же шахта находилась на юге. Причем небольшая шахта. А может быть, Мескарл затеял более рискованную игру, чем все предполагают? Может, он решил перехитрить своих союзников и забрать все себе? При этой мысли у Саймона по спине пробежал холодок. Если это так, то сержант Грейв сейчас являлся офицером отборной гвардии предполагаемого диктатора всей галактики!

Оклик одного из солдат вырвал Саймона из потока этих безрадостных рассуждений. Он полусоскользнул, полусбежал по песчаному склону и ухватился за плечо воина, чтобы не пролететь дальше.

— Я не совсем уверен, сержант, — сказал солдат, — но мне показалось, что я видел большую группу людей между теми двумя холмами. Вон там. Вроде колонны муравьев.

Саймон приставил ладонь ко лбу и начал вглядываться в то место, на которое указал солдат. Сейчас там, конечно же, не было никаких людей, но вроде бы еще висело легкое облачко пыли. К ним подошел еще один солдат.

— Простите, сержант, — сказал он. — Но если Уот полагает, что видел людей, значит, так оно и есть. Глаз у него ястребиный.

— Ну хорошо, Уот, сколько их было?

— Трудно сказать. Может быть, пятьдесят, а может, и сотня.

— Сотня?! И как раз на нашем пути обратно в замок! — Саймона прошиб холодный пот.

Он сломя голову бросился к группе дворян. Какая ирония судьбы: ему приходится делать все возможное, чтобы спасти Мескарла от партизан! Но если на них нападет столь сильный противник, то могут

погибнуть все, в том числе и он. А тогда — поскольку Богарт, можно считать, уже мертв — некому будет закончить дело, ради которого они прибыли на Сол Три.

Барон слегка обеспокоился, но, похоже, счел, что Саймон преувеличил численность противника.

— Мой дорогой Грейв, — сказал он, — этих негодяев всегоне больше сотни, считая всех мужчин, женщин, старииков и молокососов. На нам здесь больше нечего делать, так что пора отправляться обратно. Сомкнутым строем, я полагаю. И, наверное, лучше нам не соваться в это ущелье. Выберем маршрут повосточнее. Поскольку вы, Грейв, незнакомы с этой местностью, пусть сержант Брук возглавит авангард. Вы же будете в арьергарде. Джентльмены! Возвращаемся в замок! — добавил он громко.

Возможно, Мескарл и не волновался, но некоторые из его друзей были не столь самоуверенными. Они столпились в центре стального кольца, бросая боязливые взгляды поверх охранников.

Саймон скакал последним, одной рукой держа поводья, другую положив на рукоять меча. Когда отряд втянулся в скалистое ущелье, стая ласточек вспорхнула с росших впереди деревьев и крохотными точками поднялась высоко в небо. Только Саймон подумал о том, что птиц кто-то вспугнул, как его лошадь упала под ним, будто пораженная ударом молнии. Он откатился от бьющегося в агонии скакуна и увидел обломок стрелы, торчащий из разверстой раны на крупе лошади.

Другие стрелы запели в воздухе, и Саймон припал на колено, держа меч наготове. Он мельком увидел, что солдат по имени Уот, низко пригнувшись, скакет к лесу, размахивая руками и что-то крича спрятавшимся лучникам. Значит, его «может быть, пятьдесят, а может, и сотня» было ложью, а партизаны в лице Уота внедрились в окружение своего врага..

Стрелы поразили многих, и партизаны в грубых зеленых и коричневых куртках поползли к ним с длинными тонкими ножами, чтобы добить раненых. И хотя отряд сопровождения смешался, Мескарл показал характер и проявил себя настоящим лидером. Одной рукой он размахивал над головой огромным мечом и криками собирал своих людей вокруг себя. Дважды стрелы отскакивали от его брони. Один раз двое нападавших прорвались сквозь охрану и попытались выпустить кишки его коню. Барон заметил их и зарубил с невероятной легкостью.

Других смельчаков больше не оказалось. Не обращая внимания на раненых, дворяне и оставшиеся в живых солдаты покинули поле боя и ускакали из ущелья, низко пригнувшись, чтобы избежать стрел, летевших им вслед.

Наступило затишье. Саймон решил рискнуть и встал, при этом он

решительно отшвырнул свой меч в сторону. Возле него стонали еще двое или трое раненых; лошадь, при падении сломавшая ногу, тонко и пронзительно ржала. Постепенно, по одному, по двое мятежники начали выходить из своего укрытия. Кое-кто из них еще не снял стрелу с тетивы, но уже было ясно, что схватка окончена. Один из партизан с мечом в руке обошел всех лежавших на земле, добивая и людей и лошадей. Шансов выжить ни у кого не осталось. Вскоре крики и ржание смолкли.

Саймон один остался в живых. Одно неверное слово — и его труп присоединится к остальным. Несколько лучников держались неподалеку наготове. А тем временем на окраине леса совещались несколько человек.

Тroe из них — Уот, какой-то старик и здоровяк, крепкий, как гранитная стена, — подошли к Саймону. Гигант заговорил первым:

— Сержант Грейв! Кот и мой дядя за то, чтобы перерезать тебе глотку. Я же считаю, что ты можешь рассказать нам кое-что интересное. Ну так как?

— Я буду говорить. Но только с вашим вождем. Где Моркин?

Уот вышел вперед и плонул Саймону в лицо.

— Научишь сначала разговаривать, друг Симеон! Тут твой высокородный покровитель, великий барон Мескарл, не поможет. Не тебе решать, когда ты будешь говорить, а когда нет. Теперь ты пленник свободных лесных жителей. Одно лишнее слово — и твоя кровь оросит этот песок.

Саймон вытер плевок со щеки и возмущенно сказал:

— Это ты-то свободный лесной житель?! Предатель, приведший людей на погибель! Людей, которых всего час назад называл своими друзьями! Если твой вождь не позволит тебе убить меня, то не поворачивайся ко мне спиной. Я убью тебя за это оскорбление.

Уот выхватил нож и метнул его в Саймона. Тот уклонился и бросился на обидчика, но в это время великан развел их. Рука, вцепившаяся в куртку Саймона, была крепкой, как дубовая ветка, и большой, как баранья нога. Он приподнял над землей и Саймона и Уота, которые вовсе не походили на подростков.

— Ты, Уот, хорошо сработал сегодня. Но теперь попридержи язык и не забывай, кто у нас решает, кому жить, а кому умереть. А ты, лакей, не был никогда ближе к смерти, чем сейчас. Одной ногой ты уже ступил на другой берег Гадеса.

Саймон понял, что с этим народом нет смысла проявлять слабость и уступать. Он вырвался из огромной руки.

— Моркин! Ведь это ты — Моркин? Мне кажется, ты стал бараном. Ты думаешь, что спас жизнь *мене*?! Если бы не твое вмешательство, этот ублюдок был бы уже мертв. И не считай меня пленником — у нас

общая цель. А если хочешь убить меня, то пусть твои лучники стреляют сейчас, потому что, когда кто-нибудь выйдет ко мне один на один, я его пришибу.

Старик рассмеялся и хлопнул в шершавые ладони.

— Хорошо сказано! Я давно говорил, что этим щенкам урок не помешает. Только запомни: любой человек может вызвать на поединок другого, но победитель все равно встретится с Моркином.

— А если я вызову Моркина? — поинтересовался Саймон.

— Победишь — станешь предводителем.

Моркин расхохотался и произнес:

— Ага, а у кабанов в ушах серьги, и они умеют летать к солнцу. Кончай дурачиться! Идем.

Трупы вскоре были обобраны, и партизаны потянулись в лес, оставив своих павших среди мертвых обитателей замка.

Шли долго и в полнейшей тишине. Моркин вел отряд, а Саймона окружали партизаны с обнаженными мечами. Руки его были связаны, на глазах повязка. Он почувствовал большое облегчение, когда они добрались до места. Уот грубо сорвал тряпку с лица Саймона, и тот заморгал от яркого света костра. Вокруг него молча стояла грязная толпа мужчин, женщин и детей. За ними виднелись плетеные хижины. Уот ухмыльнулся, заметив выражение лица Саймона.

— Что, не такого великолепия ты ожидал, а, покойничек? Ни шелков, ни роскошной еды, ни сладкого вина. Но воздух, которым мы дышим, — воздух свободы, без привкуса рабства.

Не обращая на него внимания, Саймон огляделся. Мескарл не слишком-то ошибался в оценке их численности. Несмотря на жалкий облик, большинство выглядели здоровыми. Впервые за время пребывания на Сол Три его туманные планы приблизились к реальности.

Спустя несколько минут Саймона провели в самую большую хижину — очевидно, принадлежавшую Моркину. Толпа стояла неподвижно, безмолвно, никто не выкрикивал оскорблений, ничего не швырял в него. Все просто чего-то ждали. Не было явных проявлений ненависти, только какая-то болезненная апатия.

Внутри хижины был полумрак. Когда глаза Саймона адаптировались, он разглядел фигуру Моркина, развалившегося на груде вонючих шкур. Рядом с ним сидела женщина. Сбоку стояли старик, Уот и еще двое партизан. Саймон встал перед ними.

— Кажется, ты тот человек, которого я ищу, — сказал Моркин. — Если это так, то ты можешь кое-что сообщить мне. Если же нет, то тебе не понять, о чем я говорю. Итак?

— А ты уверен, что здесь нет шпионов? — спросил Саймон.

Моркин сел, его голос стал угрожающим:

— Я знаю, кому доверять и до каких пределов. Никто из этих людей не предаст меня.

— Даже вот этот? — Саймон показал на Уота. — Не далее как сегодня он послужил причиной гибели людей, которые тоже доверяли ему. Случайно предателями не становятся. Быть может, это кроется в его натуре. — Он помолчал, а затем добавил: — Я и есть тот человек, которого ты ждешь. Но разговаривать с тобой я буду наедине.

— Я бы мог найти способ заставить тебя прикусить свой упрямый язык, но не вижу необходимости. Если ты тот, за кого себя выдаешь, то все будет хорошо. — Он сделал жест рукой. — Оставьте нас.

Раздалось недовольное ворчание — особенно выделялся голос Уота, — и мужчины нехотя покинули хижину. Осталась лишь женщина. Саймон молча указал на нее. Она встала и подошла к нему. Ростом женщина была чуть ли не с Саймона. Гибкая, она обладала кошачьей грацией. Таких женщин Саймон на Сол Три еще не встречал. Ее волосы чёрным водопадом ниспадали с плеч, и хотя кожа огрубела от солнца и ветра, она все еще была по-настоящему прекрасной. Женщина стояла совсем рядом с ним, так, что ее грудь почти касалась его груди, и Саймон почувствовал, как у него заколотилось сердце.

— Я — Гвенара. Я — женщина предводителя.

Моркин сурово возразил:

— Ты моя!

Она и головы не повернула, чтобы ответить ему. Своими глубокими глазами Гвенара смотрела в глаза Саймону.

— Я сказала, что я — женщина предводителя. А поскольку предводитель ты, то я должна быть твоей женщиной. И поэтому я остаюсь на всех совещаниях. На всех.

Особых причин для скандала не было, время бежало слишком быстро, и Саймон не хотел его терять. Вот так, в этой продымленной хижине, с деревянными мисками густого овощного супа в руках они приступили к беседе.

Саймон Рэк простаком не был. Он провел несколько лет в компании лжецов и негодяев в замке «Фалькон» и поэтому прекрасно чувствовал ложь и обман. Что-то в этом Моркине было не то. Но вот что — он никак не мог уловить. Этот человек был предводителем партизанского отряда, противостоящего Мескарлу, однако он слушал Саймона без особого энтузиазма. С виду он вроде бы зажегся и рвался в бой, но Саймон чувствовал, что все это наигранное. Моркин хитрил и изворачивался так усердно, что в конце концов это вывело Саймона из себя.

— Моркин, — раздраженно сказал он, — пустая болтовня недорого стоит. Действия ценятся куда выше. Мы беседуем уже несколько часов, а мой друг в любую минуту может погибнуть в замке

«Фалькон». Я бы не хотел, чтобы он расстался с жизнью из-за вашей нерасторопности.

Великан нехотя встал и распахнул дверь. Некоторое время он молча всматривался в темноту. Потом пробормотал что-то вроде «поговорю с помощниками» и вышел.

Саймон в сердцах выплеснул остатки кислого молока из кружки в огонь. Молоко зашипело на угольях, и в хижине запахло гарью. Женщина в течение всей многочасовой беседы не раскрывала рта, но никуда не уходила и, как кошка, сидела в углу. Шаги Моркина стихли вдали.

Ее низкий и напряженный голос внезапно нарушил тишину хижины:

— Он переметнулся. К Мескарлу. Об этом знаю только я. Вижу, ты тоже подозреваешь его. Теперь тебе понятно, почему он не желает шевелиться, а подыскивает любые причины для отсрочки. Моркин не хочет ввязываться в драку.

— Как же так? Он ведь сам попросил нас о помощи. Моркин был моей главной... моей единственной надеждой. Разве он может быть предателем?

Она поманила Саймона сесть рядом с ней.

— Я говорю тебе об этом потому, что верю в то, что ты сказал. Моркин тебе не поможет, а, наоборот, будет чинить всевозможные препоны. А раз он вождь, то и весь отряд последует за ним. Даже если я встану на твою сторону, это мало что изменит. А причины для предательства стары как мир. Мескарл пообещал Моркину власть, если тот поможет ему. Я поняла это из его намеков: будто бы скоро настанет время, и я вознесусь так же высоко, как настоящая леди.

— Но когда они успели сговориться? Вероятно, недавно. Погоди... погоди минутку. Когда планы так близки к завершению, Мескарл не может позволить себе ни малейшей неудачи. Никакого риска. Итак, он знает про Моркина и его отряд. Если бы Мескарл сконцентрировал свои силы, он, вероятно, раздавил бы вас. Правда, здесь есть доля риска, ведь все вы хорошо знаете этот район, и даже большие и отлично вооруженные силы могут уступить сплоченному партизанскому отряду. История, особенно история этой планеты, полна подобных примеров. Так что же Мескарлу остается делать? Застраховаться! Поставить во главе отряда своего человека. Поэтому он и подкупил Моркина. Теперь барон спокоен: партизаны не помешают его планам. Черт побери!

— Боюсь, Саймон, что ты ничего не сможешь сделать. Если попытаешься удрачить — он убьет тебя как предателя. Если будешь молчать, то он сделает все, чтобы наши планы развивались медленно, не опережая событий. Я бы перегрызла ему глотку, когда он лежал со мной,

если бы знала, насколько все это серьезно и какая угроза нависла над нами.

— Возможно... Но вот чего я никак не могу понять, Гвенара, так это того, какой хитрец придумал этот план. Много лет назад я знал совсем другого барона Мескарла. Это был грубый, бессердечный, безжалостный, самоуверенный и жестокий человек. Отважнее многих диктаторов, но глупее большинства. А теперь мы все время сталкиваемся с умом изворотливым, на каждом шагу предусматривающим возможную опасность и предпринимающим хитроумные действия, чтобы ее избежать. Мескарл, которого я знал, набросился бы на вас, как старуха с горшком кипятка пытается уничтожить муравейник. И получилось бы у него, как у той старухи: нескольких убил бы, а остальные попрятались бы и объявились позже еще более сильными, чем прежде.

— К Моркину приходил не барон, а кто-то другой, — сказала Гвенара.

Саймон с удивлением посмотрел на женщину.

— Когда? Ты видела их вместе?

— Около двух месяцев назад. Моркин ночью встал и покинул меня. Я думала, что он пошел попить, но вдруг услышала, как он одевается. Я заподозрила неладное и пошла за ним. Тайной тропинкой он вышел на поляну возле маленького водопада. Я ухитрилась подобраться поближе через кусты. Примерно с полчаса он разговаривал с невысоким человеком, который кутался в плащ.

Саймон крепко сжал ее плечо.

— Как он выглядел?

Они вдруг услышали шаги грузного человека, приближающегося к хижине. Гвенара отшатнулась от Саймона, потерла плечо и тихо сказала:

— Его голос был слишком высоким для мужчины, но злобным, как у скорпиона в бочке с медом. И когда он шел, то подволакивал ногу.

— Ну конечно же! Бледнорожий Магус!

В этот момент Моркин вошел в хижину. В руке он держал большой, полыхающий факел.

Глава 6. А ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В ЗАМКЕ...

Первыми вернулись леди, во весь голос восхвалявшие бравого сержанта Грейва. С ними приехал де Пуактьер, слегка прихрамывавший из-за поврежденной лодыжки. Весь замок журжал об убитом вепре и быстрым продвижении по службе нового фаворита барона.

Прошло около часа, и стражники с наблюдательной башни известили о приближении другого отряда. Барон, уцелевшие дворяне и их

охранники на взмыленных лошадях, кое-кто с ранами от стрел, вихрем неслись к воротам. Они ворвались во внутренний двор замка, громко проклиная партизан и предателей.

Богарт со смешанным чувством заметил, что Саймона среди них не было. Тут он услышал, как солдаты, обсуждая сегодняшнее нападение, спорили о судьбе сержанта Грейва. Одни уверяли, что видели, как он был убит, другие говорили, что будто бы убили только его лошадь, а сам он остался невредим.

После долгой совместной работы с Саймоном Рэком Богги верил в его способность к выживанию. Он подумал, что все это могло быть специально подстроено Саймоном, чтобы таким образом связаться с партизанами. Видимо, Рэк так хитро проделал это, что не потерял своих позиций в замке. Многие дворяне вызывались сделать вылазку, чтобы попытаться помочь оставшемуся на поле боя герою. Сам Мескарл первым делом отправился в покой де Пуактьера и провел там больше часа. Потом он срочно собрал на совет самых важных лордов.

Богарт знал об этом совещании, но ничего предпринять не мог. Поэтому он после дежурства отправился в пивнушку, предназначеннуую только для капралов и сержантов, решив слегка расслабиться. То количество эля, которое он выпил, заставило бы большинство выпивох искать темный угол и мечтать о куске льда на голову. Он же этим вечером был лишь слегка навеселе.

Неожиданно его вызвали в покой де Пуактьера, и он отправился туда, готовый выслушать слова соболезнования по поводу гибели своего друга. Вместо этого Богги получил железной перчаткой по лицу, кулаком по голове, а потом его долго пинали, пока он не потерял сознание.

Богарт очнулся уже прикованным в одном из верхних донжонов. Он примерно представлял, где оказался, потому что еще не совсем стемнело и тусклый свет из окошка слегка рассеивал мрак темной камеры.

Позже, той же ночью, Богги раздели и привели в камеру пыток замка «Фалькон». Его положили на стол, покрытый высохшими пятнами крови и пота и пропитанный застарелыми запахами страха; руки прикрепили к краю стола, а ноги широко, до боли, развели в стороны и привязали к противоположным краям. Повернув голову, он увидел на соседнем столе аккуратно разложенные кнуты. К каменной стене были прислонены различные металлические инструменты: прямые и изогнутые, длинные и короткие, гладкие и с крюками. Все было предназначено для того, чтобы рвать и терзать человеческое тело. На скамье слева от него беспорядочной грудой лежали более обычные инструменты: молотки, шила, клещи, дрели и пилы различных размеров. Часть из них были чистыми и сверкающими, будто недавно начищенными, другие покрыты темными пятнами.

Богги не было холодно, хотя он лежал обнаженным. Справа от него стояла большая железная жаровня, полная пылающих углей, на кото-

рых разогревалась третья группа приспособлений. Богги так и не понял, что это за инструменты, потому что их рабочие части были погружены в горящий уголь. Рядом лежали тряпки — ими палач обматывал концы инструментов, чтобы не обжечь руки.

Что-то случилось нехорошее, подумал Богарт, вероятно, даже худшее из возможного. Так обычно не обращаются с лучшим другом бравого воина. Однако именно таким образом поступают с помощником того, кого подозревают в шпионаже.

Его мысли были прерваны скрипом открывающейся двери. Затем дверь с грохотом захлопнулась. Пара ног медленно спустилась по ступенькам, потом протопала по полу. Наконец вновь прибывший попал в поле зрения Богги, и тот понял, что остался наедине с сенешалем Анри Шерневалем де Пуактьером.

В правой руке рыцарь держал хлыст для верховой езды, которым он машинально похлопывал себя по бедру. Богги заметил, что в конец хлыста были вплетены куски проволоки. Сенешаль остановился в фуре от стола и хмуро посмотрел на лежавшего на нем человека.

— Капрал... Зебадия... Феттер... — Каждое слово он подчеркивал легким ударом по незащищенному паху Богарта. Тот помимо воли захмурился и вздрагивал при каждом слове, ожидая неизбежного удара.

Де Пуактьер ударили его посильнее.

— Открой глаза! Ну вот, молодец. Итак, мастер Зебадия, сейчас я расскажу тебе одну историю. Когда я закончу рассказывать, начнешь ты. Лет пятнадцать тому назад я расправился с семьей браконьеров: повесил отца и мать, а их старшего сына зарубил мечом. Но младшего мальчишку я пощадил. Взял его с собой, заботился о нем, а затем отпустил, чтобы тот нашел себе место в этом мире. Ты слушаешь меня?

Де Пуактьер по время рассказа мягко, но метко бил кончиком хлыста по бедрам Богги.

— Да, милорд, — ответил Богарт. — И я верю, что у вашего рассказа счастливый конец. Мне сейчас очень хотелось бы посмеяться. Правда, если вы будете неосторожно обращаться с хлыстом, то в будущем у меня смогут подниматься только уголки губ при улыбке.

Де Пуактьер расхохотался.

— Право, мне нравится твое осторумие. Хотел бы я иметь побольше свободного времени, чтобы подольше наслаждаться им и посмотреть, насколько его хватит. Но время не ждет. Итак, этот мальчик, когда ему исполнилось четырнадцать лет, поступил в Службу Галактической Безопасности. И, надеюсь, проявил себя хорошо. Потом мы потеряли его след. Все считали, что навсегда. Но я так не думал. Я знал, что настанет день и он вернется. И я оказался прав. Ведь верно, Зебадия?

Богги ожидал удара, но боль от этого не стала менее сильной. Его тело согнулось на столе, и глухой стон вырвался сквозь стиснутые зубы.

— Прости. Я был неосторожен, — усмехнулся де Пуактьер. — Я вовсе не хотел повредить такой роскошный член. Не сомневаюсь, он доставлял удовольствие многим девицам и проявит себя еще много, много раз. Если, конечно, ты ответишь мне на пару вопросов.

Богги помотал головой, стряхивая с глаз пот.

— Сначала, милорд, разрешите мне задать вам один маленький вопросик. Он все еще на месте или отвалился после вашего удара?

— Все еще на месте. Хочешь докажу?

— Нет! Нет, спасибо. Что вы хотите узнать, милорд?

Де Пуактьер отошел, вернулся с низким стульчиком и уселся на него, положив ногу на ногу.

— Вот и славно, — дружелюбно сказал он. — Скоро мы с тобой станем верными друзьями. Когда все эти неприятности кончатся, мы оба посмеемся над ними. А сейчас я хочу знать следующее: где теперь Саймон Кеннеди Рэк, что он знает о планах барона и что собирается предпринять? Да, вот еще что. Как тебя зовут и какую роль ты играешь во всем этом?

Боль в паху заглушило то потрясение, которое Богги испытал, поняв, что они проиграли окончательно и бесповоротно. Если пытают с умом, без бессмысленной жестокости, то любого человека можно в конце концов сломать. Все, что он теперь мог сделать, — это выиграть для Саймона немного времени.

— Милорд, мой отец любил повторять: «Самое главное — вовремя смыться». Так что, следя его наставлению и принимая во внимание...

— Я просил тебя назвать свое настоящее имя и предупредил, что времени у меня мало. Ведь ты не Зебадия Феттер. Агенты СГБ не работают под своими именами. Я уже понял, что ты не глупый человек. И, пожалуйста, не считай дураком меня. Мы оба знаем, что Рэк пытается вступить в контакт с партизанами, чтобы захватить замок. Но этого ему сделать не удастся, потому что их вождь — поверъ, этот Моркин — грубая скотина — подкуплен нами. Вижу, ты этого не знал. Я считаю, что Саймон отправился в лес потому, что пронюхал о наших планах и насколько они близки к осуществлению. Думаю, и тебе известно о них. Мне кажется, всем руководит Рэк, а ты просто ждешь здесь, чтобы помочь, когда будет нужно. Вот, пожалуй, и все. Я хочу, чтобы ты назвал свое подлинное имя и ответил, верны ли мои предположения. — Он протянул руку к жаровне и взял один из инструментов.

Тонкий, закрученный в штопор кончик был раскален добела. Сенешаль поднес это орудие пыток к лицу Богги, и жар от раскаленного металла заставил того зажмуриться.

— У тебя же есть воображение, правда? Подумай о тех частях тела, куда я могу его медленно вкрутить. Не тяни время, черт побери!

У Богарта было отлично развито воображение, и он понял, что ему ничего не остается, как только лгать. Но вначале немного правды.

— Меня зовут Юджин Богарт, старший лейтенант Службы Галактической Безопасности. А ваши предположения — это куча дерьма.

— Дерьма?..

— Навоза. Того, чем этот замок полон от подвалов до шпилей.

Де Пуактьер встал и обошел вокруг стола.

— Ну а теперь, мой бравый лейтенант Богарт, расскажи мне, почему ты здесь.

В этот момент дверь со скрипом отворилась, и послышались приближающиеся шаги. Странные шаги. Будто шел калека.

— Почему же ты ничего не сказал мне, сенешаль, про двух предателей? Двух шпионов из СГБ? И что один из них здесь, в этой камере? — Голос был мягким, как майский полдень. И смертоносным, как поцелуй кобры.

— Я рассказал обо всем вашему отцу, милорд. Я думал, что вы... что вы отдохнете.

Снова послышались шаркающие шаги, перемежающиеся с постукиванием толстой, резной и усыпанной драгоценными камнями трости, которая всегда сопровождала альбиноса.

— Ты мне нравишься еще меньше, де Пуактьер, когда строишь из себя застенчивого святошу. Ты же знаешь, что я исследовал влияние колдовских грибов. Тебе известно, что я пользуюсь кокаином и опиумом. Я не «отдыхал», как ты вежливо выразился.

Богарт почувствовал, что этот ублюдок страшно разъярен, и у него появился проблеск надежды. Превозмогая боль, он поднял голову и взглянул на искаженное яростью лицо Магуса.

— О мистер Магус! Очень приятно видеть вас здесь. Как это отец позволил вам одному выйти из детской?

Магус подошел ближе, рот его скривился.

— Побереги свой болтливый язык! — процедил он сквозь зубы.

— Ой, как ты храбро разговариваешь с человеком, связанным по рукам и ногам. Впрочем, чего еще ожидать от слабого калеки, прыгающего по белу свету, как прокаженная лягушка.

Альбинос отшатнулся, будто его ударили по лицу. Красные глаза сузились и полыхнули огнем. Обеими руками он схватился за ворот и разорвал шнуровку, обнажив белую кожу. Сын Мескарла издал странный, отвратительный полу вскрик-полустон.

Де Пуактьер поспешил встать перед ним, загородив собой Богарта. Магус вскинул трость и прошипел:

— Отойди от него, или я ударю тебя.

— Милорд, подумайте о сведениях, которые может дать этот человек. Ваши планы находятся сейчас в таком подвешенном, неустойчивом состоянии, что его сообщник может выкинуть какой-нибудь трюк и уничтожить все. Этот человек будет говорить. Подумайте о своем отце и о плане.

Медленно, нехотя трость опустилась.

— Не думай, что я ломал голову над этим планом ради отца. Замок «Фалькон» будет моим.

Богарт решил, что настало время для следующего укола:

— Сенешаль, не закрывайте от меня этого молокососа. Я слегка замерз, и небольшое развлечение мне не помешает. Он ведь может только обрывать крылышки мухам, а настоящему мужчине не причинит никакого вреда. — Богги с удовлетворением услышал скрежет зубов альбиноса. — Телосложением он скорее в мать, чем в отца.

Этого было более чем достаточно. Де Пуактьер попытался было отвлечь Магуса, но безуспешно. На лице альбиноса читалось безумие.

— Что ты знаешь о моей матери? — слова с трудом пробивались сквозь сжатые зубы.

Богарт нанес последний удар:

— Знаю, что твоя мать повесилась несколько дней назад. Добровольно лишила себя жизни, чтобы не видеть больше это белое чудовище, которое она родила, превратившееся в колченогую пародию на человека.

Юноша застыл от гнева и потрясения. Клочья пены свисали с уголков его губ. Левой рукой он вцепился в свое лицо, и струйки крови побежали по мертвенно-бледной коже. Он зашатался, и Богарт на мгновение подумал, что зашел слишком далеко и тот сейчас упадет в обморок. Но Магус сумел взять себя в руки, хотя дрожь во всем теле и стиснутые челюсти показывали, каких усилий ему это стоило.

Он оттолкнул дородного де Пуактьера в сторону и со злорадной улыбкой уставился на Богарта.

— Я убью тебя! Убью тебя! Убью тебя!.. — Его трость поднималась и опускалась, и эти слова звучали какой-то лиующей песней.

Де Пуактьер что-то кричал ему, пытаясь напомнить об отце. Внезапно Магус остановился и взглянул прямо в глаза сенешалю. Де Пуактьер не выдержал этого взгляда и отвернулся.

— Если будет нужно, я всегда смогу заменить отца. А вот замок «Фалькон» только один. — И он снова вернулся к своей лиющей песне.

Глава 7. НОЖ, ОГОНЬ И СВЕЧА

— Так... — Это слово, произнесенное спокойным голосом, повисло в воздухе.

— Ты следила за мной. — Моркин казался усталым. — Что ж, я должен был предвидеть это. Ты — дочь вождя и долгое время была женщиной другого предводителя. Итак, мистер Рэк, теперь ты знаешь, каким образом власть коварного злодея, такого, как белорожий Магус,

может превратить твердое решение в пустое и безосновательное. Нет смысла говорить об этом. Нет смысла пытаться хоть в малейшей степени изменить мое решение. Я перехожу на сторону Магуса. Ты можешь сказать, что они собираются предать меня. Возможно. Но вот что я скажу тебе: эта гнилая планета не оставила нам ни единого шанса на выигрыш. У них в руках все тузы: власть, богатство, оружие. У нас — ни одного!

Саймон помолчал немного, а потом, глядя прямо в глаза гиганта, выложил свой главный аргумент:

— А как насчет того оружия, что в арсенале? Если бы у тебя оно было, что бы ты стал делать?

Моркин не ответил, а Гвенара ахнула:

— Нет, только не такое оружие! Это святотатство! Ты ставишь под удар свою вечную душу! Ни один человек не посмеет прикоснуться к песчинке со стен арсенала! Если он просто взглянет на эти исчадия ада, он ослепнет! Ты сошел с ума!

Моркин расхохотался.

— Вот уж не думал, что Федерация пришлет идиота!

Саймон подождал, пока он успокоится, и спросил:

— Один вопрос, Моркин. Кто сказал, что один только взгляд на это оружие приводит к смерти?

Предводитель партизан пожал плечами.

— Священники. И в книгах так написано. Черт возьми, все это знают! Да и какая разница, кто сказал? Пойдем, люди хотят спать. Нам нужно покончить с этим вопросом до утра. Я созвову совет, и ты изложишь им свою новую идею. Потом я вышвырну тебя обратно — туда, откуда ты пришел.

Моркин вышел; движение воздуха подхватило струйку дыма, и тот заметался по хижине.

Гневно сплюнув в костер, Саймон заговорил, казалось, сам с собой. Однако он надеялся, что Гвенара слышит его.

— И ради этого стада идиотов я преодолел миллионы миль, видел страдающих и умирающих людей. Убивал сам. Обрек лучшего друга на страшную смерть в одиночестве... Неужели никто не догадывается, почему это оружие запрещено? Почему на него наложили грозное табу? Почему они боятся, что кто-нибудь завладеет им?

Гвенара перебила его:

— Кто это «они»? И чего они боятся?

Саймон повернул голову и подошел к ней так близко, что их лица оказались совсем рядом.

— Ваше оружие — луки, мечи, копья — очень простое. С таким вооружением обычно побеждает тот, у кого больше людей. А это значит, что выигрывает всегда правящий класс. Если разрешить использование любого другого оружия — пороха, пушек, военных

самолетов, атомных гранат и всего остального, — то маленькое войско сможет нанести поражение огромной армии противника. Одним снарядом можно разрушить замок «Фалькон». Так кому выгодно сохранять все, как оно есть? Лордам. Кто контролирует церковь и все доступные книги? Лорды. Кто внушил людям, что одна только мысль о более совершенном оружии ведет к величайшей ереси? Лорды! Чья многовековая власть рухнет сразу же, как только в руки людей вроде тебя попадут взрывчатые вещества и вы сумеете ими воспользоваться? Опять же лордов! Вот так-то, Гвенара. И, клянусь, это правда. Как мне убедить в этом ваших людей? Подскажи.

Ночную тишину прорезали крики и шум: Моркин начал выгонять мужчин и женщин на собрание. Гвенара оттолкнула Саймона и встала у входа. Ее силуэт вырисовывался на фоне костра.

— Саймон, возможно, ты говоришь правду, — тихо сказала она. — Я могу в это поверить, и, быть может, кое-кого из наших ты все же сумеешь убедить. Но тебе нужно время, да и Моркин не допустит этого. Тебя забросают камнями, потому что то, о чем ты говорил, сильно смахивает на ересь. У тебя остается только один выход: бежать через заднюю стенку хижины в лес. Я постараюсь задержать их. Надеюсь, ты найдешь дорогу в замок. Дай мне несколько дней. Я попробую поговорить кое с кем. Потом...

Саймон перебил ее:

— Гвенара! Если я вернусь в замок «Фалькон», то через несколько часов буду уже мертв. И вряд ли у нас осталось много времени до того момента, когда Мескарл доплется свою паутину до конца.

Из толпы партизан, собравшихся вокруг костра, раздался громоподобный голос Моркина:

— Выходи, богохульник! Прочттай свою лживую проповедь моему народу. Или тебя вытащить за уши?

А в замке хирург приложил еще одну пиявку к шее того куска мяса, который был когда-то Юджином Богартом. Как ни странно, жизнь все еще теплилась в нем. Лицо распухло и стало бесформенным, лиловые синяки вокруг глаз показывали, куда было направлено большинство жестоких ударов. Нижняя часть живота была забинтована, сквозь чистые повязки проступала кровь. На бледной коже резко выделялись следы трости. Грудь едва шевелилась, пропуская в легкие лишь столько воздуха, сколько необходимо для поддержания жизни. В углу слабо освещенной комнаты уселась смерть, ожидая своего момента.

Губы, распухшие и потрескавшиеся, зашевелились. С них слетел слабый шепот, и слова канули в тишине. Подошел де Пуактьер и

склонился над изуродованным человеком, пытаясь уловить хоть какой-то смысл в его словах. Потом он выпрямился с выражением недоумения на лице.

Хирург, щуплый мужчина лет пятидесяти, которому приходилось видеть множество избиений и смертей в стенах замка «Фалькон», робко кашлянул:

— Простите, милорд. Но что он сказал? Вы расслышали?

Сенешаль повернулся. Он уже забыл о присутствии здесь еще одного человека и не сразу понял, о чем тот его спрашивает.

— Что?.. Ах да. Думаю, я не совсем верно расслышал его слова. Мне показалось, что он прошептал: «Ради всего святого, Монтрезор». Что бы это значило? Странно.

Шум был приглушенным, но тем не менее угрожающим. Толпа была против него. Уже потому, что он носил ненавистную ливрею слуги барона Мескарла. Каким-то образом просочились слухи, что незнакомец — чей-то агент, что он против барона и появился здесь, чтобы освободить их всех. Но Моркин быстро довел до всеобщего сведения, что на самом деле это черный маг, пытающийся покуситься на самые устои их веры.

Надежда, вспыхнувшая было в сердцах лесных жителей, тут же угасла. Они лишний раз убедились в том, что ничто и никогда уже не изменится. Что они навсегда останутся жить в лесу, за ними, как и прежде, будут охотиться солдаты, и даже крепостные отвернутся от них. Они будут есть желуди и мох, пить гнилую воду и жить в вонючих хижинах. Их дети будут умирать во младенчестве. Летом у них будет першить в горле, а зимой — трескаться кожа на руках.

Свет на мгновение озарил их сумеречный быт, но тут же был погашен. Теперь весь гнев обманутых людей был обращен на пришельца, и он уже не сможет переубедить их.

— Моркин! — крикнул Саймон, выйдя из полутемной хижины. — Моркин, ты — трус! Шелудивая сука, которая тайком ластится к ногам этого скелетика — сына Мескарла. Слизывает грязь с его башмаков, а потом выпрашивает свежей человечинки в благодарность за верную службу.

Раздавшийся рев толпы заглушил голос Саймона. Одни кричали, чтобы он заткнулся, другие требовали поединка, дабы Моркин прирезал пришельца, кто-то предлагал прикончить его немедленно. Старики и женщины онемели от изумления.

Моркин, раздавая направо и налево оплеухи и затрешины, сумел добиться относительной тишины.

— Мне нравятся храбрые люди, но сумасшедших не терплю. Своим

безумным поступком ты хочешь убедить людей, что твоя ложь — это правда. Чего ты добиваешься?

— Я хочу, чтобы люди знали, кто ими командует. Подлый трус, продавший всех их Мескарлу. Вождь, который растоптал все их светлые мечты своими грязными ногами. Предатель, которого я убью ради них.

Рев толпы возобновился, и Саймону трудно было перекричать этот бедlam, но он не сдавался:

— Выслушайте меня! Я утверждаю, что Моркин — предатель. И докажу это тем, что буду драться и убью его. Я ненавижу смерть, но для меня прикончить этого изменника — все равно что раздавить ногой ядовитого паука. По вашим законам победитель становится вождем. Я поведу вас на эту груду дерьяма, которая называется «Фалькон». Мы разрушим замок и повесим его кровожадного владельца вверх ногами на шпиле. Но сначала...

— Сначала ты должен убить меня. Ну, тихо. Тихо! На стороне этого горлопана обычай и право. Но это мало поможет ему во время драки. Если он все же одолеет меня, то станет вашим вождем. Вы пойдете за ним и будете выполнять его приказания. Если я виновен в том, в чем он обвиняет меня, то Бог, конечно же, поможет ему. Наверное, он даже сумеет оторвать меня от земли и забросить на вершину стендольского шпilia.

Когда хохот стих, все поспешили расположиться так, чтобы лучше видеть сражение. Зрители образовали неровное кольцо вокруг костра в центре поляны. У многих из них в руках были факелы, так что арена оказалась хорошо освещенной. В костер подбросили дров, землю хорошенъко утоптали. Враги разделись до пояса. Саймон сбросил и ботинки. Обнаженный Моркин выглядел еще более внушительно: его грудь, покрытая порослью жестких курчавых волос, походила на каменную стену, а мускулы перекатывались под кожей, словно волны во время шторма. Противник по сравнению с ним выглядел худеньким юнцом.

Когда они готовились к схватке, к Саймону подошла Гвенара.

— Следи за ним внимательно, — тихо сказала она. — Моркин силен и быстр. Обеими руками он действует одинаково хорошо и не задумывается, чтобы для победы воспользоваться нечестными приемами. Мне кажется, он где-то припрятал нож.

— Почему ты мне это говоришь, Гвенара?

Она немножко помолчала, прежде чем ответить:

— Потому что, возможно, ты и прав. Всю свою жизнь я только и делала, что боялась и спасалась бегством. Куда бы я ни шла, мне приходилось озираться — не следят ли за мной. Я знаю, что не проживу долго, потому что наше положение становится все хуже.

Но если ты прав, я, может быть, смогу пожить немного так, как всегда мечтала.

Тут Уот вызвал Саймона и Моркина на середину, и Гвенара отошла в сторону. Правила поединка были короткими и простыми: противники сражаются до тех пор, пока один из них не будет побежден и не признает свою неправоту. Точнее было бы сказать: пока один из них не погибнет. Использовать оружие запрещалось. Когда Уот отошел назад и приготовился дать сигнал к началу, Моркин прошептал Саймону:

— Когда ты умрешь, я вволю позабавлюсь с этой потаскухой, а потом задушу ее. Через два дня милорд выиграет свою игру, и я стану хозяином. А ты, Саймон Рэк, будешь гнить на навозной куче, над твоим трупом будут виться мухи, а вороны выклют твои глаза.

Уот на всякий случай отошел подальше, к самому кольцу зрителей, и высоко поднял руку. Когда собравшиеся затихли, он резко опустил ее.

Саймон тут же отскочил назад, чтобы оценить великана в действии. Моркин пошел на него, раскинув руки, будто готовясь разорвать своего противника пополам. Когда Саймон очутился в той стороне, где, как он помнил, стоял Уот, из толпы швырнули большой камень, который сильно ударил его в правое плечо. Саймон пошатнулся, и Моркин набросился на него.

Одной рукой, как тисками, он ухватил левую руку Саймона, а другой попытался вцепиться в ребра. Вместо того чтобы вырваться, Саймон метнулся прямо в объятия Моркина и нанес удар головой в его подбородок. Струйка крови побежала из лопнувшей губы Моркина, и толпа вскрикнула.

Саймон вырвал руку из тисков противника, и они закружили по импровизированной арене. Моркин снова набросился на Саймона, готовый разорвать его на части, но тот ловко отскочил в сторону, и вождь промахнулся. Саймон нанес ему резкий удар в предплечье. Моркин взревел от боли и отскочил в сторону, потирая онемевшую руку.

Саймон улыбнулся. Теперь он знал, как нужно действовать. Этот великан невероятно силен, но медлителен. Моркин медленно собирается и медленно реагирует.

Рэк осторожно пошел вперед, пружинисто покачиваясь на ногах. Вождь начал отступать. Они оказались около костра, и тут Моркин решился. Его рука скользнула за пояс и выхватила короткий нож.

В толпе недовольно загудели, и Саймон не упустил шанса.

— Выходит, Моркин, что бы ты ни делал, все кончается предательством! — крикнул он.

Гигант снова двинулся на него, держа нож в правой руке лезвием

вверх и плетя гипнотическую паутину смерти. Саймон изобразил страх, бросился бежать и поскользнулся на песке. Толпа ахнула как один человек, и ему показалось, будто он различил крик Гвенары. Саймон вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы избежать удара. В руке он крепко сжимал пригоршню песка.

Ловко маневрируя, Рэк оказался между Моркином и костром. Затем он резко бросился на врага, который выставил нож ему навстречу, но в лицо Моркину уже летел песок. Вождь инстинктивно вскинул обе руки, чтобы защитить глаза, и на какое-то мгновение нож оказался на уровне его плеча.

Саймон мысленно отдавал себе команды: «Ну! Выпрямиться, перенести вес на левую ногу. Ударить правой вперед и вверх, прямо в пах. Отлично! Противник скорчился! Теперь нож. Скользнуть под руку, ударить по бицепсу. Ребро ладони погружается в мускул, дробя его о кость. Нож на земле. Отшвырнуть его правой ногой. Моркин выпрямляется. Пнуть его в брюхо. Теперь выше, в солнечное сплетение. Таким ударом можно убить, но только не такого быка, как Моркин. Кажется, все же задохнулся. Боже, как он силен!»

Зритель, который ничего не смыслит в искусстве борьбы, подумал бы, что шансы все еще на стороне сильнейшего противника. Но большинство лесных жителей хорошо разбирались в драке, и вокруг воцарилось напряженное молчание.

Саймон выбросил руку, как жалящая кобра, и влепил Моркину щечину, выражив этим жестом свое презрение.

— Ну что, предатель? — язвительно спросил он. — Как тебе нравится драка? Тут даже не поможет твой Магус!

Моркин не ответил. Его грудь тяжело вздыхала, пот струился по лицу. На фоне костра вырисовывался его гигантский силуэт. Но Саймон уже знал, что все кончено. Осталось только выбрать момент, чтобы добить врага.

Моркин опустил руки на свой разрывающийся от боли пах. В тот же миг ноги Саймона оторвались от земли и врезались в незащищенное лицо. Удар был ужасным: зубы с жутким хрустом раскрошились вдребезги, нос вмялся внутрь, осколки лобной кости вонзились в переднюю часть мозга.

Громко вскрикнув, Моркин рухнул на спину будто срубленная сосна и схватился руками за лицо, словно пытаясь собрать его заново — последнее сознательное усилие гибнущего мозга.

Он перекатился лицом вниз прямо в костер, в полыхающие угли и горящие ветки. Языки пламени охватили его голову и плечи, молниеносно слизнув волосы и бороду. Умирающий издавал агонизирующие стоны, приглушенные горячим углем, закрывшим ему рот.

Саймон встал на ноги, вытер руками лицо и подобрал нож, ле-

жавший возле костра. Потом он за ноги вытащил бьющееся в конвульсиях тело из огня. Волос на почерневшем черепе не осталось, так что трудно было откинуть Моркину голову, чтобы перерезать ему глотку и прекратить мучения. Но Саймон все же ухитрился просунуть руку под обуглившийся подбородок.

Когда кончик ножа воинился в сонную артерию, струя крови брызнула прямо в костер, и в воздухе запахло жаренным мясом. Ток крови ослаб, сердце остановилось, и мозг перестал функционировать. Саймон положил труп на землю и встал.

— По закону свободных лесных жителей, теперь я ваш вождь. Если кто-то не согласен с этим, пусть сразу же выйдет вперед. Уот? Нет? Все вы видели, что я умею делать. Сейчас уже поздно что-либо обсуждать и строить планы. Идите спать. Подумайте обо всем хорошенько. Я, офицер Службы Галактической Безопасности, представляющий здесь Федерацию, клянусь вам, что этот человек предал вас. Утром, после завтрака, я расскажу вам о своих планах. Многим они покажутся святотатством, но это не так. А теперь — по хижинам, спать.

Потихоньку переговариваясь, люди начали расползаться во тьму.

Саймон окликнул своего бывшего солдата:

— Уот! Я еще не рассчитался с тобой, но не хочу держать зла на человека, который, надеюсь, будет сражаться на моей стороне. Я согласен все забыть, если ты оттащишь подальше эту падаль и закопаешь так, чтобы его вонь не беспокоила честных людей. Что скажешь?

Уот бросился вперед так поспешно, что споткнулся и чуть было не упал.

— Да, Саймон. С охотой, — быстро заговорил он. — Я ничего не имел против тебя. Я верил Моркину. Прошу прощения за плевок.

Саймон поднял руку и прижал лезвие ножа к щеке Уота.

— А за камень, Уот? Просиши прощения и за камень?

Тот побледнел.

— Ах да, камень... Конечно, Саймон. За это тоже.

— Так иди же, Уот, и зарой его хорошенъко. Утром поговорим о тех, кто остался в живых.

На поляне больше никого не было, кроме одной женщины. Перед хижиной, которая раньше принадлежала Моркину, его ждала Гвенара. Саймон подошел к ней, чувствуя, как усталость и напряжение ударили ему в ноги.

— Ты был хорош, милорд. — Она присела в глубоком реверансе. — Где ты будешь спать, милорд?

— В хижине вождя. Где же еще?

— Тогда я буду спать с тобой. Разве я не женщина вождя?

Той же ночью, позже, растратив всю страсть, смягчив усталость

любовью Гвенары, Саймон незаметно уплыл в сон. Костер снаружи погас, и в комнате стало темно и тихо. Рядом с ним спала женщина. Голова Саймона лежала на ее обнаженной груди, сосок щекотал его губы, когда она шевелилась во сне.

Утром настанет время планов. Следующий день — день действий.

Последнее, о чем думал Саймон перед сном, — это о гибели Богарта. Как он встретил свою смерть? Саймон надеялся, что Богги не пришлось долго мучиться.

Глава 8. В МОЕМ КОНЦЕ — МОЕ НАЧАЛО

Прошло двадцать четыре часа с тех пор, как Моркин навечно успокоился в лесной могиле.

Богарт был все еще без сознания. Он лежал на кровати, временами поворачивая голову из стороны в сторону и что-то бормоча. Де Пуактьер все свое свободное время проводил в больничной палате, пытаясь выловить из этой бессвязной речи какой-нибудь ключ, который помог бы установить, какая же опасность угрожает его хозяину. Через два дня планам барона уже ничто не сможет помешать, и тогда то, что осталось от Богарта, окажется на виселице у западной стены замка.

Мескарл и его гости ограничились развлечениями в замке, чтобы внезапное нападение партизан не сократило их числа еще раз. Проводились шуточные турниры, бурные пиршества, леди и лорды вели тайные любовные игры. Мескарл отдавал предпочтение шахматам, фигурами которых были заключенные. Как-то раз его противник, Малан, получил мат через восемнадцать ходов и самолично зарубил своего ферзя в знак признания поражения.

Весь день, после того как Магус избил Богарта, альбиноса никто не видел. Дверь в его покой была все время заперта, еда и питье оставались нетронутыми. Окна были закрыты черным бархатом. Один из слуг, посмелее остальных, подкрался к двери и приложил ухо к замочной скважине. Потом он рассказывал, что слышал только монотонное пение и глухие удары в плохо натянутый барабан. Слуги тут же поверили в его слова, когда храбрец сообщил им, что слышал не только кукольный голосок юнца. Хотя все знали, что в комнате никого не могло быть, кроме Магуса, слуга клялся, что слышал еще один голос. Глубокий голос, произносивший слова на неизвестном языке, похожий на бульканье, доносившийся издалека, словно сквозь толстый слой жидкости.

В нескольких милях от замка, глубоко в лесу, Саймон весь день вызывал к себе в хижину по пять-шесть человек и неторопливо, мягко пытался растолковать им ту задачу, которую они должны выполнить завтра. Он отлично понимал, каких усилий будет стоить ему это объяснение. Для сравнения: заставить полковника Стейси забраться на свой письменный стол и помочиться на уставы СГБ — задача куда более легкая.

Гвенара оказывала ему посильную поддержку, зная этих людей, их слабые и сильные стороны. Она поверила Саймону, поверила в то, что его план сможет развеять этот беспроблемный мрак, и у нее появилась надежда. Одних она убеждала, другим угрожала. Кое-кто так и не смог переступить через въевшиеся в плоть и кровь верования. Были и колеблющиеся. Но большинство лесных жителей вняли убеждениям и перешли на сторону Саймона.

В тот день он собрал всех уверовавших и сомневающихся вместе. Прочертив мечом линию в центре поляны, Саймон сказал им:

— Завтра я выступаю против замка «Фалькон», и либо я свергну власть барона Мескарла, либо оставлю свои кости белеть здесь, на земле Сол Три. Каждый, кто хочет сражаться рядом со мной, должен переступить эту черту и встать у моего плеча. Если даже никто из вас не пойдет, клянусь, я пойду один. Решайте.

Все стояли не шевелясь. Старые обычай умирали с трудом, и никто не хотел отдавать свою жизнь, какой бы трудной она ни была, ради мизерных шансов на успех. В толпе заспорили, поднялся шум, и тут Гвенара переступила черту и подошла к Саймону.

— Итак, любимый, остались только мы с тобой, — сказала она. — Этим трусливым зайцам больше нравится спать у своих костерков и давать жизнь новому потомству, которое обречено жить в грязи и умирать прежде, чем поймет, что же такое жизнь. — Она повернулась к притихшей толпе. — Идиоты! Вы же слышали, что говорил Саймон. Если планы Мескарла претворятся в жизнь, думаете, он оставит вас в покое? Оставит в своей вотчине гнездо жалящих, как ось, отверженных, какими бы трусами они ни были? Вчера вы узнали, почему нас так долго не трогали. Через два дня здесь останутся только покойники. К чему ждать? Давайте хоть умрем так, чтобы за нас никому не было стыдно.

Уот подошел к ним одним из первых. Мужчины, не торопясь, начали переступать черту, подталкиваемые своими женами. Вышли и несколько девушек постарше. В конце концов только дети, женщины, двое калек и старики остались по ту сторону линии.

День незаметно сменился вечером, длинные тени потянулись между хижин. Саймон, следя советам Гвенары, выбрал четверых помощников, отказал нескольким девушкам, пожилым мужчинам и подросткам. У него осталось сорок восемь мужчин и двенадцать женщин. С

этой карманной армией он намеревался штурмовать самую неприступную крепость на всей Сол Три и нанести поражение гарнизону тренированных солдат, численностью свыше двухсот человек плюс охрана гостивших в замке лордов.

После тщательного, детального обсуждения плана Саймон отоспал помощников к их отрядам, чтобы каждый участник хорошо понял и заучил свою роль в предстоящей битве.

Хижина опустела, и они с Гвенарой остались вдвоем. Она отрезала толстый ломоть скверного хлеба, испеченного из муки, смешанной с отрубями, и подала его вместе с миской острого козьего сыра. Целый день у Саймона не было времени перекусить, и сейчас он с жадностью набросился на еду, завершив трапезу бурдючком эля. Потом он лег на шкуры, а Гвенара, прикрыв пологом вход, подошла к нему и, встав перед ним на колени, принялась развязывать шнурки на его одежде.

— Как ты думаешь, у нас есть шанс? — спросила она.

Саймон, борясь со сном, ответил:

— Если нас засекут слишком рано, то арбалетчики перестреляют всех, как стадо овец. Если же мы сможем пробиться к арсеналу — шанс у нас будет.

Хотя она ласкала его очень искусно, сон все же свалил Саймона. Гвенара укрыла его шкурами и, слегка расстроенная, легла рядом с ним. Завтра к вечеру она или погибнет, или станет одной из леди нового правящего класса. Но в любом случае она обретет свободу.

С раннего утра в замок «Фалькон» стали прибывать крестьяне, и вскоре внешний двор был забит необычно плотной толпой продавцов и покупателей. Во избежание неприятностей де Пуактьер удвоил стражу вдоль внутренних стен замка и добавил людей на ключевые позиции у ворот. Арсенал же охранялся усиленно уже с тех пор, как приехали первые лорды-заговорщики.

Де Пуактьер собирался сам следить за внешними воротами, чтобы вовремя засечь знакомых ему партизан и особенно Саймона Рэка, но обязанности, связанные с перевозками феррониума из карьера на секретную обогатительную фабрику, вынудили его покинуть замок на несколько часов.

Торговля началась как обычно, если не считать большего числа торгующих. Саймон умышленно оттягивал начало нападения, дожидаясь, когда стражникам наскучит смотреть на толпу и они расслабятся.

Его план заключался в следующем. Первыми ударят женщины под предводительством Гвенары. Они расположились поближе к вооруженным стражникам, пряча под одеждой острые ножи. Один отряд мужчин под началом крепко сбитого бывшего солдата по име-

ни Ральф был наготове, спрятав среди продуктов, которыми они торговали, короткие охотничьи луки и стрелы. Из задачей было помочь женщинам, если что-то пойдет не так, а затем попытаться помешать лучникам с замковых стен обстреливать через бойницы нападающих. Еще двадцать человек под командованием Уота расположились как можно ближе к воротам замка. Как только женщины начнут действовать, они должны будут захватить ворота и удержать их любой ценой.

Оставшаяся дюжина партизан — лучшие люди, как отрекомендовала их Гвенара, — держались рядом с Саймоном и должны были справиться с самой трудной задачей: захватом неприступного арсенала. Вокруг талий у них были обмотаны фитили, а в корзинах с овощами они спрятали горшки с горючим маслом.

На звонице башни Источника прозвонил полуденный колокол. Это означало, что через тридцать минут охрану сменят, а еще через час рынок будет закрыт. Саймон напряженно взглядался сквозь толпу туда, где Гвенара, продававшая фасоль, ожесточенно торговалась с какой-то пожилой женщиной. Наконец она поймала его взгляд. Саймон коротко кивнул, и Гвенара улыбнулась ему в ответ.

Это был условный сигнал. Теперь, получив его, Гвенара передаст сигнал так, как они договорились. Уот и Ральф, услышав его, начнут действовать.

— Сама ты старая карга! Пусть у тебя болячка выскочит, если я продам гнилую еду! Зачем обижаешь честных людей? Я найду на тебя управу! Пойду прямо к барону Мескарлу! Пусть он сам скажет, злодейка я или нет.

Несмотря на напряжение, Саймон не смог сдержать улыбку. Было установлено, что Гвенара поднимет скандал и сигналом будет имя Мескарла. Лицо женщины, торговавшейся с Гвенарой, выражало изумление и замешательство от такого неожиданного взрыва. Если бы она знала, какие последствия повлечет за собой этот крик, она изумилась бы во сто крат больше.

Солдаты, стоявшие вдоль стен внешнего двора, бездельничали, наслаждались теплыми лучами солнца и думали о еде и питье, которые ожидали их менее чем через полчаса. Юному стражнику Годфри пришлось первому поплатиться за такое отношение к службе.

Годфри чуть не плакал: кальчуга натерла ему шею и подмышками, пот ручьями стекал по груди, в пауху свербило. На рынке было больше народа, чем обычно. Шум стоял невообразимый.

«О чём кричит эта громкоголосая шлюха? — раздраженно подумал он. — Слава Богу, вроде бы ничего серьезного. Никаких неприятностей, надеюсь, до конца смены не будет. Ну вот, похоже, все стихло. Какая-то женщина направляется ко мне. Не одна ли из тех девиц, что в борделе предлагают свой товар? Что она говорит?»

— Погромче, дорогая. Что? — Годфри наклонился к девушке.

На его шее отчетливо проступили большие артерии; они пульсировали от ударов сердца, гнавшего кровь к мозгу. Прошлым вечером Гвенара проинструктировала всех женщин, куда и как надо наносить удар. Вчера точильный камень крутился долго, далеко в ночь летели искры, все ножи были остро наточены. Бет, та девушка, которой предстояло убить Годфри, дрожала, но удар оказался точным и сильным. Острое вонзилось рядом с сонной артерией, и она толкнула нож поблуже, как ее учили.

Кровь брызнула прямо ей в глаза, и Бет стало дурно, но дело было сделано. Солдат не произнес ни звука, только глаза его широко раскрылись от удивления. Смерть опустила свое покрывало на мозг так быстро, что он даже не успел осознать случившегося.

В течение всего лишь тридцати секунд все солдаты во внешнем дворе погибли. Только один ухитрился закричать, и тут же был зарезан человеком из отряда Ральфа, стоявшим поблизости.

Возгласы, раздавшиеся из толпы, показали, что кое-кто заметил убийства. Поднявшиеся крики и вопли росли в геометрической прогрессии, пока внешний двор не превратился в бедlam. Мужчины дрались с женщинами, пытаясь выйти из замка; овощи усеяли булыжник; яйца бились, и их содержимое смешивалось с потоками крови; цыплята били крыльшками и пищали; какой-то поросенок в ужасе метался по двору, волоча за собой обрывок веревки.

Отряд Уота, находившийся у ворот, связывающих внутренний и внешний дворы, вступил в бой сразу же, как только они услышали пароль. Солдат там оказалось больше, чем ожидали партизаны, но на их стороне была внезапность, и потери были минимальными. Уже через пять минут караульное помещение напоминало бойню. Трупы усеяли пол. Уот приказал выбросить тела во внутренний двор, чтобы расчистить место для драки. Наружную дверь оставили открытой, а внутреннюю закрыли и забаррикадировали.

Четверо партизан с луками бросились по спиральной лестнице в комнатку над караульной, чтобы удерживать под контролем внутреннюю часть двора. Сержант, спавший в этой комнате, проснулся от шума внизу в достаточной степени, чтобы не даром отдать свою жизнь — он убил одного лучника и ранил двоих. Но внутренние ворота все же были захвачены.

Охрана внешних ворот, заподозрив неладное, опустила решетку, но к тому времени большинство крестьян уже выбежали из замка и со всех ног припустили куда глаза глядят.

Внешний двор был очищен и оказался в руках отряда Саймона. Люди Ральфа, за которыми следовали и женщины, напали на внешние ворота, воспользовавшись неразберихой. Надо сказать, защитники ворот держались минут десять, и половина нападавших отдали в этой

борьбе свои жизни. Но как только ворота были захвачены, решетку подняли, и главный вход оставался открытым. Уцелевшие лучники тоненькой цепочкой растянулись вдоль рва на расстоянии выстрела от замка в ожидании финальной части.

Убедившись в том, что все идет по плану, Саймон повел свой отряд на Черную башню, давшую приют арсеналу запрещенного оружия.

Набатный звон колокола предупреждал защитников, что в замок «Фалькон» проник неприятель.

Всего через две минуты внешний двор оказался в руках партизан, но это пока все, чего они достигли. Сейчас противников разделяли только одни ворота. Во внутреннем дворе уже собирались солдаты, готовые штурмовать их.

«Пока все идет по плану, — подумал Саймон. — Обстоятельства складываются не так уж и плохо. Теперь мой черед».

Черная башня находилась слева от входа во внутренний двор. Она была сложена из тесаного гранита и имела высоту около ста футов. Нижний этаж занимали солдаты, охранявшие башню. Оружие хранилось на верхних этажах. Двое стражников, стоявших снаружи у главного входа, погибли мгновенно — стрелы сделали их похожими на подушечки для булавок. Тяжелые двери были выбиты прежде, чем охрана, находившаяся внутри, успела понять, что происходит. В центральной комнате вспыхнула короткая кровавая стычка, закончившаяся победой партизан. Но тут появились солдаты, и схватка разгорелась с новой силой.

Саймон яростно орудовал мечом, пока его люди действовали в одной из боковых комнат, которую приметил Богарт, счтя ее подходящей для того, чтобы устроить здесь пожар. Часть сложенных в ней матрасов распороли и выпотрошили, на солому выплеснули густое масло. Остальные матрасы облили питьевой водой из кувшинов, стоявших возле двери.

Раздавшийся позади Саймона сигнал возвестил о том, что все готово, и он начал медленно отступать.

Тут он обнаружил, что рядом с ним сражается Гвенара, умело орудующая длинным копьем.

В боковой комнате кремень ударил о кресало, коробочка с трутром воспламенилась, пропитанная маслом солома вспыхнула, и яркий огонь озарил нижний этаж. Солдаты засуетились и предприняли вылазку. Однако углы стен и лестниц затрудняли им бой даже с численно меньшим противником, и их нападение было отбито.

Но Черная башня была устроена так, что обороняющимся пришлось не столько сдерживать нападающих, сколько самим прокладывать себе дорогу наружу. Спиральные лестницы мешали воинам успешно маневрировать.

Деревянные полы были древними и сухими. Огонь стремительно

пробежал по ним и прыгнул на двери. Языки пламени облизывали столы, а гобелены на стенах моментально превратились в пепел. Саймон крикнул, чтобы несли мокрые матрасы, не то пламя сожрет всю башню. Если огонь не взять под контроль, то их план взорвется вместе с запретным оружием.

Войлок и мокрые матрасы бросили на огонь, и тут же повалил густой едкий дым. Саймон отвел своих людей к главному входу, где воздух был почище. Дым стал таким густым, что уже в паре футов ничего нельзя было различить, только слышались кашель и проклятия обороныющихся.

Чтобы оценить всю гениальность плана захвата арсенала, нужно знать, что заметил Богарт взглядом опытного военного несколько дней назад во время краткой рекогносцировки. Как ни замечательно была построена Черная башня, у нее имелись два фундаментальных изъяна, и нападающие очень искусно воспользовались ими. Во-первых, главный вход не выдержал внезапного нападения. Во-вторых, все здание было построено в виде ряда сегментов, каждый из которых располагался на несколько футов выше предыдущего, идущих вверх вокруг большой лестницы. Они походили на последовательно наложенные друг на друга каменно-деревянные треугольники, облепившие центральную ось.

Таким образом, это подобие гигантского дымохода бешеным циклоном уносило весь дым с нижних этажей на верхние, и поэтому укрыться от него было невозможно.

— Милорд, — обратилась к Саймону Гвенара, — мы все уже сделали? Ничего не упустили?

— Ничего, — ответил он. — Наружные ворота наши, а внутренние с этой стороны удерживает Уот. Нам остается только ждать, когда дым заполнит всю башню.

Дым валил из всех амбразур и окон запретного арсенала. То тут, то там из отверстий высовывались головы, глотая свежий воздух или взывая о помощи. Ни один из людей Мескарла не запросил пощады. Они знали, какую цену придется заплатить тому, кто сдастся неприятелю, когда барон или де Пуактьер восстановят порядок. Ну а для того, чтобы перебить горстку партизан, много времени не понадобится.

Башне становилось все горячее. У осажденных были тараны, и они пытались вышибить прочную дверь. Сверху из амбразур оставшиеся в живых лучники изливали прямо-таки потоки смерти во внутренний двор. Мостовая была заляпана кровью, на ней то здесь, то там лежали распростертые тела.

Сенешаль, заметивший дым над Черной башней, приказал своим людям мчаться к замку во весь опор. Этот дым говорил ему о многом. Де Пуактьер вспомнил о Саймоне, и кулаки его скжались в бессильной

ярости. Неужели Рэк осмелился захватить арсенал? Эта мысль была настолько ужасной, что он тут же отбросил ее.

Следующие два часа были заполнены смертью и насилием, дымом и грязью.

Впоследствии Саймон мог вспомнить только несвязные обрывки событий — как незначительных, так и жизненно важных.

Вот момент, когда первый защитник Черной башни понял, что не может больше находиться в этом удручающем аду. Он выпрыгнул в окно и молча летел до булыжной мостовой добрых тридцать футов. Голова его раскололась, как глиняный горшок, и Саймона, стоявшего на значительном расстоянии, забрызгало мозгами этого человека. За ним последовали другие. Они летели к земле, как пригоршни осенних листьев.

Саймон собрал остатки своего отряда для последней, решающей атаки. Он рассчитывал, что она будет не такой уж трудной, поскольку защитников охватило отчаяние. Благодаря тщательно продуманному плану им, видимо, без труда удастся справиться с кашляющими, задыхающимися солдатами, у которых к тому же слезятся глаза.

В следующем кадре воспоминаний — Гвенара, колющая солдат под колена копьем, режущая незащищенные сухожилия, разбивающая подкошенными головы. И смеющаяся при этом. Ее длинные волосы заляпаны сгустками крови.

Еще один момент. Они бегут по лестнице. Убили нескольких человек, которых обнаружили на верхних этажах. Эти люди ослабли от недостатка воздуха. Все покрыто копотью и делается липким, когда касаешься предметов потными руками.

Потом — галерея с ранним огнестрельным оружием. Саймон вбегает первым. Остальные, несмотря на все их мужество, не могут побороть себя и подойти к запрещенному оружию. Гвенара насмехается над ними и отважно разбивает стекло витрины. Хватает и размахивает маленьким ручным оружием. Направляет его на Саймона и отводит в сторону, заметив выражение его лица. Лесные жители, набравшись смелости, расхватывают оружие и радостно смеются. Саймон приказывает им бросить оружие, потому что оно со временем пришло в негодность: заряды сгнили и рассыпались в прах.

На следующем этаже он находит то, на что рассчитывал. В большой витрине выставлены блестящие твистеры, которым сдавали сто лет. Если арконовые заряды еще активны и действуют, то ими можно пользоваться. Люди, пораженные этим оружием, погибают в страшных мучениях: у них взрываются грудные клетки и брюшные полости.

Саймон поворачивает указатель на одиннадцать и восемь — максимум для этой модели — и ищет, на ком бы его испытать. Но рядом нет ни одного солдата, который послужил бы живой мишенью. Саймон ставит указатель на минимальный заряд и, приблизив дуло к своему

животу, нажимает на курок. Он остался доволен, почувствовав дрожь и сильный приступ тошноты. Работает! Еще он находит здесь два гранатомета с дюжиной патронов.

Перекрикивая набатный колокол, вопли и крики, доносящиеся снаружи, Саймон ухитряется объяснить своим людям основные принципы обращения с оружием.

Дальнейший ход событий запомнился Саймону во всех деталях.

Когда партизаны сбегали по каменной лестнице вниз, они наткнулись на человека из отряда Уота, истекавшего кровью. Он сообщил им, что солдаты, атакующие с той стороны внутреннего двора, скоро прорвутся.

По ступенькам, скользким от крови, отряд Саймона влетел в эту бойню — караульное помещение. Уже только трое партизан защищали чуть не вдребезги разбитые дубовые ворота. Один из них с дротиком, торчащим из груди, упал прямо на руки Саймону. У него было пробито легкое: кровь, текущая из раны, пенилась. Саймон взглянул на побелевшее лицо и вздрогнул: это был Уот. Увидев оружие в руке Саймона, Уот дотронулся до него, как до священной реликвии, улыбнулся и умер.

Из оставшейся дюжины партизан ни один не избежал ранения. Гвенара была ранена в бедро, Саймон — в правое предплечье. Еще одно темно-красно пятно под левой рукой показывало, куда угодила стрела.

Каждый из мятежников держал теперь в руке запрещенное оружие. Но им противостояли три четверти вооруженных сил замка «Фалькон», которыми лично руководил многоопытный сенешаль, прорвавшийся со своим отрядом во внутренний двор. Там сейчас готовились атаковать остатки партизан. Тех, кто останется в живых, решено было повесить для назидания смельчакам, которые осмелятся выступить против законной власти.

Вспоминая последовавшую бойню, Саймон всегда старался пробежать ее детали как можно быстрее.

Отряд партизан вырвался из арсенала и вступил в бой с солдатами, разбившими наконец ворота и окружившими Черную башню.

Два твистера оказались неисправными, но остальные просто выкосили солдат, которые какое-то время бились от невыносимой боли и так, что откусывали себе языки. Ни один пораженный твистером не выжил. Их животы буквально взрывались, а вывалившиеся кишки тут же приобретали кристаллическую структуру.

Оставшиеся в живых солдаты разбежались. Корчащиеся тела умирающих ковром устилали булыжную мостовую двора.

Саймон прекратил огонь, и остальные тоже. Гвенара плакала от ужаса при виде такой массовой смерти. Внезапно наступила напряженная тишина.

Саймон взял пару гранат и, тщательно прицелившись, выстрелил

из гранатомета в противоположную сторону между башней Королевы и башней Источника. Осколки камней взлетели высоко в воздух. Солдаты, укрывшиеся у основания башни Короля, были ошеломлены. Рядом с ними стоял де Пуактьер.

Саймон предложил всем сдаться, дабы прекратить кровопролитие. Де Пуактьер вышел из укрытия один, с мечом в руке. Остановившись шагах в двадцати от Саймона, он переломил меч о колено и приказал своим людям сложить оружие. Больше сенешаль не сказал ни слова.

Из апартаментов барона Мескарла раздались крики — это лорды, свесившись из окон, проклинали своих людей за трусость. На окнах Магуса дрожали занавески.

Замок пал. Сопротивление было подавлено как самим видом навеки запрещенного оружия, так и ужасающим эффектом, который оно производит. Корни и ствол старого, очень старого дерева подрублены, осталось только отсечь самые верхние ветви. Очистку башни Короля оставили на потом. Ее охрану поручили четырем мужчинам, вооруженным твистерами.

Люди из отряда Саймона развели пленников по донжонам. Саймон спросил у знакомого капрала про Богарта: когда тот умер? И был нескованно рад услышать, что Богги жив и находится в башне Короля.

Стоя на мостовой, Саймон сложил руки рупором и крикнул осажденным:

— Меня зовут коммодор Саймон Рэк, я — офицер Службы Галактической Безопасности Федерации, под чьей юрисдикцией находится и Сол Три. У меня есть неопровергимые доказательства того, что основные законы Федерации были преднамеренно нарушены здесь. А также того, что существует широко разветвленный заговор, в котором замешан каждый лорд, присутствующий сейчас в замке. Заговор угрожает всей Федерации и сводится к тому, чтобы скрыть запасы феррониума и выдать их только за чудовищный выкуп.

Саймон быстро отошел в сторону — из окна над ним вместе со стеклом вылетело громадное кресло красного дерева и разбилось о мостовую как раз там, где он стоял.

— Убийство офицера Службы Галактической Безопасности, находящегося при исполнении, — тяжкое преступление, — продолжал Саймон. — Любой из вас, кто решится отдать себя в руки закона Федерации, должен выйти сюда без оружия через пять минут. По истечении этого срока я войду в башню вместе со своими помощниками и очищу это вонючее крысиное гнездо. Всякое сопротивление будет подавлено.

Небольшими группами, не спеша вышли лорды и леди. Они знали, что им предстоит провести не один год в стенах одной из исправительных колоний Федерации. Сдавшиеся предпочли колонию неизбежной смерти. С ними вышли и наемники-телохранители, которые над-

еялись, что их ждет менее суровый приговор. Саймон отобрал из их числа дюжину старших по рангу и возложил на них ответственность за порядок в переполненных тюремных камерах. Оценив все преимущества этого предложения, они охотно согласились.

Прошло пять минут, и Саймон сделал последнее предупреждение:

— Не забывайте об ответственности за убийство офицера Федерации. Если мой помощник, старший лейтенант Богарт, все еще жив, я лично казню любого, кто осмелится поднять на него руку.

Среди тех, кто еще не сдался, были Мескарл, Магус и лорд Малан. Перебросившись несколькими словами с наемниками, Саймон выяснил, что в башне Короля осталось не более дюжины человек. С твистером в руке Саймон ввел свой штурмовой отряд в роскошные покой барона Мескарла. На первой этаже не оказалось никого, кроме тел лорда и леди в богатых одеяниях, лежавших на кровати. Судя по сильно-му запаху миндаля, они предпочли покончить с жизнью, чем терпеть унижение.

На следующем этаже нашли еще пять тел. Это были останки одной семьи: троих детей, зарубленных мечом, их матери с перерезанным горлом и отца, возле руки которого лежал меч. Он уронил его, окончив свою кровавую работу.

С верхнего этажа до них донесся голос Малана:

— Капитан, я слышал твои слова об ответственности за убийство эсгэбэшных сволочей. Но, боюсь, я слишком глубоко погряз в крови, и еще одна смерть вряд ли сделает мою участь более тяжкой. Ну а поскольку мне, как ты понимаешь, остается довольствоватьсь только местью, я позволю себе одно маленько развлечение. В руке у меня нож, и его острое направлено на твоего лейтенанта.

— Он жив? — хрипло спросил Саймон.

— Как ни странно, да. Ты бы видел, что сделал с ним лорд Магус в приступе своей болезненной ярости!

Пока Малан говорил, Саймон бесшумно крался вверх по винтовой лестнице. Он надеялся, что тот будет довольно долго изливать в словах свою злобу. Но Саймон опоздал.

— Я не слышу тебя, коммодор, но думаю, что ты уже на полпути ко мне. Прислушайся. Звук, который ты сейчас услышишь, будет означать, что кровь — как ни мало ее осталось в этом теле — вытекает из твоего товарища. Ты... А-а-а!

Саймон одним махом взлетел по лестнице и ворвался сквозь приоткрытую дверь в комнату. То, что он увидел, объясняло последний вскрик лорда. Малан с побагровевшим лицом стоял на коленях, пытаясь расцепить пару ног, которые крепко обвились вокруг его шеи, помяв белый кружевной воротник. Ноги принадлежали обнаженному человеку, все тело которого было черным от синяков. Его торс был сильно изуродован отеками, а лицо почти скрыто под огромным кля-

пом, заткнутым ему в рот. Один глаз, видневшийся над тряпкой, с надеждой смотрел на Саймона, другой представлял собой иссиня-черную опухоль. Вытянутые руки были прикованы цепью к кольцам возле потолка.

Это был Богарт.

Саймон ударил Малана по голове рукоятью меча, который держал в левой руке, а затем поспешно разрубил звенья кандалов. Богарт тут же рухнул на солому, не в силах пошевелить затекшим телом. Саймон вытащил кляп и усадил его, прислонив спиной к стене.

Богарт провел сухим языком по потрескавшимся губам и тихо заговорил:

— Боже милосердный... Как ты вовремя, Саймон. Я думал, что хорек проколет меня, как бабочку булавкой. — Тут он заметил Гвенару, стоявшую у двери с твистером в руке. Лицо ее было покрыто копотью и кровью. — Мадам, надеюсь, вы простите мне некоторую небрежность моего наряда. Я знаю, что не всегда следует принимать леди в таком виде. — Он улыбнулся ей, а затем, с тревогой взглянув на друга, спросил: — У тебя все в порядке, Саймон?

Не в силах согнать с лица довольную улыбку оттого, что нашел Богги живым, Саймон быстро пересказал ему все, что здесь произошло. Богарт перебил его:

— Конечно, Магус! Настоящий кладезь зла! Даже хуже Мескарла! Это он меня так обработал. Его комната на этом этаже.

Подошли остальные члены отряда Саймона и собрались вокруг них. Саймон встал, намереваясь отправиться за самой большой рыбой в этом садке. Он выделил двоих, чтобы те позаботились о Богарте. Подойдя к двери, он повернулся и задал один вопрос:

— Тебе было очень плохо, Богги?

Богарт выдавил улыбку, которая с трудом удерживалась на искашенном болью лице.

— Позже расскажу, — пообещал он. — А в общем-то не так уж и плохо. Большую часть времени я просто висел здесь без дела. — И он подмигнул здоровым глазом.

Махнув на прощание рукой, Саймон исчез.

Больше на этом этаже никого не оказалось. Подойдя к апартаментам Магуса, они долго и безрезультатно стучали в дверь. Затем приложили уши к медной обшивке, пытаясь услышать хоть какой-нибудь звук, но за ней царила полнейшая тишина. Возле покоев Магуса пахло миррисом и было холоднее, чем в любом другом месте.

— Пошли, — сказал Саймон. — Мы еще вернемся сюда, когда расправимся с Мескарлом. Вы двое оставайтесь здесь и будьте настороже. Остерегайтесь коварного дьявола с белой мордой.

Тщательно обыскав все этажи башни Короля, Саймон, Гвенара и еще двое партизан добрались до самого верха.

Последний этаж тоже был пуст. Мескарл ускользнул от них!

В ярости Саймон сорвал со стены все гобелены и перевернул всю мебель. Он тщательно осмотрел каждый угол, простучал стены и полы, но не нашел и малейшего следа, указывающего на путь бегства барона.

Усевшись на одной из кроватей и закрыв глаза, Саймон попытался собраться с мыслями и успокоиться. Абсурдно потерпеть поражение именно теперь. Он чувствовал, что Мескарл должен быть где-то здесь! Но его все же нет ни в одной из комнат, нет за стенами, нет под полами. Выходит... Черт побери! Как он сразу не догадался?

Потолки были пышно изукрашены и орнаментированы. Нигде во всем замке больше нет таких потолков. Как только Саймону стало ясно, что именно нужно искать, он очень быстро нашел потайной люк в спальне, скрытый прямоугольным темно-пурпурным орнаментом.

Четвером они построили пирамиду из столов и стульев, и, встав на нее, Саймон смог просунуть кончик меча в трещину. Задвижка отскочила, и он, откинув крышку люка, забрался на чердак. На полу Саймон увидел небрежно свернутую шелковую лестницу. Он сбросил ее свободный конец вниз, чтобы спуститься, когда будет возвращаться.

Саймон с удивлением заметил, что лестница тут же натянулась — кто-то поднимался по ней. Он заглянул в люк и увидел на лестнице Гвенару. Заставить ее остановиться внизу было невозможно — легче, наверное, сбить спутник с его привычной орбиты. Отдуваясь, она влезла на чердак и улыбнулась ему.

— Не брани меня, милорд. Знаешь ли ты, что у меня есть дар предвидения? Прошлой ночью я ушла в лес и вычислила следы событий на песке. Там было сказано, что я буду с тобой до конца.

— Ну а потом?

— Дальше все стало неясным. Позволь мне пойти с тобой.

Саймон наклонился и нежно поцеловал ее в губы.

— Ты всегда будешь со мной, Гвенара. Никто не сможет нас разлучить после того, как мы доведем это дело до конца.

Он крикнул своим людям, чтобы те оставались внизу на тот случай, если барон проскользнет мимо него или попытается сбежать. Тогда они должны будут тут же убить его.

На чердаке было холодно, откуда-то слева от них тянуло сквозняком. Они направились в ту сторону, ступая по вековым наслаждениям пыли и перелезая через массивные балки. Сквозняк усилился, показалось пятно света.

Это была дверь на крышу, оставшаяся приоткрытой. Саймон заслонил собой Гвенару и протянул руку к двери. Нервы Саймона были напряжены до такой степени, что голос, раздавшийся с крыши, заставил его подпрыгнуть, и он ударился головой о стропило.

— Коммодор Рэк, я ждал тебя. Прошу, присоединяйся ко мне на вершине этого мира.

С твистером в одной руке и мечом в другой Саймон Рэк вышел на крышу башни Короля. За ним последовала Гвенара. Барон Мескарл стоял лицом к ним в десяти шагах, и примерно такое же расстояние отделяло его от края крыши. С этой стороны не было парапетной стенки, предохраняющей от нечаянного падения в пропасть. Барон был одет в те же самые черные одеяния и плащ, которые он носил со дня смерти своей кузины, леди Иокасты. На шее у него висела золотая цепь Мескарлов, а в руке он сжимал тонкий меч.

— Так, значит, вот каким ты стал, Саймон Рэк. Я не узнал тебя, негодный виночерпий, непослушный паж, вернувшийся на свою родную планету, чтобы изменить ее тысячелетнюю историю. Де Пуактьер подозревал тебя с самого начала. Мне следовало бы прислушаться к его мудрым советам и заставить тебя замолчать уже тогда, когда ты, весь провонявший, выбрался из Логова Червя. — Барон посмотрел на Гвенару и спросил: — А это кто?

— Меня зовут Гвенара. Я была женщиной Моркина, убитого Саймоном Рэком. Теперь я принадлежу ему.

— Бедный Магус! — Черная борода барона затряслась от хохота. — Он уверял меня, что даже медведь не справится с Моркином. Выходит, хватило и тощего волка. Да... А теперь ты собираешься увести меня в цепях — меня, хозяина Сол Три? Чтобы я провел остаток жизни в каком-нибудь вонючем мирке, там, за темными далями космоса? И был «перевоспитан»? Ни за что! Я умру на своей земле. Вижу, ты сделал тот шаг, которого я всегда опасался: захватил запрещенное оружие. Только пришелец из другого мира вроде тебя мог решиться на это. Но здесь оно не понадобится, Саймон. Смотри, я бросаю свой меч.

Даже не взглянув назад, барон отшвырнул меч, и тот, повиснув на мгновение в воздухе, нырнул в бездну. Напряженно глядываясь в это властное лицо, Саймон отбросив твистер назад, и тот упал возле двери.

— А ты осторожен, коммодор! — упрекнул Мескарл. — Я устал от этих игр. Я поставил на карту все и считал, что нет ни одного шанса из миллиона против меня. Выходит, я ошибался. Ну что ж, за ошибки надо платить. Всем.

— Милорд, мне кажется, в этой игре вы не собирались идти до конца со своими друзьями. Если я не ошибаюсь, в вашей стратегии существовал еще один пункт.

— Что ты имеешь в виду?

— Еще один тайный запас феррониума. И уж конечно, самый большой. Но не на юге, а на севере.

Барон снова расхохотался лающим смехом.

— Если бы ты тогда остался со мной в замке «Фалькон»! Ты бы мог стать более проницательным помощником, чем мой... Хотя это уже не важно. Уверен, настанет день, и ты все раскопаешь. Так почему бы мне самому не рассказать тебе об этом? Ты прав, феррониум есть на севере.

Гигантские запасы, которых хватит всем кораблям Федерации лет на сто. А быть может, и больше. Я собирался вначале взвинтить цены, а затем скупить весь феррониум у своих конкурентов: Они не осмелились бы противостоять мне. Это же животные, Саймон. Их не интересует власть как таковая. Они мечтают лишь об огромных деньгах и больших владениях. Только я один желал править Вселенной. А теперь ты разрушил мои надежды. Я потерял даже свой замок.

Саймон посмотрел на него мрачно и сказал:

— Вы утратили все права на сочувствие, милорд, уже много лет назад. Вы унижали и разлагали людей, довели их жизнь до уровня жизни животных, и даже ниже. А вот ваш замок, вне всякого сомнения, останется стоять. Под контролем Федерации, разумеется. Я порекомендую назначить протектора, который будет им управлять.

— Кого? Какого-нибудь грубого лакея?! — вскричал барон.

Саймон улыбнулся.

— Нет. Я собираюсь рекомендовать милорда сенешала. Не знаю другого человека, который справился бы с этим лучше, чем де Пуактьер. Бередить старые раны бесполезно. В этом я убедился, не испытав удовлетворения от того, что именно я лишил вас такого высокого положения. Я сделал это по долгу службы. Раньше мне казалось, что в этот момент я обязательно вспомню своих родителей.

— Родителей? — удивился Мескарл. — Черт возьми, а при чем здесь... Ах да. Де Пуактьер говорил, но у меня это вылетело из головы. Он повесил твоих родителей.

— Да. Он повесил их потому, что не зная других жизненных правил, кроме как всеми силами выполнять распоряжения своего сюзера. Думаю, он будет прекрасным протектором замка «Фалькон». Ну а пока... — Саймон помолчал немного, а потом сказал решительно: — Итак, барон, вы пойдете со мной или предпочитаете умереть здесь?

Молчавшая все это время Гвенара обратилась к Саймону:

— Разве ты не видишь, милорд? Смерть нанесла на его лицо отчетливую печать. Он сам распорядился своей жизнью. — Произнеся это, она встала между бароном и Саймоном.

Вдруг Мескарл воскликнул, указывая тяжелой перчаткой на стоявшую за спиной Саймона Черную башню:

— Смотри, арсенал горит! Он скоро взлетит на воздух, и мы вместе с ним!

Как и рассчитывал барон, Саймон обернулся и посмотрел в ту сторону, куда он указывал. Мескарл воспользовался моментом быстрее, чем можно было ожидать от такого грузного человека.

Выхватив из-под плаща второй меч, он сделал выпад и нанес молниеносный удар.

Но не Саймону. Гвенаре.

Краем глаза она уловила блеск лезвия и повернулась лицом к мечу. Сталь ударила в приоткрытый рот и на ладонь вышла из шеи.

Гвенара не успела даже вскрикнуть. Смерть, которую она увидела на песке в ночном лесу, наступила слишком быстро.

Ее тело упало на Саймона, и тот не смог сразу броситься на Мескарла. Барон и не пытался вырвать меч из тела. Он отошел к самому краю крыши и, с ненавистью глядя на Саймона, сказал:

— Ты отнял у меня то, что я ценил больше всего: мой замок и мою власть. Расквитаться с тобой я мог, лишь забрав что-то ценное у тебя. Будешь ли ты лить слезы, Саймон? Не советую. Побереги их. Поверь, они не помогают. Ну а теперь я оставляю тебя. Прощай, Саймон Рэк! Наслаждайся своим триумфом.

Сказав так, Ришар де Геклин Лоренс Мескарл, двадцать четвёртый и последний законный барон Мескарл, спокойно шагнул с крыши башни Короля и полетел навстречу своей смерти.

Саймон не подошел к краю крыши, чтобы взглянуть на распростертное внизу тело. Он выдернул окровавленный меч и отшвырнул его в сторону.

Сидя на продуваемой всеми ветрами крыше, он держал на коленях олову Гвенары.

И плакал.

— Ну что ж, конец не так уж и плох, — подвел черту полковник Стейси. — Благодаря вам Федерация избежала крупных неприятностей. А вот женщину жалко...

— Да, сэр. — Саймон отвел взгляд.

— Ее можно было бы использовать в Службе. Но, как говорится, чему быть — того не миновать. — Стейси повернулся к Богарту. — Старший лейтенант Богарт, я буду вам весьма признателен, если вы выполните одну мою просьбу.

— Конечно, сэр. Все что угодно.

— Пожалуйста, перестаньте копаться в этом нарости на своем лице, который вы, очевидно, считаете носом. Спасибо. Похоже, и на сей раз вы исчерпали свою обычную квоту грубых ошибок, но конечный результат мог быть и хуже. Свое окончательное мнение об этом деле я выскажу после того, как прочитаю ваши письменные рапорты, которые должны быть у меня на столе завтра в десять ноль-ноль. Можете быть свободны до послезавтра. Явитесь ко мне в десять ноль-ноль, и я расскажу вам об одной пограничной проблеме, которая возникла на Сигма Девять. На сегодня — все.

Саймон встал и вытянулся по стойке «смирно». Богарт тоже встал и многозначительно кашлянул в кулак.

— Коммодор! — раздраженно начал Стейси. — Эта бесформенная мясная туша, напоминающая человека, действительно подхватила какую-то болезнь на Сол Три или просто пытается привлечь мое внимание?

Богарт вытянулся по стойке «смирно» и нерешительно сказал:

— Сэр, я только... Кажется, нам полагается какой-то отпуск.

Стейси чуть заметно улыбнулся.

— Что ж, посмотрим: Где-то здесь у меня было что-то насчет вашего отпуска. Возможно, вы и правы, старший лейтенант. — Он принял перекладывать груду разноцветных папок, громоздившихся на столе по правую руку от него, читываясь в зашифрованные надписи. Наконец он вытащил светло-зеленую.

— Минуточку. Не тут ли? — Стейси открыл папку и сделал вид, что изучает какой-то документ. — Забавная вещь, джентльмены. Помните

то грязное дельце на Стердале? Некий коммивояжер был убит предположительно кем-то, выдававшим себя за офицера СГБ. Вот папка с этим делом.

Рэк и Богарт обменялись молниеносными взглядами. Саймон быстро провел пальцами по шву форменных брюк, что означало: «Пора сматываться!»

— Пока вы были на Сол Три, коммодор, — продолжал Стейси, — я так и не смог выбрать время, чтобы просмотреть эту папку. Обещаю вам прочитать ее, пока вы будете в отпуске.

Богарт снова кашлянул.

— Простите, сэр. Память подвела. Я совсем забыл, что отпуск нам не полагается, сэр. Во всяком случае, сейчас.

Папка снова исчезла под грудой других документов.

— Итак, рапорты должны быть здесь, — он хлопнул ладонью по столу, — завтра в десять ноль-ноль. Вы явитесь ко мне в то же время на следующий день. Свободны.

Оба офицера отдали честь, четко повернулись и промаршировали к двери. Богарт вышел первым, за ним — Саймон. Они были уже в коридоре, когда Стейси окликнул Рэка. Саймон посмотрел на Богарта, выразительно поднял бровь и вернулся в кабинет.

— А как насчет этого альбиноса? Магуса? — спросил полковник. — Что с ним случилось?

— После того как Мескарл покончил с собой, мы долго не могли проникнуть в комнату Магуса. Странно: дверь из обычного бронзового сплава не поддавалась. В конце концов мне пришлось воспользоваться гранатой. Когда мы ворвались, то обнаружили, что дверь была заперта изнутри. Все окна оказались забранными тяжелыми решетками и тоже заперты. Изнутри. Я лично несколько часов обыскивал его покой. Клянусь, тайника там не было, как не было и скрытых люков ни в стенах, ни на полу, ни на потолке. Нигде.

— И?

— Его апартаменты были пусты, сэр. Магус попросту исчез.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Муркок РЫЦАРЬ ШПАГ	3
Э. Гамильтон МОЛОТ ВАЛЬКАРОВ	113
Л. Брекет МАРСИАНСКИЙ ГЛАДИАТОР	187
Ф. Пол КОГДА ВРЕМЯ СОШЛО С УМА	219
Д. Лоуренс МЕСТЬ НА СОЛ ТРИ	277

Серия популярной фантастики
«МИФЫ ВСЕЛЕННОЙ»

М. Муркок
РЫЦАРЬ ШПАГ

Э. Гамильтон
МОЛОТ ВАЛЬКАРОВ

Л. Брекет
МАРСИАНСКИЙ ГЛАДИАТОР

Ф. Пол
**КОГДА ВРЕМЯ
СОШЛО С УМА**

Д. Лоуренс
МЕСТЬ НА СОЛ ТРИ

Редакторы: Э. Аверкина, С. Зорина,
Н. Зубкова, Н. Родионова,
Технический редактор: И. Полянская
Корректоры: О. Аносова, Н. Малышева

Сдано в набор 30.09.92. Подписано в печать 21.10.92. Формат 60x88/16.
Бумага тип . Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.печ.л. 24.
Тираж 50 000 экз. Заказ №1980.

Издательство «Пилигрим»
Типография №4 Мининформпечати РФ
129041, г.Москва, Б.Переяславская, 46

М. Муркок
РЫЦАРЬ ШПАГ

Э. Гамильтон
МОЛОТ ВАЛЬКАРОВ

Л. Брекетт
МАРСИАНСКИЙ
ГЛАДИАТОР

Ф. Пол
КОГДА ВРЕМЯ
СОШЛО С УМА

Л. Джеймс
МЕСТЬ НА СОЛ ТРИ

M. MURKOK